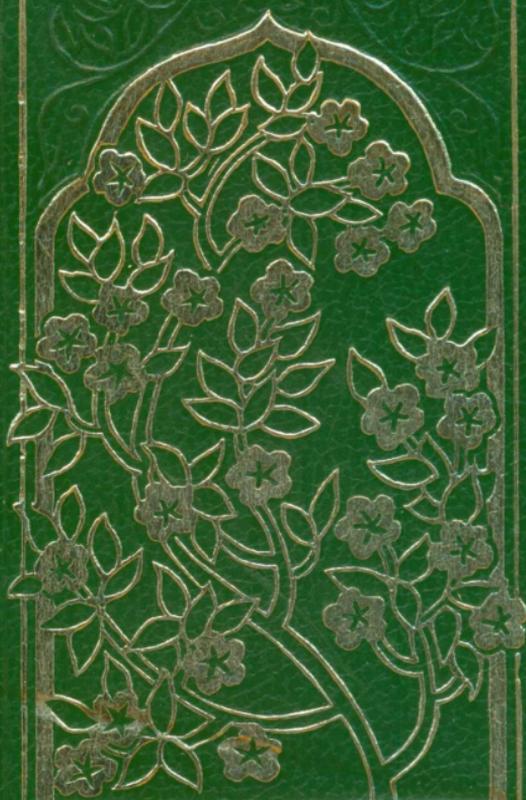

СВУТОК
СЦВЯТУЇ

СВИТОК
СТОЛЕТИЙ

Тюркская
классическая
ПОЭЗИЯ
XIII-XX ВЕКОВ

Перевод С.Н.Иванова

Ленинград
Издательство
Ленинградского университета
1991

ББК 84.5-5
С24

Составление, предисловие, перевод
С. Н. Иванова.

Справки об авторах, примечания и словарь
составлены А. Н. Малеховой.

Рецензенты: д-р филол. наук В. С. Гарбузова
(Ленингр. ун-т), канд. филол. наук Д. М. Насилов (Ле-
нингр. отд-ние Ин-та языкозн. АН СССР)

Свиток столетий: Тюркская классическая поэзия
С24 XIII—XX веков: Сб. произведений / Сост., пер.,
авт. вступ. статьи Иванов С. Н.; авт. предисло-
вий, комментариев и сост. словаря Малехо-
ва А. Н.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991.—
712 с.

ISBN 5-288-00743-8

Книга впервые дает возможность русскому читателю
познакомиться со столь полным собранием выдающихся
произведений тюркской классической поэзии, представленной
такими поэтами, как Хафиз Хорезми, Алишер Навои,
Юнус Эмре, Махтумкули, Габдулла Тукай и др. Сбор-
ник включает в себя эпические произведения, любовную
и философскую лирику в формах газелей, рубай и др.
Переводы выполнены непосредственно с оригинала извест-
ным переводчиком, востоковедом, профессором С. Н. Ива-
новым.

Для широкого круга читателей.

С $\frac{4701000000-038}{076(02)-91}$ 124—91

ББК 84.5-5

ISBN 5-288-00743-8

© С. Н. Иванов, составление, предисловие, перевод, 1991;
А. Н. Малехова, справки об авторах, примечания, словарь,
1991.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник отражает лишь малую часть литературного наследия тюркоязычных народов. Численность тюрков в современном мире велика — около 110 млн. человек, из них — около 45 млн. проживает на территории СССР. Эта последняя цифра свидетельствует о том, что каждый седьмой житель нашей страны — тюрк. Тюркское население СССР по численности занимает второе место после славянского. Ареал расселения тюрков включает в себя огромные пространства от территории европейской части Турции на западе до территорий Якутской АССР на востоке, от иранского Азербайджана на юге до крайних северных районов Якутии на севере.

Литература на тюркских языках весьма обширна и разнообразна. Созданию письменной литературы предшествовало широкое бытование среди тюрков бесписьменной литературы — эпоса, лирических и героических народных песен, пословиц и поговорок. Тюрки занимают едва ли не первое место в мире по объему и распространению сочинений эпического жанра. Широко известны произведения тюркского героического эпоса — «Манас» (свыше 250 тыс. стихов) у киргизов, «Алпамыш» (около 14 тыс. стихов) у узбеков, «Алпамыс», «Ер-Таргын» и др. у казахов, «Деде Коркуд», «Огуз-наме» у азербайджанцев, турок и туркмен, «Идиге» у татар, «Алтын-Арыг» у хакасов, «Алып-Манаш» у горноалтайцев, различные олонхо у якутов и др. Начало сложения эпических произведений относится к IX в. («Манас»).

Письменная литература тюркских народов зародилась в XI в., хотя первые известные науке письменные памятники тюркских языков относятся к VI—VIII вв. н. э. Это — многочисленные надгробные и иные надписи, обнаруженные и обнаруживаемые поныне на огромной территории Средней и Центральной Азии. Существует мнение, разделяемое не всеми исследователями, что эти памятники рунического и древнеуйгурского письма представляют собою литературные произведения. Первый тюркоязычный письменный памятник уже бесспорно литературного характера создан в 1069-1070 гг. на территории государства династии Караханидов (840—1212), простиравшегося от Амударьи до Восточного (Китайского) Туркестана. Это — пространное поэтическое произведение дидактико-философского содержания — поэма «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни (т. е. уроженца г. Баласагуна, ныне не существующего и располагавшегося, как считает современная наука, близ г. Токмак на территории современной Киргизской ССР). К этому же времени и этому же региону относится и замечательное филологическое сочинение «Свод тюркских языков» видного ученого той эпохи Махмуда Кашгари. В этом капитальном труде Махмуда Кашгари наряду с многочисленными лингвистическими материалами по тюркским языкам того времени содержатся и записи некоторых тюркоязычных литературных текстов.

В дальнейшей истории тюркских литератур было значительное количество литературных направлений и школ, связанных

с определенными регионами, — староузбекская литература (с XIV в.), турецкая (с XIII в.), азербайджанская (с XIV в.), туркменская (с XVIII в.), золотоордынская (XIII—XIV вв.) и др. Все эти литературы принадлежат тюркоязычным народам, подпавшим в силу исторических условий под влияние мусульманской культуры (в связи с распространением среди них ислама) и начавшей развиваться уже с IX в. литературы на языке фарси (классической персидско-таджикской литературы). Влияние последней было огромно, но этот факт не позволяет говорить о вторичности и сугубо подражательном характере тюркской литературы, как это делают некоторые исследователи. Даже такой крупный, мирового значения, востоковед академик В. В. Бартольд (1869—1930), представитель отечественной востоковедческой школы, всегда высоко ценившей культурные достижения народов Востока и весьма уважительно относившейся к ним, высказывал мнение о будто бы эпигонском и вторичном характере творчества Алишера Навои (1441—1501).

Хотя в современной науке такие взгляды уже не высказываются, тем не менее нет еще трудов, в которых была бы показана своеобразная неповторимость тюркоязычных литератур. Между тем совокупность отмеченного выше — наличие оригинального и весьма развитого эпоса, длительная история лирической поэзии, имеющей черты сходства с персидско-таджикской литературной традицией, но не исчерпывающейся этим сходством и отмеченной собственной эстетической и художественной ценностью, — позволяет говорить о значительности и мировом значении тюркоязычного литературного наследия, которое, кроме того, содержит и большое число прозаических, главным образом летописных, сочинений первостепенного уровня.

* *
*

В настоящем сборнике, знакомящем русского читателя с тюркской поэзией, представлено главным образом лирическое творчество тюркоязычных поэтов так называемого мусульманского региона (т. е. почти всех тюрков, кроме тюрков Сибири). Основная форма лирики — газель, наиболее характерный и емкий вид лирики, вобравшей в себя любовно-экстатические, назидательные, обличительные мотивы и связанные с ними идейно-тематические и образные построения. Слово «газель» — арабского происхождения, оно возникло из арабского глагола со значением «прясть», «плести» и связано с его дальнейшим семантическим развитием — значениями «воспевать (женщину)», «ухаживать». В арабской классической поэзии газель известна с VII—VIII вв., в персидско-таджикской — с IX в. В тюркской поэзии газель засвидетельствована с конца XIV в. — в творчестве великого азербайджанского поэта Имадеддина Насими (1370—1417) и с рубежа XIV и XV вв. — в узбекской поэзии, в творчестве предшественников Навои (газели одного из них — Хафиза Хорезми представлены в настоящем сборнике). Своеобразие газели и связанных с нею поэтических форм требует определенных пояснений для читателя.

Многовековое существование газели выработало строгие каноны, которыми регламентировались как ее структурные признаки, так и содержание. Как и другие формы и жанры тюркской классической поэзии, газель состоит из отдельных стихов, называемых бейтами. «Бейт» — арабское слово, в котором его значение как термина поэтики развилось из значения «дом», «палатка». Бейт содержит в себе

два полустишия, которые называются *мисра* (арабское слово, означающее «створка двери», «один из двух скатов крыши»). Следовательно, в основе поэтического термина «бейт» заключен образ двух симметричных половин («скатов», «створок») — мисра. В письменностях на арабской графической основе (арабская, персидская, тюркская) каждый бейт соответствует строке, состоящей из двух полустрочек с просветом, который разделяет два мисра между собой:

xxxxxxxxxx xxxxxxxxxxxx

Число бейтов в газели варьируется от 4 до 22. Подавляющая часть газелей состоит из наиболее характерного для них количества бейтов — семи или девяти. Отличие структуры бейтов в газели от таковой же в других поэтических жанрах составляют особенности расположения рифм в ней. Если, например, в эпических произведениях полустишия (мисра) рифмуются в пределах бейта, т. е. попарно (аа, бб, вв и т. д. — так называемый жанр *месневи* — «сдвоенный», «парный»), то газель характеризуется моноримфмой, проходящей через все стихотворение — от первого бейта, в котором рифмуются оба полустишия-мисра (аа), через все последующие бейты, в каждом из которых первое полустишие-мисра остается без рифмы, а второе полустишие-мисра содержит рифму, связывающую его с предшествующими и последующими бейтами (ба, ва, га и т. д.). В письменностях на латинской и русской графической основе и в переводах на европейские языки бейты принято писать таким образом, что каждое полустишие-мисра составляет строку, а каждые две строки, т. е. отдельные бейты, разделены горизонтальными просветами:

xxxxxxxxxx

xxxxxxxxxx

Первый бейт с парной рифмовкой полустиший называется *матла* (арабское слово со значением «введение», «начало», «зачин»). Последний бейт носит название *макта* (арабское слово, означающее «пресечение»), и характерным признаком, отличающим его от всех остальных бейтов, является упоминание так называемого *тахаллуса* — поэтического псевдонима автора (арабское слово «тахаллус» означает «прибежище», «прозвище»). Рифма в газели, как и в других лирических и эпических формах поэзии, могла быть простой или составной. Составная рифма характеризуется так называемым *редифом* — наличием в рифмующихся строках одного и того же слова, расположенного сразу же вслед за рифмой (арабское слово «редиф» означает «идущий вслед»).

Основу метрики газели составляет *аруз* (арабск. «аруд» — «проедая», «метрика») — система стихосложения, которой свойственно различение и чередование в определенной последовательности долгих и кратких слогов. Различными вариациями следования долгих и кратких слогов образуются разновидности размеров, число которых весьма значительно. В поэзии на тюркских языках, которые не различают долготу или краткость гласных, количественное различение гласных имеет музыкальную основу и восходит к традиции песенного исполнения стихов, при котором текст был подчинен музыкальному сопровождению, а удлинение гласных отражало собой экспрессию пения.

То, что газель состоит из бейтов с определенной системой рифм, представляет собой основную строевую особенность газели, накладывающую отпечаток на все остальные ее свойства. Границы бейтов четко определены: рифмой — в структуре, концом строки — в написании, паузой — в чтении, музыкальной каденцией — в пении. Эти качества определяют собой то свойство бейтов в газели, которое можно назвать аккордностью.

Содержание газелей представляет собой сложное переплетение разнообразных тематических мотивов и разветвленной системы образов, причем и в тематике, и в образной ткани, и в техническом оснащении стиха важнейшее место принадлежит традиционным установлениям, четко канонизированным многовековой жизнью жанра. Каноны жанра были также отражены и закреплены в многочисленных рукописных трактатах и пособиях по поэтике. Газели — это преимущественно стихотворения, посвященные изображению чувства любви, любовного томления, страданий любящего сердца, коварства и равнодушия возлюбленной. Однако в них отражаются и тенденции выхода за пределы собственно любовных переживаний и наличествуют весьма существенные для данного жанра в целом «боковые» тематические мотивы.

Ниже, когда пойдет речь о характере связи бейтов друг с другом, будет показано, что специфика газели, в том числе и особенности ее сюжетного построения, обусловлена известной «отдельностью» и замкнутостью бейтов, которые являются носителями «кусочков смысла», слагающих газель как целое. Эта особенность газели значительно ограничивает возможность рассмотрения ее как стихотворения с привычным для европейского читателя развитием сюжета или настроения. Бейты, как правило, перемежаются таким образом, что в них проявляются разные мотивы, заимствующие из общей совокупности возможных смысловых ходов данного жанра те или иные образы и содержательные коллизии.

В открывающемся читателю многообразии тематики бейтов есть неоспоримое единство: образы любви и красоты главенствуют над всем остальным. С этими образами связаны жалобы на неразделенную любовь, слезы и рыдания влюбленного, страдания разлуки, ревность к соперникам, осуждение отвергнутого влюбленного молвой, безумие от любви, скитания влюбленного, изображение собак, стерегущих жилище возлюбленной, немощи страдающего влюбленного, восхваления красоты возлюбленной, диалоги влюбленного с любимой. И другие тематические вариации подчинены основному — мотивам любви, верности, страданий сокрушенного сердца, несравненности красоты возлюбленной: вино и хмель несут забвение мучениям страсти, они подобны опьяняющей красе возлюбленной; весенняя пора обновления природы — это светлый миг любви, сила любовного чувства сравнивается с верностью и подвижничеством легендарных героев; образы птиц призваны подчеркнуть посредством гармонии или контраста избранничество любимой и горькую участь отвергнутого ею; обращения к различным лицам вызывают к сочувствию страдающему сердцу или утверждают смирение в любви; назидательные мотивы отражают стремление к очищению души и сердца; афористические сентенции напоминают о верности, сдержанности и покорности на пути страсти; обличения и порицания осуждают противников любви и искренности — лицемерных шейхов, ханжей-святош и т. д.

Все тематические разновидности бейтов проникнуты своеобраз-

ным максимализмом, гиперболичность их задана представлениями о любви не простой, а необычайной, любимое существо в них предстает в виде идеального образа любви.

Весь облик любимой носит черты возвышенности над обычным и будничным, в стихах о нем нет места ничему заурядному, красота возлюбленной восхитительна, и это отражено в целой системе исключительных сравнений. Лик, чело любимой сравниваются с розой, солнцем или луной, щеки-ланиты вызывают у влюбленного воспоминание о вешних тюльпанах или бутонах роз, полыхающих жарким пламенем, кудри, локоны, косы — темны, как непроглядная ночь, они извиваются, как бичи, цепи или змеи, они — словно сеть, завлекающая в неволю одержимого страстью. Уста возлюбленной — это родник живой воды, влаги жизни, способный оживить и загубленного любовью: Губы любимой подобны рубинам и опьяняют влюбленного, как рубиновое вино; уста малы и неприметны, ибо они — тайна, доступная лишь для избранных, зубы сравниваются с жемчужинами, сокрытыми в раковине. Глаза, очи любимой похожи на нарциссы, они коварно и жестоко жаждут погубить влюбленного, им свойственно вострить кинжал, карающий дерзость пленника страсти. Ресницы — это стрелы, взведенные для полета, насмерть разящего жертв любви, брови изогнуты, словно изготовленные для стрельбы луки. Брови возлюбленной уподобляются также полумесяцу — символу веры и знаку празднества, приуроченного к новолунию и жертвенным закланьям, они сравниваются со сводом михраба. Подбородок любимой — это тайна, сокрытая завесой, а ямка на нем — кладезь вавилонский, заманивающий в свои глубины поверженных любовью. Родинки на лице возлюбленной вызывают представление о зернах приманки, рассыпанных в силке кудрей для улавливания простодушных сердец. Блеск шен или рук равен лишь сверканью серебра. Походка любимой плавная, как у павлина или фазана, трепетание стана идущей красавицы рождает в памяти влюбленного представление о смуте Судного дня, а сам стан строен, как кипарис, самшит или пальма. Речь любимой сладкогласна, как у лакомки-попугая, живительна, как благоуханный ветерок. Благоуханно и мускусное благовоение кудрей возлюбленной.

Несчастный влюбленный одержим страстью, словно Меджнун, безумный и отвергнутый, побиваемый за свою одержимость камнями или скитающийся в пустыне. Пленник страсти беззащитен перед коварством возлюбленной: он терзаем недугами и немощью, острые безжалостные стрелы поражают птицу его сердца, раны рдеют на его истерзанном теле, как тюльпаны, он согбен, словно лук или полумесяц. Сила любовных переживаний обнаруживает себя в столах и вздохах, которые сравниваются с огнем или дымом; сгоревший от несчастной страсти влюбленный взмечтывает к небесам свой пепел, в отчаянии рвет на себе ворот, плачет кровавыми слезами или пьет чашу кровавых слез, его терзают шипы разлуки. Ревность к счастливым соперникам, набрасывающимся на страдальца, словно бешеные псы, губит и иссушает его. Страдания влюбленного безмерны — лишь хмель или забвение смерти даруют ему избавление от мук.

Разумеется, все эти образы условны и не связаны с реальными переживаниями поэта.

Мотивы, связанные с темой вина и веселья, занимают в газелях значительное место. Это прежде всего кабачок — «подвал небытия», погребок, где можно забыться от страданий любви среди веселящихся

там кутил и гуляк. Веселье кабачка наполнено звоном кубков и чаш, похожих на тюльпаны; красавец-кравчий щедро раздает их участникам попойки, руководит которой хозяин винного погребка — глава хмельных увеселений. Здесь гуляки пропивают всё, иногда даже веру. Картины пооек и похмелья — это тоже дань традиции, совокупность регламентированных самим жанром особых тематических «ходов».

Образ идеальной возлюбленной и страданий отвергнутой любви, идущий из древних глубин народной поэзии, в дальнейшем своем развитии в письменном поэтическом творчестве испытал сильное воздействие суфийской философии и возникшей на ее основе суфийской поэзии. Суфизм (от арабского *суфи* — «облаченный в рубище», «носящий власяницу») — мистическое течение в исламе, возникшее в начале VIII в. н. э. и ставшее впоследствии основной философской доктриной средневекового мусульманского мира. Приверженцы суфизма проповедовали отшельничество и аскетизм, отрешенность от всего суетного и земного во имя постижения бога в себе и растворения себя в божестве. Проповедь слияния с божеством, с идеальным «другом» нашла свое выражение в создании представления о боге как о взыскомом суфиями возлюбленном.

Любовь к божеству стала в среде суфиев формой экстатического приобщения к «высшим сутям», отречения и отрешения от мирских соблазнов, стремления к личному «небытию» ради обретения высшего бытия в боге.

Возникший как идеология пассивного протеста против несправедливостей социального неравенства и как проповедь ухода от действительности, суфизм в дальнейшем своем развитии был приспособлен официальным, ортодоксальным исламом для своих интересов как философия смирения, покорности и веры в незыблемость существующих форм социального бытия.

Тюркская классическая поэзия, как и персидско-таджикская, развивалась параллельно с укреплением суфизма и претерпела его действительное влияние. Разумеется, нет никаких оснований рассматривать всю тюркоязычную поэзию средних и более поздних веков как суфийскую. Вопрос о степени воздействия суфизма на ту или иную литературу и на того или иного конкретного поэта должен решаться с учетом особенностей творчества каждого представителя данной литературы и путей становления самой поэзии, причем имеющиеся в распоряжении исследователей литературы факты позволяют думать, что «чистых», правоверных суфиев среди крупных поэтов было немного. Однако нужно при этом иметь в виду, что философия суфизма и развившаяся на ее основе терминология наложили неизгладимый отпечаток на всю средневековую тюркскую поэзию. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что суфийская философия составляла существенное слагаемое образovanности поэтов.

В газелях постоянно встречаются образы и представления, идущие от суфизма: страна или степь небытия, забвение собственного «я», отрешение от земных благ, пренебрежение внешними атрибутами мусульманского религиозного культа и др.

Употребление суфийских представлений и суфийской терминологии приводит к тому, что многие образы газелей содержат как бы двойкий смысл — «земной» и суфийский, причем последний — относительно к тому, имел или не имел его в виду автор. Этому способствовали традиционность жанра, устойчивость и регламентированность образов, связанных со специфической символикой, которая

выражалась в суфийской терминологии.

Символика суфийского происхождения, используемая в поэзии, сложна и требует специального изучения. Поэтому ограничимся лишь самыми простыми примерами, чтобы показать тот непростой «подтекст», который всегда может присутствовать даже в газели с «земным», несуфийским смыслом и который «угадывался» суфийски настроенным читателем. Так, например, обычное для газелей противопоставление светлого лика любимого существа и темных локонов отражает суфийские представления о сутях, имеющих «истинное бытие» (светлое начало, единичность), в их противопоставлении сутям, не имеющим «истинного бытия» (темное начало, множественность). Другой пример. Очень часто в пределах одного бейта сопоставляются сердце и глаза. Это является отражением характерного для суфизма противопоставления очей как «выхода» во внешний мир и сердца — как средоточия всего внутренне сокровенного.

Анализ структурных и содержательных свойств и особенностей газели должен быть дополнен рассмотрением характера художественно-изобразительных средств, структуры и эстетики образов газели.

Отличительная черта художественной структуры газелей состоит в том, что данному жанру свойственна система традиционных образов. Многовековая история газели выработала большое число канонизированных установлений относительно тематики, строения и выбора художественно-изобразительных средств. В этих свойствах газели отражается характерное для средневековой литературы вообще представление о незыблости как бы предустановленного литературного «этикета» (Д. С. Лихачев), требующего от сочинителя соблюдения определенных канонов и основанного на убеждении в «извечности» и несменяемости основы художественных образов, в их «жесткой» привязанности к изображаемому. Такое стремление к верности «правилам хорошего тона» в литературном, в частности поэтическом, их преломлении имеет своей основой характерную для средневековья эстетику, ориентированную не столько на индивидуализированное создание своеобразного и неповторимого тематического мотива или образа, сколько на узнавание во вновь создаваемом «извечных» художественных ценностей, освещенных мудрым опытом предков.

Каноничность и традиционность образов газели заключалась прежде всего в том, что существовала целая система попарно соотношенных понятий, которые обязательно должны были составлять структурный «каркас» художественного образа. «Двоичность», параллелизм, характеризующие собою основные образы газелей, проявляются в неперменном соотношении двух представлений — не произвольно выбранных, а «принятых» в поэзии того времени. Можно выделить пространный ряд таких двоичных комбинаций: огонь сердца и печаль души; белизна чела и темнота кудрей; «открытость» очей и «закрытость» сердца; стан-кипарис и лик-роза; румянец любимой и райские куши; роза и соловей; белизна лика любимой и желтизна лица изнуренного мученика страсти; свора соперников и псы у дверей любимой; чаша вина и небосвод (т. е. как бы опрокинутая «чаша» неба); пламя свечи и «влюбленный» в свечу мотылек, сгорающий от страсти; конь возлюбленной и павший во прах влюбленный; державная власть и нищая юдоль; безумие влюбленного и цепи, налагаемые на него; лунный лик возлюбленной и стоны влюбленного, возносимые к небу, и т. д., и т. п.

Художественность газели и творчество самого автора зависели

от того, насколько самобытно ему удавалось «вернуть» привычный образ: элементы комбинаций строго заданы, комбинация их должна быть особенной и неповторимой, знакомый каркас двончных сопоставлений каждый раз надлежало «обратить» плотью художественного образа.

Новизна и «остраненность», т. е. свежая, неожиданная об-разность эпитетов, не свойственна классической тюркской литературе, в ней почти нет обостренно индивидуального выражения мыслей необычными, каждый раз новыми языковыми средствами, как это имеет место, например, в русской поэзии. Если у Пушкина, на-пример, в «Бахчисарайском фонтане» обильно представлены словосо-четания, созданные художественным воображением поэта для описания данного факта, данной ситуации (К послушным крадется дверям...; ...ханских жен Роскошный наблюдает сон...; ...есть надпись; едкими годами Еще не сгладилась она...), то языковые средства газелей в области синтаксиса нарочито будничны, словосочетания обыденны, и вся смысловая и поэтическая нагрузка ложится на содержание образа. Господством чувства отмечено содержание газели в целом и производное от него настроение, тогда как в системе образных средств значительны умозрительные моменты. Таким образом, экста-тически-эмоциональное начало в газели находится в утонченном рав-новесии с рациональным наполнением образов.

Эти особенности газели гармонируют со средневековой эсте-тикой вневременности и отвлеченности литературного творчества, призванного, по представлениям того времени, быть возвышенным над бытовой повседневностью. Этим свойством абстрагирования жанр газели с его специфической художественной условностью существенно отличается от конкретизирующего искусства нового времени.

Одной из собственно языковых особенностей тюркского стиха является частое употребление в одном контексте парных слов и выражений плеонастического характера (*плох и лих, гол и наг* и т. п.).

Соблюдение литературного этикета, следование традиционным канонам не означают отсутствия творческого начала. Они отражают собою определенный этап развития художественного сознания, когда каноны и трафареты выступают как знаки, как сигналы, вызываю-щие то или иное эстетическое переживание, уже закрепленное в этом своем качестве в сознании данной среды. Творчество в этих условиях заключается в том, чтобы определенными комбинациями знаков-сигналов создавать сложное переплетение познанного — извест-ных воспринимающему элементов с познаваемым в данный момент — специфическим преломлением элементов.

Существенным свойством газели является двуединая функция бейта. Бейт не только минимальная строфическая единица, но и «оболочка» образа. Одна из главных проблем, имеющих отношение к структуре газели,— это характер связи бейтов друг с другом.

Существует мнение о слабой взаимосвязанности бейтов в пре-делах газели. Некогда газель сравнивали с нитью жемчуга, на кото-рой нанизаны отдельные жемчужины, «приставленные» одна к другой в какой-то степени случайным набором. Это сравнение давало повод говорить о смысловой расплывчатости газели, об отсутствии в ней четкой спаянности бейтов по содержанию.

Такое мнение нуждается, однако, в пересмотре. Думается, что обе крайние точки зрения — и мнение об отсутствии глубокой связи между бейтами, и поиски жесткой сопряженности бейтов, исхо-дящие из уподобления газели европейской лирике,— несостоятельны,

так как оба эти взгляда тяготеют к схематической однозначности определений.

Утверждение о несвязанности бейтов истинно лишь в том смысле, что бейт как минимальное строевое и художественное звено газели стремится к художественной завершенности, основным внутренним признаком которой является его афористическая отточенность. Внешние признаки связи бейтов в рамках газели — это рифма и редиф, но и они проявляются на ярком фоне той «аккордности» бейтов, о которой говорилось выше. Свойство «отдельности» бейтов находит наиболее отчетливое выражение в том, что в некоторых случаях возможна перестановка бейтов местами в пределах одной газели: иногда в разных рукописных списках сочинений турецких поэтов одна и та же газель представлена с разной последовательностью бейтов (естественно, что перестановки такого рода не распространяются на матла с его парной рифмовкой и на макта, в котором содержится тахаллус).

Относительно характера связи бейтов по существу, по содержанию можно сказать, что многое здесь еще просто не изучено с достаточной полнотой, и причиной утверждений об отсутствии смысловой связи бейтов является непонимание самих основ этой связи.

Сущность бейта в газели диалектически противоречива: с одной стороны, бейт стремится к автономности, к завершенности, к закругленности и афористической замкнутости формы; с другой стороны, бейты, составляющие газель, связаны между собой не только единой, пронизывающей всю газель, рифмой, но и тончайшими смысловыми переходами, ассоциативными «зацепками» отдельных слов и образов и, что наиболее важно, иногда трудно уловимым, но несомненно существующим смысловым единством. Художественное совершенство бейта складывается из его формальной отточенности (подведение сложного содержания к единой рифме или, что еще труднее, к рифме с редифом) и афористического, подчас парадоксального содержания, связанного изысканными отношениями с другими бейтами. Эти же особенности бейта как строфической единицы газели и свойства всей газели в целом представляют собой одно из проявлений высокой культуры слова (в известном смысле — даже своеобразного культа слова), которая характерна для классической турецкой поэзии.

Лирическое напряжение газели, сила выражения чувств находит отклик и у современного читателя. Несомненно, что большую художественную ценность представляет и сама форма газели. В связи с этим уместно вспомнить, что история искусства знает примеры долговременного сохранения отдельных его проявлений почти в неизменном виде благодаря значительным художественным достоинствам и эстетической самоценности его форм. Таковы, например, искусство классического балета или искусство стилизованной живописи. Можно, по-видимому, утверждать, что в сохранении газелью своей эстетической и духовной значимости определенную роль сыграли аналогичные моменты: художественная форма газели вобрала в себя многообразные проявления культуры народа и закрепила их в своей неповторимой красоте.

Газели поэтов-классиков, как и другие их стихотворения, не имеют специальных названий. Свообразным «заменителем» названия в каждой газели является первый бейт (матла) с парной рифмовкой строк.

Кроме основной разновидности лирики — газели диваны стихов

включали в себя и другие стихотворные формы — касыды, кыта, рубаи, туюги и некоторые производные от газели, так называемые наращенные формы — мурабба, мухаммасы, мусаддасы, мусабба, мусамманы, тарджибанды.

Касыды по характеру рифмовки бейтов аналогичны газелям и отличаются от них лишь большим числом бейтов (до нескольких десятков). По содержанию касыда — панегирическая ода, прославляющая достоинства какого-либо высокопоставленного лица.

Кыта — короткое (от двух до восьми бейтов) афористическое стихотворение с моноримой во всех бейтах или — в редких случаях — с иной рифмовкой.

Рубаи — четверостишия, т. е. стихотворения из двух бейтов, с рифмовкой строк ааба или аааа. Разновидностью рубаи, возникших как одна из форм лирики в классической персидской поэзии, являются туюги — собственно тюркская форма лирики. Характер расположения рифм в туюге аналогичен таковому в рубаи, но, в отличие от последнего, рифмы в туюге должны быть обязательно омонимичными, т. е. одинаково звучащими, но различными по значению (типа рус. *умели — у мели — уме ли; листая — листа я — ли стая*).

Нарашенные формы лирики состоят не из бейтов, а из строф — четырехстрочных (мурабба), пятистрочных (мухаммас), шестистрочных (мусаддас), семистрочных (мусабба), восьмистрочных (мусамман). Количество строф варьируется в пределах от пяти до семнадцати. В первой строфе каждой из этих форм рифмуются все строки: аааа (мурабба), ааааа (мухаммас), аааааа (мусаддас), ааааааа (мусабба), аааааааа (мусамман). В последующих строфах все строки, кроме последней, рифмуются друг с другом, а последняя строка рифмуется с первой строфой: ббба, ввва и т. д. (мурабба), бббба, вввва (мухаммас) и т. п.

Эти формы могли быть собственно авторскими, т. е. полностью сочиненными данным поэтом, или же создавались как наращение определенного числа строк перед каждым бейтом чьей-либо чужой газели — двух (мурабба), трех (мухаммас), четырех (мусаддас), пяти (мусабба), шести (мусамман). В наращенных формах последняя строфа содержит в себе два тахаллуса — автора наращенной формы и автора исходной газели.

Особую форму лирики представляет собой тарджибанд — пространное стихотворение, состоящее из нескольких газелей (до двадцати), связанных общим рефреном в последних двух строках каждой из составляющих тарджибанд газелей (ср. венок сонетов в европейской поэзии).

Бейтовая структура текста характерна и для эпического жанра, в котором, однако, бейты рифмуются не так, как в газели, — рифмой связываются оба мисра каждого бейта (такая рифмовка называется месневи). Реже в форме месневи создавались и стихотворения.

В произведениях туркменских поэтов читатель найдет и специфическую форму лирики — гошгы. Эти стихотворения состоят из определенного числа четырехстрочных строф с системой рифм, аналогичной рифмовке строк в мурабба, или же несколько отличающейся от последней.

Названия произведениям давались лишь в эпическом жанре (в форме месневи) (см., например некоторые стихотворения Муниса), а также и другим произведениям в новое время (см. стихотворения Габдуллы Тукая).

Узбекская
ПОЭЗИЯ

ХАФИЗ ХОРЕЗМИ, живший во второй половине XIV — первой половине XV в., — поэт с необычной судьбой своего творческого наследия. В течение шести веков его произведения оставались неизвестными узбекским читателям и литературоведам. Лишь в 1970-х гг. диван (сборник) его стихов был обнаружен Х. С. Сулеймановым в рукописохранилище г. Хайдарабада в Индии.

Тематика и поэтика стихов Хафиза Хорезми «этикетна», и, как всегда в подобных случаях, ее совершенство может быть оценено лишь как степень проявления поэтической самостоятельности и необычности в рамках заданных традицией канонов. Нельзя не признать, что Хафиз Хорезми предстает перед читателем как большой мастер традиционных поэтических форм. Его газели полны неожиданных сопоставлений канонизированных образов и своеобразного их наполнения. В сборнике представлены также рубай, тарджибанд и мухаммас.

ГАЗЕЛИ

С рабом своим верным ты стала другою.—
Зачем? Ты бывала, бывало, другою.

Два бедствия злых — твои очи и кудри:
Одно из них — кара, опала — другое.

Сравню ли уста твои с сахаром-медом?
Устам медоносным пристало другое!

Краса твоих глаз скрыта томным покровом.—
Краса их — одно, покрывало — другое.

Стезя тех, кто любит,— сродни ли базару?
Муж чести — одно, а меняла — другое.

И как же равнять бытие и погибель?
Одно дело — розы, их жала — другое.

Узнай же, Хафиз, где вражда и где дружба:
Подобья с одним избежало другое!

Уж не я ли просил: о, не мучай, молю,
Не лишай же меня неги жгучей, молю.

Жду я неги твоей — о, прошу, пожалей,
Не лукавь же, услышь стон горячий, молю.

Не заставь меня друга другого искать —
Не умножь моих бед-злополучий, молю.

А случится тебе мучить верных в любви —
Да минует меня этот случай, молю...

Я влюблен,— ты, смотри, на других не гляди
И не будь мне бедой неминучей, молю.

Нет, ты больше об этом Хафизу не пой
И не мучь его ладом созвучий, молю.

Смятенный тьмой кудрей твоих, с безумием знаком я стал,
Молвой ославлен, плох и лих во мнении людском я стал.

Но, тайный смысл любви познав, стезею верности я шел:
Всю жизнь свою любви отдав, любовью сам иском я стал.

Со сворою твоих собак, отверженный, стал дружен я,
Меня презрели друг и враг — всем людям чужаком я стал.

Разлукой не сожжен дотла, я жизнь тебе отдать готов —
На пламень твоего чела стремиться мотыльком я стал.

Взгляни: судьба моя нища — безвестный, я прошел весь
мир,
И, клад красы твоей ища, в пустынный дол влеком я стал.

Взгляни и милость мне яви: нырнув в пучину своих слез,
Жемчужиной в морях любви сверкать на дне морском я
стал.

Ища от муки забытья, вдаль от любимой я бежал,
С Хафизом подружился я, и с ним страдать тайком я стал.

Живой родник — твои уста и слаще всех отрад,
Моим рыданиям не чета и Нил, и сам Евфрат.

О лукобровая, я грудь для стрел твоих открыл,—
И стрелы, не щадя ничуть, меня да поразят!

Ах, сокол сердца моего — в силке твоих кудрей,
И нет спасенья для него: он ими крепко сжат.

Медвяных уст твоих краса — как будто сам Иса:
Они свершают чудеса, едва заговорят.

Все сласти потеряли вкус и стали дешеветь:
Нектар твоих сладчайших уст — прекрасней всех услад

И даже солнцу тяжело соперничать с тобой:
Твое зеркальное чело светлей его стократ.

И если для своих щедрот ты ищешь бедняка,
Вот он — Хафиз: бедняга ждет даяний и наград.

Твои уста — живой родник, они — любви исток,
И, словно Хызр, к нему приник твой мускусный пушок.

Все сласти, видно, неспроста к тебе приветно льнут:
Сладчайший мед — твои уста, и сладостен твой слог.

О диво сладкоустых чар! От щедрости своей
Ты поцелуй дервишу в дар дала бы хоть разок!

По сладкоречию с тобой средь тюрок равных нет:
С тобой никто из них — любой сравниться бы не смог.

Не шли мне стрел твоих обид и душу пощади.
Стреляй мне в грудь — она мой щит: я душу бы сберег.

Что ж о кудрях твоих я мнил писать в ночи разлук?
Увы, черней самих чернил в них каждый завиток.

Едва ты написал, Хафиз, о кольцах тех кудрей,
На свитке жизни улеглись извивы дивных строк.

Красуясь стройным станом, едва ты выйдешь в сад —
И смутой и дурманом тогда весь мир объят.

В кружение людское ты бросишь томный взор —
И всех лишит покоя твой искрометный взгляд.

Святоша своенравный! Я сердцем — не с тобой:
Ты муж стези исправной, мой путь — стезя утрат.

Познает в рай дорогу лишь тот, кто, одержим,
К заветному порогу идти скитальцем рад.

Подвижник, не вкусивший заветного вина, —
Раб мук, его сгубивших, влюбленным не собрат.

Меня да не измучит властитель всех времен,
Не то его проучат страдания стократ.

Пусть на Хафиза глянет мучитель мой хоть раз, —
Ему во благо станет даже случайный взгляд.

Увидев дивных уст рубин, я стал к нему пристрастным,
А взгляд твой встретив — лишь один, стал над собой не
властным.

Твой лик узрев, я муку снес, не испустив и вздоха,
А лепестки срывает с роз не ветром ли ненастным!

Как немощный мой стон дойдет до горней твоей выси?
Перед зенитом тех высот дано мне быть безгласным.

Самой предвечной вышине со мною не сравниться,
Когда ты снизойдешь ко мне в величии прекрасном.

Словно удилище в реке — твой локон в моем взоре:
Трепещет сердце на крючке в мучении ужасном.

Хоть и начнешь ты говорить, а уст твоих не видно:
Ведь небыль в быль не превратить и словом самым ясным*.

Кумир с дыханием Исы чело свое откроет —
И станет жертвой той красы Хафиз в томленье страстном.

* Места, отмеченные в тексте звездочкой, комментируются в Примечаниях.

Очей истомным колдовством ты превзойдешь любого,
И миг за мигом волшебством томишь ты вновь и снова.

Перед тобою для послуг сам кипарис склонился,
И сонмы его прежних слуг не слышат его зова.

Прекрасный стан твой всполошит все стройные деревья:
Истерзан мукою самшит и посрамлен сурово.

Один грущу я в тишине, тебе душою предан,
А ты не вспомнишь обо мне, не молвишь и полслова.

Своих кудрей раскинь мне сеть, слови больное сердце,—
Ведь птице суждено лететь в тенета птицелова.

Когда б, мне душу не губя, твой гнев меня не мучил,
Как мне просить бы у тебя от мук приюта-крова!

Хафиз стенает, как в чаду, у твоего порога,—
Рыдает соловей в саду: судьба его тернова.

Меня в силках твоих кудрей, увы, не ждет пощада,
И сердце ноет все больней и ничему не радо.

Да и весь мир от мук лихих, как я, познает горе:
Дыхание кудрей твоих — как ветер, полный яда.

Извивов чернокудрых вязь узрев на твоем лице,
Все буквы врозь пойдут, смутясь,— ни лада в них, ни
склада.

Пока еще в расцвете ты, глянь на меня, страдальца:
Не ведать вечной красоты и дивным розам сада.

И не таи прекрасный лик от преданного друга:
Он сокрушенным сердцем сник, а ты — его отрада.

Цветы увянут средь полян, и кипарисы сникнут,
Едва узрев твой лик и стан хотя бы с полувзгляда.

Вот что прискорбно твоему рабу, о мой властитель:
Свиданье в радость лишь ему, а для тебя досада.

Ты и не вспомнишь о рабе, владыка мой всевластный,
А мне всю жизнь отдать тебе — и радость и награда.

К тебе мечтою устремлен Хафиз и днем и ночью,
Пусть от разлуки умер он — живи, грустить не надо.

Меня покинул мой самшит, вознесшийся высоко,
На лик его я, позабыт, люблюсь издалека.

Мой стан обвили сетью пут волнящиеся кудри,
И, колдовски маня, гнетут меня два томных ока.

И, влюблено, в плену тенет, как птица, бьется сердце,
Мне, словно цепью, шею жмет аркан кудрей жестоко.

И я безумен потому, что ревность меня мучит,
Учить безумного уму — поверьте, нету прока.

А попугай души упрям: уста твои припомнит —
Охоты у него к сладостям нет даже и намека.

А зёрна родинок огнем ты жжешь — румянцем лика,
Чтоб уберечься колдовством от козней злого рока.

И, отрешен от всех людей, Хафиз, увы, безумен —
Он без собратьев и друзей томится одиноко.

У тебя в плену я, и не знать мне воли,
Я стенаю горько о печальной доле.

О, не жги мне сердце мукой огневою —
Ведь добры к бездольным шахи на престоле.

Злобны твои очи, словно иноверцы,—
Сколько они сердцу причинили боли!

О тебе я помню, даже умирая,—
Вспомни же беднягу только раз — не боле.

Твоих уст я жертва — жизнь за них отдал я,—
Так вот и Фархада муки побороли.

Колдуны Кашмира* у тебя учились:
Столь лихого взора мир не знал дотоле.

Твои псы затравят — прочь меня погонят,—
Путь найду я верный — в отрешенном доле.

Друг мой, твои очи, как палач, жестоки —
Умирать Хафизу у тебя в неволе.

С любимой быть бы рядом, а мне такая надобна,
Которой мучить взглядом, глаз не спуская, надобно.

Все знал я, что нас учит,— страсть, верность, муки
ревности,
А мне — любовь, что мучит,— страсть колдовская на-
добна.

Влюбленный — друг удачам, когда не спит, а бодрствует;
Чтоб знать любовь — быть зрячим, глаз не смыкая,
надобно.

И если тебе мило, о друг мой, ведать радости,—
Жить так, чтоб не томила тщета мирская, надобно.

С любимую при встрече я вдруг умолк в смущении,
А говорить все речи, не умолкая, надобно.

Соперников немало вокруг любимой вижу я,—
Знать, что у роз есть жала, цветы лаская, надобно.

Хафизу непременно нужны враги-соперники:
Узнать любимой цену, к ним привыкая, надобно.

Твой камнесердый гнев столь лют, что вся душа разбита,
Камнями не разбей сосуд: и так он — словно сито.

Сурьма очам души моей — прах с твоего порога,
Он мне — лекарство от скорбей, от горестей защита.

Взгляни: в белках моих очей не чернь зрачков темнеет,—
То тень от родинки твоей в них, словно кровь, сокрыта.

Все сердце кровью спалено — дай уст твоих мне влаги,
О, сжался,— терпкое вино да будет мной испито.

И диво ли, что я хоть раз — и то тебя не видел:
Ведь от людских таятся глаз вся ангельская свита.

Лег я во прах перед тобой поникшей головою,—
То — просто камень под стопой скитальца-следопыта.

Хафиз, ты много вел речей, хваля уста-рубины,—
Все существо души твоей в созвучья эти влито.

Твоему лику равный лик, что так же свеж и рдян,
найдется ль?
Как пальма, стан твой — чаровник, — такой же стройный
стан найдется ль?

Ах, попугай души мечтал прильнуть к устам твоим —
рубинам.
Таких же ярких губ коралл, и сладок и медвян,
найдется ль?

От сладкоречья твоих уст душа к блаженству возно-
силась —
Тебе подобный сладкоуст и врач душевных ран найдется
ль?

Кто ищет лик души, тому твой лик отраден в этом мире, —
Молю, скажи мне: тот, кому столь чудный образ дан,
найдется ль?

Прекрасен, словно рай, твой лик, уста — живой воды
журчанье,
Другой такой живой родник обетованных стран найдется
ль?

Я, немощный, совсем зачах — о, сжался надо мной,
несчастливым,
Жестокость в любящих сердцах — столь редкостный
изъян найдется ль?

С тобою разлучен, скорбя, я света белого не вижу —
О, взор, который без тебя сияньем осиян, найдется ль?

Благоуханной красоты твоих кудрей я вечный пленник.
Чьи еще кудри столь густы? И мускус, столь же прян,
найдется ль?

И ты Хафизу разрешишь быть подданным твоим,
владыка, —
Подобный мне бедняк-дервиш, негодник и смутьян
найдется ль!

От твоих очей и бровей жжет мне душу огнем кручина —
Смущены красотой твоей живописцы Рума и Чина.

Где двойное, где — одно, разобрать я, увы, не в силах, —
Быть красивой тебе дано: брови — две, а краса —
едина!*

Я ресницами пыль мету, орошая ее слезами,
Чтоб красы твоей чистоту не попрали во прах судьбина.

Воздавалась и мне хвала, а теперь я людьми ославлен:
Что таил я — всем предала моих слез горячих лавина.

Не найти у твоих дверей мне и камня — прилечь устало:
Там, где ты, любой из камней — краше жемчуга и рубина.

О святоша, ты чтишь мечеть, отвергая утеху хмеля, —
Погребок, где дано хмелеть, для тебя — навсегда
чужбина.

И Хафизу не дорога вся тщета-суэта мирская:
Он, гуляка-бедняк — слуга у великого властелина.

Твои кудри — мрак ночной, солнца свет в себе таящий,
Лик твой — утро с белизной, через тьму кудрей светящей.

Видно, вознесен молвой буду я в день судной смуты:
Весть об этом — локон твой, так смутительно манящий.

Благовонный ветерок от кудрей твоих душистых
Пеленой сады облек, благовония дарящей.

Лик твой всполохом огня мое сердце окровавил,
Сгубит рой ресниц меня, стрелами ко мне летящий.

И едва ты выйдешь в сад, кипарис клонится долу,
И деревья все лежат пред тобой густою чащей.

И в очах твоих задор, хмель, истома — разве диво?
Моей кровью пьян твой взор — сам хмельной и всех
пьянящий.

Горечью меня доймают: ты соперников приветить
Речью, сладкой словно мед, а на деле — яд точащей.

Сладок о Ширин рассказ, о ее любви к Хосрову,
Горек о Фархаде сказ — солью словно бы горящий.

Что за прок тебе, Хафиз, жить в Хорезме безотлучно —
Покорен уж сам Тебриз славою твоей гремющей!

Когда ты пылом наделен к стихам — слагай умело стих,
Твоей души превыше он, твоего сердца дело — стих.

Стоянку видишь вдалеке, веди к ней верный караван:
Поводья у тебя в руке — ведущий тебя смело стих.

И, как пловец в пучинах вод, ты в море жизни перл сыщи:
Жемчужным блеском не блеснет написанный незрело стих.

Палящей преисподней печь немало страждущих сожгла:
Не каждая душа зажечь в себе огонь умела — стих.

Да стану прахом я земным, отведав хмеля мерных строк,
И пусть безумием хмельным пьянит меня всецело стих.

Что мне бы дали ворожба и вопль молитвы о стихах,
Когда бы у меня судьба навек отнять хотела стих?

Хафиз, ты верность смог сберечь господню льву лишь
потому,*

Что дан тебе разящий меч — не знающий предела стих!

Истомила мне душу чаровница презлая,
Полюбила другого, мне печаль насылая.

Тайну сердца хранил я, ты взглянула — и разом
Стала явна всем людям моя тайна былая.

Уст твоих и не видно, ну а скажешь ты слово —
Станет тайное явным, уст багрянцем пылая.

Как уста твои, малым стал весь мир мне и тесным:
Позабытый тобою, мучусь пленником зла я.

А откроешь чело ты, что прекраснее розы, —
Розы никнут и вянут, скрыть позор свой желая.

Не дождусь я свиданья, да и нет в этом дива:
Ведь чужда состраданья вся судьба моя злая.

Пылью с ног твоих очи насурмить бы Хафизу —
Ведь грустит он, слезами свет очей застилая.

Едва лишь озаришь ты сад, павлин замрет, изнемогая,
А словом — слаще всех услад — ты посрамишь и попугая.

Не диво, что, красой блеснув, поработишь ты всех влюб-
ленных —
К твоим стопам падет Юсуф: «О шах времен, тебе слуга я!»

Влюбленным страсть не превозмочь, едва узрят твой лик и
кудри, —
Мольба в устах их день и ночь, и что ни миг — уже
другая!

Кто не готов пролить всю кровь, узрев уста твои — рубины,
Тот запретит себе любовь, нектар желанный отвергая.

Оставит славу по себе тот страждущий и верный слову,
Кто гибнет от любви к тебе, весь груз тщеты с себя слагая.

И над твоим порогом ввысь взлетает сердце вольной
птицей,
Ей над тобою вознестись — судьба возвышенно благая.

Твой лик — как полная луна, и полнит радостью Хафиза:
Закончен стих его сполна — он пел, в свой стих любовь
влагая.

Твой лик прекрасней вешних роз и в зависть всем тюльпа-
нам, право,
Душисты пряди твоих кос — полны дыханьем пряным,
право.

Чело твое увидев вдруг, подобное дневному солнцу,
Затмится скорбно лунный круг перед огнем багряным,
право.

Над ликом, что светлей луны, не брови-месяцы ли встали
Иль крылья ворона, черны, парят над ликом рдяным,
право?

А кудри станешь ты чесать — благоуханьем дивным
пышет,
Душистый мускус им под стать неведом и джейранам,
право.

Разлился слез моих поток, и ставит ловчий кудри-сети,
Меня поймают на крючок иль завлекут арканом, право.

Приди к очам моим, пока живой водой мой взор струится:
Вблизи такого родника дано цвести полянам, право.

Весь камень, что в горах таим, покажется мягчайшим
воском
Пред сердцем каменным твоим и его гневом рьяным,
право.

Твоим рубиновым устам вручу я жизнь свою охотно —
Всю душу в жертву я отдам твоим устам медвяным, право.

Увы, неведом мне цветник — приют и кров Хафизу в горе,
Но там, где ты, твой дивный лик, — цвести садам румяным,
право.

Когда, терзая, милый друг казнить меня желает,
Меня губить он гнетом мук, стократ казня, желает.

Но сердцу — радость, а не стыд терпеть обиды друга —
Больное сердце вновь обид день ото дня, желает.

Когда весь мир зальют лучи сияющего солнца,
Влюбленный жечь себя в ночи в пылу огня желает.

От века розу обожал ты, соловей, страдая,
Но роза жить, шипами жал тебя дразня, желает.

И как в леченье ждать удач, увы, больному сердцу,
Когда меня сгубить сам врач, хворь не гоня, желает!

Для суетного благодать — себя богатством тешить,
Влюбленный — в горести страдать, любовь храня, желает.

В сады блаженств мирская страсть влечет нас неуклонно,
Хафиз — с Мансуром вместе — пасть, главу клоня,
желает.

Взор безбожный твой мне душу разорить жестоко хочет,
Реки слез моих на сушу вылить в два потока хочет.

О любви я ей ни слова, даже мучась, не промолвлю,
А она меня бедово мучить, грозноока, хочет.

Сердце мучится сурово, пылом страсти одержимо,
Если друг мой на другого глянуть хоть в пол-ока хочет.

Много лет — за летом лето — гибну я в тенетах страсти —
Что же мрак кудрей со света сжить меня до срока хочет?

Умертвит всю душу в теле, в узах тленности исчезнет,
Кто достичь заветной цели — твоего порога хочет.

Сколько сломленных страданьем жжет она огнем разлуки,
А кого ж она избраньем вознести высоко хочет?

Я горю, Хафиз, багрово, — любо ей любить другого,
А меня она сурово прочь прогнать далеко хочет.

Полумесяцы ли это, брови ль выгнуты красиво?
Живописцы всего света изумятся: «Что за диво?»

Перед ними я в смиренье каждое мое мгновенье:
Тяжко бьют меня каменья — я для них, увы, пожива.

И я верности не рушу: не войдет чужое в душу, —
Море выплеснет на сушу всякий сор в часы прилива.

С той поры, как волей рока стал страдать я одиноко,
Град каменьев бьет жестоко в грудь меня без перерыва.

О кудрях твоих в кручине, я готов брести в пустыне, —
Я с Меджнуном дружен ныне — как и он, бреду тоскливо.

Не был бы мой плач горючим, я б сгорел в пыланье жгучем:
Сушь всегда грустит по тучам, все сухое ждет полива.

Не твердите мне заклатья от любви: рожден сгорать я,—
Что вам в жизни моей, братья,— отвечайте мне правдиво.

Я — скиталец града страсти, о друзья, терплю напасти —
Верьте сердцу, его власти, правоте его призыва.

Ты, Хафиз, со всеми в ссоре — будь же стойким в своем
горе,
Будь достоин того моря, где любовь кипит бурливо.

В тот миг, когда душа огнем — любовною тоской пылает,
Я стон свой не сдержу — и в нем весь свет, весь мир
мирской пылает.

Когда я лик, любимый мной, припомню, огненно стеная,
Все небо с солнцем и луной, навек забыв покой, пылает.

Едва твой лик мелькнет вдали — в цветущий сад заронит
искру,—
От жара все сады земли в огне весь день-деньской
пылают.

Едва лишь ты красу свою на зависть райским кушам
явишь,
В тоске все гурии в раю от зависти такой пылают.

Твой огненно-палящий лик я описать, увы, не в силах:
Лишь слово молвлю — мой язык от страсти колдовской
пылает.

И тот, кого любовь сожгла, познал всю сласть само-
сожженья:
Он, сам, себя паля дотла своею же рукой, пылает.

Едва ты жаркий стон издашь, Хафиз, у милого порога —
Глядишь, в дверях стоящий страж, зажжен твоей
тоской, пылает.

От разлук с тобой в обиде, очи поневоле плачут,
А рыданья эти видя, в теле дух от боли плачет.

И когда я о пропаже, повелитель мой, рыдаю,
Видя это, твои стражи — сострадая, что ли — плачут!

Если о моей потере хоть одно я слово молвлю,
Дивы, ангелы и пери — все в небесном доле плачут.

И когда я, раб безгласный, созову гостей достойных —
Даже гости о злосчастной моей горькой доле плачут.

И когда явили милость псы мне у ее порога,
Глядь, любимая смягчилась: гордая дотоле, плачет!

Я решил и жизнь оставить, истомившись от рыданий,—
Ты не можешь и представить, как бедняк в недоле плачет!

Нет суровой и сердитей, чем властитель мой жестокий:
На Хафиза поглядите — бедный, он все боле плачет.

Похитившая сердце лань бежит, не слыша зова,—
Как ни молю я: «Перестань!», — умчаться вновь готова.

Душа, как птица, рвется прочь из тесной клетки плоти,
Она взлетает день и ночь над домом птицелова.

Да будет милостива власть властительного сердца,
Я рад перед тобою пасть, влачась во прахе снава.

Душа влюбленного чиста, чужда она мирскому:
Вороне сокол не чета — ведь он не ест гнилого.

И если стрелы ста невзгод любимая послала,
Все беды любящий снесет, как мука ни сурова.

Ты петь Хафиза попроси лишь на наречье тюрк —
Хафиз Ширазский на фарси пропел иное слово!

Когда в пиру ни одного бурлящего фиала нет,
Тогда и пиршество мертво — порядка в нем нисколько нет.

Ты всех желаний существо в хмелящем кубке обретешь —
Иначе в жизни ничего, что жизнь бы украсило, нет.

Я обошел весь мир земной — сады, цветущие весной,—
Там роз, увы, прельщенных мной, чей лик расцвел бы
ало, нет.

Поверь, мне не найти речей — свет лика, тьму кудрей
воспеть,—
Таких лучей, таких ночей любовь еще не знала, нет!

Все дни в моих мечтах о ней барахтаюсь я в бездне бед:
У бед, как и у бега дней, ни края, ни начала нет.

Мечтаю я и день и ночь о счастье ее рдяных уст,
Мой дух из уст исходит прочь, а счастья даже мало нет.

От нечестивых глаз, Хафиз, ты милосердия не жди:
В них веры ты найти не тщишься — ее там не бывало, нет!

Со мной и мига не была вдвоем ты никогда, увы,
Вот так вся жизнь моя текла, спокойствия чужда, увы.

Порой и отличит иных — счастливой долей одарит,
Но будь уверен: доля их не будет не худа, увы.

Любовной негою вовек бывал расцвечен сад души.—
В садах тобой даримых нег — весны нет и следа, увы.

И ни на миг на свой порог не выйдешь ты, мой кипарис,
Пока кровавых слез поток я не пролью туда, увы.

От пик ресниц твоих истечь мне алой кровью суждено —
Не причинит и грозный меч столь тяжкого вреда, увы.

Прожжет все камни и гранит мой пламенно-горячий стон,
Но твою душу не пронзит: душа твоя тверда, увы.

Где на земле — в какой глуши, Хафиз, ты волю обре-
тешь? —
Твоей душе без той души не деться никуда, увы.

Нет, мне возлюбленной нигде во всей вселенной не найти,
И состраданья мне в беде юдоли брэнной не найти.

Я ценности души самой раскинул людям напоказ,
Но покупателя на мой товар бесценный не найти.

Моим очам неведом сон, а счастье мое крепко спит,
Увы, счастливых мне времен — судьбы блаженной не
найти.

И стон мой горький одинок, десница бедствий тяжела,
И весь я кровью уж истек, а несравненной не найти.

Как ни клянет меня, презрев, как сердце ни гнетет она,
Управы мне на ее гнев, столь дерзновенный, не найти.

И, как Хафиз ни изможден, безжалостной его не жаль,
Хотя столь преданных, как он, всегда смиренный, не найти.

Твои глаза и брови — знак щедрот предвечного пера:
Дивятся живописцы — как искусство их творца щедра!

Таящий серебро рудник всегда сокрыт среди камней,
А камень сердца — сердолик — в тебе, как в слитке
серебра.

Мой стон бы сердце твое сжег, оставив в нем палящий
след,
Когда бы камень жечь он мог, застывший, как гранит-гора.

Я от мучений и обид, увы, расстанусь с головой —
Как камень, в сердце боль лежит, и моя участь недобра.

Лью слезы на твоём пути, чтоб не в пыли тебе идти, —
Готов ресницами мести я пыль с утра и до утра.

Как вешний ливень, пролились потоки моих горьких
слез —
Что ж, молодеет кипарис, когда под ним земля сыра!

Хафизу в его доле бед твой лик вовек не увидеть:
Летучей мыши солнца свет увидеть не придет пора.

Поверь, другой души такой — как у тебя, прекрасной —
нет,
Другой, отнявшей мой покой, как повелитель властный,
нет.

Увидев твоих ног следы, любой признает, устыдясь:
На свете и живой воды, столь чистой и столь ясной, нет.

Безбожен локон твой и дик, и я пред ним не преклонюсь:
Иной мне веры — не в твой лик, свет моей веры страстной,
нет.

Едва откроешь ты чело хотя бы на единый миг —
И солнце сразу же зашло — его во тьме ненастной нет.

Какою мукой ни вяжи меня, не милую ничуть,—
Люблю всем сердцем, в этом лжи и лести сладкогласной
нет.

В пучинах всех морей земных искал я жемчуг для тебя —
Жемчужин, ярких, как мой стих, скажу я беспристрастно,
нет.

Звучит мой соловьиный зов для розы — той, что я
люблю,—
Столь голосистых соловьев, как твой Хафиз безгласный,
нет.

Копной твоих кудрей смятен, безумен я и одинок,
И, словно в кладезь погружен, я сердцем — в ямках твоих
щек.

Всех мертвых оживляет вмиг живая влага твоих уст —
Зачем же уст твоих родник меня на бедствия обрек?

Благоухание дохнёт от мускусных твоих кудрей —
Китайский мускус — даже тот равняться с ними бы не
смог.

А поутру ты выйдешь в сад, улыбкой яркою блеснешь —
Глядишь, от ревности гранат померк — красы не уберег.

Возвеселит ли меня вновь сад твоей вешней красоты?
Как роза, рдеет в сердце кровь — ресниц твоих набег
жесток.

Все изумруды, как один, и все рубины посрамят
Твоих багряных уст рубин, рейханных губ твоих пушок.

Не диво, что, узрев твой лик, Хафиз в смущении поник:
Смущенья — доли горемык, увы, и он не превозмог.

Весна, о кравчий, начинай свой пир, веселья час приблизь,
Настрой и чанг, и уд, и най, чтобы их звуки полились.

В стенанье сладостном своем любовь и страсть воспой в
лугах
И с одержимым соловьем — своим собратом подружись.

Всех истинно влюбленных в сад зови на пиршество скорей,
Чтоб песни там — за ладом лад — одна вослед другой
неслись.

И если в кущах красоты тебе откроет роза лик,
Пари в безумии мечты, как соловей, взлетая ввысь.

Закрытый некрасив бутон, как ты его ни украшай,—
Расцветшей розой изумлен, стократ красе ее дивись!

Когда в саду твой взор узрит той чаровницы стройный
стан,
Ты можешь позабыть самшит, без кипариса обойтись.

И если в цветнике любви ты, словно роза, расцветешь,
К себе Хафиза позови — ему, страдальцу, улыбнись.

Страдальца порадуй свиданьем — да будет он весел и рад,
Скитальца спаси назиданьем, бредущего вдаль наугад.

Владычица избранной доли, пощаду и милость яви,
Невольника вызволь на волю из плена невзгод и утрат.

Кудрей покрывало ночное с дневного чела приоткинь —
Сокроются солнце с луною, навеки уйдут на закат.

Вовек милосердного слова страдальцам не ждать от
тебя.—
Зачем твое сердце сурово, как острый и твердый булат?

Твой взор с беспощадною силой несчастных страдаль-
цев гнетет.—
Ты добрым их словом помилуй — никто из них не виноват.

И, видя угасший мой разум, погибшую душу мою,
Утешь меня горьким рассказом о том, как томился
Фархад.

И, если ты помнишь о благе душой тебе преданных слуг,
Хоть раз о Хафизе-бедняге ты вспомни — он друг им и
брат.

С другими хмель багряный пить, дружить, мой свет, не
смей,
Страданьем сердце мне палить — пыланьем бед не смей.

Стократ я в горестях лихих из-за твоих лукавств —
В отплату за грехи других мне делать вред не смей.

Дарованный тобой недуг — отрада мне и жизнь,
Лихому гнету моих мук ты класть запрет не смей.

Побудь с рабом, душа моя, участия не тая,—
За быстротою бытия спешить вослед не смей.

Я перлы слез жарче огня на желтый лик пролил —
Рубином уст дразнить меня, ввергая в бред, не смей.

Не хочешь гибели моей во власти злых оков —
Скрывать от взора тьмой кудрей ты лика свет не смей.

И, чтобы в сердце не проник к Хафизу мрак ночной,
Кудрей завесу на свой лик спускать — о, нет — не смей.

Среди красавиц не сыскать другой красавицы такой:
Уста лишь приоткроет — глядь, сладчайший мед течет
рекой.

И просто так сказать, что мед течет из уст твоих, — нельзя:
Всю их усладность не поймет и самый мудрый ум людской.

И ежели твоим устам желанно мою душу взять,
Всю душу я тебе отдам и сердца сладостный покой.

Приюту глаз моих и слом и разорение грозят:
Любой разрушен будет дом дождем, что льет весь день-
деньской.

Твой лик я вспомню — из-под век готовы очи прочь истечь:
Всегда от солнца тает снег — от его силы колдовской.

И как страдальцу не сберечь любовь и страсть на вечный
срок?
Не разлучит и смертный меч его с любовною тоской.

Нет, не приемлют слов моих и хмурят очи мудрецы:
Мол, этот стих — Хафиза стих, и разницы нет никакой!

Услышав, как прекрасно звучит мой стих по-тюркски,
Сказал Камаль бы, ясно, похвальных слов немало.

Хафиз, ты стих газели пролил водой живою,
Чтоб стих в ответ пропели и в нем вода журчала.

Полумесяцами бровей светишь ты и ликом-луной,
Ярок светоч красы твоей — беззакатного солнца зной.

Что же розы со всех сторон полыхают жарче пламен,
Будто цвет их не посрамлен красотой твоей неземной?

Ветер утра, стыдясь, донес благовонье твоих волос,
А на лике, что краше роз, виден родинки цвет ночной.

Твой таинственно-тонкий стан, видно, людям для смуты
дан:
«Он незрим, он — мираж-обман», — яро спорит весь люд
честной.

Ты пойдешь по моим следам — я себя отыскать не дам:
Стан твой тонкий вспомнив, я сам стал незрим, ты тому
виной.

Я — лишь пыль, где пролег твой след, но печали мне в этом
нет, —
Жаль, что в пыль от вихренья бед не истерт я, чудак
смешной.

Забурлил моих слез поток — и твой стан я увидеть смог:
Юн и свеж, проглянул росток, благодатной впоен волной.

Кто еще, о Хафиз, ответь, смог бы стих вот такой пропеть?
Про твой стан ни теперь, ни впредь так не спел бы никто
иной.

Сколь истомен твой лунный лик — словно месяц, я стал
горбат,
Тонкий стан я твой вспомню — вмиг таю в небыль, как
дым и чад.

Твоих родинок красота днем и ночью — в сердце моем:
Только эта моя мечта и смягчает мне боль утрат.

Я всю жизнь положить готов, лишь прильнуть бы к устам
твоим,
Но каких я ни трачу слов, а уста в ответ лишь молчат.

Стал бы славен я и высок, словно сам небесный чертог,
Если б силы найти я смог пасть во прах у твоих палат.

Ты едва лишь блеснешь красой, сгину в небыль я, жалкий
раб,—
Потому-то мне быть с тобой небеса, увы, не сулят.

Если нет хмельного вина в твоей чаше любовных нег,
Станет лишь черепком она, не сулящим тебе услад.

Славен тюркский Хафиза слог да любовью к тебе высок,
И любителям звучных строк даровать я отраду рад.

Лик твой предо мной предстанет, красотой всесветной
глянет —
Он румянцем меня манит, а приманит — и обманет.

И покуда мои стоны жгут огнем твой лик цветущий,
Моих глаз родник бессонный их тушить не перестанет.

У влюбленного на лице — всех невзгод его улики:
Взор какого горемыки страсти сердца не туманят?

С той поры, как душу ранит темных родинок виденье,
Тьма и мрак меня дурманят, разум мой во мраке вянет.

Если локон твой истомный не одарит меня счастьем,
Мне предвестьем доли темной он на светлом лице станет.

Сердце, распуская крылья, к меду уст твоих стремится,—
Только сдохнув от бессилья, муха меда не поганит.

Уст твоих рубин горящий мне хмельней вина хмельного,
О твоей красе томящей сердце думать не устанет.

А лукавым взором глянешь — ты красою колдовскою
И отшельника приманишь: сердце его в небыль канет.

Восхищен Хафиз тобою, он воспел твой лик по-тюркски,
И теперь строкой люблю вровень он с Камалем встанет!

Да будет мной испит вина любви глоток —
Меня он отрешит от всех земных тревог.

Святоша — злой старик захочет пить со мной —
Единой каплей вмиг его свалю я с ног.

Я вникну в суть речей главы хмельных утех, —
Для раковин-ушей как жемчуг — его слог.

Отравно-горек вкус мучений от разлук, —
О, если б сладких уст вкусить нектар я смог!

А ветер принесет мне о свиданье весть —
И в сердце пеной вод взбурлит морской поток.

С чела отняв покров, как солнце, ты блеснешь —
Я локонами слов совью завесу строк.

Цветник желанных нег мечтам Хафиза люб,
И соловья навек умолкнуть он обрек.

Я возлюбленных, ценивших, что им верен друг, не видел,
Сердцу муки не даривших нежных я подруг не видел.

Знал я верность обещавших, сердце хитростью пленявших,
Но обет не нарушавших я нигде вокруг не видел.

Глянут вскользь, являя милость, и заманят сердце взором,
Но чтобы душа ценилась в ее доле мук — не видел.

Много видел я любивших, верность сохранить суливших,
Но любовь свою даривших, а не боль разлук, — не видел.

Много было говоривших, бойко обо всем судивших,
Но я слово претворивших в дело своих рук не видел.

Всех любовью заболевших только смерть одна и лечит:
Никогда я одолевших этот злой недуг не видел.

О Хафиз, чтоб быть с любимой, жаром страсти душу
вымой —
Жар, такой же негасимый, я в других, мой друг, не видел.

Пойдем-ка в винный погребок и пить там снова будем,
Вкусим из кубков пряный сок — хмельней хмельного
будем!

Для любящих заветный дом — питейные трущобы,
И мы теперь туда пойдем — искать там крова будем.

Одних вино ввергает в бред, а нам — дарует разум,
Зачем же мы, что разум — вред, считать бредово будем!

Взыскуем шаха всех времен мы в нищенской юдоли,—
Скитальцами глухих сторон мы, право слово, будем.

Радетели любви одной, в пути к заветной цели
Мы будем помнить взор хмельной — ждать его зова
будем.

Неизреченна благодать всесущего владыки —
Что ж ее счетом исчислять мы бестолково будем?

Тот лик горит, всё пламеня,— сжигает, не сгорая,
Мы мотыльками у огня мелькать пунцово будем.

Ты трезвым, умным не зовись, а будь хмельным безум-
цем —
Себя мы лучше, как Хафиз, корить сурово будем.

На порог твой прихожу я оробело каждый миг,
Стоны к небу возношу я то и дело каждый миг.

И зачем в саду багряном кипарисы видеть мне?
Очарован твоим станом я всецело каждый миг.

Птица сердца, умирая от томленья по тебе,
Чтоб взглянуть на древо рая, ввысь летела каждый
миг.

Твои стрелы все жесточе поражали мою грудь —
Кровь сочило через очи мое тело каждый миг.

Тщетны были все старанья позабыть твой чудный лик —
Видеть тебя вновь желанье мной владело каждый миг.

Вспомню я уста-рубины — рвется дух из тела прочь,
И пыланию кручины нет предела каждый миг.

Тайну уст твоих незримых лишь узрев в мечте, Хафиз
Тает сам в мечтах, таимых онемело, каждый миг.

Нет, ты не дашь мне быть твоим рабом безгласным, знаю:
Умру, рыданьями томим, в стыде всечасном, знаю.

Рыдал я ночью, раб тщеты, у твоего порога —
Увы, бесстрастно внемлешь ты стенаньям страстным,
знаю.

И если, страстью упоен, паду я даже мертвым,
Из сердца вырвавшийся стон будет напрасным, знаю.

Твой раб, я немощен и хвор — ты ж на меня не смотришь,
А глянешь — злобным будет взор и безучастным, знаю.

Я жду разящих стрел твоих, пронзающих мне душу,
А ранен ими — нем и тих, умру несчастным, знаю.

Рассветный ветер долетел от моего кумира —
То моей жизни дан предел вельнем властным, знаю.

И если ты, Хафиз, зачах, соперниками мучим,
То значит: милостив был шах со мной, злосчастливым,
знаю.

Прекрасен облик твой — он краше сада мне,
А стан твой неземной — очей услада мне.

Мне в сердце свет проник от твоего чела,
Светлей луны твой лик — он светоч взгляда мне.

Мне любви уст твоих незримые черты:
Люблю я тайно их, и в том — отрада мне.

Ах, как меня томят рубины сладких уст:
Мне кровью застит взгляд — пришла б пощада мне!

Всю жизнь мою готов я за тебя отдать,
Богатства двух миров — за то награда мне.

Ты верность не блюдешь, обеты руша сплошь,
Обетов твоих ложь страшнее яда мне.

Хафизу б жертвой лечь под твой разящий меч —
Об этом клятву в речь вложить бы надо мне.

О, если бы мой властелин был милостив к моим послугам!
Высок бы стал мой сан и чин — вознесся вровень с
горним кругом.

Не вижу лик твой — и мой стон захлестнут горем и смя-
теньем,
А лик увижу — изумлен, гляжу я на него с испугом.

На мне — все тяготы вины, других влюбленных ты не
мучишь,
Душа и сердце смущены — тяжелым сражены недугом.

Тебя узрел я, и с тех пор чужды иным виденьям очи —
Ни на кого не смотрит взор, люблюсь я лишь милым
другом.

Мне доля горя и тревог сменила радости свиданья —
Такую участь дарит рок и преданным и верным слугам!

Унижен, у твоих дверей влачусь я, попранный во прахе,
А ведь у праведных мужей известен счет моим заслугам!

И ежели Хафиз падет во прах к заветному порогу,
Его и слава и почет да расцветут весенним лугом!

О, пусть исхода гнету мук в моей душе больной не будет:
Они лишь — моим бедам друг, мне милости иной не будет.

Страданья сердца и беда с моей больной душой сдружи-
лись —
Никто другой и никогда делить невзгод со мной не будет.

И кто пыланью своему собрата ищет — друга страсти,
Пусть, кроме бед и мук, ему опоры ни одной не будет.

Влюбленный, как он ни радив, на свете не найдет участия,
Ничто ему, как ни правдив, защитною стеной не будет.

И, если средь мирской тщеты он не изведает мучений,
Ему и дара доброты в юдоли сей земной не будет.

Будь, о Хафиз, страданьям рад, тебе любимую даримым,
И пусть тебя ярмом утрат гнести никто иной не будет.

Без солнца твоего чела светить мне и луна не будет,
В саду, где роза не цвела, песнь соловья звучна не будет.

Скажите той, что жжет меня огнем мучительной измены:
Полночным светочем огня пусть для других она не будет.

И пусть, огонь свой не туша, она клеймит мне мукой
душу —
Я все стерплю, но пусть душа разлукой клеймена не будет.

Ты лишь уйдешь — и небеса весь мир мне превратят
в былинку,
О солнце, пусть твоя краса вовек утаена не будет.

И, сколько б ни было, как ты, сердца смущающих красою,
Пускай на троне красоты другому власть дана не будет.

И пусть, сокрыв свой алый лик, кумир мой не хитрит
двулично:
Взрыдаю я — и разве вмиг земля обагрена не будет?
Нельзя туда, где сад возрос, тебе входить с открытой
грудью:
Ужель и лучшая из роз тобой посрамлена не будет?
Сто тысяч душ ты ловишь в сеть кудрей своих благоухан-
ных —
Знать, мускус будет дешеветь — высокою цена не будет.
Глаз нечестивицы страшись, не вспоминай о них вовеки —
Пусть твоя вера, о Хафиз, набегом сметена не будет.

Меня ты — что ни миг — увы, клеймишь наветом,
Разлад во мне возник с собой и с целым светом.

Любовью одержим, тебе я отдал душу,
Но не со мной — с другим ты связана обетом.

Я больше не могу терпеть твои обиды —
Безвинного слугу не даришь ты приветом.

Душа полна заноз от кар твоих жестоких —
Зардел мой взор от слез, увы, кровавым цветом.

Жемчужина моя! Я — щедрый покупатель,
Но на торгах не я хозяин самоцветам.

Я сам себя спалил в огне моей печали,
Но даришь ты свой пыл льстецам, тобой пригретым.

Хафиз сгорел совсем от мук твоих укоров,
И ты — только зачем? — преуспеваешь в этом.

Ты — роза в кущах красоты, цветок обворожительный,
В смущенье ввергнуты цветы твоей красой пленительной,

А попугай души охоч отведать твоих сладостей:
Рубины уст твоих — точь-в-точь как сахар искужительный.

В смертельной муке я поник — живой воды испить бы мне,
Твои уста для горемык — родник воды целительной.

Не попрекай меня виной, что я тебя душой зову:
Что ни скажу я — ты со мной, душа, мой дух живитель-
ный.

Есть в кущах сада для утех самшиты с кипарисами,
Ты ж, кипарис мой, — лучше всех красою обольстительной.

Ты — солнце, и в лучах вокруг, как пыль, кружат краса-
вицы,
Все люди тебе — вместо слуг, а ты — султан властитель-
ный.

Хафиз, всем людям всех времен я дан на удивление:
Скажи мне: чем ты сам смущен — какой красой сму-
тительной?

Зачем так зло меня казнишь ты разлученьем скорым,
Зачем других друзьями чтишь, идешь к ним с разговором?

Раба презреть и угнести, унижить тебе любо:
Другим ты — светоч в их пути, меня ж — клеймишь
позором.

Другим — и друг ты и сосед в их кутежах веселых,
А для меня ты — как аскет: все чувства — под запором.

Из рук других ты пьешь вино, хмелея с ними вместе,
А я, тобой забыт давно, стал немощным и хворым.

Тебя люблю я всей душой: ты жизни мне дороже,
Но, как и жизнь, ты стороной проходишь шагом спорым.

Властитель мой, ты мук моих, увы, не замечаешь,
Тебе любезно чтить других — прислуживать их сворам.

Владыка мира дум ничуть Хафиза не жалеет, —
Тебе бы на него взглянуть не злым, а добрым взором!

Я от разлуки изнемог — ты ж о болящем и не спросишь,
Всю грудь я ранами иссек — ты ж о скорбящем и не
спросишь!

Раб на торгах любовных мук, я жалок, ты ж горда красую,
И — что с беднягою, недуг и боль таящим, ты не спросишь.

Стенаю ночью я и днем, влачась у твоего порога,
Но ты о бедствии моем, меня томящем, и не спросишь.

Я золото души больной во прах у твоих ног рассыпал,
Но ты с другими — что со мной, в пыли лежащем, и не
спросишь.

Во прахе я влачусь в мольбе — о, заступи мой прах стопою,
Ты ж, милый друг мой, о рабе своем пропащем и не
спросишь.

Мне сокровенную мечту таить в страданиях велишь ты,
А что со мною, тайну ту в себе хранящим, и не спросишь.

Дано мне, как Хафизу, пасть в любви моей неугасимой,
А ты о друге, свою страсть тебе дарящем, и не спросишь!

О, мне увидеть бы скорей ту пери неземную,
Хотя в силках ее кудрей я мучусь и ревную!

Когда и солнцем и луной тот лик мне не сияет,
Она кудрями надо мной сгущает тьму ночную.

Душе, израненной от бед, лишь милый друг — лекарство,
Но беды есть, а друга нет, и мук я не миную.

Я стану, как тюльпан, кровав, томясь по этой розе:
От страсти ворот разорвав, грудь обнажу больную.

Паду я к пери на порог, но нет мне снисхожденья:
Пока я кровью не истек, ее я не взволную.

Как я хотел бы не рыдать, не лить потоком слезы!
И как вернуть мне в сердце вспять слёз реку кровавую?

Чтоб слез моих поток затих рубиново-жемчужный,
Увидеть бы мне губ твоих жемчужину цветную!

В кудрях твоих — во мраке бед неволю терпит сердце,
Но я узрю и веры свет — чела зарю дневную.

Хафиз тебя узрит — и что ж? Он сам не свой от страсти,—
Но где ж тебя, увы, найдешь — негодницу шальную!

Я в печали многодумной об избраннице любимой,
Для себя я — вроде умный, для других я — одержимый.

Сам терплю я плен покорно — не взлететь мне вольной
птицей,—
Сам себе рассыпал зерна в западне неотвратимой.

Я с друзьями, не робея, как и прежде, был бы дружен,
Только чужд и сам себе я, сам — собою я гонимый.

Тот, кто любит, и в разлуке душу погубить не хочет,
Ну а я в душевной муке чужд душе, во мне таимой.

Остриями мук и слез я грудь свою разъял на пряди,—
Мог бы гребнем стать для кос я моей пери несравнимой.

Я ищу тебя повсюду, словно суфия-скитальца,
Хмель я пить в притоне буду, мне гуляками даримый.

О Хафиз, ты и в мечети занят чтением Корана,*
Ты и за любовь в ответе, пьян от страсти нестерпимой.

Милый образ во мне живет — душу он и мучит и гложет,
Но в торгах любви не доход, а убыток душе поможет.

Все, кому ни был верен я, мне платили безмерной мукой,
Век мой — горькая жизнь моя — без участия и счастья
прожит.

Безучастен, мой милый друг на страданья мои не глянет —
Разве он меня в доле мук милосердием обнадежит?

Я любимую ждать привык, пав во прах у ее порога,—
Ей явить бы мне светлый лик — он мечтою меня тревожит.

Лишь заалел твой лик — зардело сердце ало,
Душа, как птица, вмиг в силочку кудрей попала.

Где кудри — словно сеть, а родинки — приманка,
Влюбленным — не взлететь, сердца их никнут вяло.

Поверь, красу твою тень родинок не портит:
Под сенью куш в раю птиц черных есть немало.

На твой прекрасный лик когда дурные глянут,
От ран сникая вмиг, душа скорбит устало.

Любимая вошла мне в сердце через очи —
Глушь дальнего села сияньем заблистала.

Влюбленных никогда возлюбленной не жалко:
Душой она тверда, как будто горы-скалы.

Хафиз тоской объят, и кровью льются слезы —
Увы, его язвят твоих издевок жала.

Ах, я на свете одинок, друзей со мной — не видно,
И тех, кто порадеть бы мог душе больной, не видно.

Увы, не стать счастливым вдруг мне в этом мире бренном,
Людей, что мимо бед и мук шли стороной, не видно.

Разбил мне сердце грозный рок и разметал на части,
А кто бы вылечить помог недуг дурной — не видно.

Жестокой сердце отдал я, ее кудрями спутан, —
Запутавшейся, как моя, души иной не видно.

От той, что выше всех владык, пришла весть о разлуке,
И стало мне, увы, в тот миг весь мир земной не видно.

Влачась у брэнности в плену, любви ты не познаешь:
Дорог в предвечную страну там ни одной не видно.

Хафиза ввергла ты во тьму, отняв все силы сердца,
И красоты твоей ему, столь неземной, не видно.

Я томлюсь, увы, без милой — хоть бы верный друг
нашелся,
Друг судьбы моей унылой хоть один бы вдруг нашелся.

Любо мучить ей, красивой, пыткой меня жестокой,
А в ее душе счастливой хоть бы признак мук нашелся!

Пылкой страстью обуянный, я, как соловей, стенаю —
Где бы мне цветник желанный или вешний луг нашелся!

Я в мученье моем тайном верен был моей любимой —
Верный друг моим бы тайнам в лютой тьме разлук
нашелся!

Жизнь свою я отдал даром на торгах любви желанной —
Покупатель бы товарам всех моих доук нашелся!

От ее кудрей мрачней, я мечусь, как одержимый, —
Мне аркан бы попрочнее, и упруг и- туг, нашелся!

О Хафиз, я в муке страстной плачу у дверей заветных —
Если бы султан всевластный для моих послуг нашелся!

Скажите, где счастливец тот, кого любовь приблизит к
счастью,

Кому она блаженство шлет, ответною даруя страстью?

Скажите, где во мраке бед, в долине бедствий и мучений
Надежный пролагают след к обету верности, к участию?

Скажите, где найдется тот, кому из сада единенья
Весна благоуханье шлет, навеки чуждое ненастью?

Скажите, в ком судьба моя пробудит ревность или зависть,
Когда в кудрях любимой я — закован в цепи ее властью?

Скажите, где тот чудный миг, когда в блаженстве
отрешенья

Я радость хмеля бы постиг, не знаясь никогда с напастью?

Скажите, кто Хафизу — друг, дарящий благо и отраду
И не гнетущий игом мук — хотя бы малою их частью?

Ты косы по стану распустишь задорно —
И скован я стану: душа им покорна.

С покорной мольбою любому самшиту
Во прах пред тобою упасть не зазорно.

На лике палящем — рой родинок смуглых. —
Так в горне горящем кудесник жжет зёрна.

С венцом сладкоречья сравню твою речь я:
Вся речь человечья не столь животворна!

Слова тебе любви, что слаще услады, —
Как мед — твои губы, — скажу непритворно.

Не диво, что столь я тобою унижен:
Дитя своеволья, грозна ты и вздорна.

Хафиз безответный, больной, неприметный,
У двери запретной лежит беспризорно.

Горько плачу я без милой: «О моя отрада, где ты?»
Друг всеведущий, помилуй, сердце знать бы радо: где ты?

От любви, меня пленившей, ум и разум я утратил —
Душу страстью опьянивший хмель мой и услада, где ты?

В сердце суждено вонзиться горестным шипам разлуки —
Грустный соловей томится: о цветенье сада, где ты?

О, когда же я остыну от кровавых мук разлуки?
Лань, нашедшая долину, где сладка прохлада, где ты?

Я, томясь бессонным плачем, твои очи жажду видеть,
Ты очам моим незрячим — свет и светоч взгляда, — где ты?

На торгах любви желанной я, обманутый, рыдаю:
Где товар мой безобманный — мне тебя лишь надо, — где ты?

Болтовнею лицемерной о любви толкуют люди, —
О Хафиз, где друг твой верный — за любовь награда, — где ты?

Мне не видется, о боже, с той, что сердце отняла,
С той, что мне всего дороже, но обманчива и зла.

Пал во прах бы перед нею, если бы пришла хоть раз,
Если бы, меня жалея, хоть бы оком повела.

Только вспомню я, как ало розою она цветет,
Жгут меня ресницы-жала, в каждой — словно бы игла.

Что больнее мук разлуки! Клейма пытки — мягче их,
Жги меня в горниле муки, лишь бы только не дотла!

Мне с моей султаншей ловко поскакать бы на конях,
И была б моя сноровка и лиха и удача.

Чаровница беззаботно мне прикажет жизнь отдать —
Жизнь я ей отдам охотно, чтоб она ее взяла.

Если сердце улетело за красавицей вослед,
Как вернуться сердцу в тело, уж лишенному тепла?

Ты походкой неземною вышла в красочной чалме —
Кто видал, чтобы чалмою пери кудри обвила!

У Хафиза на примете стих лишь о тебе одной —
Донеси сей стих, о ветер, к той, чья мне краса мила.

Красивых кличь на этот пир — да будет принят зов,
Возрадуй тех, кто нищ и сир, — бездольных бедняков.

Когда вина ты всем нальешь, оставь осадок мне,
А там смотри, кто чем хорош — кто добр и кто суров.

О рок! В законах красоты — как в шахматной игре:
Объявишь мат красивым ты, им роя смертный ров!

Не знаю, будешь ли верна и чем беде помочь, —
Лишь мука мне тобой дана, иных не ждять даров.

Мне от тебя — шипы да боль, а розы нег — другим,
Ты их оберегай и холь, а мой удел тернов.

Звать тебя к вере в бога — вздор, тебе ее не знать:
Для веры гибелен твой взор и для ее сынов.

Хафизу гибнуть жертвой зла судьбою суждено:
Как луки, брови ты взвела — и к смерти я готов.

Рубины уст твоих узрев и свежесть мускусных ланит,
Взлеелеял я любви посев — слезами щедро он омыт.

Когда твоих бровей извив хотел художник воссоздать,
Он удивился, сколь красив и облик твой и весь твой вид.

О люди! Властно тянет вас ко всем соблазнам благ земных,
Меня ж истома черных глаз сильнее всех красот манит.

Священна воля мне твоя, я гнев соперников презрю,
Хотя бы, подневольный, я и был камнями их побит.

Омыв слезами твой порог, я пыль ресницами мету —
Всех подметальщиков дорог я ловкостью ввергаю в стыд.

С тобой пойду я в путь любой, в любой пойду пустынный
дол —

О, только не был бы тобой покинут я и позабыт.

Хафизу на твоём пути начертано скитальцем быть —
Ты, о мой шах, его прости за то, что верность он хранит.

Приподняв покров у лика, ты откроешь алый лик,
И влюбленный — вот улика! — хитрый взор увидит вмиг.

В Индустане лицам черным нет ни счета, ни числа,
У тебя ж нет счета зернам родинок — их счет велик.

Колдовскою пеленою кудри распустила ты —
Не во сне ли предо мною образ колдовской возник?

К меду — такова природа! — прилетают сонмы пчел,
Твои губы слаще меда — мед той сласти не достиг.

Верь же: кажутся мне вздором и самшит и кипарис,
Если виден моим взорам стан твой дивный — чаровник.

Мои очи влагу пеняют — жемчуг я тебе дарю:
Тот и жизнь свою не ценит, кто богатство чтить отвык.

Смолкнет ли Хафиз, робея, муку сердца утаив,—
Рассказал стихом тебе я жизнь мою — за мигом миг.

Где, виночерпий, чаши? Скорей неси вино —
Да будет бденье наше в сто солнц озарено!

Дай мне вина — я стражду, душа исходит прочь,
Нет сил терпеть мне жажду — измучен я давно.

О милости молю я, друг страждущих гуляк,—
Той муки, что терплю я, другому не дано.

Зачем, о боже правый, жар страсти я таю?
Узрю твой взор лукавый — все сердце сожжено.

Не видеть в яви бденья мне твоего чела —
Хотя бы в сновиденье явилось мне оно!

Молю всей страстью зова один лишь поцелуй —
Скажи в ответ мне слово — одно, всего одно!

Хафиз, скажи мне честно: что жизнь тебе твоя?
Бесследно и безвестно пройти ей суждено!

Какой красой смущен мой разум — земною или неземной?
Скажи, не тою ли, что разом сравнится с солнцем и луной?

Не той ли, что мой сон жестоко прервала силой колдовства,
Не тою ли, что краем ока так колдовски следит за мной?

Не тою ли неправовой, что мою веру отняла,
Не тою ли, чей взор безверный смятенью моему — виной?

Над устами медвяными — черной родинки знак,
Сердце мучится ранами, в нем пыл жизни иссяк.

Не поймет вопрошающий прелесть сахарных уст —
Мне ж с мечтой, хоть и тающей, не расстаться никак.

Сладкой речью обманною птицу сердца манят
Твои губы, желанные для влюбленных бедняг.

Взоры, в зависти злобные, да не сглазят тебя —
Красота бесподобная да не канет во мрак!

«Люб другой ты, наверное!» — зло ты мне говоришь,
Ты лукава, неверная, я тебе — словно враг.

Моя доля убогая — пасть во прах пред тобой,
Жду тебя у порога я — там, где свора собак.

Ты щеками румяными мое сердце влечешь,
И слезами багряными я рыдаю, бедняк.

Кары злобного рока я уж не в силах сносить —
Твои камни, жестокая, меня бьют что ни шаг.

Льешь ты слезы кровавые, о Хафиз, но терпи:
Ты со злой и лукавою свое сердце сопряг!

Побыть бы мне наедине с твоей красой манящею —
Два мира бы открыли мне всю жизнь непреходящую.

Вкуси хоть раз хмельной глоток от пыла уст возлюблен-
ной —
Что же ты дружишь, одинок, с тоской, тебя губящею?

Твой лик напомнил мне луну, а брови — полумесяцы, —
Два чуда дарят мне одну твою красу томящую.

Молчит влюбленный врозь с тобой, настроив саз к свиданию,—
Как ему быть с больной душой, напевом не звучащею?

А все же лучше боль разлук, чем радости свидания:
Привык ценить я долю мук, союз любви крепящую.

Была б от всех утаена моя любовь к негоднице,
Когда б не мучила она меня красой дразнящею.

Хафиз по праву превознес красу своей возлюбленной,
И словно лепестки у роз — слова его блестящие.

Властно мое сердце в плен завлек сердцевед все-
властный — Ширази,
Душу лечит мне усладой строк, речью сладкогласной
Ширази.

Много знает сладостей Восток, но они смущаются в стыде,
Ежели звучит сладчайший слог, радостный и страстный,
Ширази.

Вянет в кущах роз любой цветок, от смущенья меркнет
навсегда
В час, когда сверкает им в упрек розою прекрасной
Ширази.

И не диво, если я в бреду день и ночь стенаю и грущу:
Я в твоём пылающем саду — соловей безгласный, Ширази.

Верен твоей солнечной красе, огненный я воссылаю стон —
В цветнике твоём стенают все от любви несчастной,
Ширази.

На пути любви, не зная сна, я бессонно бодрствовать
готов,
Если будет радость мне дана видеть взор твой ясный,
Ширази.

У чертога, где ты вечно сущ, я томлюсь — под сенью его
стен,

Этой сени к сени райских куш быть навек причастной,
Ширази.

О тебе я всей душой скорблю, тайну тайн в своей груди
храня,—
«Можно ль моей тайне,— я молю,— быть тебе под-
властной, Ширази?»

О Хафиз, ты — как Багдадский Вор, о любви поешь ты с
давних пор,
Но тебя заморозил, хитер, чародей опасный — Ширази.

Бываю радостным и я — мне чаровницы лестно слово,—
Про сад родной для соловья всегда звучит чудесно слово.

Мне люб веселых песен звук, едва твой лик румяный
вижу,—
Люб певчей птице вешний луг — поет о нем прелестно
слово.

Любовь своей игрою злой мне сердце на куски разбила,
И, злое, ранит, как стрелой,— духовно и телесно — слово.

Я при любимой не предам соперника на посмеянье:
Где роза расцветает, там о терне неуместно слово.

Весть о свидании — добра, и сердце ждет ее с тоскою —
Нет сердцу лучшего добра, но вести той безвестно слово.

Я от возлюбленной далек, и тягостен мне дол скитаний,
Но о любимой, видит бог, мое не бессловесно слово.

И я, невольный пленник бед, влачу любви моей неволю,
И вольного во мне уж нет — я всё поведал честно —
слова.

И сердце бы в пучину мук вовек не кануло безвестно,
Когда бы о спасенье вдруг мне стало бы известно слово.

Любовью истинной влеком, Хафиз не превратился в
небыль,
И станет ведомо о нем повсюду, повсеместно слово.

МУХАММАС

Твои медвяные уста и сладки и всевластны,
Ты молвишь слово — сколь чиста суть речи сладкогласной.
Сколь совершенны красота и облик твой прекрасный!
Мой кипарис, моя мечта, я сердцем — в муке страстной,
Вся сила сердца отнята тобою — розой красной.

Всех кипарисов ты стройней, устами ты румяна,
Нет лучше красоты твоей, и нет красивей стана.
Есть для тебя в душе моей цветущая поляна,
Я млею, словно соловей, а ты, как роза, рдяна,—
О, не губи же, пожалей, души моей несчастной!

О, снизойди же хоть на миг к моей несчастной доле,
Ты выше всех земных владык, а я томлюсь в неволе.
Безумный, я совсем поник, и нет уж силы боле,
Едва увижу я твой лик — и вмиг лишаюсь воли.
Из глаз моих течет родник, а в теле — жар ужасный.

О, смилуйся, мой добрый друг, и сердце мне порадуй,
Освободи из плена мук и стань моей отрадой.
Не одолеть мне гнет разлук, как сердцем ни досадуй,—
К кому ж еще, кто есть вокруг, пойду я за пощадой?
Не растравляй же мой недуг ты мукой ежечасной.

Кто еще в мире наделен челом, таким же томным?
Твоей красою посрамлен, лик солнца станет темным!
Внемли, услышь мой горький стон,— я в горе неумном.
О, смилуйся — сколь жалок он — над бедняком без-
домным,—
Тебе — мой преданный поклон и воле твоей властной!

Налей же мне вина скорей — подай мне кубок пенный,
Дождусь я от гуляк-друзей себе хвалы отменной!
Что тебе стоит — стань добрей, ведь я твой раб пре-
зренный,
Хотя бы взором обогрей,— прошу с мольбой смиренной,—
Ведь счастье — у твоих дверей: оно — твой раб без-
гласный.

Благоуханием тенет твоих кудрей прельщенный,
Весенний ветер переймет их запах благовонный!
Доколе быть в плену невзгод моей душе смущенной?
Дождется ли твоих щедрот твой преданный влюбленный?
Узнает радость и почет лишь раб, тебе подвластный.

Тебя увидел я — и вдруг душа пронзилась светом,
И сердце, словно вешний луг, зардело ярким цветом.
Не будь врагом мне, я — твой друг, почти меня приветом,
К твоим дверям я ношу мук принес, гоним наветом, —
Прими ж вернейшего из слуг, не будь же безучастной.

Кто на тебя еще похож повадкою лукавой? —
Ты всех на свете превзойдешь и красотой и славой.
Все за тебя готовы сплошь и смерть считать забавой.
Страдать Хафизу невтерпеж — помилуй, боже правый,
Ужели ты не снизойдешь к судьбе моей злосчастной!

КЫТА

Благого мудреца я ученик,
В науке слов он, как никто, велик.

Оплошности искать в моих стихах?
Забудь об этом сразу — в тот же миг.

В моих писаньях нет негожих слов:
Как ни ищи — ты не найдешь улик.

Бывает, что калям допустит грех,
Но это лишь — на солнце жалкий блик.

Найдешь огрех — не льстись: и у луны
В урочный час, увы, ущербен лик.

Пред тюрками, Хафиз, во прахе ляг,
Чтобы твое всех покоряло слово.

Коней словес гони, ускорь их шаг,
Сил не жалея — да крепнет сила слова!

Пусть купит перлы слов твоих бедняк,
Чтоб и ему доступно было слово.

И если ты стихам желаешь благ,
Пусть каждый стих горит от пыла слова.

Жаль, если к тюркам Чина бы никак
Твое, увы, не доходило слово!

Сокровищница слов — ценнейший клад,
И, хоть в нем перлы редкие таятся,

Молчанье лучше всех речей стократ,
Сколь бы цветисто нам ни изъясняться.

Пусть в твоём сердце — камень иль булат,
А вовремя смолчишь — они смягчатся.

А если слово молвишь невпопад,
Как бы тебе потом не огорчаться!

Те, что в речах хвастливостью грешат,
Потом, Хафиз, в безвестности влачатся.

Достойному надёжным другом будь,
И добрых чувств для друга не жалея.

Когда ж его обидишь чем-нибудь,
Раскайся всей душою поскорей.

На зеркало один лишь раз дохнуть —
Оно стократ становится светлей.

Кто не чванлив, тот ищет верный путь,
И средь владык миров он — всех сильней.

Будь даже шах ты — не гордись ничуть:
Всем путь к могиле — каждому к своей!

Влюбленный! Гнет соперника суров,
Извечный спутник страсти — боль обид.

Искатель клада — как бы змеелов:
Всегда есть змеи там, где клад зарыт.*

В садах печальны стоны соловьев:
Нет розы, что шипом не уязвит.

Чуждайся зла и к доброте стремись:
Порочному не избежать стыда.

С дурными лучше вовсе не сойтись:
Достойному природа их чужда.

Принизившийся вознесется ввысь:
Себя не чтущих бог почитит всегда.

Где капли вешней влаги пролились,
Там обернется жемчугом вода.

Хафиз, всегда с достойными водись:
Добра прививка — сладок вкус плода.

Не диво, что стремлюсь я в край родной:
Ведь родина, как жизнь, душе близка.

Прольют на море дождик проливной,
Из моря же взяв воду, облака.

Кто с перлами знаком и с их ценой,
Того влечет в глубины рудника.

Везир — на высшей службе должностной,
А всё ж в семью его манит тоска.

И соколу милее дол степной,
А не почет и шахская рука!

Не доверяй приятелям дурным,
Что дружат с твоим лютым супостатом.

Потворствующий недругам твоим
Не станет тебе другом и собратом.

А там, где пастырь волку побратим,
Спасенья нет ни овцам, ни ягнятам.

Не дай взыграть в себе негодованью,
Кто б из людей ни стал тому причиной.

Достойнее быть мускусною ланью,
Чем хвастаться повадкою тигриной.

Стремись к согласью, верен будь старанью
Не подступаться к людям с грозной миной.

Кто искренен всегда, тот почитаем,—
Его достойной почестью отметить.

В достойном нету сходства с негодеям,
И золотом вовек не станет медь.

И если в ком мы подлеца узнаем,
То лучше с ним и дела не иметь!

Быть хочешь умным — прихоти забудь:
Все прихоти — ничтожная забава.

Уж если жить мечтой какой-нибудь,
Мечтай найти покой душевный, право!

У всех мирских забот — пустая суть:
Всё в этом мире суетно, лукаво.

Нам всем дано последним сном уснуть —
О, если б добрая нас ожидала слава!

РУБАИ

Само светило на твой лик летит, как мотылек,
Все ангелы в единый миг падут у твоих ног.
Я ж о рубинах уст твоих осмелился спросить,—
Казни, владыка всех владык, меня за мой намек!

Нет, не жалеет меня та, чье сердце — как булат:
Жестокость ее глаз крута, они меня казнят.
Влюбленный за твои уста и жизнь отдать готов:
Пусть его жизнь и отнята, был смел он, как Фархад.

Чье сердце ноет, словно от ожога,
В душе того — и мука и тревога.
Но вот что меня тешит хоть немного:
Что ни случится — всё во власти бога.

Когда любовь мне сердце жжет все боле,
В нем боль — одна, другой уж нету боли.
У этой боли вся душа в неволе,
И в той неволе — радость вольной доли.

Недобрый человек — душе не друг,
Соленых почв не терпит вешний луг.
Кто полюбил, а не изведаль мук,—
Увы, неизлечим его недуг.

Пока на свете быть устам медовым,
Не распростится мир со сладким словом.
Сад, оглашенный соловьиным зовом,
Для всех влюбленных будет вечно новым.

Шахиня о рабе и не вспомянет,
На преданного друга и не глянет.

И, видно, ждал я верности напрасно:
Душа от муки, верно, в небыль канет.

Стан ее строен, а меня расстроил:
Придет ли миг, что мне спасеньем станет?

У пери стан такой, что и до смерти
Она терзать меня не перестанет.

Молитесь за меня — уже не рано:
Бровей лукавых луки меня рванят.

Твоей красою солнце занялося,
И лунный свет не у тебя ли занят?

Как ни бранишь ты — сердце тебе верно
И о тебе молиться не устанет.

И сколько б в мире ни было красивых,
Твоя лишь красота Хафиза манит.

И соловей, среди ветвей поющий,
Пусть эту песню звонкую затянет:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей, —
Одной любовью жив любой живущий!»

Из-за кудрей твоих — мой чадный стон,
Черна от дыма вязь моих письмен.

Увижу я извивы твоих кос —
Согбенный стан мой долу преклонен.

Безгласный раб, во всем виновен я,
И грех мой в том, что я в тебя влюблен.

С тобою не сравниться никому:
Все — сорняки, лишь ты одна — бутон.

Любимой в сердце путь — через глаза,—
Тот путь душой надежно охранен.

В твоих очах — пристанище беды,
Весь мир твоим коварством разорен.

Любимой и неведомо о том,
Что пыл любви сильнее всех пламен.

Над пешками всегда властитель — шах
В игре любви, Хафиз, таков закон.

Речь о твоих достоинствах долга,
И мой припев да будет сокращен:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей,—
Одной любовью жив любой живущий!»

Твой лик — луна, светящая с высот,
Ты — роза роз, другие все — осот.

Тюльпан с тобой сравниться захотел —
Печален был затеи той исход.

И с розою сравнить твой облик — грех:
Что за пример — в нем все слова вразброд.

И среди всех, кто и красив и мил,
Ты — шах, другие — подданный народ.

Мой жаркий стон всю душу мне обжег,
Мой страстный пыл дотла меня сожжет.

Коварен твоих черных кос извив —
Не так ли стан мой скручен от невзгод.

Кем взято твое сердце, о Хафиз, —
Не тою ли, чей взор тебя гнетет?

На суд любви я страсть мою принес,
И бог — свидетель мой, он все поймет.

Петь о любви иное — просто грех,
Я помню все слова наперечет:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей
Одной любовью жив любой живущий!»

Как кипарис, стройна ты, прямостанна,
И всё в тебе и ладно и желанно.

Ты красотой своей меня пленила,
И я в мечтах — с тобою непрестанно.

Твоя любовь безжалостна, как сокол,
Моя ж душа, как жертва, бездыханна.

Но я в когтях любви не беззащитен:
Любимая добра ко мне безгранно.

Душа моя пылает жаром страсти,
Слова любви твержу я безустанно.

Я — подневольный раб своей же тайны:
Ей любо меня мучить невозбранно.

Меня ты мучишь хитро и лукаво —
Вняла бы ты мольбе моей нежданно!

Тебе бы стать Аязом при Махмуде —
И ты, Хафиз, был рад бы несказанно.

Обрести бы сердцу счастье встречи с розой,
Одна лишь песня мне была б желанна:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей,
Одной любовью жив любой живущий!»

Жив лишь одною пищей бед влюбленный —
Печален счет твоих примет, влюбленный!

Пылаешь ты, как для гостей жаровня, —
Беда — твой гость и твой сосед, влюбленный.

Не диво, что ты горечь слез глотаешь:
Усладной пищи тебе нет, влюбленный.

Со сворой псов у милого порога
Встречает стоном свой рассвет влюбленный.

В садах любви ты — кипарис прекрасный,
Твоим сияньем обогрет влюбленный.

Во прахе пав у твоего порога,
Слезами оросит твой след влюбленный.

Внемли же мне, послушай это слово,
Тебе — наказ в нем и совет, влюбленный.

Ты обретешь, Хафиз, и свет и счастье,
Порукою тому — весь свет влюбленный.

Всею истомленным — это мое слово,
Вот тебе ныне мой завет, влюбленный:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей,
Одной любовью жив любой живущий!»

Не кыбла ли в тебе воплощена?
Где светит лик твой, там мертва луна.

Но чистота зеркального чела
Не стоном ли моим замутнена?

Михрабы все склонились пред тобой:
Тьмой Судной ночи бровь твоя темна.

Душа — в оковах локонов твоих,
Во благо мне неволя ей дана.

Мой чадный стон — как вязь твоих кудрей,—
В бездонной бездне мук не видно дна.

Стенаю я, горя в огне любви,—
Больное сердце ноет, как струна.

Когда из уст твоих польется речь,
Вся быль и небыль разом в ней видна.

Но ты, Хафиз, увидишь милый лик —
Тебе судьба благая суждена.

С тех пор, как в мире слово рождено,
Не к сердцу ль эта речь обращена:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей,
Одной любовью жив любой живущий!»

Краса моей возлюбленной прелестна,
Лукавство ее хитростей чудесно:

Румянцем щек приманит да обманет —
Присуще ей обманывать бесчестно.

С ее красою солнцу не сравниться:
Зайдет — и нет его в стране небесной.

Уста ее хвалю, но как найти их?
Но есть они — их речь не бессловесна.

И если милых уст совсем не видно,
Зачем же мне печаль о них известна!

Я нынче у дверей ее не плакал —
Болела голова, скажу я честно.

Безлестно она прочит мне разлуку,
Но с нею быть в мечтах всегда мне лестно.

Ты пред такой красой лишишься речи
И пропадешь, Хафиз, увы, безвестно.

В устах влюбленных, знавших боль и горе,
Такая речь правдива и уместна:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей,
Одной любовью жив любой живущий!»

Лучи твоей красоты лишь заблестят —
И солнце вмиг уходит на закат.

А родинка на розовом челе —
То не Биляль вошел ли в райский сад?

Как ни зову тебя — ответа нет,
Что за причина, в чем я виноват?

Кровав от муки слез моих поток —
Тебе бедой он не был бы чреват!

Мечтая, стал и сам я — как мечта:
Неуловим, на части я разъят.

Я в небыль превратился от любви —
Лишь ты в моей душе да боль утрат.

Я к твоему порогу припаду —
Лишь там я жив, лишь там я жизни рад.

Обманешь ты Хафиза, не мани:
Ты манишь, а глаза твои хитрят.

Но всей душой я повторю стократ
Заветный стих, что слаще всех услад:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей,
Одной любовью жив любой живущий!»

Твой облик, красотой столь совершенный,—
Творение десницы вдохновенной.

Едва свой лик и очи ты откроешь —
Уходит солнце на закат смятенно.

Чело твое и брови — словно в небе
Два месяца с луной одновременно!

А родинок смутительные зёрна
Смущают сердце смутой дерзновенной.

Ты — сам тюльпан с губами-лепестками,
Молчащими о тайне сокровенной.

И, если ее стан вы не видали,
На кипарис взгляните несравненный.

Уста ее и губы лишь представьте,
Поймите слог речей проникновенный.

Хафиз — в оковах локонов любимой,
Подавлен и смирен неволей пленной.

И если звучное вам любо слово,
Услышите этот мой напев смиренный:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей,
Одной любовью жив любой живущий!»

Алишер Навои

АЛИШЕР НАВОИ (1441—1501) — величайший узбекский поэт, основатель староузбекской литературы и основоположник узбекского литературного языка. Хотя его поэтическое творчество и было предварено поэтическими свершениями его предшественников и старших современников — Лютфи, Гадаи, Саккаки, Атаи, Амири и др., тем не менее именно в творчестве Навои узбекский национальный стих приобретает черты высокого совершенства и формально-просодической отточенности. Ярчайшим свидетельством новаторской роли Навои является количество и качество свершенного им.

Перу Навои принадлежат огромный четырехтомный диван (сборник) лирики «Сокровищница мыслей», эпический цикл поэм («Пятерица»), замечательная поэма «Язык птиц», поэтическая антология «Собрание избранных», научные трактаты «Состязание двух языков» и «Весы размеров», дидактико-философское произведение «Возлюбленный сердец», а также многочисленные другие сочинения.

Диван стихов Навои включает в себя около двух с половиной тысяч газелей, а также другие разновидности лирики (касыды, кыта, рубай, туюги и др.). В этих произведениях Навои проявляет значительную творческую самобытность, хотя и создает их в «этикетной» манере поэзии на персидско-таджикском языке, уже имевшей ко времени Навои пятивековую историю, и предшествовавшей ей староузбекской поэзии. Творческая индивидуальность и неповторимость Навои в лирике прояв-

ляется в том, что он обогащает палитру традиционных канонизированных образов газелей введением новых их вариаций и осмыслений. Афористическая отточенность каждого бейта достигает у Навои высшей степени виртуозности, он богато использует достижения персидско-таджикской и тюркской поэзии в игре слов, игре рифм, создает парадоксальные образы, как бы «выскакивающие» в более позднюю поэтику.

Основным новаторским достижением Навои и при его жизни, и в последующие эпохи считалось создание им «Пятерицы» — цикла поэм на традиционные сюжеты, уже освященные персидско-таджикской поэтической традицией. Цикл состоит из пяти поэм — «Смятение праведных», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Вал Искандера». Поэмы были написаны на староузбекском языке, до этого считавшемся непригодным для подобных поэтических свершений. Осуществив в 1483—1485 гг. создание этого цикла — цели своей жизни, Навои тем самым доказывает, что достоинства староузбекского языка позволяют выражать все оттенки смысла и поэтической формы, которые считались привилегией персидско-таджикской поэзии. Но Навои не удовлетворяется одним лишь осуществлением этой гигантской творческой задачи. Он создает научный трактат, в котором производит сравнение двух языков — своего родного и высокоразвитого персидско-таджикского, «Состязание двух языков». Навои показывает необычайно широкие пласты староузбекской лексики, его богатейшую синонимику и доступность для своего родного языка выражения любых смысловых коллизий, утверждая в отдельных случаях, что лексические богатства староузбекского языка не только не уступают словарному богатству персидско-таджикского языка, но в некотором отношении и превосходят его.

В таком виде предстает весьма последовательно осуществленная цель творческого подвига Навои, сознательно поставленная им перед собой еще в юные годы. Поэт вполне осознает значительность свершенного им. Прямое свидетельство этого содержится и в соответствующих отрывках из поэм «Пятерицы» и — в наиболее концентрированном виде — в поэме «Язык птиц», завершающей его поэтическое творчество (поэма была написана в течение двух последних лет его жизни).

В разлуке лик мой — как шафран, цвести на нем слезам-
 тюльпанам,
 Не слезы — это кровь от ран на мертвом сердце, в клочья
 рваном.
 «Жемчужины твоих зубов,— сказал я,— сев терпенья
 губят»,—
 Она в ответ мне: «Град суров, несущий гибель всем
 полянам!»

На розе ярче багреца сверкают сладкие росинки,—
 Иль это — нежная пыльца, приставшая к устам румяным?
 Тростинки острых стрел твоих, пробивших грудь мне,
 обломались —
 Еще трепещут жала их в истекшем кровью сердце рдяном.
 Все девять блещущих небес* вокруг тебя кружатся в
 смуте,—
 Никто не знал таких чудес — при солнце быть таким
 арканам!

Рыдаю я в потоках слез, навек покинутый друзьями:
 Стенаю я, как жалкий пес, в степи забытый караваном.
 Стал Навои горою бед: цветут тюльпаны-слезы кровью,
 Горою быть — его обет, и — вечно цвествь слезам
 багряным.

Скиталец горький, страсть таю я к пери чудной красоты,
 Дивится мир на страсть мою, меня ж дивят ее черты.
 Ты лечишь жар, что грудь мне сжег, ко мне летящим
 ливнем стрел
 Подобен каплям их поток, прохладу льющий с высоты.

Ты, сердце,— воин, вражий стан тебе грозит — кольцо
скорбей,

А пятна незаживших ран — твои багряные щиты.

Что это — красных перьев цвет, венчающих тростинки
стрел,

Иль моим сердцем струи бед — потоки крови пролиты?

К тебе письмо — мой страстный зов — придет ли? Грозен
суд людской:

Скрыть твое имя я готов — спасти тебя от клеветы.

Красивым пологом одет приют веселья и вина:

Над ним сияет солнца свет, и выси горние чисты.

Над розой соловей притих, но налетит тяжелый град —
Увянет роза уст твоих — засохнут нежные цветы.

«Не стоит,— говорят,— любви жизнь не отдавший за
любовь»,—

Пусть за любовь, о Навои, сто жизней будут отняты!

Я, жалкий, только и пригож тебе игрушкой быть от скуки:
Дитя, в подарок ты возьмешь мои страдания и муки.

Увидел я твой нежный рот — и пальцы закусил от боли,
Как жаль: не уст вкусил я мед, а впился в собственные
руки!

«Зачем тобою вонзены,— спросил я,— в сердце мое
стрелы?»

«Огню любви дрова нужны,— сожги их!»— был ответ от
злюки.

Из луков выгнутых бровей ты стрелы бед в страдальцев
мечешь,

В меня прицелься поточней — да шлют мне смерть тугие
луки.

В зеркале чар ее мой стон да отразится страстным зовом:
Зеркальным блеском отражен, он даст надежду мне в
разлуке.

Мой, чаровница, рок суров: украла пери мое сердце,
Оно покинуло свой кров — ему горьки мои доуки.

Да, Навои безумен: он к жилищу милой путь направил.
Я слышу там какой-то стон, но что таится в этом звуке?

Едва она скрывала лик, я капли слез ронял уныло:
Рожденью звезд дарован миг, когда скрывается светило,

Мне пища — горечь миндаля, мне либо жить в тиши
михраба:
О брови-очи! Их моля, живу я, вера мне постыла!

«Как жестоки твои уста,— я ей сказал,— чужда им нега!»
«Что ж,— отвечает,— неспроста в рубине — камня твердь
и сила!»

Ты мечешь стрелы, их набег то сердце губит мне, то —
душу:
Не поделить им стрел вовек, и сердце уж душе не мило.

Быть вечным хочешь — отрешись от суеты в уединенье:
Подобен Хызру кипарис, его — свобода ввысь возносила.

Нет, Навои, тебе — не в стыд и жизнь отдать за брови
милой:
Главу к михрабу приклонит любой, в ком сердце не остыло.

Да, верным людям дарит рок мучений и невзгод немало,
Он на страданья их обрек — обид и мук им шлет немало.

Нешадны тяготы опал, и верных на земле не сыщешь:
Их прахом бедствий осыпал сей древний небосвод немало.

Лекарства от небесных бед не отыскал никто вовеки:
В ларце судьбы их нет как нет, и не смягчится гнет немало!

Желанным перлом обладать желаешь — жизнь отдай и
душу:
Мир ценит эту благодать и за нее берет немало.

За ближних жертвуя собой, как ждал я верности ответной!
Да буду я храним судьбой — мне стоил мой просчет
немало.

О шах! Мужей благой стези не устрашай мечом гонений,
Кровавой карой не грози — бездольных страх неймет
немало.

Освободи свой дух смелей из клетки суетных желаний:
Пленный страстью соловей грустит в плену тенет немало.

Мечтой о чаше райских благ не скинуть путы своелюбья —
За чашу тлена жертвой ляг: она оков порвет немало.

О Навои, лелей мечту о кушах цветника иного:
Ведь от ворон в мирском саду и бедствий и забот немало!

Увидев чудный образ твой, томим любовью страстной
стал я,
Душой и сердцем слит с тобой, наверно, в день злосчаст-
ный стал я!

О, сколько я твердил тайком: «Мне б от тебя отвадить
сердце!»—
Но день за днем сильней влеком к тебе, моей прекрасной,
стал я.

«О, будь верна!»— я пал пред ней, она ж, меня вконец
измучив,
Сказала: «Жертвой будь моей!»— и жертвою безгласной
стал я.

Ты говоришь мне: «Кто ж, любя, таким безумьем прегре-
шает?» —
На все готов я для тебя: твоим — о, дар напрасный! —
стал я.

О сердце, что мне твой совет! Покинь меня, ступай ски-
таться:
Ты претерпело сотни бед, — сто первой сам, несчастный,
стал я.

Живой водою я владел, и кубок Джама был со мною —
О кравчий, нищенский удел терпеть, на все согласный,
стал я.

И не исходит стон немой, о Навои, из струн печальных,
Мой стон немой — совсем не мой: рабом тоски всечасной
стал я.

Ты прийти ко мне сулила — ложен был обет, увы,
До утра не спал от пыла — нет мне сна и нет, увы.

На дорогу я, унылый, выходил томиться-ждать —
Нет и следа моей милой, в сердце — горя след, увы.

Не пришла, нарушив слово, лунною красой светясь,
Не пришла под сень покровы моих темных бед, увы.

В одиночестве угрюмом, как безумный, я рыдал:
Не нашлось людей, чьим глумом не был я задет, увы.

Не губи меня упреком — что, мол, плача, влагу льешь?
Дан кровавых слез потокам только красный цвет, увы.

Что друзьям в моей доле — льнуть к любимой норовят,
Все идут по доброй воле лишь за ней вослед, увы.

Навои, вином шипучим дом души возвесели:
Дом лишь тот бедой не мучим, что вином согрет, увы!

Шах и дервиш покуда есть, да чтут они завет творца:
Служить дервишам — шаху честь, они ж — верны стократ
ему.

Не от гордыни не умолк и нижег речи Навои:
Лишь милость шаха и свой долг таж говорить ведят ему.

О, пусть от друга сердца вам обиды никогда не будет,
Беды, такой, как у меня,— всесветного стыда не будет.

Сражен враждебною молвой, уйду скитаться я по свету:
Пусть и кумира моего порочить та вражда не будет.

О, покарай меня, творец, жестокой, нестерпимой мукой —
Тогда к обидчику любовь ни в ком уже тверда не будет.

Я умер — горю не помочь, но вас, влюбленные, прошу я:
Пусть вам смертельная печаль — скорбь обо мне чужда не
будет.

Не тщись участием укреплять, приятель, сломленное
сердце:
Оно ввергает в муки всех — пусть от него вреда не будет.

О ветер, донеси мой стон до пира, где кумир мой весел,—
Пусть в чаше хмеля для него услады и следа не будет.

И ты был счастлив, Навои, но вот — отогнан от порога:
Пусть мимолетным торжеством ничья душа горда не будет.

Друг сердца с верными суров: обидам верен и укорам,
Он за смиренную мольбу клеймит покорного позором.

И тот, кто преданной душой мечтал о благах единенья,
Окручен путами измен и отдан в плен пустым раздорам.

А супостаты да враги стократ безвинно оклеветают —
Сынов безрадостной судьбы ославят злобным оговором.

И если б сам судил — ну что ж: по прегрешеньям и
возмездье,
А то беда, что судит враг судом неправедным и скорым.

Пусть сам убьет своей рукой — я не страшусь, но вот
несчастье:
Врагами поправанный во прах, я — жертва их жестоким
сворам.

А если роза неверна, увы, напрасны все старанья:
Мне птицу сердца не сдержать — она летит к иным
просторам.

Судьбой согнуло, словно лук, хребты, что были словно
стрелы,—
Шах на кривых от кривды душ взирает благосклонным
взором.

И смерть настигла б Навои, когда бы не было надежды,—
Тоска изгнанья каждый миг грозит несчастному измором.

О, мне бы крылья! Ввысь взлетев, летел бы вдаль, людей
забыв,
Сгорели б крылья — побежал, подальше, прочь — пока
я жив!

О, я покинул бы сей мир, и, пусть не дан мне дар Исы,—
Мне вместо крыльев — пыл души и одиноких дум порыв.

Увы, союз с людьми — тщета: я, пленник тысячи скорбей,
Готов единожды спастись, тысячекратно жизнь сгубив!

От друга — тысячи обид, и сотни бедствий от врагов,
И — за себя жестокий стыд, и — гнев людской неспра-
ведлив.

Мне не смотреть бы на людей, а растворить бы чернь
зрачков,
Всей чернотою тех чернил себя навеки очернив!

Для птицы сердца моего мал вещей птицы дальний путь:
Я тверд душою, как гора, и дух мой тверд и терпелив.
Когда б не шахской дружбы плен, как Навои на свете
жить,
Привязанности к двум мирам ни на волос не сохранив!

На всех влюбленных в ту луну быть рабскому клейму,
Заменит прах с ее следов для их очей сурьму.

Зачем мне кряжи дальних гор? Мне хватит и того,
Что я и гору бед моих до неба подниму!

Я стал добычей воронья — о небо, пощади,
Не прибавляй своих когтей к терзанию моему.

Пусть шах в атласе и в венце — мне дорог вид иной:
Узбек мой ходит в колпаке, и люб халат ему.

И, рад уюту погребка, я не пойду в цветник:
Я розоцветный хмель налью — страдания уйму.

Когда тебе уж пятьдесят, смиреньем запасись:
Довольно буйства юных лет и сердцу и уму.

Суров кумир твой, Навои, и милости не жди:
Подачек ждать не позволяй рассудку своему!

Я странником пустился в путь, чтоб жар любви во мне
иссяк,
Но пламя всё сильнее вздувал не то что путь, а каждый
шаг.

Куда стопы ни направлял — единый шаг, единый вздох —
И рать мучений набежит, и пламя то рождало мрак.

Не верь, когда расскажут, друг, что странствием излечишь
страсть,
Ведь это ложь: покоя мне не принесла стезя бродяг!

Влюбленным незачем искать разлуки отрешенный край:
Там каждый камень — как гора, и каждый стебель — что
тесак.

Пусть лучше рухнет на меня стена на улице ее,
Чем без нее найти приют в пристанище священных благ.

В любви я плоть свою обрел, влачась в степи небытия,
Но, плоть измучив, я свой дух с любовью лишь сильнее
сопряг.

Не тщись разубеждать меня речами мудрыми, о друг,—
Для Навои влюбленным быть — судьба предначертала
знак!

У любимой над крышей не голуби стаяй кружат,
Это пери, как птицы, слетелись для нег и усад,

Или ангелы стайкой сюда устремили полет,
Над любимой кружатся, тая очарованный взгляд?

Или это плененных ее красотой сердца,
Словно легкие птицы, над крышей спускаясь, парят?

Или голуби вьются и письма влюбленных несут,
Вновь парят и взмывают, не в силах вернуться назад?

Дай вина, виночерпий, поймаем с тобой голубей —
Я по той, что их кормит, смертельной печалью объят.

Голубь, что ты скрываешь под шелковым пухом крыла?
Передай ей записку, где строчки тоскою горят.

Навои, ты, как голубь, к ногам луноликой слети
И, взмывая крылами, пари и спускайся стократ.

Все сердце порвано в куски — подруга не щадит его,
Она не глянет ни на миг на кровь и скорбь обид его!

Слеза бежит с моих ресниц, как среди терниев дитя:
Запнувшись, упадет на шип — и острие пронзит его.

Когда бы голубь смог прочесть письмо, что он принес тебе,
То стал бы тысячами ран тотчас же клюв покрыт его!

Погибельны твои глаза для жаждущего уст твоих,
Но за уста он жизнь отдаст — нектар их оживит его.

Напрасно умный на коне в обитель разума спешит:
Безумца на стене верхом напоминает вид его!

Взвалил себе на плечи спесь — к повиновенью привыкай:
Согнет та ноша стройный стан, дугою искривит его.

Кто раз притворно захрапел, а через миг открыл глаза,
Тот не успеет и моргнуть — слывет лжецом, — вот стыд
его!

Я умер, сердце же мое лежит у милой на пути, —
О ветер, мимо пролетай — твой зов не заманит его.

И если сердце Навои, сожженное огнем измен,
Ударит в чанг, то стону струн подобен будет взрыд его!

Он любить мне запрещает, простодушный, кроткий шейх!
Э, какой там кроткий! Злыдень, мерзкий пес в чесотке,
шейх!

Что в вине твоём соринки, если даже коврик свой
После омовенья стелет в луже посередке шейх!*

В море лжи и лицемерья, духом алчности гоним,
Посохом-веслом махая, плавает, как в лодке, шейх.

Яркий свет ума и веры разве может излучать
В заблуждениях погрязший разум твой короткий, шейх?

Сеть обмана расстилает для доверчивых людей,
Сделав зернами приманки погремушки-четки, шейх.

В ярости он — хищник дикий, похотлив — как грубый
скот,
Хоть и кажется двуногим по прямой походке шейх.

На людей похожим станет разве только в кабачке,
Если хмелем брэнной влаги пополощет в глотке шейх!

Если меж твоих собратьев я бы честного нашел,
Я рабом ему служил бы, радуясь находке, шейх!

Ты себя считаешь мужем, а наряд твой так цветист,
Что под стать лишь пестрой птице или глупой тетке,
шейх!

Простодушна юность в дружбе, к ней стремится Навои,
Не беда, что дружбу тоже запрещает кроткий шейх!

Моя безумная душа в обломках сломленного тела —
Как тот безумец, что притих среди развалин онемело.

Краса твоих рубинов-уст чудесно оживляет мертвых —
То, верно, на живой родник дыханье божие слетело!

Жемчужины твоих зубов как будто в раковине скрыты,
Улыбка створки разомкнет — гляжу на блеск оцепенело.

Стекая, медленно дрожит в моих ресницах капля крови —
То, в капле влаги отразясь, наверно, роза заалела.

Я стан твой вспомню — и в строке все недописанные
буквы
Прямы, как в слове «джан» «алиф»*, что выводил писец
умело.

Всю жизнь отдам я за тебя, любовь моя, ты — совершен-
ство:
Как среди тварей человек, ты меж людьми царишь всецело!

И если хочешь, Навои, чтоб людям смерть не слала горе,
Про горе не слагай стихи, в которых бы страданье пело!

Вчера я с луноликой был — ах, это сон, виденья бред!
О, нет, не бред: где нету сна, там сновидений тоже нет!

Поверженного сердца зов — то о свидании мольба,—
Так нищего немой вопрос завесою стыда одет.

Ах, очи на твоём лице — как буква «айн»* на строчках
книг,
А пятнышки в твоих очах — как на нарциссах точек след.

И стан мой немощью согбен перед красой того чела —
Так меркнет месяц в небесах, сияньем солнечным задет.

Слезами орошу я путь — мой кипарис сюда придет:
Проглянет, словно бы росток, живую влагою согрет.

Мечом измены, как калям, засохший стан мой расщеплен,
Мой стон немой — словно не мой: камыш засох — напевам
вред!

Как животворна влага уст, но Навои не пить нектар,
И Хызра век не для него: ему не видеть долгих лет!

Встречай вином и вечер и восход,
Лишь кабачок — спасенье от невзгод.

Налей фиал, что на тюльпан похож,
Едва лишь день тюльпаном расцветет.

Пей дотемна, ночь освежит твой вздох
Прохладою, спустившейся с высот.

Пей до поры, когда светило дня
В степи небес, как странник, побредет.

И кубок свой из рук не выпускай:
Хозяин не назначил чашам счет.

Когда твой рок послал тебе беду,
Изменишь ли его круговорот?

Ты, Навои, в тернистых путах зла —
Подай, господь, спасенье от тенет!

Всегда он в обуви грубой, с небрежной чалмой — грубиян,
До смерти обидеть может приятель мой грубиян!

Его сдержать я стараюсь, но кто ни подступит к нему,
Ответит дерзостью грубой, обидой прямой — грубиян.

Не диво, что конь строптивый под стать хозяину дик,
Когда в быстрой скачке мчится стремглав домой грубиян.

Он каждый миг помышляет до смерти меня извести —
О, если бы с ним сдружился такой же злой грубиян!

В саду, во время попойки, буянил приятель мой —
О ветер, не дуй так резко: сморен дремой грубиян.

Она ушла, покинув пир, и села на коня, хмельна,
А я к стопам ее приник, с мольбой держась за стремяна.

Нет, мне ее не возвратить, но я бы в жертву жизнь принес,
Лишь силой чуда бы она была на пир возвращена!

Торопит всадница коня — и сердце падает в груди,
Мечом обиды ранен я, жестоко грудь уязвлена.

Зачем не насмерть я сражен? Не легче ль муки мне пресечь,
Чем торопить в обратный путь и гнать сквозь темень
скакуна?

Как горько одиноким быть на горьком пиршестве скорбей:
Нарушен сердца сладкий сон, душа покоя лишена.

От века так заведено: кто чашу радости вкусил,
Сто кубков горечи тому судьба велит испить до дна!

Я в одиночестве умру. Не диво ль — преданность моя
Ответной верностью в любви ни разу не награждена.

Когда белеет голова, с уединением смиришь,
Ведь не украсят юный пир ни грусть твоя, ни седина!

Неверную не возвратишь. К чему ж терзаться, Навои?
Смотри: ты бледен, стан дрожит, душа печалью смущена.

Я луноликой бы не смог и слова молвить за сто лет,
А если б и сказал — стократ я был отвергнут бы в ответ.

Любви в ней нет, но иногда вдруг милосердьем одарит —
И люди в зависти язвят меня уколами клевет.

И странно ведь: она весь мир навек поссорила со мной,
А у самой — друзей не счесть, ей мил в пиру любой сосед.

А как иначе? Верный друг всегда доверьем обделен,
Пока чужие — как друзья, и каждый лаской обогрет.

И, значит, люди неверны, как неверна и жизнь, о Хызр,
Раз Искандер, построив вал, смутьянам положил запрет.

Блажен, кто отыскал приют, который людям не найти,
Хоть и обещут даль времен, хоть и обрыщут целый свет.

Жестокостям сынов времен, о виночерпий, нет границ!
Дай чашу мне, чтоб ум померк, а разума пропал и след.

А если помощь мне подаст Фархадов и Медждунов
рой,

И сотней уст не вразумит безумца добрый их совет.

Могучий, словно небо, шах иль луноликий кипарис —
В жестокости, о Навои, различий между ними нет!

Хоть бодры телом и душой бывают старики,
Сравнятся с молодыми им — потуги нележки!

Пристала ль белой бороде горячность юных лет?
Пожухнув, вновь не зацветут вовеки лепестки.

И странно, если невпопад, как юный, скор старик,
А молодой — в повадках стар, рассудку вопреки.

В ходьбе подмогою — клюка, а пика — ни к чему:
Помехой будет, если взять ее взамен клюки.

Но и с клюкой не будет прям согнувшийся в дугу,
И если б юный это знал, согнулся бы с тоски!

Когда глаза запали вглубь, считай, что сильный муж
Смушенье слабости укрыл в запавшие зрачки!

Вот стар я стал, и осужден я сплетнями ханжей:
Про тайные мои грехи твердят клеветники.

А те, кто в юности чисты, пусть вознесут хвалу
За то, что бог укрыл от них бесчестья тайники.

Никто не волен — стар ли, юн — в добре или грехе,
И те, кто ропшет на судьбу, от блага далеки.

Кто в молодости был строптив, веленьям не внимал,
Укоры совести его под старость велики.

Господня благость — океан: надежду буря шлет,
Отчаяньем, о Навои, себя не допеки!

Если в юности ты не прислуживал старым,
Сам состаришься — юных не мучай задаром.

Старость близится — будь уважителен к старцам,
Но от юных не требуй служить тебе с жаром.

Распалившийся хмелем, подвыпивший старец —
Как старуха, что красится красным отваром.

Будто розы и листья пришиты к коряге,
Вид у пестрой одежды на старце поджаром.

Если мускус твой стал камфарой, не смешно ли
Камфару или мускус искать по базарам?

Постарев, обретешь и почет и почтенье,
Притворясь молодым, обречешь себя карам.

Если в юности ты не роптал и смирялся,
Как состаришься — время ли спеси и сварам?

Благодатна судьба у того молодого,
Кто чело не спалил вожделением ярым.

Если похоть жжет старца чесоточным зудом,
В нем как будто пороки смердят перегаром.

С юным кравчим, со старцем-наставником знайся
Если тянешься дружбой и к юным и к старым.

Навои прожил век свой в погибельной смуте,
Хоть почтен был и славой и доблестным даром.

В пустыне горьких мук любви, безумец, я сожжен
разлукой,
И попрекают все меня за то, что я клеймен разлукой!

В убогой хижине моей я дружен с чашей одинокой.—
Где сотрапезник мой, где друг? Увы, всего лишен разлукой.

Вдруг о неверности твоей ко мне тревожный слух доходит,
И вот повержен, сломлен я, исторгнут в сердце стон
разлукой.

Гордец! В суровый час беды будь с теми, кто судьбой
унижен,—
Ведь нынче их шадит судьба, а ты уже сражен разлукой.

Клянусь: готов сто тысяч бед перенести за миг свиданья,
Но не приму я хребий мой, когда грозит мне он разлукой.

Отвергнутый, я слезы лил, чтоб мой посев взошел
плодами,—
Увы, не даст плодов росток — он в сердце заронен
разлукой.

О Навои, когда мы ждем соединения с любимой,
Сто тысяч бедствий претерпеть положен нам закон
разлукой.

О сердце, столько на земле враги вреда нам сделали,
Что даже преданность друзей сплошным обманом сделали.

Чадит от жара голова, как будто камни горестей
Пробили в куполе дыру — его с изъяном сделали.

На голове — не чернь волос, то — налетели вороны
И гнезда там, чтобы припасть к кровавым ранам, сделали.

От тьмы измены небосвод оделся черным войлоком,
А зори, ворот разорвав, рассвет румяным сделали.

Иссяк во мне огонь любви, но тело, как соломинку,
Страданья страсти обожгли и пеплом рдяным сделали.

Подай вина! Ведь мудрецы давно открыли истину:
Не солнце, а светила чаш рассвет багряным сделали.

Кааба или кабачок, о Навои,— пристанище:
Ведь их себе печаль и грех защитным станом сделали.

У твоего жилья, озлясь, подняли вой собаки —
Зачем же воют, если я еще живой, собаки?

Не потому ль, что умер я в скитальческой недоле,
Перекликаются, скуля, одна с другой собаки?

А может быть, им шеи трут ошейники с шипами,
И потому всю ночь визжат наперебой собаки?

Оплакивать ли смерть мою они сюда сбежались,
Хотят ли голод утолить, наевшись мной, собаки?

Голодным нюхом чуя плоть, сбегаются с урачаньем,
Они кружат вокруг меня, как жадный рой, собаки!

Зовешься львом — настигни лань в уединенном доле,
А падаль суеты мирской — добыча злой собаки!

Не странно, если к Навои соперники пристанут:
За нищим странником всегда бегут гурьбой собаки!

В моих слезах — из сердца кровь, поток их красным
кажется,
Да, это — кровь, хоть отблеск слез порой и ясным кажется.

Я раз припал к ее губам — мой ум сражен безумием:
Кто тих — и тот, испив вина, порой опасным кажется.

Страшна и малая печаль для сердца сокрушенного:
Подбитой птице ком земли — и тот ужасным кажется.

Увижу днем ее чело — оно и ночью снится мне:
Взглянув на солнце, взор смежишь — оно всё красным
кажется.

Вокруг себя людскую кровь ты проливала реками,
В них груда черепов-камней пластом безгласным кажется.

Дверь кабачка закрой не всю — как лик прикрыли локоны:
В полнеба разлитой закат всегда прекрасным кажется.

Взгляни, о боже, Навои какой объят молитвою:
Мне брови чудятся, михраб в их сгибе властным кажется.

Безумство и любовь, вы нас для всех позором сделали,
И отданными в плен молве и в дар раздорам сделали.

Вы сердце бедное мое побили градом горестей
И муку тайных ран его открытой взорам сделали.

Такой бедую никого из любящих не мучили,
Меня ж — на муки обрекли, больным и хворым сделали.

Когда в ночь скорби я погиб, стал мрак мне одеянием,
Тьму ночи — трауром по мне, моим убором сделали.

И если я умру, друзья, отравой мук истерзанный,
Ну что ж — вы избавленье мне тем приговором сделали.

Пусть радость суждена тому, кому любовь — пристанище,
Меня ж скитальцем по чужим глухим просторам сделали.

Хоть я не с голубем дружу, а с птицею забвения,
Меня вы притчею толпе, ее укорам сделали.

О вы, кто в цветнике мирском налили кубки радостью,
Зачем вы горькой нашу жизнь, губя нас мором, сделали?

О вы — безумство и любовь, вы нас позору предали,
И явной тайну Навои вы вражьим сворам сделали.

Еще не слышал я из уст ее ни слова,
А ей в лицо взглянуть — желанья нет такого!

Грозишься ты сгубить людей своим злоречьем —
Смотри, остерегись, будь к злу сама готова.

О жаждущий любви, сраженный силой страсти!
Измучен — а терпи и покоряйся снова!

Она друзей не чтит, других любовью дарит,
Своих разогнала, приблизила чужого.

Накидка у святош хоть и без дыр кроится,
Не процедить вино рядом того покрова.

Хоть верности людской еще никто не ведал,
А преданности ждешь — будь верным, вот — основа!

У лживых, Навои, непрочна нить обета,
Порви надежды нить, с красивыми — ни слова!

О, не врачуйте сердце мне, оно от муки омертвело,
Пусть разорвется вместе с ним и всё истерзанное тело!

Спустите на меня собак — хранителей ее порога,
Пусть гонят яростно меня — душа бы радостью зардела.

Пусть у порога пери той несчастного безумца свяжут,
Пусть цепь накинут на меня — ярмо собачьего удела!

Зачем Меджнуну знать меня? Прошу вас, пленники
безумья,
Чтоб ваша мудрость на меня хоть на мгновение слетела!

Безумье бешеного пса с моим безумьем не равняйте,
Зато иного мудреца с безумцем сравнивайте смело!

О вы, что дали мне совет навеки от вина отречься,—
Я отрекусь, но надо стать достойным этого предела!

Как горько плачет Навои — ну что вам стоит, чаровницы,
Прийти к нему! Его чело тогда б улыбкой просветлело!

Нам в мире от людей — лишь зло, нет и следа иного!
Сто бед и сотни мук — не шлют дни и года иного.

Ах, от любимой ничего я, кроме зла, не видел,
Я ж — верен ей, моя душа совсем чужда иного.

О поучающий! Всю жизнь я одержим был страстью —
Рок, посылавший мне любовь, не знал суда иного.

Она по красоте — султан, ей любо небреженье,
А участь нищих — лишь мольба, нет никогда иного.

К какой службе допустить меня ни удостоит —
Чего ж от недостойных ждать, кроме вреда, иного!

А я ее прощенья жду, на милость уповая,
Хотя в моей доле нет, кроме стыда, иного.

И всё же рад я, Навои, несбыточным посулам:
Пусть нелегка моя судьба, а ждешь всегда иного!

Ее краса — диван стихов, в нем брови в первый стих
слились,
Писец судьбы предначертал им полустышьями срастись.

Был так жесток весенний град ее небесной красоты,
Как будто самоцветы звезд небесная низвергла высь.

От стонов огненных моих все горло сожжено до уст:
Когда из уст не звук, а стон услышишь, сердце,—
не сердись.

Потоки слез моих — как кровь, не утихают ни на миг,
И странно ли, что в муках я,— ведь слезы кровью
налились!

Была сокрыта скорбь моя, но кубок хлынул через край,
В забаву людям боль души рыданьями взметнулась ввысь.

А ей укрomный угол люб, вино да горстка миндаля —
Что ж делать, если любо ей таким даяньем обойтись!

Любимая, мелькнув, ушла, похитив сердце Навои,—
Приди ко мне еще хоть раз — хотя бы жизнь отнять
вернись!

Пускай язык молвы людской бедой души стократ бывает,
Я не гнету себя тоской: всегда кровав булат бывает!

Твое чело — из серебра, а жар румянца амброй пышет —
Так яблоко в огне костра чадит, и сладок чад бывает.

Я узы бренности расторг и продал душу за безумье —
Аллах, Аллах, разумный торг доходами богат бывает!

В разлуке тяготы невзгод как ни вздувают пыл томленья,
А все же осень тлен несет, и грустен листопад бывает.

Сверкнула в темноте ночной краса ее чела — свеча,
И словно солнце вдруг взошло — светлее звезд была
свеча!

Ей голову сжигает страсть, а ноги держит медь оков,—
Не потому ли от безумств себя уберегла свеча?

И каждой ночью до зари она, рыдая, жжет себя —
Печальным другом стала мне в юдоли бед и зла свеча.

Не говори, что пламя — бич: к моей бессоннице добра,
Своим дрожащим языком мне сказок наплела свеча.

Желая в сердце мотылька побеги нежности взрастить,
В него роняет влагу слез и зёрна без числа свеча.

Не для того ль, чтоб погубить пожаром страсти мотылька,
Ему лукаво подмигнув, свой лик-огонь зажгла свеча?

Та луноликая меня не допустила в свой шатер.—
Не так ли дразнит мотылька огнем из-за стекла свеча?

А может быть, из-за любви она сгорает и сама,
И опалает мотылька, чтоб он сгорел дотла, свеча?

Пусть, Навои, светильник твой задуют вздохи мук твоих,
Блеснул тот лик — твой ветхий дом сияньем залила свеча!

В печальном сердце от любви такая тяжесть мук,
Что стон мой в душах всех людей родит ответный звук.

Какое диво в том, друзья, что плачу я навзрыд?
В больной душе — печаль и скорбь, когда неверен друг.

Когда душа во власти слез, тому причиной — хворь:
Влюбленных от измен гнетет мучительный недуг.

Когда в беде есть добрый друг, то это — не печаль,
Но горе, если скорбь придет и нет друзей вокруг.

Когда ты ранен не мечом, лекарство — радость встреч:
Тому, кто раз любовь обрел, страданье — от разлук.

О ты, взлелеявший свой сад, не радуйся цветам:
Ведь на рассвете не от роз — от солнца блещет луг!

С Фархадом и Медждуном схож смятенный Навои:
Его любимой красота достойна их подруг!

Навек ославленный молвой, я страстью обуян поныне,
И вновь покрылась степь травой, а в голове дурман
поныне.

Весенний дождик прошумит — и розы воздвигают купол,
А дом души потопом смыт — не залатать изъян поныне.

Взгляни: в саду со всех сторон деревья зеленью оделись,
А я в пустыне, изможден, брожу и гол и рван поныне.

К чему и свежий ветерок, и благодатный дождь весенний?
Вздымает слез моих поток валы и ураган поныне.

«Вдохни,— зываю я к Исе,— в безумца новый жар
дыханья,—
Твоей живительной красе дар исцеленья дан поныне!»

Что слава роз, и есть ли прок в колючих терниях на розе?
Пронзен стрелой, я не извлек ее из жгучих ран поныне.

В пустыне даже дикий зверь меня сторонится в опаске,
Что я не человек, теперь твердит любой болван поныне.

Богач! Тебе совет я дам: обласкан ты судьбой, но помни —
Стремленье потакать страстям таит в себе обман поныне.

Весну поносит шейх, озлен, вопит, что Навои безумен,
Но я в безумии умен, а он — как истукан поныне!

Что жизнь мне? Речь твоя, живое слово — лучше,
Рубин живящих уст — всего земного лучше.

Я — раб твоих измен, и все ж я твердо знаю:
Кто в мире лучше всех, ты и такого лучше.

Ты ищешь жертв себе — убить своей любовью, —
Не сыщешь никого меня, больного, лучше.

В степи любви бродя, забудь покой, о разум, —
Чем жить под сотней крыш, бродить без крова лучше.

Любовь! Возьми в свой дол меня взамен Меджнуна —
Не я ли, чья судьба стократ сурова, лучше?

А хочешь, Навои, чтоб стих твой стал острее, —
Тебе поможет шах — нет острослова лучше!

Отрекся я от уз любви. Гоните прочь меня скорей,
Излейте на меня хулу, обрушьте тяжкий град камней!

Свяжите шею мне жгутом в урок приверженцам любви,
Тащите средь базарных толп вместилище души моей.

С позором пусть приволокут меня на торжище беды.—
Толпа! Измучай плоть мою, как только сможешь, и —
убей!

И тут же мерзостный мой труп предайте пламени костра,
Из преисподней взяв огонь, а хворост — из степи скорбей.

Сгорю — и, в горсти взяв мой прах, развейте по ветру его:
Пусть в небо пепел мой взметнет разлуки мертвый суховой.

И ветер понесет мой прах, а вы всей болью ваших ран
Пропойте песнь про зло разлук и про изменников-друзей.

И, видя мой позор, сто бед стерпите, пленники любви,
Но усмирите пыл сердец, взнуздав коня любви своей!

Друзья, прошу вас: пусть придет на пепелище мук моих
Кумир моей былой любви — не знавший жалости злодей!

Я — тлен среди небытия, но к опозоренной душе
Пусть ветер рая донесут копыта мчащихся коней.

Всем хватит бед в степи любви, и кто за Навои вослед
Туда придет — сто тысяч мук сыщите для пришельца
в ней!

Не знает преданный в любви повадок пленников порока,
Об этом — нас, познавших мрак порочных тайников,
спросите.

Мужей почета и чинов про отрешенность не пытайте,
О сладких тяготах ее у нищих бедняков спросите.

Вся сила пленников любви — во прахе немощи смиренье,
А как смирять врага — у тех, кто дерзок и бедов, спросите.

Неведом людям суеты благой приют уединенья —
Уж если спрашивать о нем, снискавших тихий кров
спросите.

В пустыню горестной любви друзьями Навои отторгнут,
О нем — случайный караван, бредущий из песков,
спросите.

Пустословя на минбаре, вволю чешет шейх язык,
Словно дьявол, он колдует в своре темных забулдыг.

Если проповедь случайно просветлит умы людей,
Их тотчас же усыпляет шейха иступленный крик.

Все ступени у минбара устилают вздор и ложь,
Бред — все поученья шейха, сам он — взбалмошный
старик.

Умными прослыли шейхи, а умен ли хоть один?
В их нелепых заклинаньях разума не бьет родник.

От хадисов лишь названья сохраняют их слова,
Вкривь и вкось толкуют шейхи главы из священных
книг.

Разрубить минбар на части, разнести его, поджечь,
Чтоб кровавого убийцу жребий жертв его постиг!

Злыдней, дьяволу подобных, избегай, о Навои,
И не дай себя опутать их сетями ни на миг!

Украсишь ты свой наряд красным, желтым, зеленым,
И пламенем я объят — красным, желтым, зеленым.

В пустыне моей любви кострами горячих вздохов
Самумов вихрится ряд — красным, желтым, зеленым.

Цветник твоей красоты в душе моей отразился,
И блеск цветам я рад — красным, желтым, зеленым.

В мечтах о твоём лице, о родинках и пушинках
Мне вновь застилает взгляд красным, желтым, зеленым.

Рубиновое вино, литое золото чаши,
Зеленая гроздь горят красным, желтым, зеленым.

Где бедность — там пестрота, и каждый нищий сумеет
Украсить бедный халат красным, желтым, зеленым.

Не требуй же, Навои, диван разукрашивать ярко:
Ведь сами стихи пестрят красным, желтым, зеленым.

Когда я сердцем и душой изведал от людей печаль,
Была ли сердцу от души, душе ль от сердца злей печаль?

Вся скорбь — от этих двух причин, от них всегда тоска и
грусть:
Когда печаль со всех сторон, попробуй-ка рассея печаль!

Кто в этом мире огорчен — из-за людей его беда:
Кого в темнице мрак гнетет, тому от палачей печаль.

Послушай, друг, я клятву дал с людьми вовеки не дружить:
Да не проникнет в их сердца от горести моей печаль!

Полсотни лет я грешил, и что я смогу свершить,
Коль век меня наградит еще половиной одной!

Создатель, дай веру мне, я в ней заглушу мой стыд
За бедность моих трудов, за боль свершенного мной.

Не сетуй же, Навои, что море благих щедрот
Волнуется и шумит: надежду несет волной!

Не диво, если кровью слез людское зло грозит всегда:
За мукой мука вслед идет и за бедой спешит беда.

Да что там зло и доброта — не стоит даже речь вести:
Толпа с жестокостью дружна, а доброте она чужда!

Согнулся даже небосвод под ношей низостей людских:
Сверкают звезды, словно пот на теле, взмокшем от труда.

А ведь в предвечных письменах не предуказан жребий мук,
И на скрижалях душ людских не предначертана вражда!

А было б людям только зло навек предписано судьбой,
Его и сотни добрых дел не одолели б никогда!

И если кто — причина зла для многих страждущих людей,
Пусть он и совершит добро, а как бы не было вреда!

Глаза и брови смерть сулят, а речи уст ее — обман,
Найти б другую — только нет другой красы, что так горда!

Нет! Вечности не обретишь ты в бренном мире средь людей,
Пока в вине небытия не растворишься без следа.

Никто не волен, Навои, в обитель вечности войти,
Пока не призовет Аллах идти за ним — вступить туда.

Я бью себя камнями в грудь в смертельном гнете каждый
миг:
Стучу в ту дверь, где боль беды, как гостя, ждете каждый
миг.

Безумьем я сражен, мой труп хранит в развалинах сова,*
Ей любо плакать надо мной, бубня в дремоте каждый миг.

Рубины несравненных уст! Чтоб прах мой кровью обагрить,
Вы истерзали сердце мне и кровь сосете каждый миг.

Любовью к пери одержим, я красотой ее томлюсь,
Меня гнетут печаль и скорбь и муки плоти каждый миг.

Весенний ветер набежит — трепещут лепестки у роз:
Так суетится род людской в пустой заботе каждый миг.

Моим дыханьем ледяным объят весь мир, и в небе — тьма;
Не тучи — вздохов моих дым вы там найдете каждый миг.

Когда вас бедствия гнетут, душа исходит горлом прочь,
И, чтоб вернуть ее назад, вино вы пьете каждый миг.

Пришла пора расстаться мне навек с пристанищем
мирским:
За караваном караван в круговороте каждый миг.

Как мучишь ты день ото дня изменой сердце Навои!
Где шах жесток — страна в беде и зло в почете каждый
миг.

Адским пламенем разлуки мне сжигает тело,
Дымом пышут мои вздохи — все внутри сгорело.

Боль души, страданья плоти, пронизав друг друга,
Словно бы уток с основой, сеть плетут умело.

Захлебнусь в разлуке кровью, вознесу стенанья,
Кровь — мое вино, а песня — стоном возлетела.

Прах у ног твоих лобзаю, стан мольбою согнут,
Посмотри, как я покорен, предан без предела.

Из-за уст твоих и стана стал я словно небыль,
Только — был я или не был, — что тебе за дело!

В кабачок! Монетой веры оплачу похмелье, —
Для меня не будет в жизни лучшего удела!

Навои, ты смысл слезами всё, что сердцу чуждо,
Лишь любовь твоя навеки в сердце уцелела.

Когда, тоскуя по тебе, я розу в цветнике возьму,
Мой жаркий вздох чадит и жжет — она желтеет в том
дыму.

Я думал, рок всю тяжесть мук Фархаду и Меджнуну дал,
Потом я понял: жребий бед мне предназначен одному!

Ее камнейв тяжкий град проник сквозь боль отверстых
ран —
Как сердце милой, этот груз в себе храню я, как в дому.

Моя наездница лиха, ей любо на скаку играть;
Что ж, нужен ей для гона шар — с себя я голову сниму*

Ах, нечестивица! К беде она попалась мне в пути:
Вот приключилось горе мне — погибель вере и уму.

Не диво, если, охмелев, рассвет я встречу в кабачке:
Вчера собрался я в мечеть, да позабыл надеть чалму!

Спален любовью, Навои клеймом каленым сердце сжег:
Оно язвит и жжет меня, а жар я сам даю клейму!

Когда тюльпаны зацветут на брошенной моей могиле,
Знай: пламень сердца рдеет тут, здесь раны кровь мою
пролили.

О, злы уколы стрел твоих — из ран ручьями кровь
струится,
А ты еще мне раны шлешь — ах, стрелы глаз не
жестоки ли?

Обитель тела не нужна сраженному безумьем сердцу:
О доме вспомнит ли Меджнун, блуждая средь песков и
пыли?

Когда о бедствиях моих, друзья, рыдал я в ночь разлуки,
Что значит этот ливень слез — вы хоть бы раз меня
спросили!

И даже Ной — мне не чета: сто тысяч лет разлука длится,
Взметнулась к небу буря слез, потоп — не ровня ей по
силе!

О ты, кто на пиру мирском изведаль чаш круговращенье,
Знай: много чаш кровавых слез тебе дары небес сулили.

О Навои, когда во сне увидишь свой предел родимый,
Не говори, что вздорен сон, что в снах безумца нету были!

Кто на стезе любви един, в ком суть одна жива,
Земле и небу он — не враг, хотя число их — два!

Забудь привычку различать растение, тварь и вещь:
Три этих сути не в ладах с единством естества.

На небо хочешь — отрешись от четырех стихий:
Они — как крест, губящий дух живого существа.

Пять чувств — не помощь мудрецу: где сердцем не
поймешь,
Там два да три — как будто пять, да суть не такова!

Шесть направлений, шесть сторон* — вся суть небытия,
А без того их имена — ненужные слова!

Проникнуть через семь небес противно естеству:
Они страшней кругов в аду — семи зияний рва.*

Чуждайся рая, Навои, — восьми его кругов:*
Они — преграда для любви, в них суть любви мертва.

Разыскать бы умельца, чтоб крылья приладить мне мог,
Чтобы с птицами в небе мой путь над любимой пролег.

А взлететь не сумел бы — полуночным бегал бы псом
И с собачьей бы сворой любимую ночью стерег.

А не быть этой доле — за счастье увидеть тот лик
Я б за нею, как нищий, влачился во прахе у ног.

А не сбыться надежде — моей безысходной мольбой
Я себя пред толпою на тяжкий позор бы обрек.

Сокрушенный любовью, себя я предал бы огню:
Расщепил бы на части иссохшее тело и сжег.

Если в нищей юдоли дано мне до счастья дожить,
Залатать все лохмотья я разве к свиданью бы смог?

Вот какому владыке ты предан в любви, Навои:
Перед этим величием любой, как ни знатен,— убог!

Забуть решила ты меня навеки,
Презреньем за любовь казня навеки.

Где клятвы, обещанья быть со мною?
Забыто все с того же дня навеки.

И светоч счастья ты мне загасила,
Другим отдав весь жар огня навеки.

Надменно ты безвинного презрела,
Участие к другим храня навеки.

На преданных друзей ты зло клеветешь,
Что все они — врагам родня навеки.

О сердце, ты утешилось в разлуке,
Печаль и смерть вином гоня навеки.

Врагам — в усладу, Навои — в отраву
Позором ты клеймишь меня навеки.

О виночерпий, много ль мук, которых я не снес, осталось?
Налей мне, чтобы в теле сил стерпеть всю горечь слез
осталось!

«Свиданья жаждешь,— молвишь ты,— отдай за это в
жертву душу!»
Да только где ж во мне душа,— ты б задала вопрос,—
осталась?

Тебе не скрыть любви вовек,— напрасно, сердце, не
старайся:
Сокрытых много ли невзгод и тайн, что в сердце нес,
осталось?

Мне силой вырвали стрелу, которой ты меня сразила,—
Порадуй: там хоть острие, чей кончик в сердце врос,
осталось?

О друг, в безумье рухнул я, едва лишь лунный лик
увидел,—
О, много ль тех, кто обо мне еще во власти грез, осталось?

О сердце, оглянись вокруг: где ж пышно цветшие бутоны,
И сколько в цветнике твоём еще не сникших роз осталось?

Будь верен дружбе, Навои, тебя любимая забыла,
А много ли подобных нам, кто в дружбе — как утес,
осталось?

Светом ночи взойдет моя дева-луна,
Западня ее кос непрозрачно темна.

Темнота людям очи затмить норовит,
Но любимой моею светлы времена!

А меня отрешила от дружбы своей.—
Вот какая недоля еще мне дана!

А с такою бедой я и жить не смогу,
Кличу смерть я — сошла б на меня тишина!

В утро Судного дня мне прозреть лишь дано,
Чашу мрака ночного испил я до дна.

Верных роз не бывало в мирском цветнике.—
Замолчи, соловей, твоя песнь не нужна!

А умрет Навои — вы не пойте о нем:
Лишь споете ту песнь — всех погубит она!

Жар ревности жжет и при встречах весною,
А что станет в осень разлуки со мною?

Что пользы, приятель, жалеть мое тело?
Стократ раны сердца печалям виною.

Ищи же дорогу к разбитому сердцу:
Развалины тлен занесет пеленою.

Мудрец! Не жалея меня, бродим мы розно:
Ты — градом цветущим, я — дикой страною.

Смотрите: я чахну, недуг меня гложет —
Я сердце по каплям в печалях изною.

Сыны благочестия, плачьте о вере:
Моя нечестивица вышла хмельною!

Ты чашей, как солнцем, свети, виночерпий,—
Во мраке живу я печалью одною.

Нет верности в людях, хоть душу отдай им,—
Зачем же неверной моей быть иною!

Ты хочешь, чтоб нес я разлуку с терпением,—
Нет сил, Навои, жить такую ценою!

МУХАММАСЫ

Позабыт моим кипарисом, я грущу все сильней в разлуке,
Очи плачут по нежной розе,— о, как жалок я с ней в
разлуке!

Я без гурии райских кущей не пою много дней в разлуке:
Да какой же напев веселый запоет соловей в разлуке?
Попугай — и тот онемает с нежным вкусом сластей в
разлуке!

Жжет огонь любви мое тело — до костей, яр и зол,
сжигает,
Воротник лишь займется — пламя, глядь уже и подол
сжигает!

Обезумевший стон мой землю и небесный престол
сжигает,—

Если я не с ней, солнцеликой, весь подоблачный дол
сжигает

Буря пылких моих стенаний, жгущих жарче огней в
разлуке!

Ах, из сердца пролил я крови через взор еле зрячий много,
Плакал я, тоскуя по розе, росной влагой горячей много,
Порассыпал я слез-тюльпанов, истомлен неудачей,
много.—

Не кори, если я, забытый, не вознес громких плачей много:
Разве крик изойдет из тела, если жить все трудней в
разлуке?

Нестерпимой болью я мучу, позабыт любимую, душу,
Не живящей чашей свиданья — горьким хмелем вымою
душу!

Не спасти мне вовек от смерти ядом мук губимую душу,
Горек жребий измен, о время,— лучше ты возьми мою
душу,

Разлучи и с душой и с жизнью: я с любимой моей в
разлуке!

Не язви же меня, разлука, острыми беды горячей,
Сотни мук претерпи, о сердце, лишь не гнет соперников
жгучий,

Не расстанься, душа, с любимой, хоть сто бед повиснут
тучей,

Сотни тысяч жизней отдам я, лишь одним ты меня не
мучай:

Нас губить, отняв друг у друга, о измена, не смей в
разлуке!

От красы ее, жаром жгущей, вся душа дотла обгорела,
А чела ее жаркий светоч опалает до пепла тело,
И о ней такое сравненье потому написал я смело,

Что, познав блаженство свиданья, мотылек сгорел до
предела,

А к утру он погибнет снова, со свечью своей в разлуке.

О, как жалок бедный влюбленный, если нежная с ним не
рядом,

В горе он соловью подобен, разлученному с вешним
садом.

Жаль певца: и жив, да без розы, одинокий, он чужд
усладам.

Как бездомный пес, без любимой Навои стонет горьким
ладом:

Боже, что за раб без султана!— Ты меня пожалей в
разлуке!

Ах, любимую покинут я жестоко напоследок,
Так за муку посрамлен я волей рока напоследок,
Что от тайны не осталось и намека напоследок!
Выдал муку, что терпел я одиноко, напоследок,
Ранят грудь ресницы-стрелы издалека напоследок.

Хмурила ты луки-брови — стрел-ресниц летели жала,
Острия меня язвили, болью грудь на части рвало,
Я, собрав все силы сердца, сделал было щит-забрало,
Затаил, зажал я раны, да страданье явным стало:
Через очи кровь прорвалась в два потока напоследок.

Как меня судьбой злосчастной по любовным тропам мчало!
Посмотрела б — пожалела, ты ж меня не замечала!
А теперь вот-вот умру я, истомленный одичало.
Раны от меча разлуки я хотел сокрыть сначала,
Да рванул пред всеми ворот я широко напоследок.

С той поры, как стрелы горя сердце мукам обучали,
Сотни тысяч язв сокрытых воспалились от печали,
А мечтал я, чтобы люди ран моих не замечали!
Только стали явны людям затаенные вначале
Клейма страсти, что хотел я скрыть глубоко, напоследок.

Как безумный, одержимым страстью к этой пери был я,
В цепях кос ее Медждуном мыкал плен совсем без сил я,
И безропотно томился, ждал обрести ответный пыл я,
Нем от страсти и восторга, все мучения сносил я,
Но и брошенный, терплю я боль упрека напоследок.

Пред ее прекрасным ликом стыд и срам всем розам сада,
От ее речей певучих соловьям — и то досада.
Косам — гиацинт не ровня, а нарцисс — не стоит взгляда!
За безверье глаз, за косы, что зуннары, — мне отрада
Вечно быть хмельным в притоне без зорока напоследок.

Думал я о лике пери — одержимость донимала,
Гнет любви и мрак похмелья принесли мне слез немало,
Был я нищ и наг, мне разум будто вовсе отнимало,

Я безумьем был ославлен и не пощажен нимало,
От камней разлуки боль мне и морока напоследок.

Пей вино! Ведь доли, благо нам дающей, мы не знали,
И красавиц в вешнем цвете среди кущей мы не знали,
Пóросли мирского сада, нас влекущей, мы не знали,
Вслед за осенью придет ли день цветущий — мы не
знали,—

Стали тенью, незаметной и для ока, напоследок.

Что за польза в шахской власти, чуждой блага отрешенья,
В странах вечности не сыщешь ни владыки, ни правленья!
Только мудрому владыке не познать вовек забвенья.
Навои, ты ищешь вечность, жаждешь с нею единенья —
Ждать ее без отрешенья нет и прока напоследок.

Лик явив, столикой мукой разве сердце не гнела ты?
В доме тела хворый дух мой не разбила ли дотла ты?
Разве сломленную душу жаром страсти не сожгла ты?
Опаленной моей доле не прибавила ли зла ты?
Зло карая, с черной долей разве не меня свела ты?

С той поры, как я, убогий, встретился с тобой, прекрасной,
О, каким огнем жестоким не был я сожжен, несчастный!
Не гнела ли ты мне душу смертной карой ежечасной,
Жаром молний не обжег ли душу мне мой стон ужасный?
О лавина слез горючих, не смертельно ль тяжела ты?

Кипарис мой ладный, ты ли не гнушалась мной, неладным?
Не со смехом ли внимала ты рыданиям надсадным?
Не арканом ли грозила, не мечом ли беспощадным?
Не мое ли тело предал гневный меч твой мукам страдным?
Мне разлукой разве тело на куски не рассекла ты?

Сто мучений претерпел я: злоке той не ново мучить,
Горем, скорбью я терзался,— ох, она бедова мучить!
Сердцу я излил обиды — что ж, мол, так сурово мучить?
Всё ты, сердце, ей сказало — стала горше снова мучить,—
Поразмысли — совершаешь разве добрые дела ты?

Говорить, что не бывает от людей сто бед, не вздумай,
Лгать, что луноликой любо чтить любви обет, не вздумай,
Мнить, что ей, подобно небу, чужды гнев и вред, не
вздумай:

Всем счастливым дав надежды, не у нас ли их взяла ты?

Если на стезе бездольных боль и скорбь терпеть не будешь,
Шагом средь мужей печали ты вовеки ведь не будешь,
Не познав безмолвных песен, никогда ты петь не будешь!
Другом океану страсти, Навои, ты впредь не будешь,
Если, как Аму с Арасом, слез не пролил без числа ты!

О, не была б твоя краса такой прекрасной никогда,
О, не видал бы взор ничей твой облик ясный никогда,
И казни бы не слала ты такой ужасной никогда,
И не являла бы чужим свой образ властный никогда.—
О, если б ты не ввергла мир в мятеж опасный никогда!

А ты, открыв прекрасный лик, повергла всех людей в недуг,
И наострили сто мечей все пленники любви вокруг,
И сердце изрубили мне в куски кинжалами разлук!
А если свет твоей красоты посеял столько смут и мук —
О, не видать бы мне тебя — беды всечасной никогда!

Едва ты страсть во мне зажгла, познало сердце горький
рок:

Кто этот жар увидеть смог, того он сразу в пепел сжег!
Мечтать о верности твоей — о, этот жребий так жесток!
О, не видать бы мне твой лик — огнем пылающий цветок,—
Не заронила бы в меня ты искры страстной никогда!

Любовь к тебе смутила ум, для веры став бедой из бед,

А был ведь милостив и добр твоей былой любви обет!
А нынче я — невольник твой, спасенья мне от казни нет,
Я — жалкий пленник кос твоих: я жертвою в их кольца
вдет,—

О, не бывать бы жертвой мне твоей безгласной никогда!

Ты, сердце у меня отняв, сулила быть всегда со мной,
Губили недруги меня — ты шла, не глядя, стороной,
Когда бы милостям твоим я не поверил — ни одной,
Не обманулся бы вовек, познал бы жребий я иной —
О, не терзать бы сердце мне мечтой напрасной никогда!

Навек ты сердце отняла, когда с чела сняла покров,
Изранила ты душу мне, твой гнев жестокий был суров.
И если верностью любви, о светоч, так манил твой зов,
А я такую страстью млею, к свиданью страстному готов,
О, не терпеть бы мне потом и гнет злосчастный никогда!

О лукобровая, когда стрелой пронзила сердце ты,
Сулила верность мне в любви и исполнение мечты,
Но если ты теперь гнетешь и все надежды отняты,
Измену понял я, в душе — не страсть, а темень пустоты,—
О, не сносить бы мне позор молвы стогласной никогда!

В плену желаний и страстей я, плача, мыкать горе стал,
Всем горемыкам я, Меджнун, собратом в лютой хвори
стал,

Увы, посмешищем для всех я дни влачить в позоре стал
И, опозоренный навек, совсем безумным вскоре стал,
Зову я смерть: не свижусь я с тобой, несчастный, никогда!

Не тщись для сердца обрести покой в тени душистых кос,
Не говори: «Я в жертву жизнь устам медвяным бы
принес!»

Да разве пред конем ее не пал во прах я — вот вопрос!
О той, что неверна тебе, о Навои, не надо слез:

Не молви «если» да «кабы» ей, безучастной, никогда!

О, сколько дней ты не со мной, отторгнул грозный рок тебя:
За много лет единый раз я повидать не смог тебя!
В дом сердца тщетно гостем жду я, сир и одинок, тебя,
Приди, покой моей души,— ведь я в душе берег тебя,
Открой чело — как жаждет взор, струящий слез поток,
тебя!

Ушла шалунья, мрак души о ней вестями не согрет,
А плоть — пустыня, где вовек и не сыскать заветный след,
Ни мига мне в пустыне той не жить без скорби и без бед,
О мускусная лань, приди: нигде такой пустыни нет,
Где б я не рыскал день и ночь, ища, сбиваясь с ног, тебя!

О пери, от разлук с тобой я сердцем хворым изнемог,
Жестоко осужден молвой, покрыт позором, изнемог.
И не кори, что я незрим — сражен измором, изнемог,
Ты, пери, скрылась,— вот и я, невидим взорам, изнемог:
Всем неприметен, я ищу, куда зов тайн завлек тебя!

Взошла моя луна в красе, украшенной венцом лучей,
И душу немощью гнело, а сердце жгло все горячей.
А взор мой, лишь узрел ее, исторг багряных слез ручей —
Не диво, если ты в крови утонешь, свет моих очей:
Ведь захлестнуло кровью слез, которой я истек, тебя!

О, кто бы свел меня с тобой и дал бы чашу страсти мне,
Хотя бы в шутку роз собрал и дал нектар их сласти мне!
Но мне тебя не заманить — за что же гнет напасти мне?
Увы, надежды быть с тобой нет даже малой части мне:
Утратив разум, от чужих я отлучить не мог тебя!

Я, пери, не прошу тебя: «Такой-то будь, такой — не будь»,
Лишь душу мукой не томи и не терзай разлукой грудь!
О, сжался, смилуйся, прости, не норови меня минуть,
И если взор не отвожу я от тебя — укор забудь:
Очам влюбленным не забыть хоть на недолгий срок тебя!

И если, одержимый, я пройду все реки и моря,
Все горы-долы обойду, судьбу за муки не коря,
Не упрекай, мол, ты зачем у всех дверей толчешься зря!
О пери, если Навои поник, безумием горя,
Такой удел дарован тем, кто целью дум нарек тебя!

В дни юности святую чистоту
Я променял на мерзости порока.

Прошли года, и старость подошла,
И за грехи наказан я жестоко.

Но если я поклоны буду бить,
Хоть лоб разбей — не будет в этом прока.

Наказан я, а как — то знает бог,
Мне каяться — излишняя морока.

Напыщенный болван, от визга распаясь,
Поднять способен чернь во имя злого дела:
Когда петух зовет, копая клювом грязь,
Такого нет дерьма, чтоб курица не съела!

Старайся этот мир покинуть так,
Чтоб без долгов расчесться с пережитым.
А должником уйти в могильный мрак.
Не то же ль, что из бани — недомытым?

Пусть в сад твоей души негодник не заглянет,
Посконный половик не скрасишь и цветком:
Навозный жук, смердя, и розу испоганит,
Нетопырю не виться мотыльком.

Невежда в страхе жизнь провел:
Боялся он учиться слову.
И был он ну точь-в-точь осел:
Влачил свой век от рева к реву.

Что злато-серебро! От них — лишь порча рук:
Возмешь — блестит, отложишь — руки в черном.
Но и душе они — погибельный недуг:
Загубишь жизнь пристрастием позорным.

Когда я в тишине лечу души недуги,
Ложится на меня печалей пыльный пласт.
Едва — стряхнуть его — я выйду из лачуги,
Как злобою людской стократ меня обдаст!

Кто сокрушил в себе прибежище гордыни,
Богатства вечности даны тому отныне.
А если гордость и во мне нашла обитель,
Найдется ль для богатств другой хранитель?

Со мной в походе два коня,
Но пеший я ходок:
Что кони в шахматах, они
Поднять не могут ног.
Что в шахматах, за край полей
Им не дано дорог.
Конь черный подо мной — земля,
А белый конь — песок.

Из тысячи один поделится с другим,
А большинство — скупцы, и всё себе берут.
Таков обычай есть, и всеми он храним:
Брать у других — легко, давать — нелегкий труд.

Я, жар души в стихи вдохнув, мечтал,
Чтоб мысль мою тем жаром зажигало.
И потушить огонь, что жег мне мысль,
Живой воды, наверно, было б мало.
О, если бы горение души
Всегда огонь свой мысли отдавало!

В диване шах печать мне поручил —
В готовые дела клеймо вклеплять.
То означало: гордость заглуши
И ниже всех других в диване сядь.
Но гордость я никак сломить не мог,
И вышло так, что я сломал печать.

Бывает так, что странный в ином сидит задор:
Он по любой причине с людьми вступает в спор.
Такому не перечьте: ни зернышка не даст,
Когда хоть слово скажут ему наперекор.
А сам — с огромной ложкой у каждого котла.—
Эх, кто котлом бы — сажей ему лицо натер!

Не разделяйте трапезу с тираном —
Прилично ли лизать собачье блюдо?
Не доверяйте тайн своих болванам —
Беседовать с ослами тоже худо!

Учтивость привлекательна вдвойне,
Когда ее в привычку взял богатый.
Раскаянье ценней во много раз,
Когда богат и знатен виноватый.
Нет щедрости прекраснее такой,
Когда не ждут, чтоб лесть была оплатой.
А мудрый тех достойными зовет,
Чей дух — смиренья кладезь непочатый.

Не позволяй льстецам себя завлечь:
В корысти все негодники едины.
Беседа, цени не чин, а речь:
Неважно, кто сказал, важны причины.

И в тысяче ответов будь правдив:
Лишь истина одна — для них приют.
Один калям ста букв ведет извив,
На тысячу баранов — общий кнут.

Как женский лик, сияя вдалеке,
Над миром блещет солнце на восходе.
Здесь дива нет: в арабском языке
Название для солнца — в женском роде.

Ты благороден, ты умом высок,
В сердцах людей ты будишь мятежи.
Ты бесподобен! В паре кратких строк
Я о тебе сказал четыре лжи!

Болтливым с любопытными не будь:
Не спрячешь тайну, если с уст слетела.
Последний вздох назад уж не вдохнуть,
Когда уйдет дыхание из тела!

Есть выродки, чьи свойства как ни прячь,
В особенности мерзостны и гадки:
Безмозглый шах, скупой богач,
Ученый муж, на деньги падкий.

Не внемлет он словам, как сил ни трать,
А ведь ему ж от лени и неладно:
Те ценности, что лень глупцу собирать,
Не раздавать — и вовсе не накладно!

Бывает так, что, спеси полн, болван
Заподличает, выбившись в вельможи.
Здесь чуда нет: от власти словно пьян,
Он, все забыв, себя не помнит тоже.

Далекий дым, а не манящий свет
Холодной ночью — поводырь скитанья.
Не так ли, заглушив соблазн, аскет
Находит радость в твердом воздержанье?

Когда холоп отставлен, а без зова
Являет пыл непрошенных хлопот,
Он — словно в жены лезущая снова
Супруга, получившая развод.

За темнотой придет сиянье света,
Ты в это верь и будь непоколебим.
Есть в этом мире верная примета:
Над пламенем всегда завесой — дым.

От всех венцов — одна доука нам:
Ведь ум слабеет, сжат со всех сторон.
Венцов не надо нашим головам,
Как и самим султанам — их корон!

Когда богатств души ты уберечь не смог
И, вверив языку, рассыпал их по свету,
Как друга ни проси, чтоб слово он берег, —
Большая ль тайна в том иль тайны вовсе нет
Не странно, если он нарушил свой зарок:
Он просто раздавал ходячую монету!

Хулит моих сородичей народ
За их бездарность. Это — справедливо.
Но и моя «бездарность» всех гнетет:
Мол, я не всё дарю. Вот это — диво!

Уж если об ином молва пошла,
Что только зло и злобу в нем найдешь,
Добра не жди — не сотворил бы зла,
Не сделал зла — уже и тем хорош!

Я столько от друзей обид терпел
И столько бед и мук омыл слезами,
Что лучше смертный обрести удел,
Чем уцелеть и снова быть с друзьями.

Среди искусств такое есть уменье:
Оплошность скрыть, когда ошибся друг,
И похвалить при всех его раденье,
Или сокрыть отсутствие заслуг.

Прекрасен дом, в котором есть жена —
Твой добрый друг, красивая подруга.
Но та обитель света лишена,
Когда в ней нет жены, хозяйки, друга.

О Навои, не дай взойти корысти зернам,
Не сдобри их слезой в стенании притворном,
Для прихотей надел не отводи пространный
И по ветру развей запасы спеси чванной.

Заводишь речь — скажи лишь половину:
Навьешь словес — и жалкий будет вид!
Когда паук накрутит паутину,
Он в ней и сам как пойманный висит.

Два пса борзых охотились на льва.
По силе нет, как будто, в них различий,
Но пес один, принюхиваясь, ждет,
Другой — бежит, не дожидаясь кличей.
Растерзан пес, смертельно ранен лев,—
Он стал тому, трусливому, добычей!

То море плещет, ценный дар скрывая,
Все капли в нем — как бы вода живая.
Его равняют с царственной казною,
«Сокровищницей мыслей» называя.

Когда тебя народ виной корит,
Ты на людей не затаи обид:
Укор правдив — исправиться не стыд,
А лживая хула не уязвит!

Когда я гнал вином печаль забот,
Укор ханжи поверг мне душу в гнет.
Что ж, буду пить все ночи напролет,
Пока душа опять не заживет!

Когда, порвав с людьми, я вырвался из пут,
Я рад был, что меня простор и воля ждут.
Но, полюбив тебя, я снова влез в хомут:
Так зверь — рванет аркан, и — шею стянет жгут.

Здесь розы нет, а мне о ней твердят!
Пройти б у сада — вдоль его оград,—
Пусть прелесть розы очи не узрят,
Зато вдохну чудесный аромат!

О ветер, полетишь за милою моей,
Ты душу отнеси и сердце прямо к ней.
Дай сердце псу ее — пусть съест его скорей,
А душу на пути у ног ее развей!

Укрывшийся в горах от мира человек
В пещере в зимний день найдет себе ночлег.
Ему прохладу в зной дарует горный снег,
А власть тщеты мирской ему чужда навек.

Сто тягот сердцу принесла разлука,
Разбила душу, как стрела, разлука,
Спалила тело мне дотла разлука
И пепел в небеса взвила разлука.

Сильней души моей тебя люблю я, жизнь,
Своей любви верней тебя люблю я, жизнь.
О, пусть не отыскать любви, сильнее этой,—
И все ж еще сильней тебя люблю я, жизнь!

Кто и любим, и пьет вино, а грустью сокрушен,
Не странно, если каждый миг стократ печален он.
Да, это — горькая беда, а все ж таю мечту:
Была бы эта грусть со мной во дни любых времен!

Кто б ни был ты, но в мире бед и мук
Ты видишь только бедствия вокруг.
Кто — человек, тот всем печалям друг,
А в мире скорбь — устойчивый недуг.

Пока весна цветет на сей планете,
И красота зеленых рощ — в расцвете,
И милость бога всем дана на свете,
Пусть и для нас цветут красоты эти!

Осенней красотой расцветчен сад,
И всюду листья желтые летят.
Шафраном обернулся изумруд —
Голубизну небес сменил закат.

Доколе время нам разгулом хлада будет,
А нам в ночных пирах дана отрада будет,
И, охмелев, душа веселью рада будет —
О, пусть таких даров тебе награда будет!

Провидцем тайн сокрытых сил быть должен человек,
Всемудрым знатоком светил быть должен человек,
Таящим страсть и жаркий пыл быть должен человек,
Таким, чтоб одержимым слыл, быть должен человек.

Сегодня я у магов был — проведаль их притон я,
Там юный кравчий так красив, что был им восхищен я.
И честь и веру позабыл, безверием смущен, я,
И стал за все мои грехи позорищем времен я!

Не устрашай меня, отшельник, адом
И к райским не заманивай уладам.
Мне всюду рай, где я с любимой рядом,
С тобой и рай — исполнен адским смрадом!

Нет, от чела, что с ангельским не схоже,
Речь не немеет, взор — не слепнет тоже.
Не взглянешь и не влюбишься. О боже,
И мне влюбляться в ту красу негоже.

Лучи твоей красоты да возблестят,
Да озарят они весь мир стократ!
Твоим владеньям да не знать преград,
А нас да осенит твой светлый взгляд!

О сердце, весть о розе дай — когда ко мне она придет?
Когда в цветник моей души цветущая весна придет,
Когда, она, звездой горя, и мне душой верна, придет, —
Когда же та, чей светлый лик — как яркая луна, придет?

Услышу радостную весть, что занялась заря свиданья, —
И отступают на заход разлуки томные страданья,
И я светило счастья жду, и в сердце трепет ожиданья!
А если солнце не взойдет, как пережить мои терзанья?

Да, так — гонец ко мне приспел, спешил он, видно,
издалече.
Принес он добрую мне весть о скорой и счастливой встрече.
Хранит желанное письмо творцом дарованные речи:
Я Джебраилу рад душой — творца всевышнего предтече.

Отец ошибся — в том худого нет:
Тебе его оплошность — не во вред.
Простишь ошибку — пользу обретешь:
Творец тебя спасет от многих бед!

Кто службой шаху добывает хлеб,
Тот может быть и хром, и глух, и слеп.
Но тайну скрыть и быть немым, что склеп, —
Труднейшая из всех земных судеб.

Доколе жадная корысть истреблена не будет,
Доколе власть дурных страстей погребена не будет.
Доколе злоба темных сил изведена не будет,
Дотоле радостью людей цвести страна не будет!

Благое ли, дурное молвлю слово,
Ясна ли моя речь иль бестолкова,
А шах призвал — и я во власти зова,
Непонятым остаться — ох, не ново!

Я шахской справедливости чертог
И укреплял и строил, сколько мог:
Уж раз создатель свет свечи возжег,
Лететь на пламя должен мотылек!

Моя луна закрылась темной тучей,
Сокрыт землею черной светоч жгучий.
Настичь бы небо карой неминучей —
Как солнце не затмит мой стон горючий!

Стихам я отдал радость вешних лет,
И летних куш моих тюльпанный цвет,
И осени печально-желтый свет,
И зимний вечер, что от снега сед.

Твои стихи, о Навои, как перлы все блестят,
Из глуби недр твое перо добыло ценный клад —
Да не один, не десять их, не сто, не сотни их:
Все говорят, что я добыл их тысяч пятьдесят!

СТЕНА ИСКАНДЕРА

(Отрывки из поэмы)

О Хорасане, Герате, Мавераннахре и Самарканде

Летописец событий великих и малых
Звучным слогом дестана вот так описал их.

О надежном зимовье раздумывал шах,
И пристанищем войску избрал Карабах.

Покорить себе мир устремленьем влеком,
Был он занят делами и ночью и днем.

Он мужей разуменья сзывал для бесед:
Сам премудрый, собирал мудрецов на совет.

В безустанном труде, в помышленьи высоком
Он провидел грядущее мысленным оком.

Час урочный был назван ему небосводом,
И, зимовье покинув, он вышел походом.

Исфаганскими землями он овладел,
А оттуда пошел в Хорасанский предел.

Стала в землях Ирана сильна его власть —
Им во прахе пред ним суждено было пасть.

В Хорасанском приволье обрел он отраду,
Дол даров благодатных предстал его взгляду.

Беспредельна просторов его широта,
Все иные пределы — ему не чета.

Рождены родниками, там реки взбурлили,
Чтоб зеркало души очищалось от пыли.

Там четыре реки широки, словно море,—
Их журчанье звенит и в небесном просторе.

С райским садом сроднились те земли навеки:
Им даровано благо поить его реки.

Влага рек этих — словно живая вода:
Лишь отведай — от смерти спасен навсегда.

Вдоль потоков там — розы, зеленые кущи,
Все они — ровня Хызру, все — вечноживущи.

Как небесная высь — тех земель ширина,
И прохлада там райскою негой полна.

И, узрев Хорасан, что предстал его взорам,
И четыре реки с их привольным простором,

Шах промолвил: «Земля эта — райский цветник!»
И блаженный восторг в его душу проник.

И хвалил без конца этих рек благодать он,
И меж них райский город велел основать он.

И, спросив мудрецов, как назвать город-сад,
Он одобрил одно лишь название — Герат.

Звучный строй в этом имени был им замечен,
И велел новый город Гератом наречь он.

С Искандеровых дней он зовется Герат,
Ну а те, что попроще,— Гери говорят.

Ширь четвертого пояса — земли Герата,
И звезда его — солнца горящее золото.

Семь планет различают в небесных высотах,
Знают семь поясов и в наземных широтах.*

Над планетами солнце сверкает багряно,
Всех земель несравненной — земля Хорасана.

Хорасану Герат — как душа в его теле,
Быть основою телу дано не душе ли?

Но манили пути его снова в походы —
Одолел он Джейхуна бурлящие воды.

Там страна — краше рая, куда ни взгляни:
И прохлада и воды там — раю сродни.

Земли славятся райскими кущами тут,
И страну эту Мавераннахром зовут.

Та страна пролегла между водами рек,
Сто ягачей — широких раздолий разбег.

Ограничен Сейхуном простор на восток,
Ну а западный край — по Джейхуну пролег.

Две реки назовешь, а не кончен рассказ:
Их пятнадцать там, каждая — словно Арас.

И при каждой — притоков-ручьев череда,
Тут и там вдоль по рекам цветут города.

И меж рек есть река по прозванью Кухак,—
С ней и райским рекам не сравниться никак.

И когда Искандер этот край увидал,
Сад Ирэма узрел он и рай увидал.

Видел реку Кухак он и вспомнил о Ниле.—
Что там Нил! Вспомнил он о самом Сельсебиле!

И призвал он к себе мудрецов для бесед,
Чтобы место для града избрал их совет.

Есть вершина Кухак в той чудесной стране —
Словно перл-талиман во вселенской казне!

Камни там жемчугам и рубинам под стать,
Зелень рощ там небесным глубинам под стать.

Под горою река протекает в долине —
То же имя дано ей по этой причине.

И омыта вершина той влагой живой —
Словно плачет влюбленный, склонясь головой.

Основал там он город, и взнесшихся стен
Не коснутся вовек ни забвенье, ни тлен.

Искандер Самаркандом тот город нарек,
Красотой, словно рай, он возвышен и строг.

И когда завершил он сей славный почин,
Он к Кашмиру пошел — в край индийских долин.

О правителях

Кто желает быть шахом, тому надо знать,
Как разумно, заботливо пестовать рать.

Точно ведать он должен, что воинам надо
И какая кому подобает награда.

За великое дело — почет и хвала,
А за малое дело и слава мала.

А о тех, кто по храбрости — среднего чина,
Есть присловье, что «лучше всего середина».

Говорят, люди все — близнецы, ну а всё ж
Этот — славен и смел, а другой — нехорош.

Воск свечи и сосулька по таянью схожи,
Но прохладе с гореньем равняться негоже.

Если сахар раскрошен, он — словно бы соль,
Только сахар и соль различать соизволь!

Гумаюн гложет падаль — таков уж обычай,
Но не счесть от ворон его славных отличий.

Шаху следует умным и знающим быть —
Светом знания, всё освещающим, быть,

Чтобы медную вещь не признать золотою,
А светило небесное — сковородою.

А тому, кто от мудрых деяний далек,
Лучше знанья до срока прикапливать впрок.

Ну, а если правителю в помощь даны
Мудрецы, что и гордость и слава страны,

Должен он содержать их в достатке и в холе,
Чтобы тернии бедствий их честь не кололи.

Не одних только избранных нужно ласкать,
Все должны быть довольны — простые и знать.

Если подданным плохо и всё их тревожит,
Против вражеской силы и ум не поможет!

Как обрушить на недруга кару и месть,
Если недругов в собственном стане не счесть!

Не венчать тому шаху победою брани,
Чей народ ищет правды во вражеском стане.

Хоть и долгие годы послушен народ,
А когда-нибудь час искупленья придет!

Жил-был шах, чью премудрость опишешь едва ли,—
Кураган ему прозвище звучное дали.

Хорасаном и Мавераннахром владел он,
И забрал под правленье великий удел он.

Власть его от Хорезма была до Кермана,
От Кашгара он властвовал до Исфaghана.

Цвел весенними кущами Забулистан,
Стал садами цветущими Кабулистан.

Даровал свою власть он бескрайним пределам,
Был властителем он и премудрым и смелым.

Но однажды взлелеял он умысел — впродь
Всеми странами мира земного владеть.

Видно, мудрым советам не внял его разум,
Как на Рум и Тебриз двинул войско он разом.

Провиденье радело немало ему,
Но один недостаток послало ему.

Он казну умножать одержим был расчетом,
А народ обижал притеснением и гнетом.

И богатству душа его рада была,
А в народе и войске досада росла.

И когда он в те страны повел свою рать,
Для отпора и там стали войско собирать.

Опасаясь ущерба обширным владеньям,
Враг решил смело действовать встречным вторженьем.

И затеялись битвы — страшнее их нет,
И сражения шли много зим, много лет.

И в войсках, возмущенных лихим произволом,
Когда время настало лишеньям тяжелым,

Суматоха броженья повсюду пошла —
Одолело их бремя неожиданного зла.

Стали воины прочь разбежаться помногу
И бежали во вражеский стан на подмогу.

И всесветный властитель от этих измен
Претерпел унижение и вражеский плен.

И несчастному небо немилость явило —
Закатилось светившее с неба светило.

И жестокою кару судил ему враг:
Обагрился рубиновой кровью тесак.

И владыке, чья воля народ угнетала,
В покаянии пользы не будет нимало.

Если шах войску чужд и от войска далек,
Разве будет от воли властителя прок?

Роза сорвана — сохнет она омертвело,
Сердце — мертвое, если изъято из тела.

Шаху — с войском в единстве величье дано,
Войску — с шахом всегда нужно быть заодно.

Словно двое влюбленных, чьи думы едины,
Жить в согласье с народом должны властелины.

Овладеть целым миром — задача трудна,
Но согласным усилиям подвластна она!

О написании «Пятерицы»

Даровала судьба мне и рвенье и пыл —
«Пятерицу» слагать я перо очинил.

И огонь вдохновенья мне сердце зажег,
Чтобы сердце светилося пыланием строк.

Приступил я к тому, что задумал давно,
И желанному было свершиться дано.

Вел пером на бумаге узоры я строк,
И с диковин немало завес я совлек.

И мой умысел — тот, что был страхом чреват,
При писании стал мне доступней стократ.

И премного я перлов рассыпал окрест —
Не осталось нигде незасыпанных мест!

И таился в чернильнице перлов тайник —
Не тайник, а вместивший все недра рудник.

И не сохла чернилами мокшая нить,
И едва успевал я кристаллы дробить.

И когда на кристаллы я воду струил,
Зёрна жемчуга зрели как капли чернил.

Да не струи воды — там бурлил океан,
И на глади чернил закипал ураган.

Целый мир был в чернильнице той, почитай,—
С поднебесье он был высотой, почитай!

Если шири небесной и нет у него,
Миром мыслей сияющий свет — у него!

Дал я в помощь «Смятенью» сердечное рвенье,
И людей во всех странах поверг я в смятенье.

И когда моя дума Фархаду внимала,
Прорубил я ущелий в утесах немало.

И когда я к «Меджнуну» направил раздумья,
Многих доблестных сверг я в пучину безумья.

«Семь планет» стал слагать я, и в самом начале
Семь небес меня славой высокой венчали.

Пламя огненных слов моих встало стеною —
И «Стена Искандера» построена мною.

Но сомненья в душе моей были жестоки:
Уж не слишком ли скоры свершения сроки?

Мудрецы, что слагали сказанья про это,
Посвящали трудам своим долгие лета.

Низами, муж безмерно высоких познаний,
Был искусностью выше всех мыслимых граней.

Тайниками бесценных сокровищ владел он,
Превзошел разуменьем доступный предел он.

И когда он отшельником в давние годы
Претерпел и лишенья и злые невзгоды,

И открыл пять сокровищ ключом постиженья,
Сколько лет он еще посвятил им терпенья!

А урок, данный тюрком индусским — Хосровом,
Кто над всею вселенною властвовал словом!

Всё ему покорялось — твердыни и грады,
Всё, что сказывал он, было слаще услады,

Сколько лет посвятил он сказаньям и сказам,
Сколь изысканным был его пламенный разум!

Сколько лет он трудился — ни смерить, ни взвесить:
Ну не тридцать, а все же не меньше, чем десять.

И тебе сколько разных нечастий досталось,
И неведомых людям напастей досталось!

Ты над словом корпел от зари до заката,
Каждый миг было сердце печалью объято,

Ты не ведал покоя от склок и раздоров,
От пустых пересудов, от сплетен и споров,

И хоть было твое испытанье сурово,
Как-никак, а два года ты сказывал слово.

И перо твою повесть свершеньем венчало,
И довел до конца ты благое начало.

Вот, готовы стихи, а писались со спехом,
Да по-тюркски, и как же не быть тут огрехам!

Как ты ни был усерден, а промахи есть,
И в словах твоей речи запинок не счесть.

А напишешь — всё будто бы ладно, толково,—
Не осудишь свое, сердцу близкое слово!

Смотришь, стих — с перебоем, не плавно течет,
Ну а слово свое — и ошибки не в счет.

Слово — будто дитя, ненаглядное чадо,
Ну а милое чадо — для сердца отрада.

Как бы ни был детеныш уродлив и хил,
А душе человека он дорог и мил.

Пусть сычонок и страшен — сычу все едино:
Для него он прекрасней любого павлина!

По тебе, твои речи достойны хвалы,
А другим, может статься, они не милы.

Что ж, решил я, пойду к моему пестуну я,—*
Как оценит он труд мой, подумал,— взгляну я.

Преисполненный дум и тревог, я пошел,
И сомнений терпеть уж не мог я — пошел.

И пришел я к тому, кто во всем мне — отрада,—
Поминать лишний раз его имя не надо.

И с мольбою к его я порогу припал —
К осененному тайной чертогу припал.

И достал «Пятерицу» я с сердцем смятенным,
И меня допустил он к послугам смиренным.

И смотрел он, лишь бегло листая листы,
Или все друг за другом читая листы.

И порой задавал он вопросы при этом,
И почтительно всё разъяснял я ответом.

И — хвалил ли он, был ли пристрастен и строг,
Я и доли обиды в душе не берег.

Его каждому слову душа была рада,
От него и хвалы и укоры — отрада.

В путях слов застревал он — моя же беда:
Очи долу склонял я, горя от стыда.

А порой, словно сад, просветлялся он ликом,
Одоброя меня в милосердьи великом.

Даже небу во благо его похвала:
Хмурый полог уходит, высь неба светла!

Кладезь помыслов, данный в отраду тебе,
Даровал сам создатель в награду тебе.

И любой, у кого пронизательно око,
Сам увидит, что два в этом деле истока.

Первый — тот, что ты шел со смиренной мольбой:
Сень властителей тайны была над тобой.

Ты усердно и пылко свершал свое дело,
И от них тебе добрая помощь приспела.

И еще: если труд совершается в срок,
Значит — твой покровитель успеху помог.

СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ

(Отрывок из поэмы)

О взыскующем знаний

Доколе миру гнет вражды привычен,
Унижен умный, глупый возвеличен.

Покуда мир потопом гнета залит,
Плодовые деревья буря валит.

Где дурь в чести, ученым нет пощады:
Каменья — на горе, да в недрах — клады.

И горемыка, тянущийся к знаньям,
Уходит прочь, гонимый вдаль изгнаньем.

Бредет он, грусти полон и оборван,
Он весь в заплатках — гол он и оборван.

К его ступням цепляются колючки,
К колючкам — прилепляются колючки.

Его чалмы смешнее нет на свете,
И вся одежда — в дырах, словно сети.

В те сети птицу счастья не заманишь:
Ведь зёрна слез привадой класть не станешь.

Вся его ноша — книги да тетрадки,
Мечты о знаньях — все его достатки.

В высь знаний птицей взмыть — его забота!
Листки под мышкой — крылья для полета.

И, мучимый нуждою безысходной,
О пище тщетно думает голодный.

Как сломанный тростник, он высох телом,
Тоска мольбы — на лице почернелом.

И малым сыт, бредет он еле-еле,
Влеком мечтой достичь желанной цели.

Людей не счесть, а нет ему собрата,
И в отчий дом бедняге нет возврата.

Вот — улицы, тепло жилья людского,
Но нет скитальцу ни тепла, ни крова.

Огонь чужбины сердце жжет жестоко,
Душа страдальца горько одинока.

До вечера томится он без пищи,
А ночью — у стены его жилище.

И не согреться — холод все жесточе,
Он до рассвета не смыкает очи.

А утром — в медресе его дорога:
То там, то здесь погрееется немного.

Расскажет, как судьба его сурова, —
Ему в ответ — насмешки, злое слово.

Днем и покоя нет ему и неги,
А ночью — и не думай о ночлеге.

Жить на чужбине — нет и доли хуже, —
Беда из бед, лихой неволи хуже!

Сказать про всё — увы, немеет слово,
Перу вовек не описать такого.

Живет он в муках — в лютом горе маясь,
Пятнадцать-десять лет от хвори маясь.

Ему и медресе — приют страданья,
С утра до ночи душу жгут страданья.

Но тайны всех писем ему доступны,
Науки все его уму доступны.

И странно, что невежды и громилы,
Чьи вид и суть и мерзки и постылы,

Кто всех губить завел себе обычай,
Кто каждый волос мнит своей добычей,

Кто, всем нутром зловонный чад взвивая,
Лишь с виду — словно искра огневая,

Кто хуже пса своей природой гнойной,
Пред кем и пес — что человек достойный,—

Не странно ли, что с этой сутью гнусной
И в подлостях и в низостях искусной —

Велением небес они не тужат —
И войско им и подданные служат.

Вот так — один высоким славен рвением,
Другой привычен к подлым преступлениям.

И диво: подлый пользуется славой,
А добрый сломлен силою неправой.

Один живет властителем-эмиром,
Другой — рабом, униженным и сирым.

И тот, кто служит правдою и верой,—
С него ж берут и подать жесткой мерой!

И тот, кто сердцем ангелу подобен,
Унижен тем, кто, словно дьявол, злобен!

Кто знания постигает ради власти,
Себе и всем несет одни напасти.

Кто сам учен, да злы его деянья,
Его «ученость» — верный знак незнанья!

ЯЗЫК ПТИЦ

(Отрывки из поэмы)

**О том, как вожак птичьей стаи Удод призывал птиц
лететь на поиски повелителя птиц Симурга**

Обращения Удода к птицам

Обращение к Попугаю

Попугай сладкогласный, ты песню пропой нам
Рассудительной речью, напевом достойным.

О взыскующий шаха! В зеленом халате
Будь ты Хызром в пути для заблудших собратий.

Поначалу о родине нам расскажи,
Нас порадуй, потешься и сам,— расскажи.

Ты сроднился с отчизной своей — Индустаном,
С шахским садом, прекрасным в цветенье багряном.

Любо жить тебе баловнем в сладостных кушах,
Сладок звук твоих песен, о неге поющих.

Удостоен сидеть ты на шахской руке,
Отзвук шахских речей — на твоём языке.

Ты с чужбины к далекому саду собирайся,
В дальнем доле изведать усладу собирайся.

Обращение к Павлину

Покажи нам, Павлин, свой цветник сокровенный,
Ты яви нам свой блеск — изумленье вселенной!

Над твоей головою — корона главенства,
Красота твоих перьев — само совершенство.

Ты великой красоты в оперенье достиг,
Описать твою прелесть — немеет язык.

Твоему существу подобает величье,
Твоему естеству — совершенство в обличье.

Позабыл ты свой край, что поблек без тебя,
Там, где шахский цветник одинок без тебя.

Но, смотри, тот прекрасный цветник не забудь,
Прутья гнусной темницы сумей разомкнуть.

И о пиршествах шахских напевы слагая,
Ты лети к цветникам сокровенного края!

Обращение к Соловью

Соловей! О певец, вдохновляемый страстью,
Звонкой песней залейся, внушаемой страстью!

О любви запоешь ты залиvistым ладом —
Все безгласные внемлют звучащим уладам.

Шахский сад опьяняет тебя красотой,
И вкушаешь ты страсти пьянящий настой.

Лишь оденутся розы пылающим цветом,
В твоих перьях то пламя зардеет отсветом.

А вдали от садов твоя песнь онемела,
Стало пеплом от жара разлуки все тело.

В голубых небесах к дальним странам лети,
Вдаль к возлюбленным розам багряным лети.

Сотни роз в цветнике рдеют пламенем ярим,
Рдеют тысячи искр в твоём сердце пожаром!

Обращение к Горлице

Спой нам песню, о Горлица сада вселенной,
Дай услышать нам отзвуки лада вселенной.

Пусть пернатые стаи в смущении смолкнут
И в бессилье, услышав то пение, смолкнут.

Пестрый венчик на шейке твоей — амулет,—
Рассказать о нём — слов восхищения нет!

Ты в любом цветнике — удивление птахам:
Твои перья окрашены кровью и прахом.

Запоешь ты — и стоном тоскливым застонешь
И безумно-влюбленным призывом застонешь.

А припомнишь любви очарованный сад —
Голос твой словно трепетной негой объят.

Не зачахни в печали, порадуй нас вестью,
Что летишь к дальним кушам, вспарив к поднебесью!

Обращение к Куропатке

Куропатка из дальней нагорной долины!
От печали глаза твои — словно рубины.

Как Фархад среди гор, ты в труде неустанна,
Ты, не зная покоя, спешишь непрестанно.

Красный клюв твой — пылающий жаром тюльпан,
Он от крови страданий, наверно, багрян.

Каф-горою близ горних высот ты бродила,
Не о ней ли в сей дали ты стонешь уныло?

То — не хохотом взвились высокие звуки, —
Это — крик твоей ядом напитанной муки.

К Каф-горе ты спешишь, путь далекий открыт,
Пусть надежда свиданья тебя веселит.

Близок час единения — ввысь, на свободу!
Через скалы разлуки стремись на свободу!

Обращение к Фазану

О Фазан пестроперый, изяществом славный,
Кипарис — твой слуга в своей доле неравной!

Весь цветник — это дар твоего совершенства,
Розы меркнут от чар твоего совершенства.

Блеск твой видели горы и в долах сады,
Красотой твоей горы и доли горды.

Люб ты живности всякой в полянах веселых,
Мил ты тварям, живущим в заброшенных долах.

И хотя совершенство твое несравненно,
А краса не сравнимо ни с чем совершенна,

Ты красою своей никогда не гордись,
Красотой, как она ни горда, не гордись.

Вспомни ту красоту, что не знает порока,
В край пылающих роз устремляйся высоко!

Обращение к Турачу

Эй, послушай Турач, ты изящен и строен,
Словно птица души, ты любви удостоен.

Лес в наряд свой одет красотою твоею,
Дан лугам яркий цвет красотою твоею.

Твой пьянящий напев так чарующе мил,
Что у внемлющих сердце лишается сил.

Вид твой — чудо чудес, оперенье красиво,
Облик дивно прекрасен, а речь — словно диво.

И с таким совершенством, с повадкой такою,
Да и с речью пленительно-сладкою такою,

Ты по вольному должен обычаю жить
Или шаху достойной добычею быть.

Мчится шах на охоту — добычею падай,
И за жертву твою будет вечность наградой.

Обращение к Голубю

Взмой, о Голубь, биением крыл в поднебесье,
Спой нам песню о том, как парил в поднебесье.

Разве в темном жилище томиться приятней?
Ты ослепнешь навеки, томясь в голубятне.

Вспомни небо над шахским чертогом, вспари,
В горнем небе летай от зари до зари.

Иль забыл ты, как сердце в паренье пологом
Замирает и бьется над шахским чертогом?

Видно, ты поотвык быть с султанами рядом,
Ворковать разучился торжественным ладом?

Полетай в те края и над крышей пари,
И над высью времен, даже выше, пари!

Пусть изловят тебя — это жребий приметный:
Ты дорогу найдешь к голубятне заветной!

Обращение к Соколу

Добрый путь тебе, Сокол, на шаха похожий,
Бесподобна краса твоей стати пригожей.

Бог возвысил тебя над крылатою ратью,
Наделил красотой и изысканной статью.

Ты от века на шахской деснице сидел,
Есть с державной руки — твой высокий удел.

Шах ласкал тебя, гладил по трепетным перьям,
Трогал клюв и к когтям прикасался с доверьем,

Небосвод обернулся судьбой вероломной:
Ты от шахской руки вдалеке — как бездомный.

Ты попался, насилье накинуло сеть,
И привык ты разлуку в неволе терпеть.

Стань же пленником шаха, будь снова с ним вмес!
Руку шаха лобзать удостоишься чести!

Обращение к Кречету

Здравствуй, Кречет могучий, подоблачный житель,
Волей шаха в высокую взят ты обитель.

Венценосец, ты сам — словно шах красотой:
Шах короной тебя одарил золотою.

Ты меж птиц венценосных владыкою стал,
Шах дарить тебе дружбу великую стал.

И на пиршествах шаха ты принят с почетом,
Нет и счета к тебе обращенным заботам.

Не сравнится с тобой птиц и целый десяток —
В десять раз больше всех дан тебе и достаток:

Шах свое уваженье тебе подарил,
Жемчуга и камня тебе подарил.

Ты далек от него, но забудь про чужбину,
Прямо в руки лети к своему властелину!

Отговорки птиц и ответы Удоды

И пернатая стая в согласье великом
Огласила пространство ликующим криком.

Все явили Удоду покорности знак,
И повел их в полет венценосный вожак.

Полетели, в веселье игривом помчались
И с надеждой на счастье порывом помчались.

Вот прошло много дней. Где они ни летели —
Над просторами жгучей пустыни летели!

Много бед и невзгод претерпели они,
Много мук и забот претерпели они.

Долог путь, цепененье им крылья объяло,
И тела их усталость бессилья объяла.

А когда-то ведь в розовых куцах резвились,
И под сенью деревьев цветущих резвились!

А теперь им от тягот и мочи уж нет,
Каждой птице пришло сто негладанных бед.

Стосковались по гнездам родным и покою,
По садам, цветникам, по деревьям с листвою,

По сердечным забавам, по благостным долам,
По лугам многотравым, по играм веселым.

Вот уж многие птицы, устав от пути,
Видят: тяготы странствия им не снести.

Птицы стонут, слышались возгласы жалоб:
Та устала, дрягая — лететь не желала б.

И Удоду те птицы промолвили так:
«Отдохнуть бы немного, послушай, вожак!

Есть такие меж нас, что устали изрядно —
Утомились лететь в эти дали изрядно.

А другие спознались с лихою напастью
И взывают к тебе не неволить их властью.

Ну а третьим такая беда подошла,
И от мук им такая страда подошла,

Что о ней рассказать — и пытаться напрасно,
Дальше путь продолжать птицам было б опасно!»

И Удод, лишь увидел он немощь их ныне,
Дал им знак опуститься в широкой долине.

И, окинув глазами галдящую рать,—
«Стойте,— молвил он,— первым кто хочет сказать?»

И вожак опустил меж братьев крылатых,
Приготовился слушать он речи пернатых.

Отговорка Попугая

Первым был Попугай — он речения начал,
И такую он речь отречения начал:

«Я ведь птица, к нездешним привычная странам,
Мне привычно летать над родным Индустаном.

Красноречием славу снискал мой язык,
Сладкоречием зло врачевать я привык.

Повелители в клетках меня содержали,
Утешаясь беседой со мною в печали.

Сколько дивных красавиц меня угощало,
И от лакомств индийских вкусил я немало.

То — зеркало стоит напрямик предо мной,*
То — зеркальной красы дивный лик предо мной.

Был на свете я самой счастливою птицей,
И за то болтовнею платил я сторицей.

Сколько знаю себя — я несчастий не ведал
И отравленных ядом напастей не ведал.

Где орел так унижен, что мухой слывет,
Те, что мухи слабее, — и вовсе не в счет.

Как с другими лететь мне к неведомым странам,
Вместе с птицами в странствии быть неустанном?

Взять меня в этот путь — что тебе за отрада?
Вот что знать про меня тебе было бы надо!»

Ответ Удада

И промолвил Удад: «Говоришь ты не споро,
Много ты наболтал измышлений и вздора!

Твой убогий язык красноречья не знает,
А нелепая речь сладкоречья не знает.

В измышленьях твоих — несуразицы след,
Все слова твои — чушь, словоблудье и бред!

Себялюбец, наполненный вздором чванливым,
Ты достоин презренья в зазнайстве кичливом.

Хоть зеркалом и речью кичишься ты вздорно,
А на деле вся речь твоя сплошь смехотворна.

Вот зажег бы в душе яркий свет вместо зла,
То душа бы и впрямь как зеркало была!

Ну а то, что тебе быть при шахах уместно,
Все слова эти — ложь, их нелепость известна!

То не шахский закон — пренебречь своей целью
И в блудливых речах предаваться безделью!

Недостойный позор — измышленья твои,
Отговорки и вздор — все реченья твои!

Заблужденья и грех — вот в чем суть и основа,
До тебя не доходит разумное слово.

Если ты и очнешься, поняв заблужденья,
Не поможет тебе покаянное рвенье.

За грехи ты претерпишь стократный позор
И за речи — беды необъятной позор.

Твое золото поддельно, а речь твоя лжива,
Ну, а чванство твое — для шайтана пожива!»

Притча

Жил невежда один, он бродил по базарам,
Притворяясь подвижником, немощно-старым.

Брел он Хызром под ветхим зеленым покровом,
Ну а сам был, как вешняя зелень, здоровым.

Но, умея личину смиренья надеть,
Добывал себе в лавках он блага и снедь.

Прибегал он к коварным и подлым уловкам
И скрывал лицемерие в нищенстве ловком.

То словами униженной лести он кланчил,
То слезами обиженной чести он кланчил,

То он рассказы плел о степенстве своем,
То морочил людей, похваляясь умом.

Ловко действуя сказкой, стократно пропетой,
Разживался он пищею или монетой.

Сам хитрил ли, терпел ли чужие нападки,
Все, что нужно, всегда собирал он в достатке.

Ежечасно он бангом бывал охмурен,
И мечты его были — что путаный сон.

Как-то раз ему встретился старец-подвижник,
Много странствий свершивший — и дальних и ближних.

Так уж вышло: увидев, что старцу подвластно,
Понял он, сколь его злая доля несчастна.

Старец молвил: «А ну, покажи свой мешок —
Погляжу я, чем за день разжиться ты смог!»

Тот завязки мешка отпустил посвободней —
Глядь, а там лишь отрава, дары преисподней.

Смотрит — там лишь дерьмо, нечистоты навалом,
Разъярился он, вспыхнул огнем небывалым.

А старик взял в ладони земли из-под ног,
Бросил в торбу — возьми, мол, тебе приберег!

Нищий смотрит: не прах там, а золото в слитках,
Драгоценные камни и жемчуг на нитках.

Нечестивец дивится — мол, что за причина,
Ну, а старец исчез уже — нет и помина!

Что за польза — губить себя делом срамным,
А потом волю дать покаяньям дурным!

Ты, крича о своем благородстве хваленом,
Помни, что приключилось с бродягой «зеленым»!

Отговорка Павлина

А потом начата была речь и Павлином:
«К-эй, ты признан меж нас вожаком-властелином!

Дан в садах и дворцах мне удел несравненный,
Яркость перьев моих — изумленье вселенной!

Облик мой цветникам украшенья дает,
Пышный вид мой усладу для зренья дает.

Там, где я, сад и осенью радостен взглядам,
А леса и зимою покажутся садом.

Красота моя блеском красна небывалым —
С Искандеровым только сравнится зеркалом.

Ярче всех оперение дал мне господь,
Да и блеска — не менее дал мне господь.

Кто моей красотой хоть раз восхитится,
Совершенством творенья тотчас восхитится.

Всех творец наделил разной долей по праву:
Одному дал он мед, а другому — отраву.

И в той доле, что дал тебе в милость господь,
Все послал, что бы в ней ни случилось, господь.

Одному бог судил быть от века любимым,
А другому — шайтаном быть, злым нелюдимом.

И пытаться уйти от дарованной доли —
Значит, тешиться небылью, мучась в неволе!»

Ответ Удода

И Удод, отвечая на выкрик павлиний,
Молвил: «Слушай, невежда, объятый гордыней!

О себе говорил ты немало пред нами —
Целый сказ о Меджнуне, побитом камнями!*

Даже людям красою хвалиться не след:
Кто кичится, в том свойств человеческих нет.

Красота — в добром деле, в деянии смелом,
Мужу дарится слава страдою и делом.

Живописца тогда лишь в умельцах мы числим,
Если, глядя на облик, он следует мыслям.

Ты вот обликом хвалишься, спесью надут,
Только крикни об этом — тебя засмеют.

Красоваться смешно, в этом мало почета,
От гордыни еще не бывало почета!»

Притча

Жил индус, и не ведал он большей отрады,
Чем придумывать платья себе и наряды.

Раз натялил венец тот забавник проворный,
А венец был украшен резьбою узорной.

Рядом с ним барабан грохотал одичало,
Плясуны плыли в танце, и песня звучала.

Был он только своими ужимками занят:
То тряхнет головою, то руку протянет.

Цветнику был он пестрой расцветкой сродни,
И павлину цветистостью редкой сродни.

И к нему — поглядеть на такие затеи —
В тот же миг прибежали толпой ротозеи.

Тут на шум — надзиратель с приспевшею стражей,
И весь люд врассыпную пустился бродяжий.

Схвачен был злополучный хвостун-пустослов,
Каковых не видали во веки веков.

Барабаном венец ему сшибли, раздели
И побили кнутами до струпьев на теле.

Вот какой в этом смысл: как одежду ни красьте,
А венец подобает лишь сану и власти!

Отговорка Соловья

Речь повел Соловей: «К-эй, над птицами властный!
Я привык возле розы жить с мукою страстной.

А без розы — один — я измучен кручиной,
И теряю я разум и лад соловьиный.

А без розы нет силы и воли во мне,
И в разлуке терпенья нет боле во мне.

Сад едва расцветет, красотой чудесен,
Тайны сердца вверяю я тысячам песен.

От любви каждый миг я пою все сильнее,
От красы каждый миг распалюсь, пьянея.

А увянет цветник — я беззвучен и нем,
Песни петь поутру мочи нету совсем.

Я, тоскуя по розе, в саду изнываю,
Мне в разлуке сто бед: розу жду, изнываю.

И в душе и на сердце — одна только роза,
Перед взором во все времена — только роза!

Смысл искания шаха, конечно, высок,
Да влюбленному в розу какой в этом прок?»

Ответ Удоды

Все прослушал Удод, и на выкрик последний
Он сказал: «О любви не рассказывай бредней!

Разве это любовь? Это все лишь причуда,
Помолчать бы тебе, безрассудный, не худо!

Свет подобных тебе неразумных не знал,
И безвольных таких, и бездумных не знал.

Ты нарочно придумал всю эту влюбленность,
А потом возвестил всему свету влюбленность!

И влюблен-то в цветок, ненадежный и тленный,—
Вечной жизни в садах ему нет во вселенной.

Он в саду расцветает лишь на пять деньков,
А еще — два-три дня — и уж нет лепестков.

И пленяться такой недотрогой негоже,
Млеть от страсти такой вот убогой негоже.

Безрассудство в любви это стыдное зло,
И покаран ты будешь постыдно и зло!»

Притча

Ехал шах на коне в красоте лучезарной,
И влюбился в него попрошайка базарный.

И стонать, и стенать пред народом он начал,
Горевать, слать проклятья невзгодам он начал.

Он стенанья сдержать был не в силах, как ты,
Пел он тысячи песен унылых — как ты.

«Мне не жить на земле!» — оголтело вопил он,
«Лучше сжечь на костре свое тело!» — вопил он.

Шах услышал о том, как любовь его рьяна,
И решил испытать крикуна и смутьяна.

В тот же миг он помчался, как молния скор,
И велел запалить он для пытки костер.

«Эй, — велел он, — свяжите-ка шею ворюге,
Волочите бродягу ко мне на послуги!»

Привели его к месту, где тлели поленья, —
Вот, мол, то, что просил ты в пылу иступленья!

И велел его шах на костер поволочь,
И бродяга от ужаса вырвался прочь.

Дико стал он метаться в безумном испуге,
Стали рьяно ловить его шахские слуги.

И к костру побежал он в беспамятстве яром,
И в минуту сгорел он, охваченный жаром.

Ну, а если бы нищий тот преданным был,
Если истинный пыл бы изведен им был,

Если он воле шаха внимал бы покорно,
Шах с коня перед пленником слез бы проворно,

Отпустил бы его, все желанья исполнив,
Расспросил бы, обычай вниманья исполнив,

Шах родней своим слугам бы сделал его,
Собеседником, другом бы сделал его.

А бродяга тот действовал хитрым обманом,
И позор стал наградой поступкам поганым.

Роза выпустит шип — будешь схож с этим плутом
Не цветник, а костер тебе будет приютом!

Отговорка Горлицы

Говорить стала Горлица: «Слушай, вожатый,
Властелин над заблудшею стаей пернатой!

Я ведь птица, привычная к зелени сада,
Мне лететь над пустыней — какая отрада?

Очень нежное тело даровано мне,
Жизнь в зеленой листве уготована мне.

Непривычна я в жизни ни к стуже, ни к зною,
И ни тягот, ни зла не случилось со мною.

Лишь из сада да в сад — вот мои перелеты,
И в зеленой листве я не знаю заботы.

Не снести мне в дороге напасти лихой,
Не посеять мне семени страсти такой!

Если я этим злом отягчу мою душу,
Волю жизни моей я неволей разрушу!»

Ответ Удада

И сказал ей Удад: «Хилой немощи чадо!
Тешить сердце печалью — твоя вся отрада.

Пусть и тысячу лет сад жильем тебе будет,
Ну а что от листвы проку в нем тебе будет?

Даже если шипы и колючки — не в счет,
Ведь того и гляди тебя слопают кот!

И подбить тебя могут случайной стрелою,
Иль от камня погибнешь погибелью злою.

И в ином тебе есть ли какая улада?
Разве любят тебя обитатели сада?

Чем терзать и губить смертной мукой себя
И сжигать беспрерывно разлукой себя,

Лучше храбро к заветнейшей сути стремиться —
Ради счастья с возлюбленным в путь устремиться!

В испытаньях высокого дела погибнуть,
В муках сердца, в страданиях тела погибнуть —

Это лучше стократ, чем погибнуть с тоски,
Это лучше, чем жалких подачек куски!»

Притча

Жил садовник ленивый, несведущий в деле,
Он в своем ремесле понимал еле-еле.

Не умел он в прививках наладить порядок,
Чтобы вкус у плодов был и сочен и сладок.

О деревьях он тоже не ведал забот
И не знал, сколько высохло, сколько растет.

Он давно позабыл, как высевать зёрна,
Как на всходах краса лепестков животворна!

Ну а тот, кому ближе навоз, а не роза,
Тот уже не садовник, а возчик навоза!

Увидали его небреженья друзья,
Стали делать ему наставленья друзья —

Дескать, бросил возиться бы с делом постылым
И нашел бы другое занятье — по силам.

А невежда повадок своих не оставил
И ленился, в работе не ведая правил.

Как-то раз подрезал он деревья свои
И погиб невзначай от укуса змеи.

Отговорка Голубя

А затем начал Голубь такие реченья:
«К-эй, вожак наш, всеведущий в тайнах правленья!

Я — особая птица меж птиц всех отличий:
Люди с рук меня кормят — таков их обычай.

Люди мне и приют и жилище дают,
Носят воду, зерно мне для пищи дают.

Я из узников узник, к почету привычен,
Принимать я людскую заботу привычен.

Это бог воздаянье достойное дал мне,
Он еду и питанье достойное дал мне.

А противиться доле, что дал тебе бог,
Разве умным назвать это кто-либо мог?

Восхваленья творцу! Он пригрел меня, к счастью,
И не знаться мне лучше с лихою напастью!»

Ответ Удода

И промолвил Удод: «Это всё отговорки,
Твой удел — жить обманом и ложью в каморке.

Птицам слушать чудно́ твое глупое слово,
Нет другого, как ты, нерадивца такого!

Бог затем тебе крылья назначил в удел,
Чтобы ты все просторы земли облетел.

Ты ж угодником людям назвался покорно
И продался служить им за воду и зёрна.

А они ваши стаи гоняют изрядно,
Метят пестрым тряпьем, — будто это нарядно!

А вспугнут простаков — вот и вся кутерьма,
Только с крыш поочистят остатки дерьма!

Не дано вам вспарить к испытаниям высшим,
Вы хотите весь век свой кормиться по крышам!»

Притча

Это было с лентяем одним нерадивым,—
Для народа он был удивленьем и дивом.

К тумакам и пощечинам был он привычен:
Получал он подачки ценой зуботычин.

Его гонят, бывало, а он — словно нем
И с издевками подлыми сжился совсем.

Иногда выпадала ему и кормежка,
Ну а пнут — поскулит да поплачет немножко.

В общем он разживался какой-либо мздой,
И не знался бездельник с голодной нуждой.

Так и было, пока за какой-то кусок
Не ударили так, что и встать он не смог.

Хоть и был за побои частенько он сытым,
Все ж потом оказался смертельно избитым.

Отговорка Куропатки

А еще Куропатка прикинулась хилой:
«К-эй, глава всех пернатых, уволь и помилуй!

Я ведь птица, привыкшая к странам нагорным,
Там я господа славлю в смиренье покорном.

От мирской суеты отряхнув свой подол,
Я в горах обрела себе долю и дол.

Я обласкана счастьем — щедротами рока:
Любо мне на вершинах бродить одиноко.

Дивный край диких гор стал мне милым приютом,
И зачем мне страдать в этом странствии лютном?

Здесь под каждой горою — сокровища клада,
А сокровища воли — для сердца награда.

Если суть сокровенного познана мною,
Нет и смысла прельщаться дорогой иною!»

Ответ Удода

И сказал ей Удод: «К-эй, мечты твои скверны,
В голове твоей нет ничего, кроме скверны!

Говоришь, ты в горах жизнь отшельника знала,—
На отшельника ты не похожа нимало.

Все занятие твое — лишь одна суета:
По горам да по склонам, к кусту от куста.

Ну а то, что хохочешь ты смехом бездумным,—
Лишь глупцам это свойственно или безумным.

А сокровища мысли, что ты помянула,
Это ты ради глупой тщеты помянула.

Кто сама ты, и в мыслях твоих есть ли прок?
Самомненье невежества — худший порок.

Не болтай о сокровищах мысли напрасно,
Не позорь себя ложью такую опасной!

Это все — болтовня и пустое бахвальство
Или это — бессмысленный бред и нахальство!

Ото лжи тебе будет печальный исход:
От нее на тебя сто несчастий падет!»

Притча

Жил в какой-то стране лоботряс и проныра
И решил промышлять ремеслом ювелира.

Он рубин спутать мог с самой худшей из бусин,
Но зато в надувательстве был он искусен.

И когда он искусство обмана постиг,
Он от нищенской доли уже поотвык.

Потеревши немного — чтоб долго не блекло —
Выдавал за рубины он красные стекла.

Мог такое наплесть неумелец тот сходу,
Что казался умелым простому народу.

Но однажды всучил тот любитель безделья
Одному богачу вот такое изделие —

За бесценную плату — осколок стекла,
На котором лишь сверху окраска была!

Богатей тот лелеял и гладил безделку,
А как глянец-то стер — тут и понял подделку.

Медяка — за такое и то будет жаль,
А за тысячу продал бессовестный враль.

Сделку ту отменили, и вора — к ответу,
Только что с него взять, если денег уж нету!

Видят — гол и оборван, и мерзкого плута
Прямо тут и убили, измучивши люто.

Отговорка Фазана

А еще речь повел и Фазан розоликий:
«К-эй, в законах главенства искусник великий!

Я ведь птица, известная статью чудесной,
В цветнике всех пленяет мой облик прелестный.

Дивный дар красоты дал мне в долю творец,
И чудесной красы дал мне вволю творец.

И поскольку краса моя так прихотлива,
Потому и пленителен я, словно диво.

Счастье неги присуще красе благородной,
А мучений и бедствий достоин негодный!»

Ответ Удада

«Твои бредни,— промолвил Удад,— неразумны,
И замашки и мысли вразброд — неразумны.

Не встречался я с речью такою пустою,
Чтобы в ней похвалялись своей красотой!

Слов таких и безумный чудака не болтал,
Ни ребенок, ни просто дурак не болтал.

И распутницам даже, пестро разодетым,
Был бы стыд и позор в словоблудии этом!

Эту чушь и пустой словоплет не сказал бы,
Да какое! Ублюдок — и тот не сказал бы!

Недотепу, поведшего глупую речь,
Лучше было б совсем от пути остеречь!

Ты заносчив по-бабьему — до неприличья,
И, наверно, лишишься мужского обличья!

Званье мужа дается трудом и раденьем,
Тот не муж, кто кичится своим облаченьем.

Мужа красят поступки — деянья добра,
Даже если одежда на нем и стара!»

Притча

Вышли в путь два приятеля, связаны словом,
Был один из них мудрым, другой — непутевым.

Первый звался Мукбиль, был он тих, благонравен,
А Мудбир, его друг, был и лих и злонравен.

Были все их привычки их кличкам под стать,
Ну, а клички их были привычкам под стать:

Ведь и слово «мукбиль» значит «муж благонравный»,
А вот слово «мудбир» означает «злонравный».

Речь ведя о подвижниках, вере и боге,
О высоком Мукбиль рассуждал по дороге.

А Мудбир шел, про мерзких людей рассуждая,
О дурном, как безбожный злодей, рассуждая.

О страданиях один, о грехе говорил,
А другой о пустой чепухе говорил.

Так и шли, друг от друга не ведая прока,
Вдруг вдали дивный город вознесся высоко.

И расстались они, миновавши заставу:
Каждый чаял найти себе дело по нраву.

Первый — прямо к отшельникам здешних сторон,
А другой стал разыскивать гнусный притон.

Первый шахом был принят с великим почетом,
И не ведал он счета дарам и щедротам.

В скором времени к шаху два стража здоровых
Притащили Мудбира в цепях и оковах.

Притащили и всё рассказали о нем:
Дескать, ночью негодник упился вином,

Вышло так, что Мудбира называли уродом,
И затеялась драка — с кровавым исходом.

Негодяй за обиду в безумии шалом
Оскорбителя тут же ударил кинжалом.

В гневе шах возвестил справедливую весть:
Да постигнет Мудбира кровавая месть!

Так достойный спознался с высокою честью,
А негодный покаран был страшною местью.

Искра к небу взвивается смелым полетом,
А ничтожную муху влечет к нечистотам.

Отговорка Ястреба

Ястреб речи повел перед стаею пестрой,
Когти выпустил он, клюв свой выставил острый.

«Я ведь птицам не ровня, сравниться ль со мною?
Я над всеми пернатыми признан главою.

Знай: все птицы, что речь тут вели пред тобой,
Для меня только лакомой служат едой!

Мне на шахской руке — и приют и жилище,
Шах мне сам подает все, что надо для пищи.

А когда над добычей расправлю я крылья,
Даже коршун — и тот поникает в бессилье.

Я у шахов такого почета достиг,
Что и сам, как Симург, и силен, и велик.

Шахский перст — мой престол, я увенчан короной,
И совсем мне не нужен Симург твой хваленый!»

Ответ Удода

И промолвил Удод: «К-эй, ты в лапах гордыни
И в оковах невежества маешься ныне.

Свяжет шах тебе лапы, узлами опутав,
Да и только ли шах — каждый ловчий из плутов!

Заморит тебя голодом тот лиходея,
Так что мясо твое послезает с костей!

А пока будешь клянчить ты мясо голодный,
Всех доймут твои вопли тоской безысходной.

Бог пошлет — ты и ешь. Душу дурью измаяв,
Стал забавою ты для лихих негодяев.

Ну и ловля! Запустят добычу настичь
И под дробь барабанов гоняют на дичь.

Ты находишь таких, что тебя послабее,
Настигаешь в полете и рвешь, не жалея.

Вот изловит тебя человек, приневолит
И подачкой кормиться навек приневолит.

И когда ты городишь свою ерунду,
Твои речи бессмысленны, словно в бреду.

Будь в тебе хоть немного стыда или чести,
От позора ты сдох бы на этом же месте!

Но бездонная дурость тебя одолела,
Потому и болтаешь ты так очумело!»

Притча

Как-то горец медведя поймал на досуге
И пока приручал — чуть не умер с натуги.

И пока зверь не свыкся с той участью жалкой,
Дважды в день горец до смерти бил его палкой.

Зверь такие побои и голод сносил,
Что совсем присмирел и остался без сил.

Горец палку возьмет, только раз и поддаст он —
Глядь, у ног его зверь ждет побоев, распластан.

Танцевать у дверей он сперва научился,
А потом и ходить по дрова научился!

Он вязанки таскал от зари допоздна,
И облезла до кожи медвежья спина.

Но любая беда, что сносил он, бывало,—
Видно, сдуру, лишь спеси ему придавала.

То мечтал он, что схватится с тигром громадным
И снесет ему череп в бою беспощадном,

То казалось ему, будто в схватке со львом
Он врага растерзал да и съел целиком!

О еде он мечтал с вождельем и вкусом,
Ну а вышло, что сам стал добычей собакам.

Ты вот так же, как он, несуразен и злобен,
И в мечтах своих глупых медведю подобен!

Отговорка Сокола

Сокол молвил: «Вожак, полюбившийся стаям!
Все идут за тобой, всеми ты почитаем.

Бог меня несказанным величьем отметил,
Силой, редкою в скопище птичьем, отметил

Другом я и сподвижником шахом зовусь,
Потому я меж птиц падишахом зовусь!

Мне дано украшенье — венец золоченый,
Бог меня одарил золотою короной.

Да ведь знаешь ты все про меня расчудесно:
Моя суть тебе ведома, имя известно!

Да и должен ли шах, что венцом наделен,
Тосковать по другому — из дальних сторон?

Я привык, словно шах, жить в почете немало,
И зачем мне у шаха служить под началом?»

Ответ Удода

«К-эй,— промолвил Удод,— что за глупые крики?
Сколь темны твои мысли и помыслы дики!

Шахом хочешь ты быть — ишь ведь как распалился!
Это ты от немислимых врак распалился.

Ты — и темный и черный невежда и плут,
Ведь таких нечестивцами люди зовут!

Зваться лишь на словах шахом или султаном —
Это свойственно только бахвалам поганым!

Разве всякий, кто хвалится славою, славен?
Разве муж похвальбою неправую славен?

И зовущий тебя повелителем сброд,
Видно, идолам гнусным поклоны кладет!

Ты ведь шах — словно в шахматах: внешность красива,
А величье твое — только пешкам на диво!

Что за шах, если лапа любого нахала
То взметнет его ввысь, то швырнет как попало!

Нет в тебе ни величия, ни красоты,—
Лучше быть уж бродягой, чем шахом, как ты!»

Притча

Был правитель один, основал он державу —
Счастье подданных там расцветало на славу.

Красота совершенства там зрела обильно —
Без конца, без границ, без предела обильно.

Благоденствие там и порядок кругом,
Горожане там в пышных нарядах кругом.

Там умельцы воздвигли, куда ни взгляните,
Сотни башен, и каждая — солнце в зените.

Там искусники труд приложили немалый,
Чтобы край их красою сверкал небывалой.

Там чудесным диковинам нет и числа:
В них природа себя в колдовстве превзошла.

Люди жизнь там проводят в забавах и смехе,
И печали там гибнут в веселой утехе.

Был бесстыдник один там — сродни вертопраха
Камышовым себя он прозвал падишахом!

Все на нем камышовое было — кафтан,
Даже знамя в руках, даже щит и колчан.

По себе и друзей подобрал тот бродяга,
Да какие друзья — шутовская ватага.

На пирах красовались повадкою бойкой,
А кончалось все дело срамною попойкой.

Чуть не шахом себя тот бродяга считал,
Все бесстыдства свои он за благо считал.

Да недолго он прожил в безделии сладком,
И пришлось тому дурню поплакать порядком.

Самозванца его же доспехами били,
Весь камыш с него сняли да тут же спалили.

Посрамлен он молвой был. Не можешь — не лезь:
Обернулась посмешищем шахская спесь!

Отговорка Беркута

Тут вмешался и Беркут с величьем орлиным:
«Ты, достойный, меж птиц наречен властелином!

Мне ли чином равняться со сбродом пернатым,
Соловьям или горлицам быть ли мне братом?

Моя слава известна, и гнев мой суров,
Я владычу над странами горных хребтов.

Сколько в день куропаток порву на куски я,
Не поем — так и спать не смогу от тоски я.

С поднебесья, голодный, я на землю пряну —
Ни косуле спасения нет, ни кулану.

Для того, кто могуч да и глоткой хорош,
На дороге готовой еды не найдешь.

Я в дороге устал, утомил свои крылья,
Истомил меня голод — валюсь от бессилья!»

Ответ Удода

И промолвил Удод: «К-эй, властитель преславный,
Есть ли в мире тебе по величию равный?

Молодецкая статья твоей сути прилична,
С богатырством дружить твоей славе привычно.

Только мне твои крылья могучие жаль,
Жалко клюв твой и когти колючие жаль!

Недостойный! К заветной стремился бы цели,
А тебя, видишь, немощи вдруг одолели!

Ты бесцельно летишь по небесным просторам,
Мощь когтей, силу крыльев ты губишь с позором.

А расписывал здесь ты хвастливо себя,
И расхваливал здесь ты на диво себя!

Только тот может зваться могучим и смелым,
Кто за цель свою бьется душою и телом!»

Притча

Жил на свете силач — и здоров и громаден,
Среди жадных до лени — первейший из жадин.

Завтрак в десять батманов лентяю был нужен,
Да такую же долю съедал он на ужин.

Да еще в промежутке бесстыжий нахал
Приблизительно столько же пищи сжирал.

Захмелевшим слоном бушевала в нем сила,
Он резвился, пока его в сон не валило.

Вдруг нежданно велением грозного рока
Вся страна разоренью подверглась жестоко.

И такой неожиданный мор подоспел,
Что народу покинуть пришлось тот предел.

Люди стали собираться в далекие страны —
Все бежали, боязнию за жизнь обуяны.

И силач — тоже в путь, не раздумывал много:
Он не знал, сколько бедствий готовит дорога.

Путь далекий им выпал в пустыне идти —
Как прокормишь такого облома в пути?

А детина, лишь сутки без пищи промучась,
Горько сетовать стал на злосчастную участь.

А еще через день силача одолело:
Стали сила и мощь покидать его тело.

Третий день подошел — он совсем ослабел
И в пустыне настиг его смертный удел.

Люди шли, дети пешей толпою шагали,
Те, кто старостью согнуты вдвое, шагали.

Два-три дня еще мучились люди в пустыне,
А потом обрели себе отдых в долине.

А силач этих трудностей не превозмог,
И в пустыне настиг его гибельный рок.

Отговорка Филина

Тут на слабость свою начал сетовать Филин:
«К-эй, вожак, я ослаб и совсем обессилен.

Мне привычно гнездиться во мраке развалин,
Где, того и гляди, будешь насмерть завален.

И кричу я, тоскою объятый, навзрыд,
Словно сломленный тяжелой утратой,— навзрыд.

Возношу я стенанья, тоскуя по кладу,
Распаляю надежду в сердце досаду.

Не страшны мне и тягостной доли лишения:
Глядь, и клад будет послан судьбой в утешенье.

Одержимый мечтой о сокровище том,
Стерегу я развалины ночью и днем.

Дальний путь мне не нужен, уволь! Я не скрою:
Что Симург мне, зачем мне бродить Каф-горою?»

Ответ Удода

«К-эй,— промолвил Удод,— нет обмана опасней,
Губишь душу ты этой нелепою басней!

Твое сердце томится надеждою ложной:
Той надежде свершиться,— поверь, невозможно

Ну, допустим, отыщешь желанный свой клад,
Ты подумай-ка, плакальщик скорбных утрат,—

Что за прок тебе будет, помимо напастей:
Каждый миг будешь пленником новых несчастий!

Ты от этих напастей погибнешь с позором,
А сокровище станет добычею ворами!»

Притча

Жил в одном государстве безумный отшельник,
День и ночь среди развалин томился бездельник.

Вырыть клад одержим был он мыслью упрямой
И упорно выкапывал яму за ямой.

И когда претерпел он немало уж бед,
Случай вывел его на желаемый след.

Дверь видна ему стала в проеме разъятом,
А за нею — проход к богатейшим палатам.

Видит: сорок сосудов — казна Феридуна.
Да какое! Несметные клады Каруна!

Был несчастный беспамятством сразу объят,
А оттуда пришел некий мерзостный гад,

И узрел он беднягу в том логове жутком
И казну, от которой простишься с рассудком,

И блеснул над безумцем кинжал изувера,
И окрасились кровью и клад, и пещера.

Был мечтой его жизни запряганный клад,
Только все обернулось ему невпопад.

Отговорка Гумаюна

Речь повел Гумаюн — блеском лучший из лучших:
«К-эй,— сказал он,— великий наставник заблудших!»

Сан высокий мой столько обрел благодати,
Что под сенью моею — престол благодати.

Сени крыльев моих столько счастья дал бог,
Что под нею стать шахом и нищий бы смог.

Знать, где шах ваш неведомый, мне ли пристало,
Изнурять себя бедами мне ли пристало?

Лучше в небо взлечу я сверкающим взмахом,—
Пусть дают мои крылья пристанище шахам!»

Ответ Удода

«К-эй,— промолвил Удод,— что за глупые бредни,—
Будто все это плел здесь безумец последний!

Твоему неразумию нет и предела,
Прикрываешься ложью ты очень умело.

То, что крылья твои дарят шахам приют,—
Эту веру тебе заблужденья дают.

И в историях шахов, что ныне известны,
Есть ли вести о том?— Нет, они неизвестны.

Разве шахская доля дана им тобою,
Хоть подобный почет и желаем тобою?

Небылицею ложной ты тешишь себя,
Мыслью самой ничтожной ты тешишь себя.

Даже если бы правдой твой бред оказался,
И в тебе хоть бы знак тех примет оказался,

Шахской властью людей награждает всесущий,
А тебе эта милость не стала присущей!

Как и псам, тебе служит поживую кость,
Эко диво — мусолить паршивую кость!

Знай, о пленник, погрязший у вздора в неволе,
Ты достоин такой отвратительной доли!»

Притча

На Персидском заливе добытки сворой,
Чтобы в море разжиться добычею скорой,

Платят пять или десять дирхемов — по чину,
Чтобы бедный ныряльщик кидался в пучину

И, стократ погибая с зари допоздна,
Доставал бы им жемчуг бесценный со дна.

А в жемчужнице — тысячной россыпью зёрна
Или только одно, но размером отборно,—

Блещет, словно корона,— таков уж обычай:
Нанимателю все это будет добычей.

Все купец отберет, отбирать он горазд,
А пловцу только пару монеток и даст.

Тот хоть что-то берет, а тебе — что досталось?
Только костью, как пес, и насытишься малость.

А умен — что ж тянуться к пустым разговорам?
Все слова твои сплошь переполнены вздором!

Отговорка Селезня

«К-эй, избранник,— явил тут и Селезень норов,—
Мне дарована жизнь среди водных просторов.

А без них я страдаю, печалюсь и трушу,
Словно рыба, что брошена силой на сушу.

Ну, а раз жизнь в воде уготована мне,
Непорочности благо даровано мне.

Чистота и безгрешность даны мне водою,
И великих похвал я поэтому стою.

Миг единый пробуду с водою в разлуке —
Сотни раз претерплю несказанные муки.

На волнах и молитву творить я привык,—
В водном зеркале виден желанный мне лик.

Лишь в воде мне дорога к заветным стремленьям —
Путь иной для меня был бы злым заблуждением!»

Ответ Удода

«Тешишь ты себя,— молвил Удод,— ерундою,
Будто дочиста ум твой промыло водою!

Это бред, что, молясь, ты садишься на воду,—
Даже сын не грешил этой глупостью сроду!

И о том, что безгрешен ты, вслух не болтай,
Что из грязной воды выйдешь сух,— не болтай.

Если чист ты, зачем же нырять то и дело,
День-деньский на реке полоскать свое тело?

Если сеешь в душе своей зёрна порока,
Как ни мойся, а все пропадает без прока.

Не достоинство это, а стыд и позор:
Много мылся, а чистым не стал до сих пор!

Если муж ты, то вот тебе море свершений,
Окунись в него смело и стань совершенней!»

Притча

Жил купец в Индустане с завидной сноровкой —
На морях промышлял он торговлею ловкой.

Вкус торговли познав и деньги заработав,
Погрузился он в море корыстных расчетов.

Дольше нескольких дней не бывал он нигде,
Лишь закончит торговлю и — в путь по воде.

Он годами ходил вот в такие походы
И считал, что на море не страшны невзгоды.

Близко к Мекке бывало им судно водимо,
Да не ведал он долга: хоть близко, да мимо.

Люди ропщут: мол, путь-то к священным местам.
Он не внемлет им, в жадной корысти упрямя.

Как-то раз море вспенилось волнами в шквале,
И суда то ныряли, то к небу взлетали.

В бездне алчности сгинул несчастный купчина,
А корабль поглотила морская пучина.

Из-за страсти к воде он для веры погиб:
Стал в гордыне своей он добычей для рыб!

Отговорка Петуха

Речь повел и Петух с нерадивостью злостной:
«К-эй, ниспосланный птицам вожак венценосный!

Мы венцами похожи по милости бога,
Только наши дела разграничены строго.

Бог тебя наградил даром власти живой,
Сделал птицам тебя вожаком и главой.

Мне он дал дивный голос, чтоб сладостным пеньем
День-деньской я людей призывал бы к молениям.

Тот, кто создал всех птиц и зверей — все живое,
Дал тебе долю странствий, а мне — жить в покое.

А за то, что Петух — молодечеству друг,
Дал творец ему много красивых подруг.

Кто не может летать, для того, я не скрою,
Вряд ли нужен Симург да еще с Каф-горою!»

Ответ Удада

И промолвил Удад: «Что за странное слово!
Славный муж о себе не расскажет такого.

Птица есть — как и ты, силой крыльев не спора,
Но гнезду ее — лотос предвечный опора.

Ей навеки прибежищем стал этот дом,
Ей вовек не расстаться с родимым гнездом.

Так она и парит на престоле высоком,
Никому не дано увидеть ее оком.

Без Симурга не жить ей — отдельно и сиром,
Без Симурга и вовсе не надо ей мира.

Ей неведомы беды и горе разлук:
Лик Симурга пред нею повсюду вокруг.

Это он увенчал ее дивной короной,
В знак слияния с горним пределом дареной.

Ее жизнь единеньем с собой охранил он,
От других ее мир и покой охранил он.

В единенье душа — словно жемчуг чиста,
Словно створки жемчужниц безмолвны уста.

Ты той птице не ровня, певец незавидный,
И срамишь ты себя болтовнею бесстыдной.

Лишь грешить день и ночь — твой нелепый обычай,
Да орать непрестанно, не зная приличий.

Сто грехов совершаешь ты, душу губя,
А к достойным созданьям относишь себя!

И с такой-то повадкой, ничтожной и слабой,
Ты уже не Петух, стал ты курицей-бабой».

Притчи

О падишахе-пьянице

Жил один падишах, был он злобным и пьяным,
Кровожадным, жестоким и гнусным смутьяном.

Все дела по свирепому нраву свершал он,
А считал, что все это по праву свершал он.

Как-то раз, опрожнив немалый сосуд,
Он увидел, как два оборванца идут:

Как друзья, как приятели — дружно и ровно,
Помогая друг другу, бредут любовно.

Шах призвал их, и без околичностей пущих
Он спросил напрямик одного из идущих:

«Кто тебе этот странник, бредущий с тобою,—
Объясни, как ты связан с ним — связью какою?»

Тот ответил: «Мы связаны общей судьбиной,
Мы друзья и радители цели единой».

И спросил его пьяница: «Праведный странник,
Я достойнее или твой верный избранник?»

И промолвил тот первый из путников сих:
«Я скажу все, что знаю про вас про двоих.

А узнаешь всю правду — по верным приметам
Сам суди, венценосец, о том и об этом.

Хоть и шах ты, и правишь обширной страной,
А на божьей стезе ты свершаешь дурное.

Что господь ни велит — ты во власти грехов,
И обычай твой денно и ночью таков.

Ну а он, хоть и нищ, и одет он убого,
А покорно свершает веления бога.

Не по божьей стезе не свершит он и шага,
Не свершит он и вздоха творцу не во благо.

Ты вот шах, а гнетешь себя, нравом поправ,
Он и нищ, а себе подчиняет свой нрав.

И пока вы с ним вместе живете на свете,
Шах и нищий — в различной заботе на свете!

А умрете, он — шах, ты же сделался нищим:
Ты разврату был предан, он — помыслам высшим!»

О каландаре

Жил один каландар, неприкаянный, нищий,
День и ночь ему банг был единственной пищей.

С виду — словно подвижник, а в думе сокрытой
Он мечтал о шкатулке своей ядовитой.

А накурится зелья — немели уста,
И усладой его были бред и мечта.

Как-то, много добыв той спасительной пищи,
Он тянул ее, сев на одном пепелище.

И, удобно устроившись в рухнувших плитах,
Он мечтой устремился в мир помыслов скрытых.

Он увидел себя в заповедном саду —
Все, что нужно душе, там лежит на виду.

И жилище его — замок гордый и властный,
Сам Мани расписал его кистью прекрасной.

Сам сидит он на троне, подобно Джамшиду,
И красавица с ним, солнцу равная с виду.

Веселится властитель, могуч и велик,
И красавица нежит его каждый миг.

Этой выдумкой тешась, в мечтах беспечален,
Он лежал среди темных и мрачных развалин.

Вдруг в углу — скорпион, — он, ползя по развалам,
Ядовитым на дурня нацелился жалом.

Как хозяин, решил обойти он развал,
И во что ни попало он жало вонзал.

И когда того дурня красотка лобзала,
В его губы вонзил скорпион свое жало.

И вскочил пустодум со стенаньем и криком,
И метаться он стал в исступлении диком.

Все исчезло: и розы, и замок, и трон,
И красавица мигом пропала, как сон.

Все мечты его были и вздорны и грубы,
И смертельный укус поразил его губы.

Понял он, что во всем заблуждался глубоко,
Но ему от раскаянья не было прока.

Об Арасту и его ученике

В том кругу, что собрал Арасту для ученья,
Был достойный мюрид, столп усердья и рвенья.

И великий наставник, премудростью светел,
Среди всех его честью особой отметил.

Он внушил ему знанье сокрытых начал,
С малых лет он его при себе обучал.

С ним четыреста мудрых — с одним не сравнятся,
Арасту лишь мудрей был, другим — не сравняться.

И лелеял учитель надежду и веру,
Что мюрид его будет под стать Искандеру:

Если волею рока отбудет один,
Пусть другой остается при нем, словно сын.

Пусть, мол, разумом скор, он в речениях спорых
С Афлатуном самим потягается в спорах.

Но случилось с мюридом нежданное дело:
Сердцем юноши властно любовь завладела.

Из обители зла вышла дева-луна,
Сребротелая, каменной злобой полна.

И на веру его она зло покусилась,
Посрамить мудреца, как назло, покусилась.

И страдал он от гнета неволи жестоко,
Его сердце терзалось от боли жестоко.

Загоревшись достичь единения с ней,
Он не внял ни речам, ни советам друзей.

И большими расходами, тратой великой,
А добился союза он с той луноликой.

Поклонясь тому идолу в рвенье примерном,
Стал он идолов чтить в подражанье неверным.

И смотреть на нее день и ночь он привык,
И совсем позабыл он премудрости книг.

Увлеченный своей луноликой на диво,
Он ученым беседам внимал нерадиво.

И учитель все понял, подумав при этом:
Дескать, дай помогу ему добрым советом.

Он советы давал, как умел и как мог,
Только все было зря, не пошли они впрок.

Видит он — и науки, и разум пропали,
И труды многих лет будто разом пропали.

Как ни думал мудрец, видит — дело-то туго,
Не найти ему средства от злого недуга.

И тайком от мюрида учитель решил
Дать красавице яд, чтоб лишить ее сил.

И слегла она, громко рыдая и плача,
Миг от мига слабея от горького плача.

Как ни бился тот юноша — не было прока,
И красавица в немощи чахла жестоко.

И бедняк разуверился в зельях совсем,
И предстал пред учителем, в горести нем.

Головою печальною он преклонился,
И, рассказом свои пристыжен, преклонился.

И учитель, узрев столь великое горе,
Порешил, что избавит больную от хвори.

И сказал он: «Ну вот, приготовься и — в путь,
Искандеру сегодня помощником будь.

Занемогшей я снадобье дам от недуга,
Только примет — и станет здорова подруга».

И влюбленный в дорогу отправился споро,
А учитель стал зелье творить от измора.

Он поносное сделал, что чистит сполна,
И несчастная выпила зелье до дна.

И промолвил он ближним — доверенной свите:
«Приготовьте сосуд и у двери сидите.

Не сливайте, — сказал он, — что будет здесь ныне,
А храните, собравши в особом кувшине!»

И, сказав это, вышел наставник благой,
И свершил свое дело целебный настой.

И когда очищенье свершилось стократно,
Возвратился учитель к порогу обратно.

И ни мощи, ни сил у больной не осталось,
Крови в теле — и капли одной не осталось.

Вместе с кровью и желчь, и мокрота, и гной —
Все исторглось из тела несчастной больной.

И мюрид возвратился, исполнив послугу,
И мудрец ему молвил: «Взгляни на подругу!»

В жажде видеть красавицу входит он смело,
Глядь — простерто на ложе иссохшее тело.

Не узнал он: «А где же отрада моя,
Кипарис мой, тюльпан мой, услада моя?»

И, услышав стенания, входит учитель,
Маг всеведущий, мудрый его наставитель.

«Где кувшин тот,— сказал он столпившейся свите,—
Всю красу ее тут же безумцу явите!»

И ему принесли тот нечистый сосуд,
И узнал он про все происшедшее тут.

Был сосуд до краев грязной жижею полон,
И зловонною гадостью рыжею полон.

«Вот, возьми, это — то, что любимую звал ты,
Что красою, ни с чем не сравнимую, звал ты.

Это — то, что до страсти пленило тебя,
От чего и покинула сила тебя!»

Посрамлен был учителем пылкий влюбленный,
И наставник, узрев его вид сокрушенный,

Так сказал ему: «Сын мой, пришлось тебе туго,
Знай, не ей, а тебе я помог от недуга.

Ты влюблен был, причина же страсти — она,
И основа безумной напасти — она!

Та влюбленность, в которой погряз ты упрямо,
Перед высшей любовью — позорище срама!»

О безумце и его осле

Некий странник, блаженный и верный причудам,
Признан был за Меджнуна господнего людом,

Ибо думы о божестве смиренно любил он,
Думать думы те ночью и денно любил он.

Что ни слово — то к богу вопрос или зов,
Сам давал и ответ — из божественных слов.

Как-то раз по весне в тихий вечер пригожий
Ехал он, направляясь к обители божьей.

В изнурении плоти измученный телом,
Ехал он на осле, от невзгод ослабелом.

Тьма настала, и небо грозило дождем,—
«Что ж,— подумал он,— ехать нельзя, подождем!»

Он увидел остатки жилища в пустыне
И сказал: «Позаботься, господь, о скотине!»

И, оставив осла, он под сенью развалин
Прикорнул, набежавшей дремотою свален.

Он прилег, взяв под голову глиняный ком,
А осла он оставил пастись под дождем.

И едва он заснул, как весенняя туча
Зашумела дождем, и быстра и летуча.

И развалины ливнем захлестывать стало,
И дремоту с безумного мигом согнало.

И, вскочив, он пристроился дождь переждать,
А едва дождь утих — он в дорогу опять.

Вышел он посмотреть, где пасется скотина,
Глядь — а на поле нет об осле и помина.

И запала в Медждуна лихая тревога,
И корить он во гневе стал господа бога:

«Лишь недавно тебе поручил я осла —
Хороша ж твоя воля к раденью была!

Если люди бы в гости к тебе не стремились,
На скотине пробиться пустынями силась,

Ты, наверно бы, не был таким нерадивым
И беспечным в своем небреженье ленивом!

Мне осла постеречь за позор ты сочел,
Темной ночью напрасным дозор ты сочел!»

Так ворчал тот Меджнун и метался в досаде,
Распаяясь осла запропавшего ради.

Вдруг ударила молния пламенным блеском
И весь мир просветила в сверкании резком.

Глядь — поодаль спокойно пасется осел,
Мордой тыча в колючки, он по полю брел.

И чужак был так рад, что забыл всю тревогу,
Он осла оседлал и пустился в дорогу.

И оставил он грубости, глядя с опаской,
И припал ко всевышнему с доброю лаской:

«О творец, ты — душа моя в плоти моей,
Хочешь — сто моих душ, словно жертву, убей!»

Так уж вышло, ты бросил осла без пригляда,
Упустил, не стреножив скотину, как надо.

И меня растравило в смятенье жестоком,
И с досады дал волю я гневным упрекам.

Раз тебе я вручил для присмотра осла,
Возвратить его — чья же забота была?

В нераденье своем мне осла не сберег ты,
Но, увидев мой гнев, сразу мне и помог ты.

Ты придумал, что сделать, — ударил в огниво,
И огонь запалил ты, святащий на диво.

И очам моим вмиг ты пропажу явил,
Милость мне — дай тебя, мол, уважу — явил.

И хотя я в своем непочтенье был правым,
Оказался ты другом с понятливым нравом.

Поступил ты по мудрому чину со мною,
И оставил опять ты скотину со мною.

У речей моих отнял ты силу и прыть,
За провинность меня ты сумел посрамить.

Я забыл все, что сделал ты, все, что случилось,
Ну и ты позабуди, окажи эту милость.

Все забыл я, не дружен я с памятью злою,
И тебе будет лучше забыть про былое.

Мне неведомы будут укор и упрек,
Да и ты бы язык свой от них уберег!

Все простил я, и в сердце — ни зла, ни корысти,
Ну и ты от обид свое сердце очисти!»

Так себя языком многословным хвалил он,
И творца в умиление любовном хвалил он.

И хоть просьба глупца бестолкова была,
Но за верность внята с полуслова была.

О слепцах и слоне

Вот, послушайте эту достойную повесть.
Говорят, в Индустан, в дальний путь приготовясь,

Раз попали слепцы и брели меж раздолий,—
То ли странствуя шли, то ли пленной неволей,

А потом им судьбою негаданной тут
Были посланы кров, и жилье, и приют.

Кто-то раз их задумал спросить не в обиду —
Мол, слона вы видали — каков он по виду?

А слона-то, конечно, видать не пришлось им,
И проведать о нем тоже, знать, не пришлось им.

Каждый — кто как сумел — его тронул слегка
И пытался понять, что задела рука.

Ноги трогавший вымолвил: «Будто бы бревна»,
Брюхо гладивший молвил: «Гора, безусловно!»

А один, только хобот и тронув, воскликнул:
«Узнаю я породу драконов!»— воскликнул.

Тот, что трогал клыки, сообщил невпопад:
«У него лишь две кости, они и торчат!»

Ну, а трогавший хвост — что, мол, это за штука?—
Вскрикнул: «Это змея, не иначе — гадюка!»

И поведал другой — тот, что голову щупал:
«Вроде как бы скала, а вершина — что купол!»

А слепой, что к ушам прикоснулся, сказал:
«Нету здесь ничего, кроме двух опух!»

Все те речи внушала одна слепота им,
И хотя каждый возглас был правдой питаем,

В их речениях было погрешностей много,
И различий в сужденьях о внешности — много.

А индус, что спросил их, был саном высок,
Был слонов и слоновьих повадок знаток.

Он спокойно внимал их речам небывалым,
Все их речи прослушав, совсем не мешал им.

«Что ж,— подумал он,— так, и правы они вроде:
Всё сказали они о слоновьей породе.

И хотя говорили они невпопад,
Даже спорили,— кто же из них виноват?

Каждый молвил, что внятно его разумению,
А увидеть слона — недоступно их зрению.

А собрать эти свойства — и слон будет целым,
И познания их будут стоящим делом!»

Все для зрячего было понятно сполна,
И признал он, что суть их речений верна.

О двух плутовках

Жил властитель — владыка всесветной округи,
Сто владык его трон окружали как слуги.

Власть его простиралась от грани до грани,
И от грани до грани страна — в его длани.

Жемчуг ценный таил он — прекрасную дочь,
От красы ее гуриям было невмочь.

В цветнике красоты она — тополь прелестный,
Да не тополь, а сам кипарис расчудесный.

В почивальне души она — светоч горящий,
Да не светоч, а солнце в короне слепящей.

А глаза ее — словно бы око беды,
Взор веков не видал столь жестокой беды.

Благовонные кудри и родинки — смута,
Да такая, что губит жестоко и люто.

А дыханье и губы, что ярче рубина,—
Словно солнце и воздух слились воедино.

Все владыки мечтали о счастье с ней,
Даже шахи, что всех самодержцев сильнее.

Но не выпало благо познать им ту милость,
Чтобы сердце свидания с нею добилось.

Ей самой и не мнилось связаться союзом —
Вся душа ее брачным противилась узам.

Кто по собственной воле один-одинок —
Не нарушить его своевольный зарок!

Были норы и нрав у девицы строги —
Никому не давалось наладить торги.

Как-то раз ей красавец явился в виденье,
Да такой, что не стало ни сил, ни терпенья.

Стать его — словно дух воплощенный чиста,
Будто солнце в зените — его красота.

Темен мускусный пух на румяных ланитах,
Словно точки в письме — зёрна родинок слитых.

Кипарису подобен он трепетным станом,
А краса его впору лишь розам румяным.

С этим солнцем сама она — дева-луна
Возлегает на ложе, истомой полна.

Каждый миг опьяняет их счастье свиданья,
И друг друга томят они страстью свиданья.

И, очнувшись, красавица очи открыла,
И исчезли из сердца и твердость и сила.

И росла в ней безумная страсть с этих пор,
И грозил ей уже посрамленья позор.

И она тот же сон всё увидеть желала,
Но в очах ее сна будто вовсе не стало.

Ни на миг она в сердце не знала покоя,
И ни ночью, ни днем ей не стало покоя.

Как-то раз она в муках всечасного зла
На дворцовую башню смятенно взошла.

Ей хотелось окрест посмотреть в утешенье,
Чтобы в сердце ее укрепилось терпенье.

Ну, а глянув, зашлась она в огненном крике,—
Видит: радостный пир во дворце у владыки.

Там и юноша дивный из вещего сна,
И, лишившись рассудка, упала она.

Был на пиршестве юноша тот несравненный —
Как смутительный день среди века вселенной.

И взглянул он на башню, и гибельным стрелам —
Стрелам страсти душа его стала прицелом.

Его душу пронзил этих стрел ураган,
И оставил на теле он борозды ран.

И в державе души его смута вздымалась,
И для жизни угрозою люто вздымалась.

Мощь ушла от него, ум ему стал неведом,
Да и сам он за ними отправился следом.

И до вечера в горе и муках дожив,
Он лежал обессилен — ни мертв и ни жив.

Полог ночи простерся над ширью земною —
Разом тысячи стонов поднялись стеною.

До зари его стоны-стенанья терзали,
До утра его слезы-рыданья терзали.

И с поры, когда птицы вещали рассвет,
Грудь разил он до ночи камнями бед.

Две души поразила истома любовью,
Две страны не спаслись от разгрома любовью.

Дивный юноша, хоть и остался без сил он,
Но неправдой и правдой себя охранил он.

А краса луноликая в горе была —
От любви в истомлении хвори была.

Видит: руки слабеют в бессилии хвором,
И грозят ей любовные муки позором.

И когда без числа приключилось ей бедствий,
Видит — надо радеть о спасительном средстве.

Тайна стала не в тайну, и дева рекла:
«Быть не может, чтоб не было средства от зла!»

Двух подруг она знала — и в дружбе примерных,
И в печалях и радостях стойких и верных.

Обе в хитростях ловкой ухваткой известны,
В чудодействиях веселой повадкой известны.

Так они наловчились в обмане лихом,
Что и муху сосватать могли со слоном:

Ведь не ведает муха, что выглядит малой,
Слон не знает своей толщины небывалой!

Были ведомы козни обеим плутовкам,
Как с любовью справляться в обмане прел

Та умела напевы извлечь из-под струн,
Эта пела, как ловкий в повадках певун.

Как звучанье их саза и пения грянет —
Дивный звук даже с неба Венеру заманит!

Та могла звуком саза взять душу умело,
Эта — пеньем могла возвратить ее в тело.

Заиграют, бывало, застонут вдвоем —
Тут и муж разуменья простится с умом!

Страсть терзала ту деву с неведомой силой,
И она двух плутовок к себе пригласила.

И сказала она, и рыдая и плача,
Что случилась в любви у нее незадача,—

Как сначала во сне к ней томленье пришло,
А потом наяву помраченье пришло,

Как в томленье по юноше хилою стала,
Как рыданье грозить ей могилою стало.

И сказала она: «Вы дружны и согласны,
Так не будьте к печали моей безучастны.

Ведь позорище сплетнею злой может стать,
От огня мое тело золой может стать.

От огня моего мне неволи не будет,
И от смерти самой даже боли не будет —

Нестерпимо мое посрамленье от сплетен,
Был доныне мой нрав благочестьем приметен.

Скорбь о чести отца меня сводит с ума,
Даже молвить об этом — я речью нема.

Он ведь — шах, по величью — под стать небосводу,
Стыд и срам ему будет, невиданный сроду.

Сто подобных мне сгинет — вовек не заметят,
Ведь былинку в бурлении рек не заметят.

Шаха так осрамить — нету силы во мне,
Я от этого горя страдаю вдвойне.

Знайте: все я сказала, моля о защите,
Погубите меня или средство сыщите.

Своенравной была я, а стала смиренной,
Стал и тихим и кротким мой нрав дерзновенный.

Над моей неудачею сжальтесь, молю,
И рыдаю и плачу я — сжальтесь, молю!»

Как дошли до подруг эти крики и зовы,
Говорят они: «Жизнь положить мы готовы.

Мы найдем тебе средство, чтоб юноша гожий
Стал в любви тебе верной опорой-надежей.

Ни один человек не узнает о том,
Даже сам он вовек не узнает о том.

День-другой потерпи, не рыдай и не сетуй,
Будет час — распростишься ты с мукою этой!

Ты оставить все в тайне покоишь стремленье,
Ну, и нами владеет такое ж стремленье».

И явилась надежда на счастье, и впредь
Луноликая слово дала потерпеть.

И плутовкам задуматься время настало,
И досталось забот и хлопот им немало.

И они подружились с прекрасным влюбленным
И узнали о сердце, любовью спаленном.

Их обман и коварство и льстивая речь,
Как добычу, беднягу сумели завлечь.

Словно мать и сестра, подольститься сумели
И сказали: «Тебе мы поможем в том деле.

И хоть ты о своем не поведал нам горе,
Мы-то знаем, откуда взялись эти хвори.

Пыл любви твое сердце жестоко потряс,
Вся надежда на счастье тебе — лишь от нас!»

И несчастный надеждой большою проникся
И доверьем к плутовкам душою проникся.

Что ни скажут те сводни — добром ли, приказом,
Он с готовностью им подчиняется разом.

На обманных торгах караваны легки —
Завлекли они дивную птицу в силки.

Лишь сказали: «В наш дом, мол, пойдем — недалече»,
Вмиг несчастный за ними пошел, не переча.

Пышный пир был там задан — не сделаешь краше,
Пленник страсти вина поотведал из чаши.

Как пошло там питье — за фиалом фиал,
Каждый притчи да выдумки сказывать стал —

Об огне и о дыме любовных терзаний,
О вреде и о пользе разлук и свиданий.

Разных тайн да историй, что каждая знала,
Рассказали ему две подруги немало.

В их речах пил тот молодец влагу надежд —
Безнадежный, вкушал он отвагу надежд.

От вина и от сказок лишившийся воли,
Стал несчастный любовью томиться все боле.

И уста ему враз немотою сковало —
Что ни миг, он слабел, поникая устало.

И тогда и для песни настал свой черед,
Что и разум отнимет и разом проймет.

И бедняга совсем помрачился с похмелья,
Будто выпил он разум губящее зелье.

Словно темная ночь, стал несчастный безгласен
И совсем покорился рассказчицам басен.

И они дали делу лихой оборот,
И мгновенно носилки наладили в ход.

Будто в люльку его положили, и ловко
На бегу им в пути помогала сноровка,

Принесли — той луне в торжество и в блаженство,
Кипарису и розе устроив блаженство.

Всё к веселью там было готово сполна,
Сладкоустая дева ждала их одна.

И туда две подруги повадкой умелой
На носилках внесли кипарис сребротелый.

К луноликой на ложе сложили, как надо,—
Словно к солнцу луну привели для пригляда.

И восторг луноликой от радости рос,
И безмолвный опрыснут был влагою роз.

Бездыханный вздохнул, благовонье вбирая,
И, очнувшись, узрел он подобие рая.

И узрел он ту пери, что с гурией схожа,—
Ту, что жгла его сердце, печалью тревожа.

Он рванулся и сел и, испуган, смотрел —
С сотней тысяч смятений вокруг он смотрел.

Глядь — под ним преогромное пышное ложе,
Рядом — шахская дочь, красотою пригожа.

«О творец,— он сказал,— что за редкостный случай —
Это сон или явь или призрак летучий?»

Но смягчила та дева терзанья ему
И явила всю негу свиданья ему.

«То не сон! Похвалы вознеси, безрассудный,
Пей же влагу из чаши свидания чудной!»

И вкусила та пери вина из фиала,
И его розоцветным вином угощала,

И, совсем уж забывши смущенье свое,
Много раз подносила безумцу питье.

И вино пало в пламень смущенья водою,
И уж речь без смущенья пошла чередою.

И влюбленный, и дева и томно и страстно
Тут в обитель услад удалились согласно.

И такое единство настало тогда,
Что от двойственной сути не стало следа.

Все восторги, что знает желанье земное,
Обрели друг от друга единые двое.

И закон единенья их дерзостью правил —
Говорить о нем — свыше приличий и правил.

Дева с юношей, страстью объятые, там
В упоении слились — устами к устам.

И найти для таких вот лобзаний сравненье —
Это было бы выше всех граней сравненья.

До утра они тешились негой усладной,
И обоим был сладок восторг безоглядный!

Тайны ночи раскрыл блеск рассвета, багров,
И на мускус земной лег камфарный покров.

Пировавших вовсю разобрало весельем,
Им совсем помутило сознание похмельем.

Тут и обе плутовки проникли за полог,
И неслись их стенанья из щелей и щелок.

Их набег отнял ум у влюбленных сполна,
И споили они молодца дѡпьяна.

И свалился без чувств он, ослабший и хилый,
И рассудок расстался в нем с трезвою силой

И подруги-плутовки, свершив это дело,
На носилки взвалили безгласное тело.

И домой его тут же снесли поскорей —
Сокрушенного скорбью — в обитель скорбей.

Свежесть утра вернула несчастному разум,
И от пьяного сна пробудился он разом.

И очнулся, подумал несчастный, припомнил —
Происшедшее памятью ясной припомнил.

Дым стенаний из горла исторг он, скорбя,
И камнями жестоко побил он себя.

Сам себя истерзал он в стыде непритворном,
И весь мир его взору представился черным.

Слезы-звезды метались в чаду его крика,
Смуту мук безысходных терпел горемыка.

Он вскричал: «О творец! Где спасенье найду я,
И кому же поведаю эту беду я?»

А молчать — разве силы и воли мне хватит,
И таиться — терпенья доколе мне хватит?

Утаить ли беду мою или открыть,
Слово молвить, смолчать ли — не знаю, как быть!

А начну говорить — речь вести мне доколе?—
Не смогу рассказать я и тысячной доли!

Поклянусь затаиться — и слово нарушу:
Не под силу мне будет сдержать мою душу!»

Так в смятенье исторг он немало словес —
Духа в теле не стало, и разум исчез.

Каждый миг ему смерть посылала смятенье —
Всех, кто видел его, донимало смятенье.

Все хотели узнать, в чем же бедствий основа,
Но в ответ от него — о причине ни слова.

«Всё ведь ясно и так, не пытайте меня,
Я сгораю, не надо мне больше огня!

Мук моих никаким не опишешь рассказом,
Их бессилён понять человеческий разум.

О создатель, со мной ли случилось то счастье,
Мне ли было в блаженство и в милость то счастье?

Ну, а если б я волю дал праздным словам,
Кто ж поверит таким несуразным словам?

Вся душа от смятенья сгорела — что делать?
И пылает в развалинах тело — что делать?

В единенье свидания счастьем томимый,
Знал восторг я и радость слиянья с любимой,

А потом — боль разлуки, печаль, забытьё —
Вот смятенье и трижды смятенье мое!

Нет границ изумленью пред этим, о боже, —
Никому не пошли в наказанье того же!»

О несчастном влюбленном

Жил безумец один, одержимый любовью,
Изнемогший от муки, даримой любовью.

Та, кого он любил, была сущей бедою —
Людям смертные муки несущей бедою.

Краше гурий красой неземною она,
Превзошла даже солнце с луною она.

Всей вселенной краса ее смутой грозила,
Всем пределам погибелью лютой грозила.

И при этой красе, несравнимо прелестной,
Были два ее свойства всем людям известны:

Отличалась безжалостным нравом она,
Отличалась суждением здравым она.

Как-то раз сей безумец, любовью томимый,
Предаваясь мечтам, говорил о любимой.

Лик он с розой сравнил, кипарис — с ее станом,
Дивный облик — с павлином, походку — с фазаном.

Вдруг неожиданно пришла эта дева-луна,
Все те речи безумца слышала она.

Всё слышала она, притаившись украдкой,
А потом к нему вышла открыто, повадкой.

И сказала: «Твои незавидны сравненья,
Бесконечно такие мне стыдны сравненья.

Ты вот стан мой сейчас с кипарисом сравнил —
Разве есть в кипарисе подвижность и пыл?

Ты лицо мое с розой сравнил в этом слове —
Но у роз разве есть чудо-очи и брови?

И с павлином сравнил ты, солгать не преминув,—
Но скажи: кто же разум терял от павлинов?

Ты равняешь походку фазана с моей!
Да когда же фазан был бедой для людей?»

Столько колкостей дева сказала при этом,
Что несчастный поник, затруднившись ответом.

Он сказал: «Оплошал я, горю я во сраме:
Грешный раб, я хвалить тебя тщился словами!»

Гнев взыграл в лунолицкой в тот миг на беду:
«Да тебя я погибелью злой изведу!»

Пал на землю с мольбою безумец несчастный:
«О затмившая гурий красою прекрасной!

Все слова мои вызваны истой любовью,
Самым искренним чувством и чистой любовью.

В них ни умысла злого, ни жалобы нет,
Ничего, что укор выражало бы, нет!

Знать, моя похвала — неуместное слово,
Будь добра, не взыщи за провинность сурово.

Посчитай, что невеждою сказано слово,
С темнотою моей жалкою связано слово!

Посрамленье и стыд горемыку убьют,
А тебе убивать его — бремя и труд!»

И безумец исторг покаяний немало,
И красotka карать его смертью не стала.

ПИСЬМО САИД-ХАСАНУ АРДАШЕРУ

(Отрывок)

Ты верен, щедр, и дар тебе высокий дан:
Ты — кладезь добрых свойств, мой друг Саид-Хасан.

Красой ты райский сад намного превозошел:
Померкнет перед ней и райской пальмы ствол.

В чертоге добрых дел тобой воздвигнут трон,
От суеты мирской ты духом отрешен.

На свете хоть один сравнится ли с тобой?
Излить печаль души к тебе идет гурьбой.

Я рад: твоей любви я благодать постиг,
Я — любящий твой сын и верный ученик.

Но мне послал беду неотвратимый рок:
Гнела меня печаль, терзала боль тревог.

И стал в родном краю нелегок мой удел;
Из сердца горечь мук изгнать я захотел.

И выпал жребий мне идти в далекий путь —
Велений злой судьбы не суждено минуть.

И если повелит тебе всеильный рок
Сюда назад идти с твоих путей-дорог,

И если ты в края родных округ придешь —
Испить веселый хмель на вешний луг придешь,

И чистое вино держа в руке своей,
Захочешь повидать собратьев и друзей,

То, даровав друзьям хмель радостного дня,—
Я знаю,— вспомнишь ты, конечно, и меня.

И ты, про мой уход, про мой отъезд узнав,—
Про то, что я вдали от этих мест, узнав

И не найдя меня среди своих друзей,
Печаль по мне храня среди своих друзей,

Промолвишь: «Горький путь скитальцу в даль лежит,—
Как видно, им глоток вина разлук испит,

Какую долю дал ему злосчастный рок,
Что в даях чуждых стран бродить его обрек?

Какая грусть-печаль на ум ему взбрела,
Зачем чужбина-даль на ум ему взбрела?»

Неведома друзьям печаль моих невзгод,
И каждый скажет то, что в голову взбредет.

И, чтобы ты узнал, что случилось тут со мной,
Послать тебе письмо за долг почел я свой —

Тебе моей души кручину объяснить,
Ухода моего причину объяснить,—

Со мной случилось тут немало бед и зол,
И потому теперь я в странствия ушел.

Во-первых, славный дар — дар слова: человек
От рубого скота им отличён навек.

Душевым тайником хранимы перлы слов,
И в цветнике людском дорожке нет плодов.

Слова — душа небес, мир речью напоён:
Она живой водой течет во тьме времен.

При сотворенье дан словам высокий знак,
А среди слов стихи — прекрасней прочих благ.

Прекрасен и красив жемчужин ровный ряд,
Но четкий строй стихов прекрасней во сто крат!

И речь, в которой нет ни лжи, ни слов плохих,
Искусный мастер слов оденет в ладный стих.

Меж тюрков я взращен, их рода скромный сын,
На тюркском языке стихам я дал почин.

По дару равных мне не знали времена,
И сила Низами моим стихам дана.

Каких бы слов в стихе я, бедный, ни изрек,
Жемчужной красотой в них блещет каждый слог.

Дана всевышним мощь мне редкая в удел,
Но проявить мой дар мне рок не порадел.

Был дар Фирдоуси и мощен и высок:
С самим Рустамом он тягаться силой мог.

Когда на «Шахнаме» он был благословлен,
Бессчастных перьев строй был сломлен-посрамлен.

Его высокий труд вовек необорим,
И до сих пор никто не мог тягаться с ним.

Сам о себе сказал сей муж — рудник даров:
«Тридцатилетний труд был тяжек и суров».

А если б я писать такой же труд решил,
Даровано творцом и мне немало сил.

И если речь вести без гнета тяжких бед,
Мне хватит тридцать лун — не три десятка лет.

Когда я вдохновлен, и речь моя быстра,
Сто бейтов каждый день мне дарит бег пера.

Не «Шахнаме» б создать, а «Пятерицу» мне,—
О, только б до нее добраться пятерне!

И дать труду почин надежду я храню —
Вложить уменьем рук всю силу в пятерню.

Пусть Низами сказал о трех десятках лет,—
В два года или в три свершу я свой обет.

Когда закончу труд — устрою торжество,
Чтоб людям — на их суд — явить красу его.

Пусть будет там сто лиц — спою: моя душа
Готова петь и двум, двуличьем не греша.

Что — сто, что — двести лиц — разбег каляма спор:
С Меркурием самим затеять может спор.

Пока он на пути свершит свой оборот,
Краса моих стихов затмит небесный свод!

А был бы кто-нибудь мне равный в пользе дел,
Кто, кроме бед, иным достатком не владел,

И был бы дан ему приют горою Каф,
И птицей Анко был воспитан его нрав,

И был бы его дом моей душе сродни,
Где средь обломков стен — страдания одни,

И он бы на пирах всей кровью сердца пел —
Печальный вел напев про горький свой удел,

И если б был такой, о ком бы шла молва,
Что участь его дней, как и моя, крива,—

То как бы он себя скитаться не обрек,
И как бы упасть он от чужбины смог?

Второе, что познал я в Хорасане тут,—
Обету добрых дел не верен здешний люд.

Где люди верность чтут и сердцем ей верны,
Им щедрость с добротой в попутчики даны.

И если этих свойств — трех этих качеств нет,
Заступят место их пороки трех примет.

Глядишь, в раздоре злом дух верности иссяк,
И в щедрый прежде дом вошла корысть сутяг

И гибнет доброта от зависти дурной,
И — правит «добрый» люд «прекрасною» страной!

О людях и стране всю правду я скажу,
И что в них — не по мне, — всю правду я скажу.

Что за страна, где зло и дикий нрав царят,
Где не цветущий рай, а дышит смрадом ад!

Сокровища дворцов разграблены сполна,
Страна разорена, расхищена казна.

Где человечность? К ней затерян даже след.
Сплошное зло вокруг, иного — нет как нет.

И что за люди! Им шайтан и див под стать:
Привычно им хитрить и слабых угнетать.

Вкус пищи позабыт, и все едят давно
Небывшей стороны невзросшее зерно!

За жалкий грош убьют — всех губит жадный зуд,
И даже с мертвеца хоть саван — да сорвут!

А мученик-бедняк, сражен бедой, умрет —
Убийце воздадут за это зло почет.

Набегом вихря бед сметен гератский люд:
От самаркандских стен взвихрился ветер, лют.

Народу здешних мест — от тех краев беда:
Набеги, грабежи — и не сочтешь вреда!

Мне здесь среди людей и друга даже нет,
С кем мог бы сесть вдвоем — развеять горечь бед

И шаха не найти, что делом бы помог,
Кому б хвалу воздал я звучным строем строк.

И не сыскать людей, чей нрав не зол, не крут,
Чтоб горемыка мог найти у них приют.

Нет пропитанья мне, ни в чем достатка нет,
Покоя не найти, и жить — не сладко, нет!

И крова не сыскать, и счастья нет душе,
Чтоб хоть единый миг не ведать бед душе!

И нет в любви удач — подруги не найти,
Что упасла б меня от скорбного пути.

Нет друга, кто со мной делил бы зло невзгод,
Кого бы огорчил мой нынешний уход.

Лишь ты один всегда мне верным другом был —
Подмогою ты всем моим недугам был.

Но и тебя настиг своим коварством рок:
Ты по его вине теперь, увы, далек.

Тому, чей рок — влачить столь горестный удел,
Осталось лишь одно — уйти в иной предел.

И третье. Бог-творец велик и всемогущ,
Он — вечности венец и вечно вездесущ.

На свитке бытия он волю начертал —
Два мира создал он, основу двух начал.

С единой целью им был создан человек —
Чтоб таинство творца хранил в душе вовек.

Дан человеку дар — вершиной быть всему,
И суть всего познать назначено ему.

И вот уразуметь я так суть дела смог:
Движенью этих дум двойкий дан исток.

Один исток таков, что господом дано
Для чистоты сердец священных благ вино —

Чтоб, к истине стремясь, искать стези такой,
Где будешь отрешен от суеты мирской,

И чтоб на той стезе постигнуть цель ее —
Во всем забыть себя — себя и все «свое».*

И в сути бытия предел высокий есть:
Постигнув суть творца, небытие обрести.

Другой исток таков: властитель ли, бедняк —
Лишь на благом пути нетленных вкусят благ.

Наставника найдя — так было искони,—
Себя препоручить ему должны они.

Им праведный дано пред ним свершать обет —
И шагу не ступить, не чтя его завет.

Но эта страсть, увы, недуг судила мне:
Дала немало мук сей страсти сила мне.

А мог ли кто-нибудь найти покой от мук,
Кто помыслом таким повергнут был в недуг?

Пока я мог идти, я устремлял свой шаг,
Мечтая обрести дары заветных благ.

О, пусть на том пути погибель суждена:
На праведной стезе — во благо и она!

Когда б моим мечтам послал свершенье рок,
Я к счастью вечных благ причастным стать бы смог.

А не свершу мечты, желанной для меня,
И сгину я навек, лишь мысль о ней храня,—

Паду к твоим стопам я с робкою мольбой,—
Чтоб твой смиренный раб помянут был тобой!

Пусть помощь мне подаст твоих радений рать:
Позволь своей мольбе мой зов в себя вобрать!

И зов мой — та мольба, что бедный раб берег,—
Чтоб господу узреть меня сподобил рок!

Поэтический псевдоним (тахаллус) Хусайни принадлежит ХУСАЙНУ БАЙКАРА (1438—1506), правителю Герата, другу юности Алишера Навои, относившемуся к великому поэту порою милостиво, а порою и жестоко. Так, например, Навои, занимавший при Хусайне Байкара должность везира, был подвергнут им опале и сослан в Астрабад.

Творческое наследие Хусайни как поэта невелико, но обнаруживает бесспорное поэтическое дарование. Хусайни вполне владел традиционными формами стихосложения «этикетной» литературы, проявил и необходимые для поэтов этой литературы способности к известной самостоятельности в трактовке канонизированных образов.

ГАЗЕЛИ

Ах, как рыдает сердце, томясь в обломках тела,—
Совой среди развалин кричит осиротело!

То — в створках уст-рубинов блестят, как жемчуг, зубки
Или роса на розе, как перлы, заблестела?

И в сонме дивных пери тебя любой отметит:
«То — пери среди смертных!» — сказать он может смело.

О, сколько слез я пролил — кровавых слез разлуки:
Едва открою очи — и кровью все зардело!

Поток, клубясь, стремится, иль это мне — виденье?
Вскипают слезы пеной, и все от пены бело.

Не требуй, чтоб я вырвал твою стрелу из сердца,—
Ее в груди таил я, а грудь дотла сгорела!

В мечтах твои мне брови видны одной чертою,—
Один я жертвой буду двум лукам для прицела.

Повсюду — топь разлуки, о, кинь аркан свиданья:
Увы, предел мой близок, а море — без предела!

Спасать меня от страсти пришел любви наставник —
О Хусайни, в том жаре и он, и все истлело.

Я повсюду бродил, заплутавшее сердце искал —
Где безумное скрылось — в морях ли, в пустынях, у скал?

И нашел я его, сокрушенное сотнями мук,—
Кос любимой темней, его горестный мрак окружал.

И сказала мне сердце: «От горя я плачу навзрыд,
Захлестнул семь небес моих мук огнестонущий вал!»

Прочь в тоске побрели и Вамык, и Фархад, и Меджнун,—
Не снесли они мук моих: пламенный стон их сжигал,

И не смог я стерпеть, чтобы сердце скиталось вдали,
Умолил и зазвал его тысячью уст-зазывал.

И разверз себе грудь я и сердце на место вложил,
Чтобы горестный пламень разлуки его не терзал.

И налило мне сердце свиданья настой, Хусайни,
И утешил его я, глотком осушив тот фиал!

Когда умру я, как Меджнун, печалью по тебе убит,
Пусть на могилу мне Фархад из горных скал натешет плит.

И станет непроглядной тьма для всех страдающих в любви,
Когда сгорю и пепел мой тобой на небо будет взвит.

Во имя той, кого люблю, вина, о виночерпий, дай:
Да будет вечен ее век без мук, страданий и обид.

Истомной негою полна, ты чуждо стороной идешь —
Взгляни: я на твоём пути, поверженный, кричу навзрыд!

Зачем же, как собаку, гнать меня от дома своего?
Пусть лучше бросит меня псам и в клочья растерзать велит.

О желто-красной розы цвет! О нем тоскуя, умер я —
Лишь кровью слез да бледнотой я выдам свой позор и стыд.

Не верь, что сердце Хусайни — во прахе у твоих дверей,
Оно — в плену твоих очей, твой взор его в себе хранит.

В мой мрак от молнии разлук метнулся, будто в стог, огонь,
В обитель мук моих запал и вмиг ее зажег огонь.

Любовь ли мне затмила свет или вокруг бушует дым?
О нет, то — в страждущую плоть влил ад моих тревог
огонь.

То — искры огненной любви сожгли все сердце мне дотла,
Или от жарких стонов мук все тело обволол огонь?

Как много в этом мире душ людскою злобой сожжено!
Любимой любо жечь меня: увы, и в ней жесток огонь.

Не хмель ли пламя страсти дал твоим рубиновым устам,
А может быть, от искр вина всю душу мне обжег огонь?

Я ей сказал: «Стрелу метнешь — сто молний в кряжах мук
моих», —

Она в ответ: «Сам небосвод для стрел моих берег огонь!»

Не надо Хусайни корить за жаркий стон его души, —
Моим стенаниям любовь дала на вечный срок огонь!

Чем строже запретят любить, тем больше страсть пылает
жаром,
И тучи искр исторгнет вздох — они летят в порыве яром.

Мою измученную плоть огонь любви испепеляет —
Увы, былинке не спастись, когда весь мир объят пожаром.

Да распадется на куски от мук измены мое тело,
Мечом разлуки изруби — покорен я жестоким карам.

Темнее ночи цвет кудрей — их тьма темней ночного неба,
Сквозь сито неба мрак измен рассыпал мускус свой
недаром!

Твой стан — оживший кипарис, пройдешь — и Судный
день настанет,
Не вздумай смутой мир томить, дав волю лучезарным
чарам.

Без милой, виночерпий, жить душа и тело не желают —
Ты яд разлук мне в душу влей, отравным напои отваром.

Для любящих, о Хусайни, порог любимой — чудо рая,
Рай — дар святошам, а тебе — порог тот будет лучшим
даром.

Исчез мой розовый бутон, боль от шипов в груди осталась,
В отцветшей навсегда душе — не вешний цвет, а тлен и
вялость.

Ни кипарисам, ни цветам, увы, не радуется сердце:
Как быть, когда в мирском саду ему та роза не попалась?

Свиданья чашу осушив, цветеньем распускалось сердце.
Сто тысяч мук! Вина уж нет, а есть похмельная усталость.

Когда видалось сердце с ней, оно веселью радо было,
А ныне в сердце плач и стон, оно в печалях изрыдалось.

В дни наших нег я был готов пасть жертвой за тебя все-
часно,—
Где ж ты, души моей покой, что ж ты ушла, забыв про
жалость?

А без любимой, Хусайни, как будешь жить ты в этом
мире?
С другими в степь небытия брести тебе судьба досталась.

Уста-рубины чуть видны, под кладью кос спина сокрыта,
Утаена от всех душа, и нить души сполна сокрыта.

Не спрашивай: «Что от меня в глубинах сердца
затаил ты?»
Там, как монеты, пятна ран, там целая казна сокрыта!

Я сердце горем не сгублю: врагам любимую не видеть,—
В глубь тела спрятана душа, а там, в душе — она сокрыта!

Да знает тот, кто в сердце скрыть все тайны страсти
призывает:
Не скроешь искру под снопом — была ли хоть одна
сокрыта?

Когда ни веры, ни молитв не знает сердце, мусульмане,
О, не стыдите: в нем ведь та, что зла и неверна, сокрыта.

Тебе в вине открыт весь мир, вовеки с чашей не расстанься,
А тайна от людских очей в любые времена сокрыта.

У Хусайни мрачна судьба, ему затмило мглою очи —
Увы, на пиршестве его нет солнца, и луна сокрыта!

О меч мучений, взрежь мне грудь, на части разреши!
А ты, о друг, развороши кровавые куски.

С безумным сердцем совладай — сыщи его, найди,
Его ты в степь небытия скитаться завлеки.

А если в степь небытия с тобой не побредет,
Ты силою отринь его в зыбучие пески!

И, ради бога, чтоб оно не возвратилось вновь,
Ты тело от него спаси всем силам вопреки.

Когда ж ты немощную плоть от смут его спасешь,
Гони его скорее прочь, на муки обреки.

А если сердце вновь придет — чтоб не проникло в плоть,
На грудь мне пластырь наложи, срасти все лоскутки.

И если душу Хусайни от сердца охранишь,
Да будут дни твои вовек молитвой велики!

Сверкает алый рот-рубин, пушок — как изумруд на нем,
Нет, то — родник живой воды: побеги трав растут на нем.

Я изумлен: покров отняв, узрел я стан и дивный лик.
Ведь это — стройный кипарис — зачем же роза тут на нем?

И малой птахе — даже той теперь не свить на мне гнезда:
Все мое тело — прах и тлен, покров одежды худ на нем.

От искр разлуки мир сгорит — напрасно не трудись, о
врач:

Когда рубец разлуки жгуч, что пластыря лоскут на нем!

Когда б на небосвод взвалить поклажу всех моих
невзгод,

Вращаться уж не смог бы он: их груз — страшнее пут
на нем.

Несправедливости судьбы сравняли плоть мою с землей,
Камень бедствий бьют мой прах — не сосчитать их груд
на нем.

О, заступись же: Хусайни сто чаш кровавых слез пролил —
О, заступи ногой мой лик: ведь слезы рану жгут на нем.

Брось в огонь ненужный кипарис, если девы с чудным
станом нет,

Розу кинь на ветер, не жалея, если милой с ликом рдяным
нет!

Не нужны мне ни соцветья роз, ни цветущий в роще
кипарис,

Если кипариса моего, розы, что с челом румяным, нет.

И зачем твоим хмельным очам прятаться за ровный строй
ресниц,

Если у них умысла губить, души завлекать обманом нет?

Разве в дол безумств меня гнала б участь неприкаянных
бродяг,
Если б я, безумный, не страдал по твоим кудрям-смутья-
нам?— Нет!

Сердце, не сыскать тебе вовек жемчуг твой — заветную
мечту,
Если у пролитых в горе слез сходства с морем-океаном
нет!

Виночерпий, дай же мне вина — как от мук разлуки
упасться,
Если ныне чаши у меня с пенистым вином багряным
нет?

Сон или забвенье, Хусайни,— всё мне в этом мире горше
мук,—
Есть ли вечной жизни благодать или исцеленья ранам нет!

От злосчастной участи измен упаси, предвечный рок, меня,
От людской молвы убереги, отрешь от вздорных склок
меня.

Я в садах разлуки изнемог, в горестях рыдая и скорбя,—
Радость встреч, избавь от этих куш, уведи от их дорог
меня.

Смертной карой не пугай, судьба: может, ты меня бы
извела.
Если бы разлучный жребий мой от могилы уберег меня.

Может, быть, обрел бы я исход от мучений страсти и
разлук,
Если бы жестокий жребий мой нынче гибнуть не обрек
меня.

Сколько мне соперник мук ни слал, как он ни был мсти-
телен и зол,
Отвратить от мыслей о тебе он никак, ничем не смог меня.

Говорят: «Терпи, владей собой!»— Да ведь это, кравчий,
ни к чему:
Ты единой чашею вина отреша от всех тревог меня!
Только не пристало Хусайни от богатств и власти гордым
быть:
Говорят, что нищая юдоль привела на твой порог меня.

Бабур

ЗАХИРАДДИН МУХАММАД БАБУР (1485—1530) — правитель Ферганы из династии Тимуридов, основавший после изгнания его из родных пределов кочевыми узбеками (1505) государство Великих Моголов в Индии.

В литературе главным достижением Бабура является «Бабур-наме» («Книга Бабура») — летописное сочинение автобиографического характера. Это обширное по объему произведение представляет собою свод фактов жизни самого Бабура и историческое описание событий — военных и мирных, свидетелем и участником которых он был. Написанный ярким и образным языком, летописный свод Бабура содержит самые разнообразные сведения о жизни того времени — исторические, этнографические, лингвистические, бытовые и др.

Как поэт Бабур тоже ярок и своеобразен: им составлен небольшой по объему, но весьма талантливый диван стихов. Отличительной чертой газелей Бабура является их краткость. Почти все они состоят из пяти бейтов, тогда как традиционно наиболее распространенными были газели из семи или девяти бейтов. Газели Бабура характеризуются блестящей афористичностью бейтов и большим лирическим чувством.

О, сколько долгих-долгих лет я отдал горю и досадам,
 Когда и праздник — горше бед, а радость в кубок льется
 ядом!

Я, сломленный, почти без сил, из чаши рока пил отраву,
 И кубок Джама горек был, безрадостен и чужд усладам.

О друге в милой стороне не надо говорить, о други,
 Что целый мир, что люди мне,— от них отторгнут я
 разладом.

Мне радость пиршеств не нужна, когда с тобою разлучен я,
 Благословенны времена, когда с тобой я буду рядом!

Пока, Бабур, ты стонешь тут, стеноя в горестной разлуке,
 Пусть на пиру певцы поют и горестным и тихим ладом.

Снискал я тягостный позор моей любовью сумасброда —
 Никто не ведал до сих пор в любви столь горького исхода!

И сколько раз, сдержав порыв, себя я связывал зарок
 И вновь, посмешищем прослав, был притчей на устах у
 сброда!

Какая участь мне дана — в разлуке кровью захлебнуться.
 Мужам веселья и вина навек чужда моя невзгода!

Нет, шейху звук стихов не люб: меня корит он за напевы —
 А что поделать, если глуп,— уж такова его порода!

Не диво, что уже давно любовь измучила Бабура:
 Известно, что любовь — одно, а разум — дар иного рода!

Смертельным сном забылся я и стал от мира отрешен,
Свести со мною вас, друзья, отныне может только сон!

Когда назначена судьба, ее никто не обойдет,
И не помогут ни борьба, ни боль терпения, ни стон.

Весельем одолей недуг и скорбью мира не томись —
Единого мгновенья мук, поверь, совсем не стоит он!

О сердце, сыщется ли где на этом свете хоть один,
Как ты, влачившийся в беде, как я, познавший гнет
времен?

Увы, от тягот бытия покоя я, Бабур, не знал,
И только смертью буду я от козней мира отрешен!

Мечом той пери не страши меня, соперник-лиходей,
Всё — и любовь и боль души — ниспослано судьбой моей.

Когда я верен стал тебе, я дом и кров свой позабыл —
Скитальца в горестной судьбе, о чаровница, пожалей!

Мне участь нестерпимых мук и гнет безумья суждены,
Когда та пери выйдет вдруг в одежде красочной своей.

О лекарь, больно вынимать в душе засевшую стрелу —
Ты понапрасну сил не трать, моим страданьям не радей.

От розы будет ли ответ на стон твоих стихов, Бабур, —
Ей, беззаботной, горя нет, когда стенает соловей!

Тьма кос и лика лунный свет отняли всё сполна:
И днем душе покоя нет, и ночью не до сна!

К каким пределам ни пойду, везде со мной печаль,
Везде ношу мою беду, судьба моя грустна.

И сотни горестных забот, и тысячи невзгод —
Та доля, что меня гнетет, другому не дана!

С моим светилом разлучен, горю в горниле мук,
Мне сердце жжет со всех сторон, душа истомлена.

Когда ты от страданий хмур, бедую не делись,
На людях не рыдай, Бабур, им боль твоя смешна!

Кому среди людей дано блюсти обет добра?
От самых лучших — все равно не жди в ответ добра!

Что жду добра я от времен, не ставьте мне в вину —
Весь век свой был я осужден не знать примет добра.

И от красавиц доля бед досталась на беду:
Хоть и влюблен, мне в этот свет не светит свет добра!

От добрых знало ты и ложь, о сердце, и обман —
Чего же от дурных ты ждешь, в которых нет добра!

Всю жизнь свою отдай делам, добрей которых нет,
И скажут: «Он, радея нам, оставил след добра!»

Ты дружбы от людей земли не требуй, как Бабур, —
Кто видел, чтобы люди чли в делах завет добра?

БАБАРАХИМ МАШРАБ (1640—1711) — замечательный поэт, подвижник и бунтарь, которого современное ему мусульманское духовенство считало еретиком. Странствующий поэт, выражавший суфийски окрашенное несогласие с ортодоксальным исламом, гонимый и отверженный, он создавал стихи большой внутренней силы и высокого творческого совершенства. Взывая к образу другого еретика — своего предшественника Мансура (852—922), Машраб даже в строгих рамках регламентированного жанра газели сумел внести в свои стихи своеобразное творческое напряжение, отмеченное яркой индивидуальностью, необычным звучанием. Особенно неповторимы его мухаммасы, совершенные по форме и содержащие горькие сетования на окружающую действительность, на неприятие современниками его вольнодумия и своеобразия его поэзии.

Машрабу как крупному художнику слова, дерзостного и правдивого, горячего и горестного, принадлежит особое место в истории узбекской поэзии. Его творчество по праву считается одной из вершин узбекской поэтической классики

О гнет любовных пут — что сделал он со мной:
 Меня стыдится люд — обходит стороной!

От страсти истекли все очи кровью слез —
 Все семь сторон земли захлестнуты волной.

Ханжа, свой пыл тая, к михрабу преклонен,
 Михраб мой — бровь твоя, молюсь тебе одной.

Нагрязнул страж сюда — отнять у нас вино,
 Увы, ему чужда суть тайн любви хмельной.

И хоть терплю я, тих, сто тысяч твоих кар,
 Ты с мерой сил моих сверяй их груз шальной.

О, как смятен Машраб, безумьем истомлен —
 Ужель ты не могла б хоть раз побыть со мной!

Стеная день и ночь, молю о справедливой доле,
 От пери злой я все стерплю, но я умру от боли!

Она — тюльпан, она — рейхан, она — жасмин и роза,
 И кипарис склонил свой стан пред нею поневоле.

Когда Юсуф прекрасный есть — смятенье всей вселенной,
 Всем властелинам мира честь — его предаться воле.

Сто завитков кудрей твоих мне стали сетью бедствий:
 Душа моя, как птица, — в них, в губительной неволе,

Весь мир в восторге от тебя — пленен твоей красою,
 Все плачут, о тебе скорбя, томясь в лихой юдоли.

К тебе стремлюсь я с давних пор и одержим любовью:
Меня казнит твой грозный взор, печали поборол.

Мне у потухшего костра влачить все дни в разлуке —
Где сень родимого двора, там и приют для голи!

Огонь твоей красоты жесток: сжигает жар Машраба,
И он горит, как мотылек, в любви томясь все боле.

О, как ты любима мною — или верь, или не верь,
Сердце все в крови, больное, — или верь, или не верь.

В ночь разлуки мои стоны высь небес дотла сожгли, —
Так стенаю я и ною — или верь, или не верь.

О венец мой славный, встретил я негаданно тебя, —
Шел твоей я стороною — или верь, или не верь.

По устам твоим тоскуя, сердце рдеет, как бутон, —
Словно роза ты весною — или верь, или не верь.

Сладкоустая, разлукой ты погибель мне сулишь, —
Горечь мук тому виною — или верь, или не верь.

Здесь, у твоего порога, был Машраб, да вдруг исчез,
Молнией сверкнув шальною, — или верь, или не верь!

Неси, ветер, вихрем заветное слово —
Молитву о той, что ко мне так сурова,—

О ней — звездоокой, о ней — тонкостанной,
О ней — змеекудрой, о ней — чернобровой,

О трепетной станом, о склонной к обманам —
О той, что неверной всегда быть готова.

Она, словно пери, сокрылась от взора,
И доля моя и тяжка и бедова.

У ней, власть имущей, как шах всемогущий,
Нет мне, бедняку, ни защиты, ни крова.

Единым обетом клялись мы об этом —
Отдать божью гневу рушителя слова.

Истерзан я мукой, измучен разлукой,—
О, если бы тело вновь стало здорово!

Рыдаю, стенаю, покоя не зная,—
Летят к небесам стоны тщетного зова.

К тебе я, друг милый, взываю: «Помилуй!»—
Не стою я, право же, гнева такого!

Пусть беды и муки мне крыльями станут,
И сердце, как сокол, парить будет снова.

Соперники злые мне путь заступили —
Пошел я стезей, что от века тернова.

О, как неверна ты, о, сколь ты жестока,—
Тебе меня, верного, мучить не ново!

Измучен сторицей, я стал бледнолицый —
Мой пыл отдан той, что, как роза, пунцова.

Увидеть красу бы твою, дорогая,—
Я жертвой паду пред тобой с полуслова!

Сгорел от любви я к тебе, чаровница,—
Хоть раз снизойди до меня ты — дурного.

От страсти к тебе вся душа моя в ранах —
Зачем же стыдить, что я сник bestолково!

Я ночью и днем на пути твоём плачу,—
«О, будь милосерд!»— я молю всеблагого.

Но бедный, несчастный, бездомный, безгласный,
Готов я все вытерпеть снова и снова.

И как не стенать от мучений Машрабу,
Когда грозноокая сердцем сурова!

О, яви же красу свою жадно глядящим,
Мотыльками трепещущим в жаре палящем!

На молитву мою от тебя жду ответа,
Жизнь моя — это дар всем, любовью горящим.

Твердосердая, нет в твоём сердце участия —
На бездольных взгляни взором, милость дарящим!

Вспомяни о Машрабе, тебе жизнь отдавшем,
На пороге твоём безутешно скорбящем.

Я красавицу встретил, и с улыбкой лукавой
Мне дала она хмеля — опоила отравой.

Взор ее — что разлука, рдеют губы от хмеля —
Суждена мне до смерти чаша муки кровавой.

Ей всю жизнь посвятил я, лишь о ней и мечтая,
Все твердят мне: «Безумец!» — вот с какою я славой!

Все на свете забыл я, страстно предан ей сердцем,
Все иное мне чуждо — что со мной, боже правый!

День и ночь о любимой вспоминая, рыдаю —
Мотыльком я сгораю, мучим мукой неправой.

В сердце скорбь безысходна, нет ни друга, ни брата —
Зло соперники травят меня всею оравой.

О Машраб, ты безумен, нет к былому возврата,
Падай жертвой, бесстрашен перед смертной расправой.

Другу верному скажи, что за мука сердце гложет,—
Все поведай безо лжи: горю горечь слез поможет.

Как печальный соловей, плачу я в саду заветном,
Плачу о беде своей — той, что душу мне тревожит.

Клятвой, как Мансур, влеком, пью я чашу испытаний —
Перед висельным столбом я стою, и век мой прожит.

Но глоток того вина муж хотя бы раз вкусивший
Правду в Судный день сполна в свой ответ пред богом
вложит.

Горестный Машраб, крепись: тайн своих ханже не выдай,
С одержимым поделись — все понять собрат твой сможет.

Когда с той пери озорной мы цедим хмель густой,
Пьянит нас влагою хмельной отцеженный настой.

И сердце — в небыли пустой, хмельно от влаги той,
Я — твоя жертва, о, постой, хоть взглядом удостой!

Погрыз я с головы до ног в позоре и грехе —
Я трепещу, твой гнев жесток, смири свой нрав крутой.

Увял я телом и зачах, как смятая трава, —
Твоим стопам мой жалкий прах — опора и устой.

Вся жизнь твоя, Машраб, — точь-в-точь, как отшумевший
вихрь:
Едва задув, он мчится прочь с тревожной быстротой.

Если в лад звенящим струнам ладен твой напев — пре-
красно,
Если светишь блеском юным, среди красивых сев, —
прекрасно.

Если ты коня к уладам, к пиршествам веселым гонишь,
Если ты смущаешь взглядом дивных райских дев —
прекрасно.

Если в круге моря страсти точку жемчуга отыщешь
И найдешь свое ты счастье, жемчуг в душу вдев, —
прекрасно.

Ну, а если ветром скорым вдруг мелькнет Машраб
несчастный,
И к нему, не глянув взором, обратишь ты гнев —
прекрасно!

Ты наряд надела красный, краше быть стократ желая,
Всех смутила ты опасно, в мир внести разлад желая.

Ты в красе повадок властных стройным станом пробли-
стала,
Горемык, как я, несчастных всех сгубить подряд желая.

А когда свой лик прекрасный ты открыла, чаровница,
На тебя смотрели страстно все, узреть твой взгляд желая.

Ты смотрела в оба ока и кудрями ты играла,
Видеть, как весь мир жестоко смутою объят, желая.

А едва я молвил слово, пред тобой склонившись робко,
Ты нахмурилась сурово, в сердце влить мне яд желая.

Дико вскачь коня гнала ты, словно властелин жестокий,
Меч мучений занесла ты, жизнь мою в заклад желая.

Сколько лет рабом покорным ты, увы, пренебрегала
И карала гневом черным, всех лишить отрад желая!

О, казни, но только, глянув, хоть на миг яви мне милость,
Крови ран моих — тюльпанов больше всех услад желая!

Ты кинжал булатный точишь, смертью ты грозишь
Машрабу —
Судный день расплатный прочишь, злых ему расплат
желая.

О, глаза ее жестоки, томна, черноброва — гляньте,
Кудри мускусом на щеки падают лилово — гляньте.

Столь красивой в платье красном, да с узлом в кудрях
прекрасных,
Да с лукавством томно-страстным — ей сдержать ли
слово,— гляньте!

Ей красою неземною солнце лишь срамить с луною,
Все падут пред ней одною: сколь чело пунцово, гляньте.

Брови — луков всех жесточе, жала стрел метать охочи,
Ворожкой коварны очи: сколь она бедова, гляньте.

Я, Машраб, томлюсь безгласно, жду любимую всечасно,
Весь в огне сгораю страстно: сколь она сурова, гляньте!

Нет, никому не ведомы те беды, что терплю я,
А застенать — так бедами все небо расколю я!

Гоню все беды мимо я, душою успокоен,
Когда придет любимая узнать, о чем скорблю я!

Без жалости, без совести убей меня жестоко,
И пусть в пустыне горестей потоком кровь пролью я.

И верую глубоко я, что в мире не найдется
Такой, как звездоокая, которую люблю я.

Стерплю все речи строгие, приди, хотя б с укором,—
Пал на твоей дороге я — в слезах тебя молю я.

Пока ты жизнь невинную мою терзаешь мукой,
Машраб, такой кручиною всю душу загублю я!

На меня взглянула мило искрометным взглядом дева,
А потом, увы, томила мое сердце ядом дева.

Стрелы бедствий каждый день я чуял страждущей душою,
Но не слала исцеленья, а гнела разладом дева.

Лик укрыв за пеленою, как свеча, она горела —
Сколько праведных душою отравила чадом дева!

Мучит, губит и не сгладит состраданьем мои муки,
А с соперниками ладит очень добрым ладом дева!

В небе — солнце ли с луною или жар моих стенаний,
Или гнев свой надо мною мечет звездопадом дева?

Нет, не звезды то, конечно, загорелись в горней выси —
То, светясь красою млечной, жемчуг сыплет градом дева.

Райский сад пылает ало, от огня любви сгорая,—
То красою запылала с гуриями рядом дева.

Соловьем стенаешь рьяно ты, Машраб, в саду свиданья —
Дарит в кущах Индустана сладость всем уладам дева.

Как мне жить на чужбине без любимой моей?
Жизни нет и в помине, что ни миг — все трудней.

Знавший радость и муки вам всегда подтвердит:
Повторенье науки — ключ к познаниям в ней.

Мир в скитаньях горючих весь пройдя, я познал:
Нету роз без колючек, кто красив — тот и злей.

У страдавших душою я спросил и узнал:
Кто другим сделал злое — сам во власти скорбей.

Не казни же, терзая мукой сердце мое,—
Проглядел все глаза я, от тебя ждя вестей.

Знавший жгучие слезы радость в жизни найдет:
Не остался без розы ни один соловей.

Жизнь не знает пощады к тем, кто ищет свой клад:
Где сокровища-клады — там пристанище змей.

Я любимой навстречу, мучась сердцем, бреду,
А негаданно встречу — глядь, соперники с ней.

О Машраб, где участие твоих верных друзей?
И не жди в жизни счастья без любимой своей!

Вид явился мне странный: будто вспыхнул закат,
Образ в нем прямоотанный — словно пери, крылат.

То — свет лика любимой иль пылает весь мир?
Весь пустырь непрозрачный стал цвести, словно сад.

То не ветер ли мчится, мне смятеньем грозя?
Нет, то пыл чаровницы жаром страсти чреват.

Если злой ее власти меня любо казнить,
Сам себя же на части рвать пред нею я рад!

Пестроцветье пригоже в ее вешней красе —
Да не тронет, о боже, ее тлен-листопад!

Сколько лет я уныло — снег ли, дождь — жду тебя,
Чаровница забыла, что я мукой объят.

Путь ищи справедливый — жизнь уходит, Машраб,
Чужд дороге счастливой пленник доли утрат.

Ссорой, шумной и кричащей, бѣдствие сюда приходит,
Как к овце кинжал разящий, и ко мне беда приходит...

Я уйду с моей тоскою, боль души не успокою,
Зато с пери колдовскою мне побыть чреда приходит!

С жизнью я прощусь своею, хоть и миг, а буду с нею —
Что же мне, как и злодею, кара, столь худа приходит?

Зла твоя, Машраб, судьбина, но не плачь же — в чем
причина:
К любящему смерть-кончина вовремя всегда приходит!

Один, не на пиру твоём, страдалец твой скорбит, рыдая, —
Так мотылек горит огнем — свеча горит, навзрыд рыдая.

О кравчий, дай мне для утех вина — утешь мои стенанья,
А то я на виду у всех, весь кровью слез омыт, рыдаю.

Мой пыл сожжет всю ночь разлук, тьму обжигая жаром
молний,
В огне моих сердечных мук весь небосвод горит, рыдая.

В пустыне бед, не чуя ног, среди язвящих жал влачусь я, —
О, у любимой нрав жесток — бреду я, от обид рыдая.

Пусть не узнает, не поймет никто моей сердечной муки —
Хоть и сожжен страданьем рот, а сердце боль таит,
рыдая.

Твой нежный кипарис поник, Машраб, в слезах от козней
рока —
Теперь порвать и воротник души тебе не в стыд, рыдая

Гнет моей нелегкой доли сердце мучит мне недаром:
Грудь мне в клочья рвет до боли, душу жжет терзаньем
ярим.

Горестей разлуки жало грудь язвит, теснит дыханье,
Тело жжет, с землей сравняло плоть мою одним ударом.

Сам скитаньем жизнь я рушу, пью я чашу горькой доли,
Любо было мучить душу колдовского взора чарам!

Как безумец, я затравлен, чем я виноват — не знаю,
И за страсть к тебе ославлен я по всем земным базарам!

И со всех сторон слетели в раненое сердце муки,
Словно сердце в бедном теле — склад всем бедам и всем
карам.

День и ночь терплю лишенья я, Машраб, без передышки,
И за эти прегрешенья жгут мне сердце новым жаром!

Чаровница мне предстала, на меня взглянула смело,
Приоткинув покрывало, брови прихотливо вздела.

Очарован был я разом, и смекнула чаровница:
Отняла и ум и разум, душу мне сожгла и тело.

Лик ее, пылая жаром, сердце в небыль мне расплавил,
Молния любви ударом прямо в душу мне влетела.

Вот ведь дева-христианка! Вмиг меня лишила веры:
Мне зуннар дала смутьянка — «Вот, надень!» — мол, что
за дело!

Я брожу и днем и ночью, лишь о ней одной мечтаю,
Появилась бы воочью — хоть разок бы пожалела!

«Что с тобой?»— она спросила, я в ответ: «Сверкни красотою!»

И она чело открыла — значит, я просил умело!

Бродишь ты, Машраб, по свету, не познав заветной цели,—
Слава богу, ты вот эту хоть мечту, душа, имела!

Чаровница, от разлуки горько плакать очи станут,
Врозь с тобой — изверюсь в муке: слезы все жесточе
станут.

Взор твой в вере лицемерит: лишь безбожно глянут очи —
Все неверные поверят, веровать охочи станут.

Кудри черные на плечи лишь любимая распустит —
Все сердца, горя, как свечи, полыхать средь ночи станут.

Дивы, райские девицы, люди, ангелы и пери,
Увидав твой стан, дивиться диву что есть мочи станут.

Как печальный час настанет, капли слез Машраб роняет,
А на слезы в жажде глянет — дни невзгод короче станут!

Все беды породнил со мной мой беспощадный рок, увы,
Он с красотою неземной дружить меня обрек, увы.

Мечтая о тебе, душа от страсти млела, чуть дыша,
Но рок согнул меня, душа,— всей тяжестью налег, увы.

О, пожалей меня, собрат, надежд последних не лишай,
Судьбой лишен я всех отрад, слезами весь истек, увы.

Кому поведаю беду — мне выпавшую долю мук?
Я с ношей горестей бреду, и гнет ее жесток, увы.

Участья не найдешь ни в ком, я с равнодушием знаком,
Рок меня сделал бедняком — я сир и одинок, увы.

Да будь я даже хуже всех, но ведь и я не без утех,
И юность мне не ставит в грех, что я от всех далек, увы!

Приди ко мне, открой чело, вся моя жизнь — твоя отныне,
Огнем меня дотла сожгло — разлукой сломлен я отныне.

О, как, друзья, спастись от мук? Печален я и бесприютен,
Неисцелим мой злой недуг, и нет мне бытия отныне.

О, многим на земле невмочь от тягот и невзгод разлуки!
Душа исходит горлом прочь, но не со мной друзья отныне!

Боль о тебе — мою беду кому я выплачу в рыданиях,—
В могилу скоро я сойду, боль сердца не тая отныне.

Что ж ты, Машраб, так изнемог, снося лишения разлуки?
Терепеть тебе твой тяжкий рок, не зная забытья, отныне!

К кому в слезах припасть, сказав о ней — мне приносящей
муки,
Про все крушащий ее нрав, враждебно мне сулящий муки?

Я душу отдал ей мою — все сердце, а она лишь мучит,
И вот о ней я слезы лью — неверной, мне дарящей муки.

Вот жизнь прошла, я ж не найду и праха от следов
любимой —
Кому я выплачу беду все сердце мне губящей муки?

Скитаясь у чужих ворот, все сердце сжег я пылом
страсти —

Страдальца только и поймет страдалец, сам терпящий
муки.

Не стерпит даже небосвод рассказа о моих страданиях,
Не каждый все слова снесет о сердце мне разящей муке.

Влачащего свой век в глуши, бедой томимого Медждуна
Поймет лишь знавший боль души и сам в душе таящий
муки.

О, нет, невежду никогда, Машраб, не тронешь добрым
словом:
Известна тех мужей беда, что знали боль палящей муки.

Приди, красавица, тебе всю боль разлуки я открою —
Да внемлешь ты моей мольбе — позволишь мне дружить
с тобою.

Забыл я дом свой, все мечты, лишь о тебе твержу я речи, —
Никто не знает, знай лишь ты: твоею жертвой быть я стою.

Мне все чужды, кроме тебя, — клянусь, поверь же этой
клятве:
Других гнети, карай, губя, но только будь добра со мною!

Что Сулейманов мне чертог, что кубок Джама! Мне
дороже
Мой разубогий черепок с моею нищенской клюкою.

Твой камнесердный нрав жесток, сурова ты, лукава,
злобна —

О, кто ж, красавица, помог тебе неверной стать такою?

Святоша, поученья брось, ступай, в михрабе проповедуй —
Мне в жизни видеть не пришлось ханжей, столь низменных
душою.

Все злые сплошь посрамлены тобою: ты их злу обучишь,
Все лицемеры и лгуны тебе завидуют с тоскою.

О, нет, неверен мир земной! Я понял, сколь изменчив он,—
Конь вечности, оседлан мной, помчался. Путь его далек.

И понял я: сей мир лукав, враждебной хваткою он лих,
И, лик ногтями истерзав, себя я каяться обрек.

Господни люди говорят: «Сколь горек хмель мирских
утех!»

И я, чтобы познать сей яд, вкусил той горечи глоток.

Потом, не зная забытья, в себе я своеволие бил,
И саблей отрешенья я себя казнил, как только мог.*

И жарко-огненным копьем я миру выколол глаза,
И сабли хладным острием соблазнам голову отсекаю.

Безумец, не в стихе ль твоём, Машраб,— спасение от
мук:

Ведь этим словом, как огнём, сердца влюбленных ты
прожжёшь!

Мне ныне только и к лицу стенать, томясь разлучным
роком,—

Припасть бы с жалобой к творцу и небо пристыдить
упреком!

И если молния блеснет — огонь любви придет на помощь,
Я опалю весь небосвод — сожгу его в огне жестоком.

Спаси от мук меня, собрат, спаси хотя бы на мгновенье,
Я этим мигом буду рад утешиться хоть ненароком.

Влюбленным станет меня жаль — они от скорби зарыдают,
Когда я выскажу печаль моих невзгод хотя б намеком!

Любовь — что океан большой, и ты, Машраб, увяз в
пучине —

О, мне и телом и душой страдать в унынии глубоком.

И мне не надобно пути к святыням веры и красы —
Мне в море перл мой обрести желанно — хоть на самом
дне.

Сумела накрепко запасть в меня, Машраб, печаль любви,
Жива во мне одна лишь страсть, иное все невнятно мне!

Лишь раз пришел я в этот мир и пленником утрат ушел,
Один лишь миг и жил я, сир, и, не познав отрад, ушел.

Искал я друга, одинок, но — нет, увы, найти не мог,
И сердце я печалью сжег — отчаяньем объят, ушел.

Не смог, влачась в мирском саду, я одолеть свою беду,
В печалях жил я, как в аду, — измученный стократ ушел.

Корысть мой направляла шаг, в грехах плутал я так и сяк,
В сей мир пришел я гол и наг — не сыт и не богат ушел...

Глупцы-невежды день-деньской к соблазнам льнут, забыв
покой,
И я, пленен тщетой мирской, от неземных услад ушел.

Машраб, ты по любимой млел — все ждал, во все глаза
глядел,
Но был столь тяжек твой удел, что ты, любви не рад, ушел.

Соловей садов вселенной, песнь пою в мирском саду я,
Для любимой, несравненной страстно свой напев веду я.

Чаровница неземная! Даже ночью, сна не зная,
Как Хафиз, томлюсь, стенаю, и рыдаю, как в бреду я.

Опьяняясь хмелем страстно, млею, как Меджнун
несчастный,
За Лейли моей прекрасной — за тобой, томясь, бреду я.

Опален твоей красою, сердцем я горю, душою —
Весь дотла сожжен тобою, про свою пою беду я.

Жду свершения обета, день и ночь мне нет ответа,
Ты сказала: «Жди рассвета!» — вот теперь, рассвета
жду я.

Слов всеведущий ценитель, всех правдивых наставитель,
Мерных строчек повелитель, со стихом, Машраб, в ладу я!

Красавица, узрев тебя, я жертвою неволи стал —
На улице твоей, скорбя, скитаться в горькой доле стал.

Твои ресницы-стрелы вдруг насквозь пронзили тело мне,
И я кровавой жертвой мук, невиданной дотолы, стал.

Творец, да будет не дано другим столь горестной любви,
А я, что делать, уж давно скитальцем сей юдоли стал.

Я пред тобою преклонен, я — жертва под твоей стопой,
Твоим мечом я разлучен с душою поневоле стал.

Томясь немилостью твоей, не зная, ждать ли мне вестей,
Скитаться у чужих дверей я в нищенской недоле стал.

Внемли же, мой прекрасный друг, к Машрабу милость
прояви —
Я странником в стране разлук — скитальцем в диком доле
стал.

Ладные стихи слагая в цветнике моей любви,
Соловья и попугая — всех сравню с вороньем.

О Машраб, на ране рана, словно розы, на тебе,
А умрешь — цвести багряно им на саване твоём.

Терпенья мне недостает, и нет покоя от невзгод,
И день и ночь — душевный гнет, и бремя бедствий все
растет.

И хоть кричи, стеной и вой, об камень бейся головой —
Зла сила муки горевой, и, видно, близок мой черед.

Вконец я сердцем изнемог, и сам сгорел, и душу сжег,
Я желт, слезами весь истек — примет моих печален счет.

Что все ходжи и все ханжи, все шейхи, все пророки лжи!
Вдали от них себя держи, любовь их — бедами гнетет.

Любовь сама-то — не беда, да много от нее вреда,
Машраб, судьба твоя худа: день ото дня сильнее гнет.

В долине сердца ланям мук я дал раздолье и приют,
А ты взвела лукавый лук — тюльпанный луг взрастил я
тут.

И тут же — путь лежит ко мне для всех удачливых в
любви —
Пусть в этой горестной стране для них все розы расцветут.

Поток моих рыданий яр — кровавым ливням нет конца,
Вот — камень с сердца тебе в дар, он — как рубин
Йеменских руд.

О роза, все тебе отдам, рабом я рьяным стану,
И жертвой сладостным устам твоим медвяным стану.

Предстань мне с розовым челом, завесу приоткинув,—
Отдам все сердце — соловьем, от страсти пьяным, стану.

А по хмельным твоим очам едва лишь затоскую —
Кричать удодам по ночам по всем полянам стану.

Ты лишь взглянула — я сожжен тобою, чаровница,—
Как жить я, всей душой смятен, с таким изъязном стану?

Едва лишь ты откроешь лик и на меня посмотришь,
Веселым я в единый миг назло всем ранам стану.

Машраб тревогою томим,— о, подари же взглядом —
Рабом я преданным твоим очам-смутьянам стану!

Вовеки сердцу воли нет, отравленному страстью:
Распалось сердце в путях бед — истлело часть за частью.

В мечтах — твой образ предо мной, но мне не быть с
тобою —
Дано меня свести с тобой лишь высшему участию.

Услышь мой зов и помоги, сгорел я, чаровница,—
Злорадно тешатся враги моей лихой напастью.

Мне без тебя, мой милый друг, жить в этом мире трудно —
О сердце, помоги — боль мук смягчи своею властью.

О, благосклонность мне яви, не жги огнем разлуки —
Ужель предела нет в любви злосчастью и ненастью?

Восплачу о твоей красе в день светопреставленья —
И верный и неверный — все сгорят, Машраб, к несчастью!

Я, как Мансур,— у той черты, где пьют вино заветной
клятвы,—
Ужели к виселице ты меня с позором влечь захочешь?

А если я мою любовь предам и о другой помыслю,
Ужель на части, в ключья, в кровь ты плоть мою рассесть
захочешь?

О, милосердье мне яви, взгляни, как я смятен любовью,—
Ужель ты тех, в ком нет любви, огнем своим возжечь
захочешь?

Вот что на голову твою низверглось — сколько бед и
бедствий,
Машраб, ужель ты и в раю любовь свою сберечь захочешь!

Здесь, в чуждом граде, что ни миг — я весь горю, пылая,
Стезей заблудших горемык иду, невольник зла я.

Где мать и где отец? Презрен, томлюсь я одиноко,
Скитальцем сплю у чуждых стен,— где честь моя былая?

О боже, чем я виноват, скиталец бесприютный?
Я изнемог в плену утрат, огнем сожжен дотла я.

Все сердце сжег мне злобный рок — пылают жаром
клейма,
Отвергнут всеми, одинок — вот моя доля злая.

Я сердцем от мучений сник, другие, смотришь,— рады,
Я в муке рву свой воротник, стенанья воссылая,

Вот что, Машраб, тебе к лицу — судьба рабов безгласных,
Но, словно перл, хвала творцу, отчищен добела я!

Я — степей любви скиталец, нет приюта мне и крова,
От рожденья я — страдалец, и судьба моя сурова,

Если в сердце — стон сокрытый, не сыскать уж друга
Чаше, на куски разбитой, не бывать уж целой снова.
сердцу:

Всю монету боли страстной я тебе под ноги кинул —
Сколько от тебя, прекрасной, претерпел я в жизни злого!

Мир, сей злыдень лицемерный, жизнь мою дотла
Пусть вовеки правоверный не познает зла такого!
разрушил —

Надо мной враги смеются, обо мне друзья рыдают —
Мне с враждой не разминуться, от друзей не ждать мне
зова.

Нет числа моим утратам, верности вовек не знал я,
Я от горя стал горбатым, и стезя моя тернова.

Зло — ночное ли, деньское — безысходно меня мучит,
Нет душе моей покоя, и беда моя бедова.

Раб моих напастей грозных, сир, в пустыне я рыдаю —
От ручьев кроваво-слезных степь огнем горит багрово.

Все, кто шел стезею зрелой, с этим миром связь
О Машраб, и ты так сделай, не безумствуя бредово!
порвали —

Ни минуты нет покоя, лишь с бедой знаком Машраб,
Ты сияешь красотой — вьется мотыльком Машраб...

В этот мир закрыл я двери, мир грядущий близок мне —
Что мне ангелы и пери! Стал им чужаком Машраб.

Любо мне теперь иное — с бедняками я дружу,
Днем и ночью пью вино я, лишь к вину влеком Машраб.

Удивится беспредельно каждый видящий меня:
От людей живет отдельно, от себя тайком Машраб!

Словно молния сквозная, бродит по свету хмельной,
О себе вестей не зная да и ни о ком, Машраб!

Нет, не тайною сокрытой славен я, а простотой:
Весь нагой, босой, разбитый, бродит простаком Машраб.

На стезе нелицемерной ты, Машраб, обрел свой путь,
Истинному хмелю верный, сущ ты не в мирском, Машраб!

От любви к тебе сгореть я, одержим тоской, мечтаю,
И своей окрасить кровью я весь мир мирской мечтаю.

Если же хоть раз позарюсь на чужую красоту я,
Выколоть себе же очи я своей рукой мечтаю.

Если крови моей жаждешь ты, меча ресницы-стрелы,
Мотыльком лететь на светоч я, забыв покой, мечтаю.

Я в степях любви скитаюсь, дикой жаждой истомленный,—
Дай вина мне, виночерпий, пить я день деньской мечтаю.

Пощади же, чаровница, и с чела сними завесу,—
Изнемогший, я упиться красотой такой мечтаю.

За тебя Машраб два мира позабудет, чаровница,—
Пожалей же, я увидеть лик твой колдовской мечтаю.

О твоей красе тоскую, грустный, день и ночь я плачу,
Одержимый, в степь безумья вдаль бредущий прочь, я
плачу.

Тайну, ранящую сердце, силы нет тебе поведать —
Боли ран и муки горя мне не превозмочь, — я плачу.

О красавица, красою словно солнце и луна ты,
А уста и речь — что сахар, до сладостей охоч, я плачу.

Ты — весенний сад, раздолье кипарисам и тюльпанам —
Соловьем в саду стеная, горько во всю мочь я плачу.

Я красу твою увидеть, о красавица, мечтаю,
У дверей твоих, не зная, как беде помочь, я плачу.

Из очей моих потоки слез кровавых горько льются —
Образ твой едва лишь вспомню — мне совсем невмочь,
я плачу.

О, я к моей возлюбленной питаю страсть особую:
Нальет мне — хоть и сгубленный, а все ж вина попробую!

И рай не славословлю я с дворцами и чертогами:
Вот заведу торговлю я — продам его с утробю!

И вижу, горемыка я: весь мир — что тьма кромешная,
И в ней ты, среброликая, сверкаешь высшей пробюю.

Всегда ханжой-святошею влюбленный порицается —
Найду стрелу хорошую на злобу твердолюбую!

В жар преисподней прогнанный, Машраб рыдает
горестно —
Твоей любовью огненной расплавить ад попробую!

С Меджнуном мы за годом год в пустынях, изнывая,
шли —
Среди лишений и невзгод искали вместе мы Лейли.

О, смилуйся и, не гоня, внемли моей немой мольбе:
Кого еще, как и меня, мученья страсти извели!

И сотней жизнью наделен, все брошу пред тобой во прах:
Зачем мне Сулейманов трон? Я пред тобой влачусь в пыли.

Лукавой красотой пьяня страдальца, павшего во прах,
Увы, прошла мимо меня моя красавица вдали.

И старцы, в свитке прочитав о диве красоты твоей,
Безумно бросились стремглав — к тебе, согбенные, пошли.

И сердце в медленном огне сгорает от любви к тебе —
О, как бы муки страсти мне совсем все сердце не сожгли!

Сто мук на голову мою обрушила в разлуке ты —
Влюбленный, плача, я молю: «Приди, печали утоли!»

О, пощади, будь не строга, доверься мне и другом будь —
Я — раб, смиренный твой слуга, все совершу — лишь
повели!

«О ты, создатель всех людей», — взывает твой несчастный
раб, —
«Страдальцу в просьбе порадей — молящего возвесели!»

Предвечный кравчий мне налил, и я пригубил хмель
иной —
Поверь: уже не стало сил хмелеть от блага сей земли.

«О, сжался, мой прекрасный друг!» — взывает горестно
Машраб,
Увы, страдания разлук мне тяжело на плечи легли!

Я о любви лишь молвлю слово — весь мир в единый миг
сгорит,
Скажу, в чем тайн моих основа, — и враз любой тайник
сгорит.

Когда в любви горят от пыла и проливают реки слез,
Влюбленных покидает сила — вся грудь у горемык сгорит.

Один, я с муками моими сгораю в пламени разлук, —
Едва твое я вспомню имя — от радости язык сгорит!

Как о тебе, меня томящей, мне, горемыке, рассказать?
Вся плоть моя — огонь палящий уж до костей проник —
сгорит.

Когда я тщетно жду свиданья, жестокий крик терзает
грудь —
Я закричу — все мирозданье в ответ на этот крик сгорит.

Дано сгубить меня напастям, а ты — в печалях о другом,
Ты не придешь ко мне с участием — от стоны сердце
вмиг сгорит.

Машраба памятью минуя, о нем и слова не скажи:
Едва лишь в Судный день вздохну я — сам райский сад-
цветник сгорит.

Принарядилась, хороша, краса моя прекрасная —
Знать, кровь мою пролить спеша, она оделась в красное!

Не знаю, с кем в лукавстве злом вином она потешилась,
А раскраснелась вся челом, как будто солнце ясное.

Нет, не волшебен, а жесток взор ее, томно-сладостный —
Ее на горе создал бог себе рукою властною.

Она зашпилит пряди кос красивыми заколками —
Блеснет красой волна волос, с ее красой согласная.

На прахе, о Машраб, твоём возрастут цветы багряные —
То пламенным горит огнем твоя душа несчастная.

Отшельник, не стыди меня, что лик мой, как ожог, горит, —
Так по ночам в пылу огня несчастный мотылек горит.

В твоих нарциссовых очах кровавая таится казнь,
А на рубиновых устах, как кровь, багряный сок горит.

Да, все отшельники подряд — и те в огне любви горят,
И каждый, кто огнем объят, хоть от огня далек, горит.

Машраб, и ночью ты и днем изнемогаешь от любви:
Кого разлука жжет огнем, тот, даже одинок, горит.

Лейли подобен облик твой — так ты красива, говорят,
А я — Меджнун, что за тобой бредет пугливо, говорят.

Я головы не подниму, стенаю у твоих дверей, —
Как ни стенаю — ни к чему вся страсть порыва, говорят.

Я у врачей искал удач: «Возможно ль исцеленье мук?»
«Не лечат, — отвечал мне врач, — такое диво, говорят!»

Скажи мне, где Меджнун, Лейли, ответь мне, где Фархад,
Они прошли и отошли, — все в мире лживо, говорят.
Ширин?

Пыль со следов собак твоих Машраб прижал к своим
очам —
Прах этот — мазь для глаз людских, — все так правдиво
говорят!

Что мне сетар, когда со мной беседу поведет танбур?
Распутает в душе больной мне все узлы тенет танбур.

Когда гнетет меня недуг от суесловия врагов,
В печалях самый лучший друг, мне слух струной проймет
танбур.

Нет, пустодумы не поймут нетленной ценности его,
А мне дарует вечный суд — весть всеблагих высот танбур,

Когда, узрев любимый лик, я вновь томлюсь в плену
разлук,
Игрою струн в единый миг всю грудь мне рассечет танбур.

Как и красы любимой вид, он душу радует мою,
Мне огненной струной звенит про образ дивный тот танбур.

Пронзает, жаром пламеня, насквозь сердца влюбленных
он:
Единой искрою огня все сердце мне прожжет танбур.

И так твой разум отняла, Машраб, жестокая твоя,
А тут еще всю грудь дотла сжигает в свой черед танбур!

Надела неземной наряд красотка розотелая —
И сник, смущением объят, печальный, оробело я.

Как кипарис — твой стройный стан, а лик твой солнцем
светится,
Ты — кипарис мой и тюльпан, ты вся — жасминно-белая.

Не знаю, как пройти я смог: язвят ресницы стрелами,
Прошел — и с головы до ног изранился об стрелы я.

И сад Ирама — гулистан, поверь, совсем не нужен мне:
По всей груди — соцветья ран, словно тюльпаны зрелые.

Тебе, увы, меня не жаль, твой меч сечет мне голову,
Машраб, гнетет тебя печаль, тебе твой саван делая.

О моем безумстве слава всем понятней всякой были,
И теперь Меджнуна, право, в целом мире позабыли!

Так в любви не истомятся никогда Фархад с
Меджнуном —
Нет, вовеки не сравнятся им со мной в любовном пыле!

Ты теперь других изрядно стрелами ресниц терзаешь —
Я-то знаю, сколь нещадно стрелы душу мне язвили!

Что ни миг — то тяжело станет сердцу от камней печали,
И людская зависть ранит — что сравнится с ней по силе!

Хмель любви Машрабу раной лег на страждущее тело —
Как никто, от страсти пьяный среди всех людей не ты ли?

В саду красоты средь кущей ты блещешь красою стана,
И горлица сердца пуше стенает и стонет рьяно.

Глаза — как палач, суровы, ресницы твои — кинжалы,
Уста — как рубин, пунцовы, цветут, как бутон, румяно.

Ханжа, ты меня не сманишь, не знаешь ты муку сердца,—
Ты в душу едва заглянешь, все сердце — сплошная рана.

И если, тобой терзаем, я в рай без тебя попал бы,
То разве была б мне раем вся в море огня поляна!

И что мне весь мир в разлуке, дурманом меня томящей,
Нет, лучше смертные муки, чем гибнуть в плену дурмана

Машраб жил надеждой страстной, а видел в любви лишь
муки
И если умрет несчастный — как жаль, что он умер рано

Не подует ветер сладко — розы цвет румян не будет.
Без любви и куропатка петь среди полян не будет.

Соловей в весенних кущах, не пленен прекрасной розой
Не поет в кустах цветущих — он от страсти пьян не будет

Лишь любовью опаленный пожелтеет ясным ликом,—
Не сожжен огнем, влюбленный рдеть от крови ран не будет

Взором жгуче-животворным, лунным ликом не согретый
Камень, прежде бывший черным, как рубин, багрян не
будет.

Лик твой — словно светоч вешний среди тьмы кудрей
душистых
Без тебя мне мрак крошечный светом осиян не будет.

«Лунный лик без покрывала,— я молил,— яви во
мраке». —
«А без туч,— она сказала,— перл любви слиян не будет».

«Не тверди мне то и дело о страданиях разлуки,—
Не поправший дух и тело страстью обуян не будет».

Я сказал ей: «Мое горе до смерти меня сжигает —
Как же исцелиться хвори, если лекарь ждан не будет?».

Ни к чему, Машраб, кручина, хоть ты и разорван в клочья
Зерна битого рубина портить тот изъян не будет!

Огня моих невзгод и мук ни друг, ни брат не стерпят,
А если застенаю вдруг — и супостат не стерпит.

Когда хоть тенью упадет моя печаль на небо,
Взгремит гроза — сам небосвод моих утрат не стерпит.

Когда суть тайн моих сполна поведаю я небу,
Клянусь — ни солнце, ни луна весь этот ад не стерпят.

Когда, не в силах мук стерпеть, влюбленные застонут,
Сам проповедник и мечеть дотла сгорят, не стерпят.

Поведать, в чем моя страда, какая гложет мука, —
Вселенная и в день Суда такой разлад не стерпит.

А проповедь читать бы стал я пред людьми в мечети —
Сгорели б все — велик и мал, и стар и млад, — не стерпят.

Усладен слог в стихах твоих, Машраб, — ответ твой
ладен. —
Сам Музаффар сей ладный стих, тоской объят, не стерпит.

Нет, солнца твоего чела никто лучей не стерпит,
И даже сама вера — зла твоих очей не стерпит.

Восславлю строем звучных слов твои уста-рубины —
И ни один диван стихов таких речей не стерпит.

А озорным лукавством глаз блеснет лишь чаровница,
Глупец и умный глянут раз — и взор ничей не стерпит.

А если в райский сад войдет она с такой красою,
То и светящий гладью вод родник-ручей не стерпит.

А жребий, что меня постиг, и в самой малой доле
Никто из всех земных владык и богачей не стерпит.

Падет лишь капля слез моих в глубины океана —
И лучший перл пучин морских ее лучей не стерпит...

Как много в сердце тайн и боли — все написать о том
нельзя,
Сказ о любви и горькой доле поведать и стихом нельзя.

Где розы — там шипы и жала, где ремесло — там труд и
пот,—
С любимой хочешь быть — сначала терпи, а напролом —
нельзя!

Меня волнение смутило, едва лишь я узрел твой лик,
Но в небе ухватить светило, как руку ни взметнем, нельзя.

Во мне, смирению послушном, твои ресницы — жала
стрел,—
Сказать о горе тем бездушным, кто с горем незнаком,
нельзя.

Но ты заветного чертога, Машраб, достичь так и не смог:
Хоть сотню лет томись убого — увы, войти в тот дом
нельзя!

Ты ангел, или человек, иль гурия — понять нельзя,
Но милостей твоих и нег утратить благодать нельзя.

О, ты немилосердно зла, ты беспощадна, но, увы,
От блеска твоего чела мне сердце оторвать нельзя.

Узрел я солнце — образ твой, и, восхищенный, онемел,
Но с неба солнце взять рукой, увы, как сил ни трать,
нельзя.

Твой лик — как роза в каплях рос, а я — как соловей
шалльной,
И соловья от рдяных роз, поверь, вовек прогнать нельзя.
Когда душа в любви хмельна, Машраб, не спи беспечным
сном,
Но вот беда, друзья: от сна очнуться, как ни ладь, нельзя!

Кто пошел стезей любви, тому смирным быть, покорным —
нестерпимо,
С четками поклоны бить ему в рвении притворном —
нестерпимо.

Кто дождался благодатных встреч с дивною владычицею
сердца,
Изнемог он, ему душу влечь к радостям зазорным —
нестерпимо.

Кто по отрешенному пути ревностно идет вослед Адхаму,
Для того, блаженствуя, идти по дорогам торным —
нестерпимо.

Если благовонный воздух нег обвеваает сломленного
страстью,
Никнет он, ему влачить свой век в бытии тлетворном —
нестерпимо.

О святоша, ты хоть раз вдвоем побыл бы с красою
луноликой —
Стало бы тебе тогда в твоём ханжестве затворном
нестерпимо.

Знай: тому, кто ведал благодать страсти одержимого
Меджнуна,
Порицаниям тому внимать, грубым и упорным,
нестерпимо.

Для того, кто отрешенно пьет радостей любви хмельную
чашу,
Не нужны ни слава, ни почет, страсть к чинам
придворным — нестерпима.

Знай, о шах, тому, кто выбрал путь страсти, чуждой
суетных стремлений,
К славе и высокой власти лхнуть в рвении задорном —
нестерпимо.

Жаждай сердцем доброй красоты, о Машраб, в стремленье
непорочном:
Жаждущему сердцем чистоты — в этом мире черном
нестерпимо.

О своей любви скажу — вовек слушающий муки той не
стерпит,
И никто — ни зверь, ни человек, — в мире ни один живой
не стерпит.

Если я про боль моих утрат прочитаю проповедь в мечети,
Вся мечеть и люди все сгорят: кто и с умной головой —
не стерпит.

А зайду я в винный погребец и спрошу, рыдая, о
любимой —
Все сгорят — и праведный мудрец, и невежда чумовой, —
не стерпят.

Ежели среди нагорных гряд молнией блеснет Меджнун
безумный,
Вспыхнув, запылают рай и ад — этой вспышки грозовой не
стерпят.

О моей любви сложу я сказ — так и знайте, что случится
чудо:
Сам святой Коран смутится враз — моей муки горевой не
стерпит.

Рвенья моего взъярится конь, оседлаю я его и гикну —
Он помчится, словно бы огонь, — мой безумный крик и вой
не стерпит.

Оставлю Наманган и дом — кому есть дело до меня?
Умру я в городе чужом — кому есть дело до меня?

Я в мире хмель любви обрел, кипел я страстью, как котел,
Я этот бренный мир прошел, — кому есть дело до меня?

Любовь горька и тяжела: она, послав мне бремя зла,
Меня безумцем нарекла, — кому есть дело до меня?

И оставаться здесь невмочь, и нету сил уйти мне прочь,
И пыл любви не превозмочь — кому есть дело до меня?

Страдать ли здесь от жгучих ран, уйти ль обратно в
Наманган,
Пойти ль к пределам дальних стран, — кому есть дело до
меня?

Как горек этот дол, Машраб, не знают люди, как ты слаб,
Уйти отсюда, но куда б? — Кому есть дело до меня?

При жизни ли влюбленный любимую узрит
Иль будет, изможденный, разлукою убит?

Сжигаем ли гореньем он будет одинок
Иль соловьем весенним он розу истомит?

Усталым, изнемогшим в разлуке я томлюсь —
Моим очам поблекшим ты явишь ли свой вид?

Сказал я сердцу: «Встречи с любимую не жди!»
А сердце: «Что за речи! Кто ж нас разъединит!»

Мне, кравчий, сердце студит, налей — да стану пьян, —
Иначе кем же будет мой кубок сей налит?

Любимая, на части мне душу рвет любовь —
Придешь ли ты? От страсти стенаю я навзрыд.

Машраб, от века муки тебе даны судьбой —
О, кто ж, друзья, в разлуке мне выжить пособит?

Твоею жертвою я стану, лишь приоткрой свой дивный лик,
Жизнь хочешь взять — приму я рану, срази мечом в
единый миг.

Век Хызру дан был бесконечный водою чудо-родника,
Даруй мне благо жизни вечной — открой мне уст твоих
родник.

Твой лик и стан душой смущенной припомню — в сердце
хлынет кровь,
Моею кровью орошенный, воспрянет стан твой —
чаровник.

Два локона со станом юным — не образ ли твоей души?
В ней, «джимом» обрамлен и «нуном», «алиф» — твой
стройный стан возник.

Два полумесяца впервые восходят враз на небесах:
Два новолуния живые — вот двух бровей твоих тайник.

Когда о счастье я толкую, мне говорят: «Испей вина!»—
О, как бы я воскрес, ликуя, когда б хмель уст твоих постиг!

Вино я пью, от мук усталый, изранен стрелами разлук,—
Машраба словом ты пожалуй — беднейшего из горемык!

Скиталец, я огнем разлук лечусь — он жарче ада, право,
Но умереть, любя, от мук влюбленному — награда, право.

О, если бы твои уста хоть слово молвили страдальцу —
Вот лишь о чем моя мечта, и рая мне не надо, право.

Как моя доля тяжела — душа уж к горлу подступила,
Ты душу бы к себе взяла, она была бы рада, право.

От мук разлуки и обид, увы, я истекаю кровью,
И весь я кровью слез омыт, а в сердце — горечь яда,
право.

Будь ты судьей в день Суда, моя печаль — тебе свидетель:
Меня неволили беда и кар твоих засада, право.

Когда бы столь же горький дар достался праведным
святошам,
Их опалил бы страшный жар и вмиг сожгла б досада,
право.

Ханжи-святоши с давних пор, молясь, смиренно четки
нижут,
А их дела — стыд и позор, притворство — их отрада,
право.

И что мне рай, что Вавилон! В слезах бреду я по вселенной,
Иду к любимой, изможден, но это мне — услада, право.

Весь мир спалила ты дотла, вселенную сжигаешь жаром —
О, смилуйся! Мне, жертве зла, дождаться хоть бы взгляда,
право.

Машраб, ты хочешь, чист и благ, судилище мирское
встретить —
Перед жестокой — жертвой ляг, ведь ей чужда пощада,
право.

Отдать красавиц всей вселенной за твой единый взгляд
не жаль,
Презреть за взор твой вдохновенный всех мудрецов подряд
не жаль.

Едва ты глянешь дерзновенно, завесу от лица отняв,
Мне мотыльком сгореть мгновенно, влетев в огонь и чад,
не жаль.

Когда лукавишь ты со мною, давая мне фиал вина,
За то лукавство неземное мне чаши всех услад не жаль.

Когда ты даришь, словно кубок, мне хмель твоих рубинов-
уст,
Отдать за перлы твоих зубок бесценный перл я рад,—
не жаль.

О, если б ты ко мне могла бы прийти, блистая красотой,
Я отдал бы саму Каабу — мне никаких утрат не жаль.

Когда бы ты мне повелела всю жизнь мою тебе отдать,
Я пал бы пред тобою смело — мне жизнь отдать стократ
не жаль.

И если ты ресницам-стрелам пронзить мне душу повелишь,
Я грудью их приму, всем телом, и пусть меня пронзят,—
не жаль.

Когда выходишь ты в гордыне в наряде алом, я — убит,
Того, кто, как Меджнун в пустыне, от страсти бесноват,
не жаль.

Ты обещала мне свершенье моей мечты тебя узреть —
Даруй мне чашу единенья, уж раз тебе наград не жаль.

Когда бы хоть один твой локон Машрабу гребнем
расчесать,
За локон твой все дать бы смог он — ему любых отрад не
жаль.

Если я, горько плача ныне, изнемог — я того и стою,
 Если ворот я рву в кручине, сир-убог, — я того и стою,
 Если жалко влачусь в пустыне без дорог — я того и стою.
 Если слезы мои — как ливень, как поток, я того и стою,
 Если плачу я без любимой, одиноч, — я того и стою.

Нет, я в кушах мирского сада жить без мук не привык
 душою,
 Что ни день, был в плену разлада и печально я сник душою,
 Что такое радость, отрада, я не знал ни на миг душою.
 Если слезы мои — как ливень, как поток, я того и стою,
 Если плачу я без любимой, одиноч, — я того и стою.

Где друзья — разделить несчастья? Их, увы, сурово
 лишен я,
 Даже друга, что, полн участия, молвит мне хоть слово,
 лишен я.
 Словно сыч, я томлюсь в ненастье — бесприютен, крова
 лишен я.

Если слезы мои — как ливень, как поток, я того и стою,
 Если плачу я без любимой, одиноч, — я того и стою.

И вся плоть моя от мучений, словно най, стонет стоном,
 право,
 И подкрался ветер осенний к моим кушам зеленым, право,
 Песни мук моих все смиренней я пою кон за коном, право.
 Если слезы мои — как ливень, как поток, я того и стою,
 Если плачу я без любимой, одиноч, — я того и стою.

Попран людом, в тоске великой я влачусь по путям
 терновым,
 Неприкаянным горемыкой я гоняюсь за добрым словом,
 Задыхаюсь я в жажде дикой — словно рыба, достигнут
 ловом!

Если слезы мои — как ливень, как поток, — я того и стою,
 Если плачу я без любимой, одиноч, — я того и стою.

Как вскричу я от мук безмерных — смуту Судного дня
спалю я;
Всех — неверных и правоверных адским жаром огня
спалю я,
Моим сердцем, погрязшим в сквернах, и весь рай, пламеня,
спалю я.

Если слезы мои — как ливень, как поток, — я того и стою,
Если плачу я без любимой, одинок, — я того и стою.

Как Джейхун — моих слез лавина, и возможно ли что
иное?

Как Меджнун, я презрен безвинно, и возможно ли что
иное?

Безотраднa моя судьбина, и возможно ли что иное?
Если слезы мои — как ливень, как поток, — я того и стою,
Если плачу я без любимой, одинок, — я того и стою.

Я к пределу бед — они очи уж почти ослепили — близок,
Ливень слез моих все жесточе — он к потоку по силе
близок,
Сердце сломлено — нету мочи, я совсем уж к могиле
близок.

Если слезы мои — как ливень, как поток, — я того и стою,
Если плачу я без любимой, одинок, — я того и стою.

Я, Машраб, сдавлен мук горою — жребий бед и тревог мне
выпал,
Мучишь ты: лишь глаза открою — глядь, безжалостный
рок мне выпал,
Рать скорбей набежит порою — гнет, суров и жесток, мне
выпал.

Если слезы мои — как ливень, как поток, — я того и стою,
Если плачу я без любимой, одинок, — я того и стою.

На дивный лик твой пал мой взгляд — рабом я поневоле
стал,
Во тьме разлук, в плену утрат томиться я все боле стал,

Кудрей твоих арканом сжат, я пленником неволи стал,
И, страстью, как Мансур, объят, я жертвой смертной доли
стал,
Мечом твоим сражен стократ, я изнывать от боли стал.

По свитку красоты твоей я повесть чар твоих постиг,
И точки я увидел в ней — душистых родинок тайник,
И войско бед любви моей сразило плоть и душу вмиг,
И палачи твоих очей вострят ресницы вместо пик,
Твой стан красив, как райский сад, — рабом твоей я воли
стал.

Увидел я твой лунный лик, и всей душою рад я был,
Я пред тобой во прах поник, и мукой слез объят я был,
И разум я утратил вмиг, и в плен безумьем взят я был,
Весь — как Узра или Вамык, Ширин или Фархад я был, —
Я преданным, как их собрат, невиданный дотолле, стал.

И, проливая реки слез, в тоске отныне я рыдал,
И тайной муки я не снес — в лихой кручине я рыдал,
Вдали от уст, что краше роз, об их рубине я рыдал,
И, став Меджнуном, гол и бос, влачась в пустыне, я
рыдал —
От уст твоих, от их услад страдать я в диком доле стал.

От мук любви — мой горький стон, в тюльпанах ран горит
вся грудь,
Я стрелами ресниц пронзен, и сердцу муки не минуть,
Никто из смертных всех времен тебе не равен — о, ничуть,
Унижен я и сокрушен — о, сжался, милостивой будь —
Машраб тебя узреть бы рад, но пленником недоли стал.

Друг мой, ты скажи ей: пусть она, чтобы взор мой был
согрет, придет,
Пусть к рабу в лихие времена властелин, неся привет,
придет,

Как Меджнуном путь пройти мне свой — где брести мне
 прочь, я не пойму,—
В мое сердце, где лишь тьма одна, светом солнца пусть
 рассвет придет!

Я твердил ей: «Верная моя»,— а она мне не верна, увы,
Ею навсегда отвергнут я — невдомек мне, в чем вина, увы.
С теми, кто губил меня, гноя, дружит всей душой она, увы,
У меня ж от горького житья вся спина искривлена, увы,—
Глянуть, как судьба моя черна, пусть она — мой
 сердцевед — придет.

От нее, что, словно свет очей, мне красой мила, я отрешен,
От нее, что в дол души моей, как покой пришла, я отрешен.
От нее, что мне красой своей — словно сень светла, я
 отрешен,
От нее, что мучит все сильней, грудь мне жжет дотла, я
 отрешен,—
Только ею чаша глаз полна — пусть она, мой самоцвет,
 придет.

Кто ее не знает — говорят: «Ты себе другую отыщи,
Сердце не вверяй ей, в ней — лишь яд,— добрую, не злую
 отыщи,
Не найдешь — тогда ступай назад и страну иную
 отыщи,
Ту, с которой в сердце тишь и лад,— ты себе такую
 отыщи!»
«Пусть уж ослепит меня она, только пусть,— я дал
 ответ,— придет!»

Я в тот день, когда ей дал обет, честен был, всю душу в речь
 вложив.
Пусть она изменит мне, но нет — я не изменю, покуда жив.
В чуждый дол и за другой вослед не сманит меня ничей
 зазыв,
Судным днем пока не вспыхнет свет, верен слову, буду
 я правдив,—
Пусть казнит меня — моя вина,— хоть повадкой приверед
 придет.

Вот обет мой, и покуда я не паду, согбен,— не отступлю,
И пока не даст мне забытья замогильный плен — не
 отступлю,

И пока из мира бытия не паду я в тлен — не отступлю,
И пока цела глава моя от камней измен — не отступлю,—
Небо глыбой — девять сфер сполна — пусть само на мой
хребет придет.

Как же я, и сир и одинок, отыщу заветный тот порог,—
Разве я тому, кто зол-жесток, тайну сердца рассказать
бы смог!
Локона ухватишь завиток, а руки не сжать,— какой в том
прок!
Нет, тому, кто от любви далек, не внушить, где правый путь
пролег,
Пусть она, хотя и неверна, но ко мне проложит след —
придет.

Искандеру был подобен я, а теперь я сокрушен, увы,
Сердце, словно скопище гнилья, мухи жрут со всех сторон,
увы,
Тяжко будет честному, друзья, если он зайдет в притон,
увы,
Как была могуча власть моя, а теперь я полонен, увы,—
Пусть же будет ноша не трудна — исцелитель моих бед
придет.

Гнет любимой, сплетни злых людей — вся душа от них —
сплошной ожог,
Если бы из рая чудодей гурией ко мне сойти бы смог —
Встретив его в хижине моей, пал бы я к земле у его ног,
Я светильник из своих очей сделал бы и перед ним зажег —
Об Исе я думаю без сна — от него мне жизни свет придет.

Но, увы, сей мир тех, кто красив, превратить в неверных
норовит,
Всех, хоть долей горя наделив, потопить он в сквернах
норовит,
Всех он умертвить, кто еще жив, в бедствиях безмерных
норовит,
Он сравнять с землею, придавив, всех нелицемерных
норовит,
Но, хоть голова и сожжена, а пора желанных лет придет!

О, доколе я, бедняк, буду гибнуть от невзгод?
Ты чужда, и в сердце мрак, за бедой беда идет,
С горем рок меня сопряг, и печалей тяжек гнет —
Это рока вещий знак иль небес круговорот?
Я умру, и чадный стяг вздох мой надо мной взметнет.

За тобою по следам, страстью сломлен, я бреду,
За тебя я жизнь отдам — глянь же на мою страду,
Страсть к тебе — мой стыд и срам, где же я покой найду?
Горький путь Меджнуна прям — средь пустынь терпеть
беду,
За тебя и к смерти шаг — для влюбленного не в счет.

Рок, увы, нас не сведет, я душою изможден,
В страшной жажде высох рот, день и ночь я истомлен,
Вот уже не первый год я от мук утратил сон —
Неужели не дойдет до тебя мой плач и стон?
Я молю, чтоб не иссяк добрый дар твоих щедрот.

Разве без забот и бед достигают счастья встреч?
Не родится жемчуг, нет, если дождь не будет течь.
Нужен мотылькам не свет, а огонь палящих свеч.
Звучный стих не будет спет, если вяло льется речь, —
Яд разлук — мой злейший враг, а свидания — что мед.

Страстью я к тебе объят, за тобой в тоске бреду,
За тобой следит мой взгляд — глядя в даль, я вдаль иду,
Я смятен, в душе — разлад, бормочу я, как в бреду,
Кривизну души крушат лишь мечом любви — я жду!
Все, что живо, — как-никак рок в небытие сведет!

Райским ликом расцвела ты, — как весна, ты воссияла,
Ах, с тобою — супостаты, мне же от тебя — опала,
Стрелы кар твоих крылаты — сердце кровью рдеет ало.
Сколько мук мне принесла ты, томноокая, — немало,
Рвался я к тебе, но зла ты: встретил я шипы и жала.

Нет у сил терпеть укоры, по свету бродить пойду я,
Обойду все доли-горы, выплачу мою страду я.
Весь сгорел я, силы хворы, в бездну горя упаду я,
Нет терпению опоры — как снесу твою вражду я?
Бедствий вдоволь мне дала ты — не одно, а доотвала.

День и ночь в мечтах и в речи ты одна — моя отрада,
А тебе любезны встречи с чуждыми — ты их услада,
Смерть моя уж недалече, ты живи, мне жить не надо,
Кончен век мой человеческий, ты моей кончине рада —
Где стоят твои палаты, виселиц сто тысяч встало.

Жемчуг ты таишь прекрасный — держишь ты его сокрыто,
Ты — не человек, мне ясно, род твой — ангельская свита.
Я тобой отторгнут властно, и любовь тобой забыта,
И не глянешь ты, бесстрастна, ждешь других, ты — им
защита,

Меня горем угнула ты, а кого себе избрала?

Пожалей же, так негоже, сердцу раны нанесла ты,
Словно роза, ты пригожа, я пленен тобой, но зла ты.
Если я умру — ну что же, не терпеть тебе расплаты.
Жив я, рухну ли на ложе — так ко мне и не пришла ты,
Муки смертью мне чреваты, ты дружна с другими стала.

На прогулки ты ходила, брови луками взводила,
Камни мечешь ты — уныло, словно пес, бреду я хило,
Тьмой меня ты окружила, а другим ты — как светило.
Все во мне тебе не мило, льнешь к другим всей страстью
пыла,—

С чуждыми стократ мила ты,— что ж меня не чтишь
нимало?

Средь веселых пиршеств страсти рдяный хмель ты льешь
потоком,

Мне ты шлешь одни напасти,— о, за что презрен я роком?
Не у жизни я во власти, а в могильном рве глубоком,—
Разруби меня на части, не помилуй ненароком —
От тебя мне — лишь утраты, а других ты привечала!

Долго вил себе тенета в косах я твоих покорно,
А счастливой неохота рассыпать привадой зерна,
О других твоя забота, а моя судьба позорна.
Мне, Машраб, не любо что-то зло терпеть, да и зазорно —
Что ж меня во грех ввела ты, а дружна была сначала!

Муки двух миров я превозмог, но напрасно все: она нейдет.
Сгорбился я станом, стал убог, но она все неверна —
нейдет, —
Та, которой сладость слов дана, хоть и ждал добра я, не
пришла.

О друзья, огонь в душе моей — от ее несправедливых слов,
И во мне игра ее очей веру сокрушила до основ.
Истомился в клетке соловей — ворон заклевать его готов.
Видно, ложь была любезна ей — не пришла на мой
предсмертный зов, —
Ту, чья суть волшебных чар полна, ждал я, умирая, —
не пришла.

Плача, я пришел к ней на порог, а она на помощь не
пришла,
Не спросила: «Бедный мой дружок, как, мол, твоя доля —
тяжела?»
А была пора — недолгий срок, когда знал я доброту
тепла.
А потом — вот горький мне урок — что ни миг, была
строга и зла.
Камню она твердостью равна: муча, мной играя, не
пришла.

Вот пришла, красуясь и дразня, чтобы меня, горестного,
сжечь,
Силы тают день и ото дня — видно, мне дано костями
полечь,
Сеть она плетет вокруг меня — норовит в силок кудрей
завлечь,
Горемыку бедного кляня, точит она гибельный свой
меч,
Зла она была и неверна: зло меня карая, не пришла.

Если я не буду пощажен, мне моя лачуга бед на что?
Суший с Ибрагимовых времен мне весь этот дряхлый свет
на что?
Рай, что весь красою озарен и теплом ручьев согрет, на
что?
Семь небес — весь горний небосклон, выси звезд и ход
планет — на что?
Слова не сказав, ждал допоздна, ждал и до утра я — не
пришла.

Все себя отчаяньем сожгут, дымный стон мой в день Суда
узрев,
Удивится весь вселенский люд, сколько от меня вреда,
узрев.
Своды мира черными падут, сколь тяжка моя беда, узрев,
Вынесла б она не грозный суд, сколь моя душа худа,
узрев,—
Смерть мне от разлуки суждена: ждал все вечера я — не
пришла.

Все во мне пылает — остуди, утешеньем моих бед приди,
Все, что хочешь, сделай — не щади, сердце ты мое, мой
свет, приди,
За тобой все шахи позади ходят робко след во след,—
приди.
Жарко кровь бурлит в моей груди — ты ко мне, мой
самоцвет, приди.
Как зеркало, ты, мой дух до дна в глубь очей вбирая, не
пришла.

Ты сказал Машрабу, о аскет: «Приходи-ка поскорей в
мечеть!
Сядь в михрабе,— дал ты мне совет,— духом будешь
праведен и впредь!»
Но его словам не внял я, нет, и решил смолчать и
потерпеть.
Что это за диво! Долю бед утвердить в мечети — и не
меть!—
Как аскет молясь, не знал я сна, молча в даль взирая,—
не пришла.

Злобный рок! Лишь муки и тревоги слал мне небосклон
из-за тебя,
Сирый, нищий, обивал пороги я со всех сторон из-за тебя.
День и ночь на скорбной я дороге — радостей лишен из-за
тебя.
Нерушимо все, лишь я, убогий, я лишь сокрушен из-за
тебя,
Где бы ни был, я молю подмоги, горестный мой стон —
из-за тебя.

Я от той, что мне дороже ока, — от моей любимой отлучен,
От моей опоры волей рока я, судьбой гонимый, отлучен.
От моей желанной я жестоко, как душа хранимой, отлучен.
Нерушимо все, лишь я, убогий, я лишь сокрушен из-за
тебя,
Где бы ни был, я молю подмоги, горестный мой стон —
из-за тебя.

В куцах я — как соловей бездомный, и гнезда родного я
лишен,
Словно сыч, в печали неумной бесприютен, кровя я лишен.
Где приют мне? Где мой кров укромный? Друга дорогого
я лишен.
Нерушимо все, лишь я, убогий, я лишь сокрушен из-за
тебя,
Где бы ни был, я молю подмоги, горестный мой стон —
из-за тебя.

Пусть же будет из людей живущих не лишен сердечных сил
никто,
Да не будет страждущих и ждущих, да не тратит зря свой
пыл никто,
Да не будет во вселенских куцах чужд всем людям и
постыл никто!
Нерушимо все, лишь я, убогий, я лишь сокрушен из-за
тебя,
Где бы ни был, я молю подмоги, горестный мой стон —
из-за тебя.

Неужели же меня, о боже, ты с моим светилом не сведешь?
Неужель с моей звездой пригожей быть счастливым —
это вздор и ложь?
Научи меня, господь, поостроже, чтобы путь Машраба был
пригож.
Нерушимо все, лишь я, убогий, я лишь сокрушен из-за
тебя,
Где бы ни был, я молю подмоги, горестный мой стон —
из-за тебя.

У лишенных родни и крова о напастях судьбы спросите,
У согбленных от зла лихого о напастях судьбы спросите,
Кто сто бед стерпел — у такого о напастях судьбы
спросите,

У того, чья доля сурова, о напастях судьбы спросите,
У меня, чья стезя тернова, о напастях судьбы спросите.

Я бреду, одиноко маясь, — тех, кто мне бы помог, лишен я,
Без наставника я скитаюсь — и путей и дорог лишен я,
Черной долей моей терзаясь, всех друзей, одинок, лишен я,
Соловей я, а роз чурюсь — крыльев-перьев, убог,
лишен я —

У меня, чья участь бедова, о напастях судьбы спросите.

С той поры, как на свет рожден я, ничего, кроме бед, не
знал я,

В этом мире всего лишен я, добрых дней с малых лет не
знал я,

Потонул в топи злых времен я, радость есть или нет —
не знал я,

Злобой горя насмерть сражен я, а добра и примет не
знал я —

Бедняка, от невзгод больного, о напастях судьбы спросите.

Так и жил я, не зная счастья и не ведая, в чем отрада,
За напастью сносил напасть я, и горел я в огне разлада,
Не дождется бедняк участия — нет, увы, кому это надо?
Ведал муки кровавой власть я, даже пища мне горше
яда. —

У сгоревших от рока злого о напастях судьбы спросите.

Только те, кто, как я, несчастны, о моей злой неволе знают,
Только те, что в беде безгласны, о моей горькой доле знают,
Только те, что мукам подвластны, о моей страшной боли
знают —

Это только добрый, прекрасный, знавший гнет злой недоли,
знает.

У заблудших и ждущих зова о напастях судьбы спросите.

И как будто бы Феникс-птица из сплошного огня выходит,
Стон мой жаркий в устах дымится и огнем из меня
выходит,
Лишь начну я в стенаньях биться — смута Судного дня
выходит:
Все страдальцы — не счесть их лица — в состраданье
стена, выходят.
У горящих огнем пунцово о напастях судьбы спросите.

Было время ко мне суровым: что такое покой, не знал я,
Не обласканный добрым словом, доброты никакой не
знал я,
Даже счета ранам багровым, насмерть сломлен тоской, не
знал я,
И к кому бы припасть мне с зовом в суматохе людской,
не знал я —
Тех, чьи раны горят багрово, о напастях судьбы спросите.

От печалей совсем продрог я, и в груди моей — ни
кровинки,
Слабым телом во прах полег я, от костей — лишь одни
пылинки,
Словно тлен — с головы до ног я, заматают мой след
снежинки,
Плоть огнем моих бедствий сжег я, стал слабее малой
былинки,—
Тех, кому тлеть от мук не ново, о напастях судьбы спросите.

О Машраб, вся темна округа — поглотила меня пучина,
Трудный путь мой закручен туго — в этом бедствий моих
причина.
Что ни миг, я в плену испуга, что ни час, сердце жжет
кручина,
Как ни кличу доброго друга — даже нет о нем и помина —
У не знавших доброго слова о напастях судьбы спросите.

Стенаю я, грушу, как соловей,
 Слагаю повесть о любви своей,—
 И сердце полнит радость все сильней.
 Придет ли срок, друзья, мне быть с любимой?

Моих печалей море бьет волной,
 Рыдает от любви мой стон больной,
 Любимая проходит стороной —
 Придет ли срок, друзья, мне быть с любимой?

Забрали меня в плен войска разлук,—
 О, истерзай меня мечами мук!
 Стенаю я, смертелен мой недуг —
 Придет ли срок, друзья, мне быть с любимой?

Огонь твоих измен сжигает грудь,
 Пролег до сердца слез кровавых путь,
 Машрабу-горемыке не уснуть —
 Придет ли срок, друзья, мне быть с любимой?

Томлюсь я, с любимой моей разлучен,
 Горю я, горя, любовью сожжен,
 Расплавит и камни мой огненный стон —
 О ветер, любимой привет передай.

В разлуке с любимой я стал одержим,
 Безумец, я стал всему миру чужим,
 Друг бедствий, я вихрем несчастий кружим —
 О ветер, любимой привет передай.

С тобой разлучен в моей горькой судьбе,
Слезами кровавыми плачу в мольбе,
Клянусь, я умру, истомясь по тебе, —
О ветер, любимой привет передай.

Грущу я от милой моей вдалеке,
Меч бедствий обрек меня гибнуть в тоске.
Душа унеслась, птица сердца — в силке,
О ветер, любимой привет передай.

Моей чернобровой письмо я пишу,
Потоками слез я письмо орошу,
Каменьями бед я себя сокрушу —
О ветер, любимой привет передай.

На камне я высеку муку мою,
Оставлю сей дол, реки слез изолью,
Предел ты кладешь моему бытию —
О ветер, любимой привет передай.

О, где обрести мне мой светоч любви?
От мук и страданий все сердце в крови,
Молю, лунолика, свет мне яви —
О ветер, любимой привет передай.

Лохмотьями стал мой убогий наряд,
Испил я до дна моих горестей яд,
Хмелен я от бед моей доли утрат —
О ветер, любимой привет передай.

Любимую мне повидать бы хоть раз —
Красу неземную ее черных глаз,
И слов моих горечь — об этом рассказ,
О ветер, любимой привет передай.

Брожу, неприкаянный, я день и ночь,
Бездомной собакою жить мне невмочь.
Не видеть ее мне — я, сир, бреду прочь.
О ветер, любимой привет передай.

Любовью терзаясь, стенает Машраб,
Сжигаем страданьем, измучен и слаб,
Он — слез своих горьких отверженный раб.
О ветер, любимой привет передай.

Томно приоткрыв свой лик, взором повела не ты ли?
 Жаром страсти в тот же миг жизнь мою зажгла не ты ли?
 В кудри — в темный их тайник скрыла свет чела не ты ли?
 Чтоб был верен, жала пик в очи мне впила не ты ли?
 Ливень стрел меня настиг — мечешь стрелы зла не ты ли?
 Раньше прочих горемык смерть мне принесла не ты ли?

Пряди твоих черных кос дышат благовоньем пряным,
 Соловьи — в плену у роз: льнут к устам твоим румяным,
 Чаша уст, что чище рос,— хмель соперникам-смутьянам,
 Соловей твой перлы слез льет, увы, ручьем багряным,
 Раб твой кар твоих не снес — нет покоя его ранам,
 Спутан роком, я поник — вязь того узла — не ты ли?

Радость мне была дана — пил я хмель с тобой, бывало,
 Хмелем страсти и вина тебе очи охмеляло,
 Цвел твой лик в те времена от вина, что светит ало,
 И с надеждой дотемна мотыльком душа порхала,
 Градом бедствий сражена, вдруг душа поникла вяло —
 Пламень в душу мне проник — жгла ее дотла не ты ли?

О краса моя, пригож облик твой в одежде алой,
 Хоть прекрасна ты, а все ж взором глаз хоть раз пожалуй,
 Грозным шахом ты слывешь, но молю: не мучь опалой!
 Брови ты сурьмишь — ну что ж: им покорен я, усталый,
 Рдяный лик твой так хорош, а на нем — ресницы-жала —
 Ты — владыка всех владык, красотой светла не ты ли?

Пьешь вино ты, весела, словно роза вешних кушей,
 Многим мертвым жизнь дала песней ты, усладу льющей.
 А взлетит твоя стрела — рухнет каждый, тебя ждущий,
 Всех жестоких превзошла дерзостью ты, смерть несущей,
 Твоим жертвам нет числа: раб твой — каждый в мире
 суший,
 Всех красой затмишь ты вмиг: как луна, бела не ты ли?

Дай же мне глоток вина — уст твоих хмельного сока,
 Прежде, милости полна, ты не ведала зарока!

Знать бы, в чем моя вина,— погляди хоть краем ока.
Всюду ночь темным-темна,— так измучен я жестоко,
О, за что мне казнь дана — в жажде гибнуть одиноко?—
О, скажи — господь велик!— лживым словом зла не
ты ли?

Взором злых своих очей мучишь ты меня сурово,
Шах — владыка палачей: лишь прикажет — казнь готова.
Пьешь ты хмель во тьме ночей, днем же кровь ты льешь
бедово,
Сонмы жертв — не от мечей: убивает твое слово!
Звучом сладостных речей жизнь верни Машрабу снова —
Ты — Иса, живой родник, мне же смерть несла не ты ли?

МУСАББА

Ты в садах красы нетленной — вешней радости цветов,
Ты — вовеки несравненный свежей прелести росток,
Твои родинки — напасти, смута — черных кос клубок,—
Камнепад лихих несчастий надо мною так жесток!
Дивная! В твоей я власти, образ твой красой высок.
Ты красива, словно диво, ты — судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо — мне ни горя, ни тревог.

Блещет родинка сурьяно возле уст наедине,
Губят душу, глядя пьяно, очи в томной пелене.
То не рать ли Индустана в Сулеймановой стране?
Не зерно ли то тимьяна в нежной ямке, в глубине?
Не Юсуф ли бездыханно гаснет в кладезе на дне?
Ты красива, словно диво, ты — судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо — мне ни горя, ни тревог.

Роза, мой цветок румяный, тонкостанный мой тюльпан,
Кипарис мой сребростанный, взор тебе истомный дан.
В странах красоты желанной ты — властительный султан.
О, приди — я, бездыханный, пред тобой паду, заклан,
Силы, для терпенья данной, в сердце нет от мук и ран.
Ты красива, словно диво, ты — судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо — мне ни горя, ни тревог.

На твоём прекрасном лице — высшей тайны письма,
Волей высшего владыки красота им придана.

Подойди же к горемыке — хоть враждебна, хоть дружна!
Райским пальмам животворным ты подобна — так
стройна,

И в кудрях — в венце их черном ты прекрасна, как луна.
Ты красива, словно диво, ты — судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо — мне ни горя, ни тревог.

Дивная, тебе подвластным — томно-страстным нет числа,
О челе твоём прекрасном ходит слава-похвала.

Розы вчесаны высоко в косы около чела,
Словно бы десница рока тебя к свадьбе прибрала,
Ты, — лишь глянут издалека — рай забудут, так мила.
Ты красива, словно диво, ты — судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо — мне ни горя, ни тревог.

Ты пройдёшь, косясь лукаво и величие храня, —
Я совсем сгораю, право, — позабыла ты меня.
Поросль на устах — курчава, чуть черна и чуть синя.
Глянешь ты — тебе забава, у меня ж в душе — грызня,
Брови-сабли — что расправа, лик твой жжет сильней огня.
Ты красива, словно диво, ты — судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо — мне ни горя, ни тревог.

За твой дивный взор все люди — все подряд — готовы
пасть,
Даже все степные лани за твой взгляд готовы пасть,
Все за локон твой единый, говорят, готовы пасть,
За наряд, тобой надетый, Рум, Багдад готовы пасть,
И смятеньем пред тобою я объят, готовый пасть, —
Ты красива, словно диво, ты — судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо — мне ни горя, ни тревог.

Ты меня осиротила, я стенаю каждый миг,
За тобой брожу уныло много лет я, нищ и дик.
Стан твой вспомню — в муке пыла плачу стоном горемык,
Я умру, мне жизнь постыла, от твоих я кар поник,
А в тебе — краса и сила: ты — владыка всех владык.
Ты красива, словно диво, ты — судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо — мне ни горя, ни тревог.

Твои локоны кудрятся, лунный лик кольцом обвив,
Суждено и мне вплестаться нитью жизни в их извив.

Тучей стрел ресницы мчатся, не удержишь их порыв.
Любо косам извиваться, кольца в сети превратив,—
Ну да что мне их бояться: ведь Машраб и сам строптив.
Ты красива, словно диво, ты — судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо — мне ни горя, ни тревог.

Мунис

МУНИС ХОРЕЗМИ (1778—1829) — поэт, историк и государственный деятель. Газели и другие сочинения Муниса свидетельствуют о его незаурядном поэтическом даровании. Он — один из первых поэтов, затронувших в своих произведениях просветительскую тематику, которая позже займет решающее место в узбекской поэзии рубежа XIX и XX вв.

Газели Муниса отличаются большой мелодичностью и яркой образностью, смело расширяющей набор традиционных образных построений газели. В этом плане интересны газели на с. 322. В первой из них очень выразительно сравнение тюльпана, колышимого ветром, с пиалой, вращаемой руками фокусника-цыгана. Во второй газели имеется образ, явно тяготеющий к более поздней поэтике (ср.: «Стережет голубую Русь Старый клен на одной ноге»)

Был несравненный Низами жрецом пути святого мне,
Муж, равный Хызру, сам Джами — заветных дум основа
мне.

Восторгом чародей Хосров прожег мне душу до основ,
И сластнее вечных слов — его звучало слово мне.

И Ансари сладчайший слог меня к усладной речи влек:
Речь его, как медвяный сок, в уста текла медово мне.

Хафиз — ширазский соловей помог мне мудростью своей,
И были высших тайн мудрей заветы мудрослова мне.

Мне каждый миг дарил Аттар дыханье благовонных чар,
И был тот благовонный дар хмельней вина хмельного мне.

Был дух Фирдоуси со мной, и расцветал я, как весной,
Стих Хакани из неземной страны был вестью зова мне.

И, светом Анвари согрет, впитал душой я его свет,
И Саади был много лет возвестником благого мне.

Мне преподавшим страсти пыл сам Ираки смиренный был:
Дух, что мужей любви томил, стал вятен с полуслова мне.

И по Бедилю я постиг, как должен быть богат язык,
И мысль его я чтить привык: была в ней твердость крова
мне.

Когда мне не давалась речь, я думал: «Мысли не перечь,
Дух Навои стремись привлечь!» — и помощь была снова
мне.

Мунис, не диво, если ты стиху дал прелесть красоты:
Сокрыт ли, явен смысл мечты, дух Кирами — основа мне.

В благие времена давно любимо было слово,
Теперь, гонимо, презрено, звучит уныло слово.

Поэт, где силы ты найдешь? В чем сердцу утешенье?
Невежд бессовестная ложь, увы, разбила слово.

Не говори, что с давних пор покрыто слово славой,—
Без помощи и без опор иссякла сила слова.

И пусть, поэт, ты озарен защитою достойных,
Но без подмоги от времен, увы, бескрыло слово.

И, если ищешь ты тепло, не жди наград за речи —
Не золотым дождем текло, а градом било слово.

И стих и проза — невпопад, хоть и стократ достойны:
Тебя унижат и презрят: врагу не мило слово.

И, если слово трудно так, а словолюб в опале,
Как выразит Мунис-бедняк то, что вместило слово?

Кто власть имеет и почет — тех венценосцами зовут,
И терпит их жестокий гнет нуждающийся в хлебе люд.

И те, кто властен и богат, над ними грозный суд вершат,
Несчастны жертвы их стократ — удары их нещадно бьют.

Поборы, казни и грабеж, и притеснения и ложь
Неволят их, и невтерпеж сносить им своенравья суд.

Те, кто и знающ и умен, притеснены со всех сторон,
Невежд жестоких чтит закон, в почете все они живут.

Кто и ничтожен и спесив, те правят, силу утвердив,
А кто правдив и справедлив — над теми гнет всевластья
крут.

Приедут люди торговать с бесценною поклажей — глядь:
С них больше, чем сама их кладь, поборы-пошлины берут.

Кто чист душой, кто сердцем свят — в презрении свой век
владчат,
А знатен, славен и богат — кто сердцем зол и нравом лют.

И хоть стеной ты соловьем, но пользы нет нимало в том,
А кто с искусством не знаком, на нем венец — что изумруд.

Оттуда, где гнет силы злой, бегут несчастные долой —
Прочь голуби летят стрелой, когда их коршуны клюют.

Какой же прок от шаха есть, где воины, забывши честь,
Во все ремесла станут лезть? Уж тут не обойтись без смут.

И пусть, о сердце, не горит зазря свеча твоих обид:
Где к свету людям путь закрыт, там бесполезен всякий
труд.

Мунис, за шаха помолись: видна его деяний высь,
Дано и бедным вознестись, когда живет с надеждой люд.

О шейх, не делай ты из нас жертв жадности своей —
довольно,
И злобных стрел своих запас метать ты в нас не смей —
довольно.

Влюбленным твоя злая речь — погибель для души, отрава,
Давно пора ее пресечь — не мучай их, злодей, — довольно.

Ты лицемерить, лгать готов, твое смирение притворно,
А ханака — священный кров, не притворяйся в ней —
довольно.

И ведает весь честный люд, что ты и грешник и обманщик,
И людям лгать — напрасный труд: притворных слез не
лей — довольно.

Ты злато-серебро гребешь и для того глупцов морочишь,
Ты имя бога не тревожь напрасно средь людей —
довольно.

И знай: ни мудрых, ни благих тебе не обмануть вовеки,
Не лги так сладостно: ты их не сделаешь глупей,—
довольно.

И со скотом нельзя равнять негодников, тебе
подвластных,—
Еду и хлеб на них не трать, их при себе не грей — довольно.

И как же людям не презреть тебя за все твои проделки!
В свою заманивать их сеть не вздумай, лиходей,—
довольно.

Я не пойду к тебе, не жди, и просьб к тебе я не имею —
Ты на Муниса не гляди, умильно не глазей — довольно!

О, как унижен добрый люд в теперешние времена,
Все, кого мудрыми зовут, судьба печальная дана.

Кто скажет хоть единый слог не к месту, в неугодный срок,
Всю жизнь его разрушит рок — до основания, сполна.

У бедняков дела худы: нет ни питья им, ни еды,
Везде над ними гнет нужды, и вся их жизнь сокрушена.

Восславлен и любой ценой возвышен злобный и дурной,
И славой, словно бы стеной, вся жизнь невежд защищена.

Тот, чьи деяния — порок, почтен и славою высок,
Обласкан с головы до ног: судьба его красным-красна.

Имущий власть теснит народ, богатый куш себе берет,
И терпят люди тяжкий гнет — над ними власть меча
сильна.

В степи безумья я бреду, от всех далек и одинок,
И разум мой, словно в бреду, от муки сердца изнемог.

Тебе враги со всех сторон наветы шепчут на меня,
Невзгод моих горючий стон меня на бедствия обрек.

И в теле кровь уж не течет, в нем все застыло, кроме мук,
Увы, десницею невзгод себя я крепко сжал в комок.

Скиталец горького пути вовек участия не найдет,
И друга мне не обрести, который сердцу бы помог.

Стань Хызром мне, подай совет, как мне найти чертог
любви,—
В пустыне мук моих и бед влачусь я, жалок и убог.

Но уши крепко я зажму, чтобы не слышать лишних слов,—
Ведь мне, советчик, ни к чему ни твой совет, ни твой упрек.

И в том, Мунис, твоя вина, что слову шейха ты внимал,—
Дай, виночерпий, мне вина — лекарство от моих тревог.

О небо, что ж так много ты приносишь горя и утрат?
Шипы твоей недоброты людей страданьями язвят.

К достойным людям гнев твой крут, они поклажу мук
несут,
А раны тех, кто нагл и лют, исцелены тобой стократ.

Едва узришь ты, что вкусил хоть кто-то радостей и сил,
И он тебе уже не мил: ему ты в чашу сыплешь яд.

Ты злобен к честным и прямым, всю ношу бед даруешь им,
Ты гнешь их, завистью томим, чтоб каждый стал, как ты,
горбат.

Тебе в утеху — злой недуг страдальцев, их стенаний звук,
И ты же топишь в бездне мук всех, кому дан был хмель
услад.

Увы, камнями невзгод твоя десница верных бьет,
Всю верность твой жестокий гнет крушить до основанья
рад.

Не ночь темнеет — это чад стенаний тех, кто мукой смят,
Не день светлеет — это ад, где жаром молнии горят.

Я стал безумен, и с тех пор мой кров и дом — пустыня.
Куда ни глянет скорбный взор, везде кругом — пустыня.

Где дол любви лежит вокруг, я — не поток ли буйный?
Со всех сторон — пустыня мук, весь оком — пустыня.

Моих кровавых слез разлив взрастил повсюду розы,—
Взгляни, как этот дол красив: цветет огнем пустыня.

Ты выйдешь — и стезе твоей глаза влюбленных светят:
Горит и ярче и светлей, чем город днем, пустыня.

Везде — потоп и ураган от слез, пролитых мною,—
Бушует море-океан, и в море том — пустыня.

О, не невольте силой зла влюбленного безумца:
Меджнуну горькому была всегда жильем пустыня.

Мунис, и сир и одинок, ступил в долину бедствий —
И, смерчем завихрив песок, метнула гром пустыня.

Едва лишь ты вымолвишь ладное слово —
В устах твоих сладко усладное слово.

Твой лик — лукобровый, ты — месяц мой новый,
Ты — солнце мое, ты — отрадное слово.

Не грех, если горе тебе я открою, —
Кому ж и сказать мне досадное слово!

Клевещут враги на меня иступленно —
Не слушай их: лживо злорадное слово.

О, будь осторожна и взвесь свой речи:
Больнее камней беспощадное слово.

Не следует явное смешивать с тайным:
Обманчиво смыслом нарядное слово.

Людское злословие ранит и студит —
Согрей, если сможешь, прохладное слово!

Мунис, перлы слов преврати в самоцветы —
Прекрасно, о боже, лишь складное слово.

От мук любви — печаль одна, покоя нет как нет мне,
И каждый миг, увы, дана иная доля бед мне.

Забыт тобою, умер я невольником разлуки,
Увы, погибла жизнь моя — любовь была во вред мне.

Вестей жду, не смыкая глаз, — пал ниц я на дороге —
О, кто бы от нее хоть раз принес в письме привет мне!

Не диво, что в стране любви я — признанный владыка:
Там все — подвластные мои, и все глядят вослед мне.

Мучиться с тобой в разлуке — эта доля тяжела мне,
Пожалей меня за муки — выпало немало зла мне.

Где еще такой же верный на пути любви найдется?
Ты в любви моей безмерной лишь страданья принесла мне.

Горы горя и печали, как Фархад, крушу я стойко,
Но разрушу их едва ли: не найти, увы, кайла мне.

Я ращу побеги страсти под золой моих страданий —
Даже и среди напастей стала жизнь моя светла мне.

Хитрый шейх, тебе не друг я и твоим повадкам лисьим:
Хоть и маюсь в дебрях мук я, силу льва любовь дала мне.

Как же в муке одинокой мне собрать все силы сердца?
Сокрушили камни рока душу хрупкую дотла мне.

О краса, ты всех желанней, пощади, молю, Муниса —
Участь горя и страданий душу болью извела мне.

То лунолика так мило в полночный мрак сиянье льет
Иль это всадником светило попало горний небосвод?

И ей не царственный шатер ли дарует благостную сень?
Не благодать свою простер ли над нею Хумаюн с высот?

Как будто «нуны» ее брови, над ними черточки встают,*
Едва лишь поглядит суровой и бровью в гневе поведет.

Как роза — ее лик пригожий, а стройный стан — как
кипарис,—
Скажи, на кипарисе кто же узрел бы розу или плод?

Я, слабый, сирый, одинокий, влеком лавиной моих слез,—
Плыву в стремительном потоке — былинка среди бурных
вод.

Себя я мукой страсти рушу, к отраве губительной привык —
За этот опиум всю душу отдать приходит мне черед.

Своей одеждой златотканной, о муж богатый, не кичись,
Не презирай того, кто рваный, влачится на стезе невзгод.

Не льстись ни серебром, ни золотом, ни кладами богатств,
Мунис,
Каруна вместе с его кладом, увы, печальный жребий ждет.

То не среди ли бурных вод моя любимая в челне,
Звезда ль на месяце плывет, как будто в лодке по волне?

Да где бывал такой недуг: в едином сгустке — сонмы бед!
Боль сердца — сотни тысяч мук — вот за любовь отплата
мне!

И то не райских роз ли куст с росинками на лепестках?
Нет, то — рубины твоих уст, багряно-влажные в вине.

Не родинки ли то тайник над бровью? Или это рок
Здесь точку мускуса на лик поставил с «нуном» наравне?

В смятенье вся душа моя и стройным станом пленена —
Как горлица, стенаю я над кипарисом в вышине.

Несправедливость, гнет разлук, измены, кары, сердца
боль —
О, сколько разных бед и мук в моей печальной стороне!

Ниспослан дар в поддержку сил страдальцу горестной
любви:
Под доброй сенью птичьих крыл бредет Меджнун наедине.

Бредет Меджнун в лихую тьму среди безжизненных
пустынь,
А там уж вырыта ему могила в мрачной глубине.

Сколь часто золотой наряд блестит на подлеце, Мунис,
Надень свой нищенский халат и будь доволен им вполне.

Не ветром ли склонен тюльпан, промчавшимся стрелой,
Иль это фокусник-цыган играет пиалой?

То — гиацинтовых стеблей на розу пала тень
Иль на челе твоём — кудрей волнующийся слой?

Твой лик увидел ли я вдруг в сплошном кольце кудрей
Иль это блещет лунный круг, обвитый черной мглой?

О лике я грущу твоём, но роза — вся в шипах,
И стонет сердце соловьём о радости былой.

Как вешний сад, твой лик цветущ, а твой игривый взор
Мелькает среди вешних кущ газелью удалой.

О том, как ты весной цветешь, вовек мне не сказать,
Все лепестки заполнив сплошь стихами с похвалой.

Мунис с тобой быть рядом рад, но льет он реки слез —
Как будто бьющий розы град летит из тучи злой.

Прислужником в тиши садов твоему стану стал самшит:
Всегда тебе служить готов, он на одной ноге стоит!

И когти мук мой лик язвят, когда я от тебя далек,
Хотя всегда привычней сад для цвета розовых ланит.

Летит стремглав на пламя бед объятый страстью мотылек,
Как будто он увидел свет, что на челе твоём горит.

Лишь солнцу ты равна челом, с тобою — сонм влюбленных
звезд,
На них, толпящихся кругом, сиянием твой свет разлит.

Я в путях горестных времен, увы, твоих не вижу кос —
Разлукой дух мой изнурен, а боль разлуки — разве стыд?

Куда ни гляну, всюду след скитальцев тягостной судьбы,
Нигде людей на свете нет, не ведающих зла обид.

И ни Меджнун, и ни Фархад мой прах не смогут отыскать,
И скорбный путь моих утрат, увы, от всех людей сокрыт.

И, словно донный жемчуг чист, в морях любви я потонул —
Не говорите, что Мунис на чуждом берегу стоит.

О, брось хотя бы только раз мне милостивый взгляд,
В смертельной муке я угас, дай мне целебный яд.

Укрась сей пир печальный мой блистающим челом,
А без него мой жребий тьмой и чернотой чреват.

Я страстью жил, мой друг, поверь, когда бывал с тобой,
Что ж ты враждебна так теперь, как будто супостат?

Готов пылинкой я лететь на свет твоих лучей,
К чему, ты только мне ответь, меж нами злой разлад?

От стонов огненных давно все сердце извелось —
Распалось на куски оно, разбитое стократ.

С тобой в разлуке сонмы бед и горе я терплю,
Тем бедам и предела нет, а горю нет преград.

О если б ты пришла, спеша боль сердца исцелить,—
Мунис, как и его душа, весь на куски разъят.

Я много тайн души открыл перед любимую мою,
Да только мой напрасен пыл: я — жадный нищий перед
нею.

Какой же милости мне ждать, когда соперники в почете?
Забыв я, сколько сил ни тратить — на что надеяться я смею?

Ей, грозноокой, нипочем страданья сломленного сердца —
Как жертва перед палачом, увы, покорен я злодею.

Ищу нежнейшие из слов и лепечу их боязливо,
Потом, от страха бестолков, я их и вспомнить-то робею.

Почетно мне стеречь твой путь, влачась к заветному
порогу,
Унижен, не сравнюсь ничуть я и с собакою твоею.

Я в миг стократ терплю напасть ее погибельных мучений,
Но мертвым перед нею пасть ужель хоть раз я не сумею!

У почестей петля туга — о люди, не взыскайте чести,
Мунису бедность дорога: все почести — ничто пред нею.

Как попугаю молвить слово перед моею сладкогласной:
Сравнится ль с той, чья речь медова, он — сладкоречный,
но бесстрастный!

Кто осиян красой живою, тот мечен знаком поклоненья:
Склонились робко все главою пред нею — как тюльпан,
прекрасной.

И солнечной красой своею она всех пери посрамила:
Им красоваться перед нею, увы, совсем небезопасно!

Не зря деревья все уныло стоят в воде, как бы в оковах:
Все кипарисы посрамила она своей осанкой властной.

Будь у моей крови багряной и сладкий вкус, а все без
толку:

Что для красы ее медвяной страдалец, в немощи
несчастный!

Моря и недра! Вам не нужно отныне перлов и рубинов:
Что пред красой ее жемчужной блестящий перл и камень
красный!

Что ж ты, святоша, без причины стоишь
коленопреклоненный?

Клонись в поклоне, как кувшины, пред тем, кто хмель
дарует страстный.

Мунис, красива, но сурова твоя любимая — терпи же,
Не говори пред ней ни слова ты о судьбе своей злосчастной.

Она — свет солнца, косы тенью влекутся за спиной —
вослед,

И мчусь я в вихревом круженье пылинкою шальной вослед.

Когда наездницей лихою она коня направит вскачь,
За нею всюду — люд толпою, как пыль, встает стеной
вослед.

И любо ей, неправовой, меня губить, но сердце — с ней,
Ложится в прах в тоске безмерной оно за ней одной вослед.

Я — пленник бед, гнетущих люто, за мной спешит сто
тысяч мук,

И ни за кем такая смута не мчится, как за мной, вослед.

Ее кудрям привычно виться, волной спадая до земли,
И тенью пыль за ней клубится — кружится прах земной
вослед.

Когда бегу я прочь смятенным, с камнями толпа детей
Бежит за мною, посрамленным, гурьбою озорной вослед.

Влюблен, Мунис в пустыне горя пролил потоки горьких
слез —
За ним повсюду плещет море бурлящею волной вослед.

Пройдьясь истомно, ум и разум ты сразу отняла совсем,
Весь мир ты ввергла в смуту разом — сожгла его дотла
совсем.

Мне мук послала ты неволю, сокрыв сверкающий свой лик,
Повергла в черную недолю меня ночная мгла совсем.

Увы, не дал мне исцеленья свиданья сладостный шербет,
Ты даришь мне одни мученья — разлукой извела совсем.

На серебро твоего стана я злато жизни променял,
Не обошлось тут без обмана — мне мена не мила совсем.

Кинжал твоей жестокой власти влюбленным даровал
покой —
Страна любви к тебе и страсти отныне расцвела совсем.

Всем верным любо быть с наградой — даруй им пиршество
любви,
Достойных милостью порадуй, чтоб им не ведать зла
совсем.

Помилуй же, молю пощады, меня в недоле не оставь,
Налей мне чашу лишь услады — и жизнь не тяжела
совсем.

Душа, как птица, бьется в путах — в узле немилости твоей,
Спаси ее от тягот лютых — распутай вязь узла совсем.

Ты — шах в величии прекрасном: красуясь, ты живешь
весь век,
И что тебе дружить с подвластным, чья жизнь иной была
совсем!

Мунис, униженный страданьем, смиренно лег на твой
порог,—
О, удостой меня вниманьем — чужда мне похвала совсем.

Высокой дружбы есть закон, и любят пыл бесед друзья,
Но злой круговорот времен приносит только вред, друзья.

Враждебны рока остря, нет ни на миг от них житья,
И ни минуты забытья не ведают от бед друзья.

Чти добрый лад любви земной: всю жизнь отдай любой
ценой,
Когда такой, а не иной ждут за добро ответ друзья.

Все любят блага бытия, тех, у кого есть дом, семья,
А есть ли у таких, как я — кто дружбой не согрет, —
друзья?

Я так убог и одинок, что в путь собравшись — в даль
дорог,
Я спутников найти не смог — нейдут за мной вослед
друзья!

Куда мне проложить следы — чьи ныне души не худы?
Враги мне дарят пыл вражды, а ссоры и навет — друзья.

И, чтобы жил ты не скорбя, враждой державу не губя,
Да будут, шах, вокруг тебя мужи благих примет —
друзья.

И тем, чья доброта — как мед, даруй усладу и почет,
Чтобы, как пчелы к меду сот, слетались на совет друзья.

Лишь среди роз, среди полян напев души, Мунис,
медвян, —
Что ж ее, сникшую от ран, томить так много лет, друзья!

Она завесой покрывал сокрыла лик свой жгучий-жгучий,
И дымный стон мой сразу стал зловеще-черной тучей-
тучей.

И сколько я смиренных слов пред ней ни вымолвил
покорно —
Ответом был на каждый зов укор колючий-преколючий.

И знай: милее дива нет, когда, верна, ко мне идешь ты —
Спешит за моим сердцем вслед твой шаг бегучий-
пребегучий.

О, почему ж — о том мой крик — меня посланьем не
почтишь ты?
Мои ж посланья — толще книг, молю: не мучай же, не
мучай.

Мой жаркий стон сквозь дым и чад огнем вздымается на
небо —
Так в небе молнии блестят чредой гремучею-гремучей.

Уж раз не умер я, любя, и грешен тем перед тобою —
Прости, да наградит тебя твой рок везучий-превезучий.

Я хмелен от моих невзгод, и нет от горя мне спасенья —
Меня, о кравчий, лишь спасет твой хмель тягучий-
претягучий.

Мольба Муниса горяча: «За что меня казнишь ты люто?»
Но зол ответ ее меча на стон горючий-прегорючий.

И я, весь кровью слез горя, разлукою с тобой измучен,
Вокруг зардели все моря, все доли и края кроваво.

И сколько роком ни дано, Мунис, мне благ и благодатей,
Увы, я мучусь все равно, не зная забытья, кроваво.

Красен сад лишь тобою — ты, как роза, красива,
Соловей твой с мольбою песнь заводит тоскливо.

При взошедшем светиле спят летучие мыши —
Пери очи закрыли пред тобой — вот, мол, диво!

Словно ветер весенний, залети ненароком, —
От печали осенней розы вянут пугливо.

Взор твой — жизни залог мне: мой недуг исцелил он,
А ведь врач не помог мне, хоть лечил терпеливо!

Будь и небо подвластно твоему повелению,
Не прельщайся напрасно: сущность чар его лжива.

Посмотри на светило: в нем и слабость и сила —
То заходит уныло, то встает горделиво.

Разве это похвально — ты с соперником вместе,
А Мунис твой печальный — мукам страсти пожива!

Любимая палит меня в огне любви, в пылу невзгод,
Сжигая тело, жар огня и плоть мою и кости жжет.

Все мое сердце в путях мук — дрожит в витках ее кудрей,
Не так ли бегают паук, плетя узлы своих теней?

Зря черной родинки тайник к рубинам уст ее приник, —
Будь моя воля — я бы вмиг слизнул ее, как сладкий мед.

Взгляни, сей злобный мир каков: своим кривым круго-
вращеньем
Он холит и шадит врагов, друзей шадить ему не мило.
Твои уста обрести смогли дар возвращать дыханье
мертвым —
Не потому ли, взяв с земли, Ису высь неба приютила?
Слагая стих, наполни речь, Мунис, огнем твоих страданий,
Чтобы могло влюбленных жечь твоих горячих мук
горнило.

Устам твоим, дивно румяным, родник благодатный — не
ровня,
Тебе с твоим трепетным станом самшит самый статный —
не ровня.

Хитайские лани известны своим благовонием пряным,
А все же твоей столь чудесной косе ароматной — не ровня.

Не диво, что в скорби великой заходит дневное светило,—
Твоей красоте луноликой его свет закатный — не ровня.

Хоть яблоко нежною кожей и прелестью свежей красиво,
Оно твоей милой, пригожей красе столь приятной — не
ровня.

Прославились сладкою речью и горлицы и попугай,
А все ж твоему сладкоречью их лепет невнятный — не
ровня.

И сад моей милой, прелестной, поверь мне, отшельник,
прекрасен:
Ему даже дивно чудесный весь рай необъятный — не
ровня.

Вовеки, Мунис, с твоей милой Лейли и Ширин не
равняться,
И сказ о любви их унылой сей речи занятой — не ровня.

Та озорница на коне мечом грозила мне злорадно
И, с гневом обратясь ко мне, меня сразила беспощадно.

Она в жестокости тверда и в непреклонности сурова:
И не посмотрит никогда, не истерзав меня изрядно.

Кудрями ее лик закрыт — бессменно длится ночь разлуки,
Мне свет свиданья не блестит, а ночь разлуки
беспроглядна.

Моя безумная печаль в дол отрешенья сердце гонит:
Тобою прогнанное в даль, оно от мук кричит надсадно.

В степях безумья все пути я обошел, неуловимый,—
Таких, как я, и не найти: увы, вся жизнь моя неладна.

И где мой Хызр, что даст хлебнуть глоток живой воды
свиданья?
Кто мне во тьме укажет путь, когда разлука безотрадна?

О, как тяжел похмелья чад, а ты суров, о виночерпий,
О, напои меня стократ — да будет мне вино усладно!

Залечит ли все язвы зла тот, кто над подданными властен?
Он несвершенные дела свершать желает кровожадно!

Всегда, Мунис, будь малым сыт, не жаждай золота
чужого —
Оно красы тебя лишит — весь лик твой изжелтит нещадно.

Она свой лик скрывала, прикинувшись стыдливой,
Сокрыв под покрывало свой облик горделивый.

И, видя, что со мною, меня не пожалела,—
Прикинулась больною, а все ж была гневливой.

Молил я: «Сделай милость, открой мне лик свой
дивный!»—

Как бы молясь, прикрылась, вдруг став благочестивой,

Я сам, как шах, владею достоинством немалым,
Но пал я перед нею, как будто нищий льстивый.

К обету безразлична, она меня презрела,—
Соперников привычно приветить ей, строптивой.

Меня недугом скуки сломил святоша трезвый,—
Подай фиал мне в руки — целебен хмель игривый.

Терпя свои мученья, умрешь ты от разлуки,—
Мунис, лови мгновенье, чтоб свидеться с красивой.

Приди, краса моя, луной предстань, чтобы светлее стало,
Рассей скорее мрак ночной, с чела откинув покрывало.

Да станет мне во тьме светло — твоих щедрот зажги
светило,
Яви, как солнце, мне чело — былинок бытия зеркало.

Живительны уста твои, они — родник нетленной жизни,
Меня, как Хызра, напои усладой уст, горящих ало.

К порогу верности готов я лечь — даруй мне это благо:
Хотя бы в свору твоих псов ты иногда меня пускала!

Одежды яркие надев, ты блещешь несравненным станом,
Ты даже среди райских дев красой бы славилась немало.

Молясь, михраб твоих бровей я чту, но это не зазорно:
О, сколько пленников скорбей к тебе с мольбою припадало!

Мне твоей милости даров, увы, не ждать в любви
напрасной:
Меч твоей мести так суров — стократ язвяще его жало!

Приди же в хижину мою — о, сжался, и тебе под ноги
Я слезы жемчугом пролью, — тебе богатой быть пристало.

Мунису посули успех и отличи среди влюбленных —
Всегда его любовь из всех тебя одну лишь отличала.

Краса сиянья в твоём лике — всю высь ты светом залила,
Луна и солнце — только блики в сиянье твоего чела.

Ты за свиданье беззаботно жизнь мою просишь у меня —
Сто жизней отдал бы охотно, а ты б и тысячу взяла!

Влюблен, я от любви сгораю — глотком свиданья оживи,
О, исцели, я умираю, разлукой сокрушен дотла.

Лишь зло в твоих очах опасных, они — источник бед и
смут,
Им вместо хмеля — кровь несчастных, влачащихся в
неволе зла.

Тебе дано красой светиться на недоступной высоте:
Свет солнца — твоих чар частица, которой лучик ты дала.

Пал, словно тень, я, горемыка, увидев свет твоей красы, —
Приподними завесу с лика — да станет ночь моя светла!

В страдании любви жестоком бушует слез моих потоп,
Все семь небес снесло потоком — волна их мигом унесла.

Учась любви, лелей терпенье и силу духа укрепи,—
Зачем мне забывать смиренье — мне горечь жалоб не
мила.

И что за диво, если дымом исходит огненный мой стон?
Терзаньем муча нестерпимым, ты мне все сердце обожгла.

Меджнуном ты бредешь с тоскою, Мунис, то плача, то
смеясь,
И нет мне ни на миг покоя — судьба скитальца тяжела.

Вина свиданий возжеленных налей мне — милость
возвести,
Возвысь меня среди влюбленных — дозволь мне счастье
обрести.

Как я ни тщился — все напрасно, я благ свиданья не
обрел,
Встреч с дивной пери ждал я страстно, но нет, увы, я не в
честь.

Унижен на твоём пороге я пал безжизненно во прах,
О, заступи мой прах убогий — лежу я на твоём пути.

И нет конца моим рыданиям, от мук разлуки мне невмочь,
Обрадуй же меня свиданьем — поток рыданий укроти.

Я в муках смертного предела тоскую по твоим устам,
Прошу, верни мне душу в тело — не дай мне смерть
перенести.

Не диво, что, покинув тело, к тебе летит моя душа —
Она от мук моих взлетела, не в силах биться взаперти.

Как себя страстью ни палю я, ты и не глянешь на меня —
Как ни прошу, как ни молю я, ты норовишь меня гнести.

Измучен болью нестерпимо, я смерти жду от твоих стрел,
А ты, увы, их мечешь мимо — ну хоть одну в меня пусти!

Как зверь, бежит в безумье рьяном Мунис, отверженный
тобой,—
Лови его своим арканом — ему страданий не снести!

Блеск красоты твоей сиял, и взор твой меня светом влек,
И, одержим, я виться стал вокруг тебя, как мотылек.

Когда весеннею порой стан среди кущ явился твой,
К тебе слетелся горлиц рой — их кипарис привлечь не
смог.

Я рухну — муки не снесу, я душу в жертву принесу,
Едва узрю твою красу хотя бы на недолгий срок.

Прийти к тебе на твой порог стремился я, как только мог,
Мечтою я всю душу сжег, но я, увы, тебе далек.

Все верные бегут гурьбой, во прахе ниц лежат с мольбой,
Когда твой конь, гоним тобой, летит, не ведая дорог.

Безумен, я в пустыне бед влачусь, влюбленный, много лет,
И, бормоча безумный бред, бреду я сир и одинок.

У твоего порога я, о сребростанная моя,
Лежу, не зная забытья,— чтоб умереть, во прах я лег.

Мунис — твой верный сумасброд, тебе хвалу он
вознесет,—
Пасть жертвою — благой исход: он сам себя на то обрек.

Ее глаза и брови вмиг казнить меня, увы, грозят,
Но уст .ее живой родник мне сладостнее всех услад.

Ее ресниц лихая рать все норовит меня карать,
Ей любо в прах меня попать: идут войска — за рядом
ряд.

Изранен весь, я ранам рад: за той, что краше всех отрад,
Душа и сердце уследят, сквозь раны бросив тайный взгляд.

Ах, весть к любимой не дошла, как моя мука тяжела —
Весь мир томится в путах зла, моею мукою объят.

Скорей бегите прочь, друзья, взбурлил потопа бедствий я,
Бушует слез моих струя, и мечут мои стоны град.

Не диво, что тот чудный лик я с солнцем сравнивать
привык; —
Чей взор ни глянет — в тот же миг лучи красоты глаза
слепят.

О, дай, наставник, мне вина: душа очиститься должна, —
Вчера, наверное спьяна, забрел в мечеть я невпопад.

Нет, не был путь любви прямым — не сладить человеку
с ним,
Сам Афлатун, тоской томим, был ею изумлен стократ.

Мунис, огонь любовный яр, и жжет тебя жестокий жар:
В душе вздувается пожар, когда везде огонь и чад.

Любимой люб мой жалкий дом — в него, как жизнь, она
пришла,
И тело вновь — с душой вдвоем: душа, ему верна, пришла.

Я жил во тьме со счастьем врозь, но солнцем вешний лик
блеснул,
И утро счастья занялось — заря из мрака сна пришла.

Она услышала мой зов, меня, безумца, пожалев, —
От всех соперников-врагов душой отрешена, пришла.

Увы, сады моих отрад опустошил осенний хлад,
Но вновь цветы везде горят — желанная весна пришла.

Мы свиделись — и все светло, и розой сердце расцвело,
А было сердцу тяжело: пора разлук, грустна, пришла.

Теперь опять мой взор палим красой пунцового чела,
А то уж кровь к очам моим, паля их докрасна, пришла.

То — солнце светит с высоты, мрак моей ночи озарив,
Иль это в блеске красоты ко мне сама луна пришла?

Мунис терпел разлуки тьму, повергшую его во прах,
Но вот владычица к нему в благие времена пришла.

Когда кудрей своих волну, на лик спустив, ты разметала,
Вмиг мое сердце, как в плену, в тенетах их затрепетало.

Приход твой — радость, благодать для сломленного мукой
сердца,—
О, не грозись уйти опять — мне тяжела твоя опала.

Злы луки выгнутых бровей, ресницы-стрелы в них
трепещут,
О чаровница, пожалей — кого убить ты возжелала?

Я сердце бедное не спас: его язвят ресницы-стрелы,
Ты грозным взором своих глаз востришь алмазные их
жала.

В пустыню бед ведет стезя безумное от муки сердце,
И, как ни тщись, узнать нельзя, в каких краях оно пропало.

Я телом высох весь от мук и до костей спален тоскою,
Но плоть, горя в огне разлук, потоки слез в себя впитала.

О кравчий, не моя вина, что от вина я рухнул наземь,
Безвинному налей вина: я встану, но упьюсь сначала.

Мунис себя жестоко бьет, уйти себе не позволяя,
Хоть его гонят от ворот и бьют, не пожалев нимало.

От яда мук моих лечась, я опиум любви растер,
Не в силах выпить даже часть, до дна я выпил весь
раствор.

Как в лихорадке, чуть дыша, в огне разлуки я горел,
Сгорели тело и душа, и стал недужен я и хвор.

Без уст твоих я — как в бреду, и нестерпима горечь мук,
Отчаявшись, я смерти жду: мне жизнь не радость, а позор.

Благой писец мои черты на свитке страсти начертал,
Он на скрижалях красоты нанес твоей красы узор.

Нет, то не зубок ровный тон: в оправе из рубинов-уст
На нити жизни укреплен жемчужин редкостный подбор.

Нет верных меж людей земных — их я, увы, не отыскал,
Хоть и немало жизней их видал мой истомленный взор.

Будь осторожен, небосвод, смотри — вокруг шумит потоп:
Мунис печально слезы льет средь бедственных пустынь
и гор.

Сам попугай умолкнет, нем, едва твое услышит слово,
А розы облетят совсем, лишь улыбнешься ты пунцово.

Ты — солнце в высях красоты, и все красавицы, как
звезды,
Незримы, если светишь ты сияньем блеска неземного.

Твой лик — сияние высот, само предвечное светило,
А блески звезд — как будто пот под сенью горнего
покрова.

Чалма святоши с давних пор вся в водянистых пятнах
зла —

Но это мужу ведь позор: к добру не приведет вода!

Тебе любезно, всех губя, приветить лишь одних дурных —
О, удержал бы стыд тебя: везде ль преграды рвет вода?

Мунис, ты жаждешь — жди добра, не прозябай на берегу:
Потоком милости, быстра, шумит благих щедрот вода.

Терпи любовь, как ни тяжка, без слез — без горевой воды,
Не жди из чудо-родника, как Искандер, живой воды.

Как славные мужи, всегда упорен будь и терпелив —
Жемчужина растет, тверда, из капли дождевой воды.

И непорочный человек не упасется от беды:
Живительны разливы рек, но часто страшен вой воды.

Лишь тот желанное найдет, кто странствовал, а не сидел:
Сколь горек вкус стоячих вод — затиненной травой воды.

Не возноси себя хвалой и пыла спеси не вздувай:
Всего лишь капля ты гнилой, отнюдь не ключевой воды.

Пусть слезы ведавших твой гнет, о шах, тебя не сокрушат:
Подмоет стены и снесет теченьем роковой воды!

Как твоя доля ни горька, ты, даже жаждой истомлен,
Не жди от подлых ни глотка — и это ты усвой — воды.

Не диво, что в стихах твоих, Мунис, не драгоценна суть:
Хоть и живителен твой стих, в нем много даровой воды!

Счастливым свет красы твоей лучами озарил всю высь,
Двум полумесяцам бровей на лице привелось сойтись.

Весь сонм красавиц искони гордится службою тебе:
Ты — повелитель их, они — твоею ратью нареклись.

И солнцу уж не рдеть светло и по небу не гнать коня,
Когда откроешь ты чело, чтоб на коне стремглав нестись.

Ханжа! Желанное дано в одном вине лишь обрести —
Ты свои четки на вино сменяй охотно, не скупись!

О весельчак, блаженства свет ты обретешь лишь в
погребке:
Мужам стези смиренья — нет — от века блага не дались!

Шах! Гордостью не будь томим, не льстись зерном своих
богатств,
Хотя бы зернышком одним ты с бедным человеком поделись!

И не стремись, Мунис, сойти с пути прямого никогда —
Кто тверд на праведном пути, тому дано лишь вознестись.

С тобой в разлуке, без вестей, в моей душе огонь и чад,
Горит все тело до костей — все кости до одной горят.

Тесним я с четырех сторон оравую невзгод и бед,
Как человек, что окружен враждебной стеной осад.

В стране любви — мой властный трон, боль и беда — мои
войска,
Мои знамена — вопль и стон, и мною стяг-огонь подъят.

Когда все сердце жжет от бед — от мук моей любви к тебе,
В нем искры высекут ли свет? Они чадят лишь и дымят.

Коварный взор твой надо мной неотвратимо меч занес,
Твоих ресниц жестокий строй в меня стреляет из засад.

В пустыне горестной любви скитаться сердцу моему:
Стреляй, охоться, излови, ведь эта дичь тебе — что клад.

И пусть, безумием сражен, я цепью горестей обвит,
Перегрызет мой горький стон любую цепь любых преград.

И если, шах, дано нестись тебе, как солнцу, в небесах,
Ты не гордись и не кичись: коню привычен путь назад.

Святоши рассказы плетут, чтоб ими оплести людей,—
Любой колдун пред ними худ, любой вещатель простоват!

Кто в отрешенье благ и тих, простой ячмень — его еда,
Не надо чаш ему златых, не надо пиршеств и услад.

Когда седеет голова, собирайся в мир небытия,
Знай: посеревшая листва вещает близкий листопад.

Уж если гонишь ты коня, чтобы Муниса погубить,
Держи поводья, вскачь гоня, пока он в плен не будет
взят!

Я — шах, войсками бед-невзгод надежно окружен я,
И стягом взвил на небосвод горячий, дымный стон я.

С любимую в пылу бесед соперники пируют,
И за порог — в долину бед навеки отрешен я.

Рассказа, сколь жесток мой плен, ничьи не стерпят уши —
Любимой прогнан и презрен, участия лишен я.

Лишь вспомню лукобровый лик, ресницы-стрелы милой
Стрелой взлетает стон мой вмиг и, словно лук, согбен я.

О сердце, сколько мук я снес, любуясь дивным станом,—
Тем кипарисом, что возрос в моем саду, пленен я.

Лежу я, жалкий и больной, от мук любви к тебе,
Не отличаю свет дневной от утреннего сна.

Не зря я стрелы стонов, нет, повсюду разметал —
Ведь у меня с войсками бед жестокая война.

Потоки горьких слез я лил, а боль не улеглась —
Гляди-ка, странно: ливень был, а пыль и не влажна.

О, не губил бы, шах, твой гнет красу весенних роз —
Осенним холодом дохнёт — мечь бедняков страшна.

Меджнун с Фархадом слезы льют, Муниса увидав:
Страдальца только те поймут, чья жизнь невзгод полна.

Уж если хочешь ты меня, безумного, скорей связать,
Сумей словить, в силок маня, и прядями кудрей связать.

Как чудо, речь твоя чиста, услада для влюбленных в ней,
Не норови закрыть уста — слова своих речей связать.

Влюбленным любо с давних пор глядеть на твой
прекрасный лик,
Не помышляй закрыть им взор — нельзя порыв ничей
связать.

В обитель бы твою не смог, святоша, я с тобой пойти,
Хоть ты б меня и поволок, сумев чалмой своей связать.

Кто вышел в даль больших дорог, того не удержать
вовек —
Стеблями не сумеет ног мне и степной репей связать.

Глава всех кравчих, ты мне дан для благ смиренья пред
тобой —
Ты напои меня и стан зуннаром мне сумей связать.

Когда б слова твои дошли, Мунис, к владычице твоей!
К ней голубя с письмом пошли, чтоб стих твой крепче с ней
связать!

Сердца влюбленных завлекли в свои извивы твои косы,
 Витками вьются до земли — вот как красивы твои косы!
 Вокруг чела они легли, о мое диво, твои косы.
 Твою красу уберегли не два ли дива — твои косы?
 Не клад ли — красоту Лейли хранят ревниво твои косы?

И скажет про тебя иной, увидев сонм сердец в неволе:
 «Когда коса с такой длиной, скажу по правде я — не боле,
 В ней завитков не счеть в одной, и если их не закололи,
 Они ложатся пеленой, вовек не виданной дотоле,
 И смогут весь твой стан обвить, кудрясь игриво, твои
 косы!»

Целитель мой, твой дивен лик — блестит в красе лучей
 твой облик,
 И жжет влюбленных горемык красою злых очей твой
 облик.
 Как восхвалить — я не постиг — хвалой каких речей
 твой облик?
 Как расцветающий цветник, горит все горячей твой облик,
 В нем рядом с розой — гиацинт, — так прихотливы твои
 косы.

Кто увидел тебя хоть раз, тому неведома пощада:
 От смерти он себя не спас, и гибель — вот его награда!
 Повсюду — жертвы твоих глаз, ты мукам их жестоким
 рада,
 И птице сердца — что ни час — готова родинок привада,
 Раскинула ты жертвам сеть для их зазыва — твои косы.

Едва лишь ветер пробежит по твоим косам — вихрь
 летучий, —
 Весь лик твой солнечный закрыт их пеленою — черной
 тучей.
 И как любви не знать обид под этой тьмою неминучей!
 И счастье тут уж не польстит, не порадеет рок везучий —
 Всех, с черной долей породнив, казнят гневливо твои косы.

Когда закрыл себе ты чести дверь,
Ты — узник унижения, поверь,
И перлов чести подлым не дари:
Утрадишь честь — не счастье твоих потерь.

Хоть и жемчужна речь твоя, пойми:
Не чтится многословие людьми.
Тот, кто умен, не знается с глупцом —
Себя беседой с глупым не срами.

ОБУЧЕНИЕ ГРАМОТЕ

Об учителе, обучавшем меня искусству письма

Мунис, ты перо, как велось искони,
С молитвою доброй в разбег разгони —

О том, кто сиял, как светило, скажи,
Чья слава звездою светила, скажи.

Он — муж высшей мудрости проникновенной —
Сама красота, благодать всей вселенной.

В свершеньях смиренный радетель творца,
Постиг он умом добродетель творца.

В познаниях он — муж небывалых высот,
В деяниях правды он всех превзойдет.

В науках достиг он вершин небывалых,
В свершениях блага — отличий немалых.

Светлее его в мире светоча нет,
Потух без него бы учения свет.

Во всем справедлив, он лишь с небом сравним,
Ковер благодати разостлан под ним.

В законности твердость его непреклонна,
В его непреклонности твердость законна.

Сей муж — Ибн Хаджиб — светоч знаний, и он
Достойно мужами ученья почтён.

Кто мог бы в познаниях его превзойти?
Саму эту мысль от себя отврати!

Искусство письма его благословенно,
А преданность делу вовек несравненна.

Краса его букв все собою затмит:
У линий и точек — изысканный вид.

Различному он обучает письму —
Семь почерков разных доступны ему.

И только ли это! Другие уменя —
Во власти благого его разуменья.

Отличья его выше всяких похвал,
Великий почет у людей он снискал.

Учась у него, стать счастливым я смог,
Стократ восхваляю я добрый мой рок.

Владенье письмом мне — господне даянье,
Высокий знак милости, благодаянья.

Пока на бумагу кладут письмена,
Пока нам бумага во благо дана,

Нетленно все то, что написано им, —
Да будет он вечною славой храним!

О каляме

Достойной хвалой возвеличить пора
Деянья и свойства каляма — пера.

Калямом вершатся благие дела,—
Ему не излишня любая хвала...

Глубокая мысль мудрецов хороша:
Калям — как «алиф» в буквах слова «душа».

Калям — это сладко поющий тростник:
Плодов его сладких обилен тайник.

В тех буквах, что нижезет он, сладостен сок,
Но смысл их бывает суров и жесток.

Шуршанье каляма — не сладкий ли зов
Ликующих в райских садах соловьев?

Калям — друг-помощник всесильных владык:
Любой из них силой каляма велик.

Ученым мужам он дарует почет,
Невежд и глупцов — в сеть печалей влечет.

На свете и лад и покой — от него,
Порядок всей жизни людской — от него.

Кто грамоте знать без каляма бы смог,
Без грамоты кто бы преданья сберег!..

О письме

Желанен и люб вот уже много лет
Влюбленным в науку учения свет.

И я, чтоб в искусстве письма преуспеть
И сведущим быть в его правилах впредь,

Стремился себе подчинить бег пера
И мучился тем, что рука не востра.

Уменье тогда еще мне не далось:
И вкривь мои буквы бежали и вкось.

И с ними никак я не мог совладать,
Не мог и с течением строк совладать.

Но я, как умел, одолел это зло,
И дело учения легче пошло.

Но ум мой томила мечта день и ночь —
Хотел я всю мудрость письма превозмочь.

Взыскующий знаний тогда лишь и рад,
Когда ему знания пользу дарят.

Мечталось мне, чтобы мои письмена
Красивыми стали, как в полночь луна.

Труда я упорного пояс надел —
Настроил себя на свершение дел.

Пера моего я пришпорил коня,
Его по раздольям бумаги гоня.

Спаси его, господи, от хромоты,
Его да спасешь от плутания ты!

Направь же его по благому пути,
Сподобь и к желанной стоянке прийти.

О письменности

Очинишь перо — и бегут письмена,
И вязь их узорами строчек красна.

Хранилище кладов словесных — письмо,
Вместилище мыслей чудесных — письмо.

Рожденное разумом, слов существо,
Не ставши записанным, будет мертво...

Постигший суть грамоты славен и чтим,
Влечет всех людей она к тайнам своим.

Всем люблю читать, и учиться письму,
И правила знать, что присущи ему.

Как амбра душистый, чернил вьется след,
Цвет букв — золотистый, как солнечный свет.

Как стяги, встают за алифом алиф,
А линии букв — вечной жизни извив.

И в каждой дуге полумесяц сокрыт,
И каждая точка, как жемчуг, блестит.

И каждая буква сверкающих строк
Своею красой озаряет листок.

И строк прямизна — кипарисам сродни:
Намного прямее самшитов они!

Такое письмо — ключ ко многим дарам,
И рай уготован искусным писцам.

Об орудиях письма и подготовке к письму

О ты, возжелавший учиться письму
И почерку беглость придать своему!

В желании тверд, все, что нужно, наладь —
Орудья письма тебе надобно знать.

Когда у тебя их ко времени нет,
Смятен и смущен, ты натерпишься бед.

Когда ж суетою ты дело начнешь,
С пустой болтовни — неумело — начнешь,

Не сладить тебе с начинаньем твоим —
Зазря пропадать всем стараньям твоим!

Вот что нужно знать, ты — пойми и усвой —
Совет для тебя заготовил я свой.

И я обо всем по порядку скажу —
Всех тайн и умений разгадку скажу.

Внемли с прилежаньем, внимателен будь,
Направь свои силы на правильный путь.

О ты, кто желает красиво писать,
Калям первым делом к писанью налады!

Да будет он чистым и так заострен,
Чтоб стал в острие тоньше волоса он.

И если, как надобно, тонок калям,
Он после очинки и гибок, и прям.

И должно, как надо, рассечь острие —
Тогда будет спорым писанье твое.

А если калям твой зачинен не так,
Не жди от писанья желаемых благ.

Калям не заточен — и делу беда:
Все строки ползут и туда и сюда.

А если и чистый и ладный калям,
Основа удачи отрадной — калям...

Камиль Хорезми

НИЯЗМУХАММАД КАМИЛЬ ХОРЕЗМИ (умер в 1899) — поэт и музыковед, служивший у Мухаммад-Рахим-хана II секретарем и правителем канцелярии. Камиль Хорезми — автор дивана стихов и переводов произведений персидско-таджикской литературы. Он известен также как изобретатель системы нот, называющейся «хорезмской», и собиратель узбекских классических мелодий. Кроме того, Камиль Хорезми был талантливым художником и каллиграфом.

ГАЗЕЛИ

Не новый месяц, о друзья, на небесах встает —
Смертельным жалом острия грозит нам небосвод!

Иной, как солнце, вознесен в зенит благих времен,
А лишь стемнеет — смотришь, он во прах глубин сойдет.

В ином бурлит любовь хмельна, да за глотком вина
Тоска разлуки суждена — страдать за годом год.

А от иного людям вред: нарушит мир-совет
И кругу дружеских бесед погибель принесет.

Да будь стократ на сердце мгла — представь, что даль
светла,
Твори добро — не будет зла и сменит тьму восход.

Любому гнет страданий дан, никто не жил без ран —
Мудрец, глупец, бедняк, султан — все знали боль невзгод.

Кто в мире — жалок, кто — высок, — всему не вечен срок:
Вносил на трон Юсуфа рок, гнал под тюремный свод.

Кто ждет от неба в милость благ — неумный он чудак,
А кто всю спесь в себе напяр — невежда и урод!

И что для неба твой упрек! Всему властитель — бог:
Ведь, как и ты, небесный рок велений свыше ждет.

Не вечен этот бранный свет: едва придет рассвет,
В молитве будет стих пропет: «Все гибнет в свой черед!»

Не мучь, о роза, соловья — не вечна жизнь твоя:
Застонет он, тоску тая, — тебя огнем сожжет.

Имей хоть золотой чертог — с людьми не будь жесток:
Каких владык на смерть обрек времен извечный ход!

Если небо злых не любит и к порочным не пристрастно,
Что ж оно достойных губит, подлых чествуя напрасно?

Благосклонен рок к бездумным и враждебен к
многодумным:
Будь, как Афлатун, разумным, а судьба твоя —
злосчастлива.

Окружен почетом-славой, вид имеет величавый
Тот, кто крив душой неправой, — лжет вседневно и
всечасно.

Не поддайся вражьим силам, будь суровым и не хилым:
Жир смывают только мылом, что само к жирам причастно.

Перлам душ не быть товаром, что развозят по базарам,—
Деньги копишь — всё задаром: над душой казна не
властна!

Будешь умным — и в помине нет в тебе тоски о чине:
Дьявол был из-за гордыни посрамлен творцом ужасно.

Тот не друг, кто в лести прыток, верить хитрецу — убыток:
Сколько от Шамуна пыток претерпел Юсуф безгласно!

Хочешь быть ты непричастным и к подвластным и к
всевластным —
Побратайся с хмелем красным, не гляди на хмель
бесстрастно.

Добрый отклик — вот основа, чтоб ценить правдивость
слова:
Сердце рассказать готово обо всем, чья суть прекрасна.

Все в мирском саду не вечно, и ничто не бесконечно:
Жизнь тюльпана быстротечна, а цветет он рдяно-красно.

О Камиль, лелей в мечтанье дар терпенья и молчанья —
Даже если слов сверканье блеску перлов сопричастно!

Трон наглости заняв, вершат свой суд невежды,
Хвастливо на весь мир в литавры бьют невежды.

Забрали сладкий куш, презрев людские беды,—
Не справедливость чтут, а ложь и блуд невежды.

Забыли правый путь, не следуют закону,
Дорогой подлых дел всегда идут невежды.

Смутьянам да ворам они — родня-опора:
Где грабить да урвать, подстроить смут — невежды!

Мешая мудрецам блюсти закон по правде,
Помогут всем подряд, кто вор и плут, невежды.

Им гнет и произвол в делах правленья любви,
А веру и закон не признают невежды.

Как жалобы решать — законы позабыты,
Лишь словеса плетут и там и тут невежды.

Дать волю им — беда: того и жди, создатель,
Что всю страну, весь край в муку сотрут невежды.

Не диво, что настиг нелегкий рок достойных:
На троне — власть вершить — нашли приют невежды!

Нелегкая пора пришла достойным —
Несут погибель стрелы зла достойным.

И сила и почет даны негодным —
Пора бесправья тяжела достойным.

Повсюду подлецы-льстецы расселись,
И нет ни одного угла достойным!

Друзья достойных — лишь калям да книга —
Нет друга, чья душа тепла, достойным.

А кто теперь оценит силу слова?
И ум не в прок судьба дала достойным!

Хоть и помогут людям добрым делом,
В ответ — укоры без числа достойным.

Судьба, излишне щедрая к негодным,
Дать вволю хлеба не смогла достойным.

Она не сок рубинового хмеля —
Кровавых слез приберегла достойным.

О сердце, тщетно не питай на честь людей надежды:
Для брэнной плоти щит и сень — души своей надежды.

А если людям не дано ни верности, ни дружбы,
На чуткость доблестных и то — нет, не лелей надежды.

Что дарит нам коварный мир? Печали и страданья,—
В пучине жизни перлов нет, не сыщешь в ней надежды.

Ни уцелеть, ни упасть от злобных козней рока:
В пустыне зла тайник добра искать — развей надежды!

Глаза любимой — что палач: не жди от них пощады!—
В безверье — правоверным вред, а вред — сильней
надежды.

Ресницы милых глаз — мечи, палач мольбам не внемлет:
Избит, изранен, а молчи,— не даст злодей надежды.

Вино страданий — не родня нектару благ заветных:
В краю, где нет живой воды,— не ждать вестей надежды.

К чему соперника молить о дружбе и подмоге?
От скраги милостыни ждать — питать не смей надежды.

Ты тщетно ищешь меж людьми и добрых и достойных,—
Камилю друг — лишь сень добра, и нет верней надежды!

Рубины дивных уст твоих — родник, поящий красотой,
Твой кипарисный стан влечет своей манящей красотой.

Рабыня стана твоего, попалась горлица в силок,
Не люб ей плен: она поет напев, щемящий красотой.

Твоя пленительная речь — как жемчуг из морских глубин,
Журчит усладный ее звук животворящей красотой.

Твоим смутительным речам дано безвинно всех казнить:
В них перлы слов — как будто град, сгубить грозящий
красотой.

Завесой вьющихся кудрей прикрито лунное чело,
А благовонье темных кос гнетет томящей красотой.

Жемчужных перлов ровный ряд скрывают створки сладких
уст,
Но горек слог их, словно соль, боль ран язвящий красотой.

Под стать светилу дивный лик, с небес ниспосланный, как
дар,
Подобна ночи тьма кудрей беду сулящей красотой.

Нарциссам черных глаз твоих дано истомою пленять,
Шербет медвяных уст твоих — нектар, пьянящий
красотой.

О, сколько жертв у чар твоих: Ширин, Лейли, Фархад,
Меджнун, —
Ты участь смерти им сулишь красу губящей красотой.

Душистый мускус твоих кос дарует розам аромат,
Твое румяное чело — цветник, горящий красотой.

И что за диво! Твой Камиль — всего лишь робкий ученик:
Обучен и проучен он твоей блестящей красотой!

МУХАММАС

Полюбив тебя, попался жалкой птахою в силок я,
За Лейли брожу Меджнуном — одержимый, изнемог я.
День и ночь в степях скитаюсь, мыкаюсь, сбиваясь с ног я,
Словно смерч, мечусь в пустыне без путей и без дорог я.
Будто маг-огнепоклонник, пылом страсти душу сжег я!

В мире нет тебе подобной — так же зло сердца гнетущей:
Люб тебе любой мой недруг, ласк твоих с надеждой
ждуший!
Не осталось в сердце силы, в тело жизнь вдохнуть
могущей,

Ты с соперником пируешь — пьешь вино с ним среди
кущей,—

Он вознесся головою, но унижен и убог я.

Ты чужим предстала розой, словно скрытой в повилику,—
Это — локонов завесу разметала ты по лику!

Соловьиной страстью взвитый, стал мой стон подобен
крику,

Но из сада роз душистых прогнала ты горемыку:

Ты с другими веселишься, но далек и одинок я!

Если лик твой надо мною светом солнца не взлучится,
Где ж душа моя и сердце станут, как пылинки, виться?

А когда любовь былую помянуть тебе случится —

Среди хмеля и веселья моей болью огорчиться,

Я об этом лишь услышу, знай: хмельным без хмеля слег я!

Вместе нежатся мой недруг и души моей услада,

Словно соловей и роза под зеленой сенью сада.

Мне в разлуке только муки — и отрада и награда!

Счастлив недруг мой с любимой, и она душою рада,

Мне ж, друзья,— печаль и горе: друг страданий и тревог я!

Не томи меня разлукой, не предай меня страданьям,

Не терзай ты мои очи безысходным ожиданьем!

Горемыку меж влюбленных ты не обдели вниманьем,

Не грози мне жалом гнева и Камиля ты не рань им,

Ну а плох или хорош я — все стерпеть себя обрек я!

РУБАИ

Когда служу — так я служу надежно:

Во всем мне доверять и верить можно.

Что ж от меня ты видела дурного:

Что ни скажу — ты все толкуешь ложно.

Фуркат

ЗАКИРДЖАН ХАЛМУХАММАД ФУРКАТ (1858—1909) — один из наиболее ярких представителей демократического направления новой узбекской поэзии, отмеченного рядом крупных имен. Отдавший дань традиционным формам лирики (газели, мухаммасы и др.), Фуркат создал значительное число произведений, отражавших передовые устремления узбекской интеллигенции — тягу к союзу с русской культурой в целях просвещения своего народа. Особой поэтичностью отличаются его мухаммасы и мусаддасы, среди которых необычен мусаддас «Трое нас, гуляк бездомных...», веселый и озорной. Фуркат — выдающийся мастер стиха, сумевший существенно расширить его тематические и формальные рамки.

Если розы весной нежит воля цветущего луга,
Если каждый в любви обретает любимого друга,

Если ранней весной снова плещут вино и веселье,
А казалось, навек погубили их стужа и вьюга,

Если тучи полны, если душу так радует зелень,
Близ арыков — луга и зеленое пиршество юга,

Если воздух пригож, и прозрачны журчащие воды,
И, бурля в ручейках, волны бьются о берег упруго,

Если хмель, как рубин, блещет искрами в золоте чаши,
Если кравчий в пиру — луноликая дева-подруга,

А у роз — соловьи, стайки горлиц в ветвях кипариса
Дивный облик и стан вспоминают, томясь от недуга,—

Что нам райский цветник, да и нужен ли он человеку,
Если этой красой так богата земная округа?

Но в мирском цветнике как Фуркату быть столь же
счастливым,

Если дом его стал точно полная скорби лачуга?

То ль испарина хмеля на лике румяном,
То ль на розе роса рдеет блеском багряным?

Это — бровь или меч, почерневший от крови,
Иль небесная синь в этом цвете сурьяном?

Это кудри ли вьются, твой лик обвивая,
Иль драконы красу полонили обманом?

А откроешь лицо — соловьи изнывают,
Млеют горлицы, словно объаты дурманом!

Прах с пути твоего люди жадно хватают,
Будто золото — нищие в рубище рваном!

Колдовские нарциссы-глаза сеют смуту,
Сабли-брови спешат на подмогу смутьянам.

О лукавая, брось искушенье коварством —
Ведь под ним, как под ношей, сгибаются станом!

От очей и бровей твоих — гибель Фуркату, —
Месяц входит над звездами, смуты даря нам!

Увидав твой дивный лик в солнечных лучах рассвета,
Ночь, окрасив небо в кровь, в гневе притаилась где-то.

А когда ты в сад вошла, от лица отняв завесу,
Розы сникли, устыдясь, — стала осень, а не лето!

Где уста, где тонкий стан? Разглядеть их все старались, —
Как ни тщились — не нашли: где ж хотя бы их примета?

И самшит, и кипарис пред твоей чудесной статью
Ниц склонились головой в знак почтенья и привета.

За тебя я жизнь отдам, лишь бы ты не знала горя,
Лишь бы вечно ты жила, светлой радостью согрета.

На того ж, кто не ценил счастья быть с тобою вместе,
Пусть падет печаль разлук без исхода, без просвета!

Ты ж величье обрети, стань в прекрасном совершенна,
Будь прямою, как «алиф», — да навек пребудет это!

Зерна родинок твоих — как приманка попугаям, —
Ими в сладостных садах о тебе ведь песнь пропета.

Мне б любимую найти — я ее, как душу в теле,
Затаил бы и берег больше всех сокровищ света!

Плох тебе, негож Фуркат среди всех других — хороших,—
Ни хорошим, ни плохим не кори его за это!

Багряный тюльпан в степи — то тень твоего чела
Иль это в степях судьбы — кровавая пиала?

Хвалитель назвал твой стан подобьем райских дерев,—
Ведь он кипарис сравнил с гнилой корягой ствола!

Хоть ты красотой — луна, увы, к тебе не дошли
Те стоны, что в муках слез разлука к небу взвила!

От горестей умер я, томясь в тоске по тебе,
А ты и этот недуг притворством моим сочла!

О память давних времен! Как счастлив с тобой я был!
Я дней разлуки не знал, не ведал такого зла.

И розам в садах дано твое превосходство знать:
Поникли они к земле, едва лишь ты в сад вошла.

Молва о твоих устах проникла и в медресе —
Из каждой кельи неслась вослед тебе похвала!

О, смилуйся надо мной, нет сил разлуку терпеть,
И в сердце боль о тебе, и скорбь моя тяжела!

Истерзанный, изнемог в разлуке с тобой Фуркат —
О, если б милость твоя ко мне снизойти могла!

Друзья, забрел я в погребок — дай, мол, печаль размыкаю,
И повстречался вдруг мой взор с красою луноликою.

И сник я, а она, узрев мою страду похмельную,
Дала мне чашу, сжалась вдруг над бедным горемыкою.

Зачем меня стыдить, друзья, что не со всеми дружен я?
Да разве можно боль души делить с недоброй кликою!

Каких, друзья, зловредный рок не насылал мне горестей!
Смотрите, как я посрамлен молвою стоязыкою!

Два завитка ее кудрей лишь вспомню я — и мнится мне:
Драконы оплели мой дом, где я кручину мыкаю.

Твой хмель, о кравчий, гибель мне, но жизнь отдам я с
радостью,
Лишь одари меня хоть раз ты чашей превеликою!

В огнемолельне чудных чар Фуркат сгорит, и диво ли?
Как не обжечься мотыльку о свечку солнцеликую!

Бог любимую послал мне — молода, моложе всех,
Хороша да сумасбродна: всё ей — повод для потех.

Сколько лет в приюте скорби одиноко я страдал,
А теперь под кровом сердца есть подруга для утех.

О своей любовной муке я ей робко говорил,
А она всё разгласила — подняла меня на смех.

Лунный лик ее прекрасный так блестит во тьме кудрей,
Что летучей мышью станет птица сердца, впав во грех.

Я рыдаю и стенаю, вместо слез струится кровь —
Видно, каменному сердцу нет в жестокости помех!

Рок меня вконец измучил, в горемыку превратил —
Мне бы друга для совета, да и в этом — неуспех!

Захмелев, косясь лукаво, меч вострят твои глаза,
Сотни жертв убьешь, едва лишь кинут взгляд твои глаза.

Войско родинок набегом разоряет весь Хабаш,
В черных странах сеют смуту и разлад твои глаза.

Только глянешь — даже камню сил не хватит устоять,
Зеркало в отливы ртути превратят твои глаза.

Видно, гибель в мир вступила сквозь окружающ^я глаз
твоих —
Не пролили бы кровавый водопад твои глаза!

Все сокровища земные в кровь и небыль обратят,
И не глянут — в прах повергнут всё подряд твои глаза.

Лик твой, как луна, сверкает, а бровям — и Марс сродни,
Всех созвездий свет на небе вмиг затмят твои глаза.

Если гнев Шахимардана был от века чужд тебе,
Что ж вострят бровей кинжалы, как булат, твои глаза?

Благовонными кудрями мускус Чина ты срамишь,
Даже лань в степях Хотана посрамят твои глаза.

Розоцветной влаги винной отхлебни хотя бы раз —
С захмелевшего Фурката сгонят чад твои глаза.

Дом души моей разрушен, в нем ты не найдешь приюта,
Только лишь в зенице ока смог тебя бы удержать я!

Чем бы ты мне ни платила — дружбою или враждою,
Недруги твои — враги мне, а друзья твои — мне братья.

Ежечасно ревность губит тысячей смертей Фурката —
Злить меня, любя другого, — вот теперь твое занятие!

Как соловья колючки роз, меня шипы твои кололи,
Терзался я и день и ночь, стонал от нестерпимой боли.

«Где точка сладких уст твоих?» — тебя молил открыть я
тайну,
Улыбкою сверкнула ты — и этой тайны нету боле.

Когда-то, милость мне даря, со мною часто ты видалась,
Пютом — разлукой извела, и муки сердце побороли.

Ты, на пленительном челе приманкой родинки рассыпав,
Поймала птицу сердца в плен, силками кос лишила воли.

Теперь со всеми ты мила, глядишь на всех с улыбкой
нежной,
Готова их любовь принять, лишь я — чужой в моей доле!

Ты о силках своих кудрей молву посеяла повсюду,
Открыв безумцам мой позор, другим неведомый дотолле.

Красавица! Блаженства нег навек лишила ты Фурката,
Чтоб зеркало его очей страданья страсти раскололи!

Дух и тело мне любят терзать твои косы,
Пощади, о жасмин мой, пригладь твои косы.

Это шах одержимых твоей красотой
Для победы над ней вывел рать — твои косы.

Иль сама ты — властитель красоты, а над нею
Хумаюн распростер благодать — твои косы.

Иль на свитке чела живописец предвечный,
Будто строчки, сумел начертать твои косы.

Смутой Судного дня истомили мой разум,
Тяжко мучат опять и опять твои косы.

В цветнике красоты твои очи — нарциссы,
Гиацинтам душистым под стать твои косы.

Тонкий стан твой искать ли? — Фуркат надорвется,
Приподняв драгоценную кладь — твои косы.

Мы — народ неприхотливый, в дом без зова не идем,
И к соблазнам и приманкам зла мирского не идем.

Даже и в мирской пустыне мукой жажды истомясь,
В край, где бурно льются реки, — право слово, не идем.

Мы на правду уповаем, наше счастье — только в ней,
Медь менять на призрак блеска золотого не идем.

Любо нам вести беседы здесь, в цветущей Фергане —
Никуда, кичась свободой бестолково, не идем.

Чужд нам весь погрязший в спеси себялюбец и хвастун,—
Мы искать приют в жилище пустослова не идем.

Мы — народ простой и бедный, был бы хлеба нам кусок,—
Ни к Даре, ни к Искандеру клянуть крова не идем.

Наши мысли — о грядущем, нет иного нам, Фуркат,
Мы в тот мир, где бrenным благам есть основа, не идем.

О, доколе мне в разлуке будешь душу жечь пожаром?
Пощади же, если любишь, не предай жестоким карам!

Впрямь, зачем тебе павлином красоваться средь развалин?
Даже совы не летают над моим жилищем старым!

Где бы я тебя ни вспомнил — облик твой, подобный розе,—
Там мне сад и там — цветник мой, розы рая рдеют жаром.

Сколько ты меня ни мучишь, о жестокая шалунья;
Никогда не станет силы притерпеться мне к ударам.

От моих ночных стенаний даже небо пооглохло,
Ты ж не слышишь моих криков, диких в горе моем яром.

Усмири поток стенаний, крик услышь, будь справедлива —
В странах красоты султаном ведь зовешься ты недаром!

О, к твоим кудрям прильнуть бы, и тогда мои ресницы
Послужили б вместо гребня их красе и дивным чарам.

Не сдержала ты посулов, вдребезги обет разбила —
Эх, Фуркат, свои надежды ты растратил, видно, даром!

Где краса моя? Побывать бы с ней наедине вдвоем,
От соперников стоглазых скрыться в стороне вдвоем.

Хмель вкушать бы ежечасно, от мирских невзгод лечась,
Все страданья и печали растворить в вине вдвоем.

Вместе об руку пройтись бы и в просторы цветников
Розам, соловьям на зависть выйти б по весне вдвоем.

Все мученья бы отринуть, захмелевши допьяна,
И в восторге бы забыться в сладкой тишине вдвоем.

Залучить бы в сеть разлуки горлиц, стонущих в саду,
Посрамить бы кипарисы с ними наравне вдвоем.

Смять бы суету базара бурей чувства и страстей,
Весь бы мир залить смятеньем, погубить в волне —
вдвоем.

Нет, смиренному Фуркату не досталось этих благ —
Хоть единый раз побывать бы вместе с нею мне вдвоем!

В цветнике красы твой образ рдеет, пышной розой став,
Соловьем я в страсти млею, от багровых слез кровав.

Сжался! К берегу свиданья помощи скорей доплыть —
Захлестнет меня разлука, морем вспенившись стремглав.

Если праведник к моленью призовет меня в мечеть,—
Не склонюсь перед михрабом, бровь твою не увидав.

Я твои уста хмельные лишь увижу на пиру —
Истекаю кровью, сломлен чистым хмелем без приправ.

О творец! Да кто же видел столько нежных роз на платье?
Даже тернии добры к ней, ей не страшны их ожоги.

А накидка — просто диво, что́ пред ней души завеса!
Белый бант на ней подобен белой розе-недотроге.

Будто вдруг весной повеет или утренней прохладой,
Лишь покажет отблеск тела воротник ее отлогий!

И не взглянет та шалунья, не придет хоть раз проведать,—
Кто б о ней принес мне вести? Стихли бы в душе тревоги.

Если злая чаровница, истомив, убьет Фурката,
Словно кровь, зардеют розы у гробницы на пороге.

Ты бубенчиком розу на шею надел, соловей,
К новым кушам собрался ты в дальний предел, соловей.

Или стал ты брахманом и рядишься в краски небес?
Свей из роз себе пояс, уж если ты смел, соловей.

Хоть пестра и нарядна весною кольчуга цветов,
Дунет стынь листопада — и сад облетел, соловей!

Будут тщетны стенанья: живым — не познаешь любви,
Мотыльком красоваться — не мухи удел, соловей.

О любви суесловишь, а нрав ее скрыт от тебя:
Как в ловушку, к колючкам беспечно ты сел, соловей.

Это глупая прихоть — резвиться вдали от садов,
В сеть силков ты попался, не будешь ты цел, соловей.

Поучись у Фурката, как песнь на рассвете слагать,—
Прежних песен нескладных ты лучше б не пел, соловей.

Мы — не люди, если редко посещаем Андижан,
Всех гостивших в нем приветил, грел сердца им Андижан.

Даже в досталь повидавший должен искренне сказать:
Был всегда в Кокандских землях лучшим краем Андижан!

Чудный вид его красавиц знают Сирия и Рум,
И в Египте этой славой почитаем Андижан.

Кто на поезде объехал всей России города,
Должен был признать с досадой: не чета им Андижан.

Бог свидетель — уезжая, я попутчикам твердил:
«Мы всегда с тоской и грустью вспоминаем Андижан!»

Виночерпии-красавцы и вино там есть всегда —
В Судный день пирами будет вдохновляем Андижан.

Пусть отверженным Медждуном сгинет вглубь пустынь
любой,

Кто по злобе не признает дивным раем Андижан!

Пусть в иных владеньях люди не корят мою хвалу:
Ведь не смертными, а богом возвышаем Андижан!

Столь восторженной любовью дышит не один Фуркат —
Много знал таких Фархадов — нет числа им — Андижан!

Впору лоб разбить о камень — так со мною ты хитра,
А другим ты — будто светоч в их веселье до утра!

Сок медового нектара источают перлы губ —
Ты превыше попугаев в сладкоречии быстра.

Твой халат сравнил я с розой и, наверно, оплошал —
Так изящна и прекрасна стана легкого игра.

Хочешь — жизнь пролью по каплям я серебряным дождем,
Серебро тебе любезно: стать твоя — из серебра.

Всё дано тебе с избытком: красота, веселость, ум,—
Жаль, что рушишь ты обеты и со мною не добра.

Но поймешь ты, как я жалок, в мой убогий дом придешь,
Не чужда ты состраданью — и в тебе есть свет добра.

Нет, Фуркат, тебя не сгубит это диво красоты —
Говорил ты неучтиво, и одуматься пора!

О, выйди, пусть твой дом хоть раз забытым и унылым
будет,
Пусть пыль следов твоих пред ним сверкающим настилом
будет.

О сладкоустая Лейли! Я — неприкаянный скиталец,—
Доколе ж Кайсу дикий дол пристанищем постылым будет?

Пройдись! Ты сотни тысяч раз замучишь ревностью
фазана!
О, улыбнись — бутонам роз равняться не по силам будет.

Отняв завесу от чела, сверкни красою пред тюльпаном —
Стыдась, зардеет он от ран — гореть кровавым пылом
будет.

Безумьем сердце зажжено, и цепи кос твоих — виною,—
Не думай, что в цепях оно спокойным и остылым будет!

О боже! Если вдруг самшит дерзнет с тобой равняться
станом,
Пусть спилят голову ему, и он подобен вилам будет!

Любимая! Весной Фуркат в саду с тобой уединится —
И глубь, и гладь, и высь, и тишь — весь свет ему там
милым будет!

От истомных глаз-нарциссов я влачился в муках тела,
Но воскрес, едва лишь слово с уст рубиновых слетело.

Если райский сад увидит стан и лик моей любимой,
Древо рая сникнет сердцем, кущи смолкнут онемело.

На уста ее взглянул я — сил и мощи враз лишился,
Быль и небыль — всё смешалось и ничто не уцелело.

Я за миг свиданья с нею душу отдал — всё напрасно:
От красы ее надменной изнемог я до предела.

Око мира вдруг сверкнуло в темных косах луноликой,
Хоть она не семь накидок, а одну сорвала смело.

Свисли ветви у самшита оголенными зубцами, —
Он со станом чудной девы стал равняться неумело!

Ты хвалил, отшельник, гурий, рай расхваливал на диво —
Это так, да только гурий всех затмить она сумела!

Сколько черных дней, о други, выпадало мне на долю:
Вспомню родинки и косы — и томлюсь оцепенело.

Только раз она открылась, а Фуркат сражен безумьем, —
Эта пери от безумцев лик таить всегда умела!

Знать, излом бровей дал хитрость чародейству твоему,
Прямоты, подобной стану, не смогла ты дать уму.

Ты с другим всю ночь пируешь, я ж рыдаю у дверей,
До зари лежу ничком я, головы не подниму.

Даже ночь не наступает, видя огненный твой лик:
Если светоч неба рдеет, лунный свет уж ни к чему!

Эй, смотри, глазам-нарциссам колдовать не позволяй:
Всю вселенную разрушат, если скинут вдруг дрему.

Взор твой истерзал мне сердце, нету сил, и то — не ложь:
Он и всех оленей Чина истомит по одному!

Нет, нигде такой же пери взор вселенной не видал,
Хоть смотрел в зеркало мира и при свете и во тьму.

Только вспомнится Фуркату розоликий кипарис —
Я и соловьев и горлиц вмиг стенаньями дойму!

Пришли, настали дни весны, я страстью обуян,
В душе тюльпанами цветут сто тысяч свежих ран.

Пахнёт весенний ветерок — и зелена земля,
В цветных коврах и скаты гор, и ширь степных полян.

Благоуханьем охмелен веселый гомон птиц,
И горлицу и соловья томит любви дурман.

Покров свой скинули цветы, соцветья обнажив,
Нарциссы, лилии цветут, и розы лик румян.

И божьей волею леса зазеленели вдруг,
Встают тюльпаны меж камней, их вешний цвет багрян.

Но беспечальна ли душа среди веселых кущ?
Прекрасны розы, а в душе от их шипов изъян.

Сто тысяч смут в душе моей от дивных чаровниц,
И сердце волнами бурлит, как грозный океан.

О мусульмане! Как сказать о жаре мук моих?
Все тело сожжено дотла, и пепел тлеет, рдян.

Как пленник горя и разлук, смятен душой Фуркат,
Рыдает горлицею он, от мук стенаний пьян.

Где еще такая пери, как цветок румяна, есть?
Разве зубкам равный жемчуг в недрах океана есть?

Кипарис она затмила, пылом ревности сгубив,—
О Аллах, да где ж такое совершенство стана есть?

Даже мудрым не под силу разгадать ее слова:
В каждом слове сотни смыслов высшего чекана есть!

Очи грозны и жестоки, кровь пролить им нипочем —
В каждом оке кровь убитых, горяча и рдяна, есть.

Кто сказал, что лишь Меджуну суждено любить Лейли?
В темных косах сонм безумцев — пленников дурмана —
есть.

Нет, не стыдно мне, что слезы из очей волной текут,—
В бурном сердце реки страсти, плещущие рьяно, есть!

А захочет нежной лаской и любовью одарить —
У кого ж, как у Фурката, в сердце боль и рана есть?

Раб глазам твоим оленьим разве только я один?
Изумлен красы виденьем разве только я один?

Не брани, что кров ищу я у порога твоего,—
Жив лишь уст твоих цветеньем разве только я один?

Сколько роз окрасил кровью хмель твоих рубинов-уст —
В кровь всю грудь разъял по звеньям разве только я один?

Ты с другим всю ночь пируешь — слез моих не осуди:
Плачут свечи там с шипеньем,— разве только я один?

Сколько соловьев и горлиц о тебе с тоской поет —
Глянь: числа нет каждый день им, — разве только я один?

А к Фуркату снизойдешь ты — этим благом не кори:
Друг таким вот снисхожденьям разве только я один?

МУХАММАСЫ

Сколько мне досталось, братья, от моей любви тревог!
Мчусь, как ветер, без приюта, — я без крова изнемог,
Я в пустыне испытаний неприкаян, одинок,
Ни друзей, ни близких нету, и богатств я не сберег,
Век суров, врагов — без счета, от друзей — какой мне
прок?

Мы с моим несчастным сердцем так сдружились — нет
родней,
Давят душу кудри милой, как сто тысяч злых цепей!
О, она ведь беспощадный, кровожадный лиходей,
Всех кровавой казнью губит, кто посмел перечить ей,
На коне, красуясь, мчится, остр и лют ее клинок!

Приоткинув покрывало, лишь покажет дивный лик —
Сердце соловьем застонет, захмелеет в тот же миг!
Что за прелесть, что за диво — меж людьми раздор и крик.
Что за мускусные косы — их извив и зол и дик,
Аромат от них струится — амброй землю обволок.

От моих ночных стенаний в мир запало много бед,
Только пери им не внемлет, ей до них и дела нет!
У меня ж к моей желанной просьба есть — один завет:
Разузнала б о бедняге — есть ли жизни в нем хоть след, —
Хоть дотла сгорит влюбленный — ей и это невдомек.

Плоть моя слаба и хила от камней ее обид,
Грудь терзая, жар страданий душу с сердцем пламенит.
А от слез моих рыданий мир потоками размыт —
Ведь она отравным зельем даже небо напоит!
Умер я и сгинул в небыль, жизнь мою позор пресек.

Знать, судьба любовь такую в наказание мне дала,
Кару на меня низвергла, мук наслала без числа!
Где она такое диво на беду мою нашла,
Луноликую смутьянку — воплощенье мук и зла,
Разорила мне всю душу — вот как гнет ее жесток!

Злобный рок всю жизнь мне губит и бедой гнетет меня,
Бросив в плен в силок измены, вверг во власть невзгод
меня —

От любимой отлучает, повергает в гнет меня,
Я в разлуке с луноликой — любит волчий сброд меня —
Вот каким лихим напастям гнев небес меня обрек!

На судьбу ропщу стеная — только мало, то — не в счет,
Кровью сердце истекает, кровь из глаз моих течет!
Мне — такое наказание, а сопернику — почет,
Друг мой — зло, товарищ — мука, а печаль — мой
доброхот,
Обо мне никто не спросит, я покинут и убог.

Я коварством злого рока до предела изведен,
Кровь измен я пью, и кровью обагрен со всех сторон!
Словно кудри дев прекрасных, вьюсь я, всей душой
смущен,
Без луны моей ночами мой удел — лишь вопль и стон —
Ах, каких невзгод, несчастный, на себя я не навлек!

Да падет твой свод, о небо, — сколько бед наслало ты,
Мучишь ты меня любовью, кар мне шлешь немало ты!
Ты слезам моим не внемлешь, казнь моя, опала — ты!
Что ж, карай меня как хочешь, как всегда карало ты.
Нету силы жить, я сердце от безумств не уберег.

Рок отторг меня от милой, истерзав мечом обид,
Горький дол державы сердца той шахиней позабыт!
Почернела от печали белизна глазных орбит,
Зацветут тюльпаны кровью там, где буду я зарыт, —
Их цветы — как боль разлуки, язв души сплошной ожог.

Доведется ль вновь, о боже, лунным ликом тешить взгляд,
Пред любимой, горько плача, всё сказать, в чем виноват?
Сколько дней в степи разлуки я страданьями объят!
И хоть кто-нибудь спросил бы: «Где поверженный Фуркат?
Здесь ли тот, кто посрамленья от любви снести не смог?»

О друзья, услад и счастья, нег весной желает сердце,
На заре к тюльпанам выйти в луг степной желает сердце,
Ланей гнать в привольной шири травяной желает сердце,
И за горной птицей мчатся крутизной желает сердце —
Всех услад, что в радость дарит мир земной, желает
сердце.

Если с добрыми друзьями вышел ты пройтись поляной,
А в искрящихся сосудах ждет тебя напиток пряный,
Если сядешь ты у речки рядом с порослью румяной,
По обычаю отведав веселящий хмель багряный,—
Разогнать невзгод и горя гнет хмельной желает сердце.

Если и певец и песня, и танбур и саз там будут,
Если стих, живящий душу, песен сладкий глас там будут,
Если и напев печальный и веселый сказ там будут,
А придет конец там песням — новые тотчас там будут —
На гиджаке, на дутаре петь струной желает сердце.

Если хороша подруга и тебе верна на диво,
Если зла она с другими, а с тобою терпелива,
Если ты при встречах с нею сам главенствуешь счастливо,
Если ты прильнешь к ней нежно в ласке страстного
порыва —
Поцелуев и объятий с ней одной желает сердце.

И привлечь ее, лаская и румяный лик целуя,
И к хмельным очам тянуться в томной неге поцелуя,
И лобзать глаза и щеки, страстно нежа и милуя,
И, припав к груди, в забвенье целовать плутовку злую —
К ней прильнуть и жизнь за это дать ценой желает сердце!

Да не шлет нам рок небесный в нашу жизнь беду распада,
Саду жизни вихрь смертельный не принес бы листопада,—
Нам порой весенней нужно избежать невзгод разлада,
В каждый светлый день весенний выйти в степь и в горы
надо —
Ведь пойти к святым могилам в дол иной желает сердце.

Если лунными ночами меж соцветий роз я сяду,
Если до утра я буду средь друзей, любезных взгляду,
Если лилии, сверкая, лунный отблеск льют в усладу,
Если тени от жасминов, как узор, бегут по саду,
То красавицу, чьи очи светят хной, желает сердце.

Если ж от судьбы подмога в добрый час дана не будет,
Если в ночь со мной подруга, та моя луна не будет,
Если ею в доме скорби тьма озарена не будет,
А свершения желаньям до конца, до дна не будет —
О Фуркат, от бед укрыться за стеной желает сердце!

О, побудь только миг! Не останешься — что ж, не обижусь.
Вот тебе пиала, до конца не допьешь — не обижусь.
Не сержусь я совсем, укоришь, что негож, — не обижусь,
Хоть какую виной сироту попрекнешь — не обижусь,
Даже имя мое хоть сто лет не тревожь — не обижусь.

День и ночь ты со мной, ты — судьба моей горестной
доли, —
Кто ж еще, как не ты, исцелит мое сердце от боли?
О, прости мне грехи, умираю, и силы нет боле!
Мой соперник с тобой, а презренье сносить мне доколе?
Мне бы видеть тебя, а не глянув пройдешь — не обижусь.

Не придешь, но живи! Жив ли я или сломлен напастью,
Даже ядом измен лечишь ты, как живительной сластью!
Навестишь или нет — не взыщу, не привык я к участию.
Если ты весела — мне ль томиться по большему счастью?
Хоть измучен тобой, а не спросишь — я всё ж не обижусь.

Всё скажу я тебе, о Юсуф в одеянье пунцовом,
Пусть шалаш Зулейхи на пути твоём станет мне кровом!
Лишь с мечтой о тебе буду я и живым и здоровым,
Ты ведь шах красоты, я же нищ — о, внемли моим зовам,
Ни слугой, ни рабом ты меня не возьмешь — не обижусь.

Здесь в Коканде, не видя тебя, не встречая, не жить мне,
Не обняв тебя ночью — не спать, дорогая, не жить мне!

Ведь измучен совсем я, в разлуке блуждая, — не жить мне.
Грудь ножом разреши, не почую ножа я — не жить мне!
А и мертвым не вспомнишь — и то ни на грош не обижусь.

О луна моя, сжался, порадуй отверженных новью —
Разве трудно тебе снизойти, расспросив о здоровье?
Дух и тело темны, взор мой застыл мучения кровью,
Исцеленьем от мук хоть на миг подступи к изголовью,
А не вспомнишь Фурката, к нему не придешь — не
обижусь.

Не поймут моих бедствий люди, я тепла людского лишен,
От отчизны вдали скитаясь, я друзей, их слова лишен,
Как безродный, бездомный нищий, я всего земного лишен,
На далекой чужбине кинут, одинок я, крова лишен,
Как заблудшая птица маясь, я гнезда родного лишен!

Что ни миг, то новые беды тучей выются над головой,
Что ни миг, опалает сердце новой мукою огневой,
Стрелы мук небо в грудь мне мечет, изогнувшись
тетивой, —

Будто жив я, а все гадают: мертвый я иль еще живой,
Вид мой будто схож с человеческим, да всего живого лишен.

Если брошен я на чужбине, то всему причина одна,
Если слезы я лью в кручине, то всему причина одна,
Если, хворый, скитаюсь ныне, то всему причина одна,
Если крова нет и в помине, то всему причина одна:
Отлучен от порога милой, я всего сурово лишен.

Ах, пленен я, пленен безумно красотой лукавой и злой,
Я в разлуке измучен сердцем, взор — в слезах, словно
застлан мглой,

Опаленный пламенем страсти, в прах сожженный, я стал
золотой,

Весь дотла я спален любовью, вместо тела — лишь пепла
слой —

Я и малой приметы жизни бурей вихря злого лишен.

«Будто жив, а с людьми не схож он!» — предается народ
злословью.

В ком разлад меж душой и телом, тот навек от людей
отторгнут.

Помутился вконец рассудок, а виною — одна причина,
Если темен мой ум, а разум не со мною — одна причина,
Если я заблудшим ягненком, бляя, ною — одна причина,
Если я расстался с родимой стороною — одна причина:
Я от той, что милостью сердца всех на свете добрей,
отторгнут.

Как безумный Меджнун, скитаюсь, клича призрак Лейли
в пустыне,

Я закован накрепко в цепи, нет ума во мне и в помине,
Ведь любой по уму и силам путь себе избирал доныне,
Не судите меня за прихоть мыкать горе в дикой долине:
Я, как пес, забыт караваном, в глушь пустынь и степей
отторгнут.

Я изранен вконец печалью, грудь открыта гибельным
стрелам,

Обессилен жестокой мукой, рухнул я изможденным телом,
Славен бог, перед ним хоть чист я и служу ему добрым
делом!

А любовью дотла сожжен я — пеплом, прахом стал я
горелым,

Вихрем бедствий я вглубь пустыни — так, что нет и
вестей,— отторгнут.

Лишь припомню я сад цветущий — времена отошедшей
были —

Повесть бед моих мне расскажут лепестки облетевших
лилий,

Скажут розы в крови багровой, как шипы мою боль язвили,
По листочкам увядшей розы я прочту об остывшем пыле —
Я в мирском цветнике от песен, как больной соловей,
отторгнут.

Ты — как солнце небес величья, ты — луна в высях их
чертога,

Ты — владычица стран предвечных, ты — светило у их
порога,

Всё величие Искандера пред тобой во прахе убого,

Сонм лихих мучений стан мой, словно букву «даль»,
сломил,*

Мысли тонки, как ресницы,— их не разберет никто!

Как ночами я томился, в горе одиноком был,
В кровь изранен, вечной жертвой я людским попрекам был,
Мало этих двух напастей — я раздавлен роком был,
Ах, да что там — я в несчастье, горьком и жестоком, был!
Но со мной, как друг, не ведал тех моих забот никто.

Радостно бродить по свету тихим долом я хотел,
Жить беспечно, ставши другом всем веселым, я хотел,
С ними быть, цепляясь крепко к их подолам, я хотел,
Помогать другим в уделе их тяжелом я хотел —
Всем мечтам моим напрасным не изведаль счет никто.

Все, кому я полюбовно доброй верностью радел,
Мне любовью не платили, мук без счета дав в удел.
Нету равных мне в злосчастье, кто бы столько бед
терпел,

Все, кому стократ был верен, клали верности предел —
Видно, верных в мире нету, верность не блюдет никто.

Сколько мыкался по свету, день и ночь сбивался с ног,
Сколько дел я переделал, сколько бед я перевозмог,
На любой служил с усердьем, сколько ни было дорог!
Хоть сложил и жизнь и душу я у многих на порог,
Всё напрасно: не увидел этот мой извод никто.

Долго в мире я метался, одержимый суетой,
На беду себе сгубил я жизнь бездумностью пустой,
Благ смирения не знал я, занят глупой маемой!
Шел я гибельной дорогой, а уйти с дороги той
Не помог, пока не подал руку доброты, никто.

Так вот жил я, неразумьем годы меряя, увы,
Не сберег себя от скверны лицемерия, увы,
Мне просветом и не брезжил мрак безверия, увы,
Жизнь прошла, и горько каюсь в той потере я, увы,
Жаль, не смог мне в той гордыне указать исход никто!

Помышлял я днем и ночью лишь о зле мирских сует,
Доброго служенья старцам не исполнил я обет,
Так вот — в безысходном сраме — я влачился много лет!

Мне б о вечной жизни думать, совершать добро — так нет,
Зло вершил, с каким не знался — знаю наперед — никто.

Все заблудшие — мне братья, все злосчастные — друзья,
Все, кому мечи страданий в грудь вонзили острия.
В прах унижен, приклонился головой на камень я,
Я — родня в пустыне бедствий всем, кто бродит без
жилья,—

Слезы лью в приюте горя, как вовек не льет никто.

В мире каждый, кто спознался с муками и злом любви,
Кто благой душою принял тяжкий гнет истом любви,
Шагом красоты обласкан, будет позван в дом любви,
Будто милостыней нищий, наделен добром любви —
Я ж у милой двери счастлив, где не знал щедрот никто.

Сломлен страстью к дивной пери, я томлюсь в плену,
Фуркат,

Словно горлица, стенаю, люб мне томных песен лад,
Жала стрел — ее ресницы, брови саблями разят,
Я, как сыч среди развалин, скорбной думою объят,
Но ко мне из всех красавиц гостьей не придет никто!

Мухаммас на газель Навои

На тюльпаны грех смотреть, твой румяный лик увидев,
Не смотрел бы на нарцисс, взор твой хоть на миг увидев,
Гиацинт хвалить грешно, кос твоих тайник увидев,
Разве вспомнишь райский дуб, стройный стан-тростник
увидев,
Позабудешь райский сад, чар твоих цветник увидев!

Ах, какую красоту я узрел, о дева, разом:
Лишь взглянула, лик открыв,— отняла и речь и разум!
Не подумай, что сей вид подсмотрел я черным глазом:
Вижу, будто бы Биляль — у ручья, под райским вязом,—
Так и обмер, мушек чернь, уст живой родник увидев!

Луноликая, яви лик свой дивный ради бога,
Мне, несчастному,— тоска, и сомненье, и тревога:
Как увижу свет красы — плачу, словно от ожога,
Будто прямо на меня солнце катится полого,
И дивлюсь я, в небесах отраженный блик увидев!

Страж мирского цветника сгинул в небыль в гневе рьяном,
Кипарисов не найдя на тебя похожих станом!
Розы кинул соловей, вдохновлен лицом румяным,
Даже ангелы в раю разбежались по полянам,
Сколько прелести твой стан в стройности достиг, увидев!

От печали по тебе сердце угнетенно сжалось,
Тень от стана твоего в добрый час согнала вялость,
Я по родинкам рыдал, роза уст твоих смеялась,
Томный взор твой ворожил, речь твоя явила жалость,
Разум понял их обман, всё коварство вмиг увидев!

А от кос твоих душе каждый миг страданья люты,
Не дохнёт их аромат — нет покоя ни минуты,
Мне судьбою суждены помраченья злые пути,
Новолунье — всем в добро, ну а мне — одни лишь смуты:
Я безумьем одержим, серполунный лик увидев!

У тебя от мук, Фуркат,— не холодный вздох, а пламя,
Желт лицом ты, истомлен, плачешь красными слезами,
Не лежи здесь, рухнув ниц, мук своих не множь во сраме!
Навои, ступай и ты, будет милосердьё с вами,
Может, сжалится она, муки горемык увидев!

Мухаммас на газель Навои

Сердце хочет с той прекрасной гурией живой сдружиться,
С красотой ее лукавой, светло-заревой сдружиться,
А от страсти обезумев, с мудрой головой сдружиться!
Диво ль, что я смог с любимой, осужден молвой,
сдружиться —
Ведь безумному Меджнуну с пери не впервой сдружиться!

Тщетно точку уст ищу я, нет покоя никакого,
И доколе жив — не жду я ни о чем другом ни слова,
Не умру — любовь не выдам, не исторгну даже зова,
Любы мне уста-рубины, хоть и губит взор сурово,—
Смерть не в грех, когда с Мессией человек живой
сдружится!

Нет ни горя, ни убытка мне в глухом углу притона,
Черепок мне — кубок Джама, жбан пустой — моя корона,
Мне похмелье — вместо друга, страх забыт во время оно,

А подаст вино святоша, мне и лихо — не препона —
Смог я с тем, кто хмель дарует чашей круговой,
сдружиться.

Если слёз от крови сердца в помраченных взорах много,
Это слезы — от каменьев злой судьбы, которых много!
Не корите, что со мною — сплошь безумцы, хворых

Ведь всегда в кудрях безумцев — буйных прядей ворох,
Кто безумен, тот с безумным — со своим же свой —
сдружится!

Пусть настанут сотни весен в цветнике мирского сада —
Ежели рейхан и роза не цветут, не тешат взгляда,
То не лучше ль жить в темнице, где печаль — и то
отрада,—

Мне вовек ни кипарисов, ни цветущих роз не надо,
Раз нельзя с тем кипарисом, с розой огневой сдружиться!

Пред лицом ее ничтожно даже яркое светило,
Высь небес пред ней всю землю поцелуями покрыла,
Для очей моих иссохших прах пред ней — и свет и сила,
Мир в разлуке с нею темен, в нем и солнце не светило,
Если та краса не может с горней синевою сдружиться!

Нету доли, чем недужить у ее порога, лучше,
Пусть не чтит — с ее презреньем жизнь влачить убого —
лучше,
Не со мной дружна — с другими,— право, нет залога
лучше:

Сотен солнц и чаши Джама для меня намного лучше
С той, что льет хмельной осадок муки горевой, сдружиться!

Не марай себе подола: жадность — хуже грязной лужи,
Столь презренного порока не бывало в мире хуже:
Будешь в суетных заботах да еще в беде к тому же!
Не дружи с мирской тщетою, чтоб тебе не стало туже,
Лучше с теми, кто отвержен,— вот ты что усвой!—
сдружиться.

О Фуркат, и чаша яда не всегда худа от друга,
Не тай — мол, я обижен,— сердце никогда от друга,
Не уважит друг — и в этом нет подчас вреда от друга!

Навои, пусть друг враждебен — не страшись суда от
друга,—
Там, где друг, там есть надежда,— значит, жребий твой —
сдружиться!

Мухаммас на газель Навои

Когда она, смягчась душой, ко мне прийти была готова,
В разлуке я изнемогал, всечасно мучился сурово.
И вдруг она в мой дом пришла — под сень заброшенного
кровы,—

Витки кудрей спустив на лик как бы занавесью покровы,
Зардевшись розой, и спеша, и раздумываясь пунцово.

Грозил мне казнь меч ее — бедой отточенное жало,
А очи — будто мир пленить внезапно войско набежало,
Жестокий взор чреда ресниц, как будто стража, окружала,
И в каждой, как коварный враг, таилось острие кинжала,
И косы обвивали стан, светясь от мускуса лилово.

Когда я разум потерял и речь мне немой томило,
А сердце и душа навзрыд стонали горько и уныло —
Ты, чаровница, мне в ночи зажглась, как яркое светило,
Как будто в мрачный мой приют, пылая, солнце вдруг
вступило,
И я пылинкою дрожал в лучах сиянья золотого!

О, как тот вечер светел был, каким тогда я был счастливым,
Когда моя отрада вдруг вбежала, дверь открыв порывом,
И я сказал: «О, снизойди к моим безропотным призывам!»
И улыбнулась мне она, дыша участью терпеливым,
И было краше перлов мне в ее устах любое слово.

«Поверь мне,— молвила она,— ведь я тебе верна,— ты
ждал ли?
Ведь я, разлукой истомясь, теперь к тебе нежна,— ты
ждал ли?
Ведь верностью подобных мне не знали времена,— ты
ждал ли?
О горький воздыхатель мой,— сказала мне она,— ты
ждал ли?»
А я, растерянный, молчал, не в силах молвить и полслова!

Впились в нее стрелы беды, ей трудно от боли, как мне,
Всё сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли, как мне.

Ведь ты приневолил ее, аркан свой сумел затянуть,
Ты жертву волок на убой, тащил, не жалея ничуть,
Тюльпанами рдеющих ран, как клеймами, сжег ее грудь,
А хочешь продать — лучше мне продай ее, милостив будь!
Впились в нее стрелы беды, ей трудно от боли, как мне,
Всё сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли, как мне.

Она помраченным в уме, от мук бесноватым сродни,
И чаще, исполненной слез по скорбным утратам, сродни.
Погибшим в потоке сердцам, на части разъятым, сродни,
Ей павший от мук Сагдулла, воспетый Фуркатом, сродни.
Впились в нее стрелы беды, ей трудно от боли, как мне,
Всё сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли, как мне.

Трое нас — гуляк бездомных, кабачок нам — целый свет,
У кувшинов мотыльками вьемся, трое непосед,
Одержимы и хмельны мы, от вина впадаем в бред,
Мы забыли кров родимый и мирских не знаем бед!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,

Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое горемык, мы бродим за любимую вослед,
Мы за ней идем до дома — от людей на нас навет!
Опьянеем, захмелеем — от ума пропал и след,
Не боимся мы ловушек, и приманка — нам не вред!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,

Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое нас, мы — каландары, нас связал один обет,
А к другим, увы, не вхожи, дом чужой для нас — запрет!
Где вино, где наши чаши? Не осталось и примет.
В кабачке хозяин гневен, к нам участием не согрет.

Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое братьев, всех зовем мы с нами обрести покой,
По земле бродя-скитаясь, обойти весь мир мирской,
Перед старшим мы склонимся со смиренностью такой,
Что претерпим все невзгоды под высокою рукой.
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое странников, мы просим всех поведать, кто — какой,
На врагов излить обиду, поделясь своей тоской,—
С нами жить в уединенье, двери подперев доской,
Или в кабачке укрыться — в его смуте колдовской!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое бедняков, зовем мы с нами плакать день-деньской,
Кто печален, кто обижен — с нами сердце успокой!
Мы мирским пренебрегаем, не блюдем закон людской,
Воспарим мы соловьями — нам заботы никакой!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое скорбных, в сад с собою — кто не горд, того зовем,
С соловьями порезвиться на простор того зовем,
Мы из листьев, роз и веток жечь костер того зовем,
Сорок присных нам не надо, мы четвертого зовем!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое нас — скитальцев, всех мы выйти в сад гурьбой
зовем,
С соловьями потягаться всех, кто смел, с собой зовем,
С кипарисами повздорить — «Выходи любой!» — зовем,
Горлинок стыдить стенаньем — всех наперебой зовем!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое верных, всех, кто хочет, выйти в сад гулять зовем,
Разделить в саду любимой с нами благодать зовем,
Спать любимой не давая, «Время зря не трать!» — зовем,
То мы сами засыпаем, то ее вставать зовем.

Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,

Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое горемык, мы вместе чудной девой пленены,
День и ночь в мечтах мы с тою, чьи слова как мед вкусны,
Как-то раз мы к ней приходим, смотрим — спит и видит
сны,

Видим: с нею врач-целитель — в изголовье той луны!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,

Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое грустных, мы приходим — с ней соперники-лгуны,
Не от этой ли причины пери спит и видит сны?

Мускусом благоухая, пряди кос расплетены,
Блеск испарины подернул щеки томной белизны.

Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,

Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое нас — кутил, пришли мы — видим: спит и видит
сны,—

Знать, от муки и страданий плотно очи смежены,
На постели распростерта, и все члены холодны —
Видно, мы пришли напрасно из далекой стороны!

Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,

Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Ах, зачем пришел к любимой ты, неумный, вдорный врач?
Ты — наш недруг и соперник, в глупостях упорный врач!
Отойди, ты здесь не нужен, лживый и притворный врач!
Лишь вздохнем мы — ты погибнешь, кончишь смертью
черной, врач!

Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,

Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Ах, зачем же сел ты рядом с ней, такой красивой,
врач?
Мало сделал, а желаешь быть с большой поживой, врач!
Не подмешивай подружке зелье в пищу, лживый врач!
Лишь застнем мы — сгоришь ты, отойди, спесивый врач!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,

Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Ах, зачем сюда пришел ты — по какой причине, врач?
Сам ты всех погубишь жаром, в самозванном чине врач!
Отойди, ты здесь не нужен, в сладостной личине врач!
Эй, остерегись Фурката, ты — как ни лечи — не врач!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,

Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

В зимний холод тепла никогда отыскать я не мог,
Яд усладой запить никогда я, о братья, не мог,
Сладким хмелем любви горький разум попать я не мог,
Сколь было мне мук — я забыть их проклятья не мог!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог.

Небосвод не радел мне ни разу во все времена,
Сколько я ни стенал; а судьба была злобе верна,
Мир меня не щадил, уж, казалось, измучив сполна,
Спало счастье мое, не очнувшись от тяжкого сна!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог.

Жизнь проходит, увы, подневолен утратам я был,
Хоть бы раз в этой жизни счастливым, богатым я был!
Под поклажею мук постоянно горбатым я был —
О, когда б меж людьми их достойным собратом я был!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог.

Кто — утечи в любви с девой, дивно красивой, обрел,
Кто — плоды всех услад в кушах жизни счастливой обрел,

Кто — раденьем судьбы свой удел справедливый обрел,
Кто — в Ташкенте, в торгах, свое счастье наживой обрел!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог.

Горько юность прошла — лишь утратами срок ее мерь,
Как ни тщился, не смог отпереть я заветную дверь,
Дом надежд моих пал под ударами бед и потерь,
От огня моих мук сожжено мое сердце теперь!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог.

Жизнь летела стремглав, и в душе мне изъяны не счесть,
На груди моей язв, что от крови багряны, не счесть,
А на теле моем сколько горестных ран — и не счесть,
В сердце — ноющих клейм, что цветут, как тюльпаны, не счесть!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Для чего же я жил, так страдая жестоко, увы,
Для чего свет очей был мне дан волей рока, увы,
Вот и жизнь прожита без удач и без прока, увы,
Сколько тягостных дней прожил я одиноко, увы!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог.

На мирском торжестве я душою горел, как свеча,
Чадом горе вилось, боль рыданий была горяча,
Каждый день, каждый миг был я жертвой в руках палача,
Весь истерзанный, я изнывал, свою муку влача!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог.

Ах, лишили меня всех веселых услад небеса,
Затемнили мне свет горькой ночью утрат небеса,
Не на миг — навсегда мне страданья сулят небеса,
Даже пользу во вред обернули, Фуркат, небеса!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Поэтессы XIX - начала XX в.

История тюркской литературы знала немало женщин-поэтесс: турецкая поэтесса Михри-хатун (ок. 1456—1512), азербайджанская — Натаван (1830—1897) и др. Наиболее широко женское поэтическое творчество представлено в узбекской литературе, где оно обрело непрерывную традицию в XIX и XX вв.

Первая по времени — Джахан-Атын Увайси (80-е годы XVIII в. — ок. 1850), поэтесса проникновенного поэтического дарования, оставившая значительное поэтическое наследие — газели, мухаммасы и другие разновидности лирических стихотворений. Газели ее отличаются яркой образностью и значительными вариативными достижениями в своеобразном преломлении традиционных и канонизированных образов. Они пронизаны большим и светлым лирическим чувством, несмотря на наличие в них устойчивых формул жалоб на неверность и жестокость возлюбленного.

Младшей современницей и ученицей Увайси была Надира (1792—1842), подписывавшая также некоторые свои стихотворения тахаллусами Макнуна и Камила. Жизнь ее была омрачена гибелью горячо любимого мужа — Умархана, и сама поэтесса погибла трагически — была убита вместе со своими сыновьями бухарским эмиром Насруллой. Поэтический мир Надиры окрашен необычайным сочетанием светлой, возвышенной лирики с трагическими

мотивами, связанными с ее нелегкой судьбой. Стихи ее поэтически весьма совершенны и отмечены незаурядной фантазией в комбинировании клишированных образов газели. Интересны и ее произведения, созданные в других жанрах лирики.

Третья поэтесса, чье творчество отражено в настоящем сборнике,— Дильшод (первая четверть XIX в.— 1905), создавшая много прекрасных газелей (другой ее тахаллус — Барно). В некоторых ее стихах, так же как и у Надиры, отразились трагические события ее жизни. В газелях и этой поэтессы заметна значительная творческая индивидуальность.

Традиции женской поэзии XIX в. продолжены в творчестве Анбар-Атын (1870—1915). Прикованная тяжелой болезнью ног к постели, Анбар-Атын все свои силы отдала творчеству. Стихи ее по тематике перекликаются с творчеством узбекских поэтов-демократов — Муками (1851—1903), Фурката (1858—1909), Завки (1853—1921) и др. В рамках традиций, регламентировавших жанр газели, Анбар-Атын сумела выразить и реальные свои чувства и веяния своего времени, в частности — просветительские мотивы.

Увайси

ГАЗЕЛИ

Доброй речью порадуя, попугай сладкогласный,
Будь всем людям усладой, как и мне, разнесчастной.

Кинь же мне взор нестрогий, чаровник беззаботный,
Жду тебя на дороге в смертной муке я страстной.

Не гони же, не надо, меня прочь, о садовник,
Цвет предвечного сада от моей крови — красный.

Я пройду оба мира, горемыкой скитаюсь,
Глянь, как мучусь я сиром,— ни к чему гнет напрасный.

В поле рдеют тюльпаны моей кровью багряной,
Жгут они мои раны страшной болью всечасной.

О, внемли гласу зова той, что гибнет от жажды,—
Дай испить мне хмельного, виночерпий всевластный.

Тебе чуждо недаром красоте поклоняться —
Удавься же зуннаром ты, святоша бесстрастный!

Хоть любимый и ранит, Увайси, будь же верной,
Пусть другой не приманит — даже самый прекрасный.

Дай, кравчий, алого вина пригубить из фиала мне,
Чтоб милый лик в мерцанье дна красой светился ало мне.

Кровавой раной ноет грудь, а он не шлет мне стрел-
ресниц —
Увы, не хочет и взглянуть — хоть раз послать их жала мне.

Поймите же мою беду, о люди,— сжальтесь надо мной,
К его порогу я паду — там место лечь устало мне.

И странно ли, что мне невмочь, и темен для очей весь мир:
От мук разлуки — день ли, ночь — все безразлично стало
мне.

Как мне не сетовать, Аллах, что нечестив он и жесток:
Я на его пути — лишь прах, покоя нет нимало мне.

Как зёрна, в ямках его щек приманкой родинки блестят,
А петли локонов — силок, который смерть связала мне.

Другим он верен — свой обет с двойною верностью
блюдет —
Зачем ко мне в нем дружбы нет, и верен он столь мало мне?

Неверному привет мой снести, о ветер, я тебя прошу —
О, если бы благую весть хоть ветром бы примчало мне!

Ты плачешь, Увайси, в беде, а он не глянет на тебя,
И все корят меня — везде немилость и опала мне.

Не тайну новых ли скорбей ко мне мой друг несет — не
знаю,
Иль он — друг горести моей, всех моих бед-невзгод —
не знаю.

То — бьет волною вал морской, вздымая пенные потоки,
Или, взвихрен .моей тоской, то — слез водоворот,—
не знаю.

«Ужель мучениям моим быть вечно?»— чуть влачась, я
кличу,
Или готовит боль другим его жестокий гнет — не знаю.

Я на красу твою взгляну — язык мой нем ее восславить,
Она томит меня одну или весь мир влечет — не знаю.

«Тебе моих соперниц рой милее!»— я ему сказала,
«Что ж,— отвечал мучитель мой,— запрещен этот плод?
Не знаю!»

То жар моих палящих мук твоя немилость разжигает
Или тоска-печаль разлук клеймом мне душу жжет —
не знаю.

Как, Увайси, ты сладишь с ним? Не мучь себя ты
понапрасну,
За что соперницам моим и верность и почет — не знаю.

Любовь! Я моей плоти нить огню святому жертвую,
Тому, пред кем мне слезы лить, я страсть-истому жертвую.

Не диво, что в мольбе моей я ниц лежу без памяти,—
Я разум мой его бровей, увы, излому жертвую.

Томиться не престану я, недвижна в моих горестях,—
Весь пыл мой его стану я, как ртуть живому, жертвую.

Твое веселье — грусть моя; мне — по тебе печалиться,
Все, что имею, другу я, мне дорогому, жертвую.

Наряден ты, а я с сумой бреду в посконном рубище —
Я все тебе, о стройный мой, а не другому жертвую.

Неведом сон мне и покой — все о тебе мечтаю я,—
Все ночи я в мечте такой — сну неземному жертвую.

О Увайси, в стихах твоих — не место многословию:
Не будет твой жемчужный стих стиху плохому жертвою!

Ты был мне другом, но, увы, теперь твоя вражда — мне
кара,
Повсюду — пересуд молвы, позорище стыда — мне кара.

Кому ж, о сердце, твой упрек, и на кого тебе сердиться?
Любимый сам, увы, жесток — он, чья душа тверда,—
мне кара.

И нет спасенья мне от бед, и я в отчаянье взываю:
«Едва душе забрезжил свет, и вот опять беда — мне
кара!»

Дитя беспечности самой, всю жизнь ты прожил
беззаботно,—
Не думай, о мучитель мой, что страшный день Суда — мне
кара.

Любимый скажет о любви — ты, сердце, тайну ту не
выдай —
Ты знаешь горести мои: его любовь — всегда мне кара.

Везде мне горько от невзгод, и горек суд молвы злорадной,
Но милых уст сладчайший мед — страшней того вреда мне
кара.

Одну лишь муку не снести — и сразу тысяч благ
лишишься,
За миг блаженства, Увайси, стократ сурова мзда —
мне кара.

Я твоих родинок зерно и сеть кудрей-бичей восславлю,
Твоим очам губить дано, но я и взор очей восславлю.

У твоих уст и сладких слов Иса учился сладкоречью,
Всех мертвых воскресит твой зов — я звук твоих речей
восславлю.

А полумесяцы бровей ты точишь к празднику закланья,
Паду я жертвою твоей и все же палачей восславлю.

Жгу плоть я мукой огневой, душою, как свеча, сгорая,—
Не зажигай светильник свой — я тьму моих ночей
восславлю.

Гонец! В очах истаял свет, пока тебя ждала я с вестью,—
Ту весть, которой долго нет, стократ я горячей восславлю.

О виночерпий, в жажде пью я влагу слез моих кровавых
И чашу щедрую твою — хмель искристых лучей
восславлю.

Хоть рифма, Увайси, тесна, но я мечту о луноликом
В свои стихи вложу сполна — твой облик, как ничей,
восславлю.

Кто встретится с любовью, тот весь век свой в муке
проведет:
Его кружит водоворот, он сна не знает от забот.

Мечта о друге повелит ему от мук стенать навзрыд,
И в бездне гибельных обид его вихрит круговорот.

Смотри, не выдай тайн своих тому, кто зол и сердцем лих,
Не то и самых прекрасных досада на тебя возьмет!

Кто солнечной красой прельщен, страсть в сердце да
сокроет он:
Скрывает звезды небосклон, едва засветится восход.

А мрак разлук тебя настиг — мечтай о свете каждый миг:
Пусть пред тобою лунный лик в кромешной тьме кудрей
встает.

Тоскою любящих сердец испепеленное вконец,
Содвинув набок свой венец, уходит солнце на заход.

Забудь, о сердце, этот стих — да будет и покой твой тих,
Чти, Увайси, друзей своих, любимой быть — не твой
черед!

Ни к чему напрасный твой вопрос о твоей доле, соловей,
Знаю я: тебе колючки роз сердце искололи, соловей.

Я пришла, слышавши тебя, в этот дол — твой
заповедный сад —
Дай мне быть, от горя не скорбя, гостьей в этом доле,
соловей.

Я пришла, разбив оковы сна, услышать твой
предраассветный стон —
Был ты от зари и допоздна пленником неволи, соловей.

Сколько ты томился средь ночей, розу о свидании моля,
И, не видясь с розою своей, ты страдал от боли, соловей.

В миг свиданья стон ты свой сдержал, свидевшись с
любовимой, наконец,
Но, исколот острями жал, плакал поневоле, соловей.

Что ж, терпи ради желанных встреч и шипы и жала вешних
роз,
Алой кровью от любви истечь — жребий твоей доли,
соловей.

Если твоя роза не красна, Увайси, то в этом нет вины:
Плакать кровью слез, не зная сна до зари, легко ли,
соловей?

Пришла разлука и меня с ума свела,— таков мой рок,
Я мотыльком в пылу огня сгорю дотла,— таков мой рок.

Молясь творцу всех сущих благ и рвенья повязав кушак,
Я в путь любви за шагом шаг одна пошла,— таков мой
рок.

Не дали мне допить до дна фиал заветного вина,
За грех была мне суждена одна хула,— таков мой рок.

Мне тело жег любовный пыл, он сердце твердости лишил,
Людская злоба свыше сил меня гнела,— таков мой рок.

Налей же мне вина, о друг,— пучина бед бурлит вокруг,
Хмельна я — чаша зла и мук мне тяжела,— таков мой рок.

Копна волос моих — приют, где птицы бедствий гнезда
вьют,
Я, как Меджнун, чей жребий лют,— во власти зла,—
таков мой рок.

Нет Увайси от мук житья — где, друг мой, доброта твоя?
От бед разлуки скрылась я в тиши угла,— таков мой рок.

Каждым утром край восхода озаряет снова солнце,
И зачем высь небосвода красит так пунцово солнце?

Кровь оно на небосводе пьет багряными устами —
Потому и при заходе светится багрово солнце.

День и ночь, вчера и ныне, без единой передышки
Бродит в роковой пустыне, как Меджнун без крова, солнце.

Мнилось мне, лишь я — в обиде, что тебя, мой друг, не
Нет! Как я, тебя не видя, хмурится сурово солнце,
вижу,—

Мне подобным горемыкам как не ведать посрамленья?
Перед лунным твоим ликом сдать в плен готово солнце!

«О коварное светило, будь мне другом!»— я молила,
Но сердито лик свой скрыло, не услышав зова, солнце.

О любимом светлом лике, Увайси, мечтай всечасно —
Ведь блестят пылинки-блики лишь в лучах покровы солнца!

Если я перед тобой грешна, скрой мою вину, не попрекай,
Если, гнетом мук сокрушена, горько я вздохну — не
попрекай.

Кто бы разделил со мной беду, я нигде на свете не нашла,—
Если кровью слез я изойду у скорбей в плену — не
попрекай.

Раненой душе моей невмочь, горестное сердце мучит
Если я, прося тебя помочь, боль упомяну — не попрекай,
боль,—

Если на жестокий этот свет я тебе пожалуюсь, о друг,
Если в речи с тысяч моих бед сдерну пелену — не
попрекай.

Доброты и милости твоей сколько бедных молит, как и я,—
Ты же добр — несчастных пожалей: хоть меня одну не
попрекай.

Если, по тебе томясь, мой друг, я умру, твой лик не
увидав,—
Значит, мое солнце, в стуже мук я навек усну — не
попрекай.

Знаю я, что я тебе чужда, но внемли, счастливец, Увайси:
Люб ты мне, желанный, навсегда — за мою вину не
попрекай.

Той крови, что мне тело жжет, твой лик, как роза ал, под
стать,
А сердцу, ведавшему гнет, колючки твоих жал под стать.

Других не укоряй виной и гневных слов на них не трать —
Лишь мне, от горестей больной, твой гнев всегда бывал под
стать.

Когда, пируя по ночам, ты станешь сладкий сок вкушать,
Твоим хмелеющим очам, поверь, хмельной фиал под стать.

А пряный мускус твоих щек лишь на меня дохнул опять —
Тот благовонный ветерок весне благоухал под стать.

Молю я с твоего пути меня, несчастную, не гнать:
Чтобы всю пыль с него смести — слёз моих горьких вал
под стать.

Очищу сердце я от бед, тебя в тоске я стану ждать —
Его мерцанья слабый свет тебе, как он ни мал, под стать.

О Увайси, чтобы не стыл огонь в тебе, пылай опять —
Гори, чтобы безумный пыл румянцу друга стал под стать.

Обо мне бы ты, друг мой, мечтал в помышленьи своем
ежечасно —
Образ мой пред тобой бы витал, и мы были б вдвоем
ежечасно.

Если любишь — безгласен и нем, приучи себя к
долготерпенью,
Не обмолвись о чувстве ничем, только думай о нем
ежечасно.

Лик твой — роза весенней порой, и в устах твоих речи
медвяны,
Вижу матовых родинок рой на челе я твоём ежечасно.

Кто тебя полюбил, тот постиг Судной ночи предвечную
тайну:
Твои кудри — как ночь, а твой лик светит блестящим
днем ежечасно.

Твоей бровью предвечный писец начертал мое имя на
свитке —
О любимый, пойми ж, наконец, — смертной чаши мы ждем
ежечасно.

День и ночь, за мгновением миг Увайси посещает виденье:
Твоих уст животворен родник, и журчит он ручьем
ежечасно.

Ждать, чтоб любовь явила ум, как вы ни ждете,
невозможно,
Ждать от безумцев здравых дум при всей охоте
невозможно.

Любви томительный недуг и лучший лекарь не излечит,
Увы, луну во тьме разлук вы не найдете — невозможно.

Безбедные! Вам пользы нет ждать от меня благоразумья,
Быть жертве неизбывных бед у вас в почете невозможно.

О виночерпий, оживи, налей мне пенящийся кубок —
Мне таять, млея от любви в хмельной дремоте,
невозможно.

О сердце, прозорливым будь: смысл сокровенного не
в блеске —
Постигнуть потайную суть по позолоте невозможно.

О, не считайте за порок, что я себя сожгла любовью:
Любовь познать, как мотылек, не сжегши плоти,
невозможно.

О Увайси, ты сил не трать — от пересудов не спасешься,
Поверь мне: просто не внимать им надо, хоть и
невозможно!

Твоим ресницам мучить всех казнью кровавою привычно,
Убийство жертв — тебе не грех: грозишь расправою
привычно.

О, не гони, любимый мой, меня от твоего порога —
Влюбленным всюду за тобой бродить оравою привычно.

Паду я в пыль на твой порог, чтоб очи исцелить той
пылью,—
Тебе для ловли душ силок считать забавою привычно.

О ясноликий! В сердце мне запали смута и тревога —
Тебе влюбленных жечь в огне своей управою привычно.

Я ныне горько слезы лью, чтоб затушить огонь разлуки,—
Ведь мне оплакивать мою судьбу неправую привычно.

О люди, горю моему внемлите, пощадите сердце:
В обломках тела — стыть ему, томясь отравою, привычно.

А с небосвода свет двойной тебе, о Увайси, сверкает:
Тебе и с солнцем и с луной дружить, с их славою привычно.

От скверны сердце я отмыла, о друг мой, — посети меня,
К костру, где страсть меня спалила, приходи погреться
у огня.

И если тех, кто жив любовью, ты за строптивый нрав
казнишь,
Окрась цветник моею кровью — приходи, без жалости казня.

Раскайся в ревности бурлящей и верным другом моим
стань,
Пойми, кто друг твой настоящий, вражду к врагам своим
храня.

О сердце, пленник ты усталый в неволе сладкозвучных
уст, —
Разбей же всех мучений скалы, если Фархад — тебе родня.

И чтобы в облике любимом тебе свет истины узреть,
Броди Медждуном одержимым, себя в пустыне хороня.

Здесь Увайси с тобою рядом по-соловьинному поет —
Ты спой в саду таким же ладом, стеная на рассвете дня.

Все люди, страсть в душе храня, хотят всегда отрады,
Но у кого, как у меня, нет и следа отрады?

Взор у любимых — душегуб, уста — родник живящий,
И мертвый ждет от милых губ хоть иногда отрады!

Любимый мой, хоть и затих в твоих устах звук зова,
Но мне в очах твоих хмельных горит звезда отрады.

О, заступи стопой мне очи, мой милый друг,— мой взор
тоскует,
О, будь мне гостем, всё жесточе томлюсь от мук,— мой
взор тоскует.

За что, скажи, о мой желанный, мне мука кары
непрестанной?
Уста твои благоуханны узреть бы вдруг,— мой взор
тоскует.

А ведь была я непостылой,— приди ко мне, о друг мой
милый,
Я жду тебя в тоске унылой, лих мой недуг,— мой взор
тоскует.

Иные взоров не боятся, друг друга ждут и не таятся,
Лишь мне господь судил терзаться во тьме разлук,—
мой взор тоскует.

Устрой, о кравчий, здесь веселье, да будет радостным
похмелье,
Дай мне вкусить хмельного зелья из твоих рук,— мой
взор тоскует.

Во славу красоты усладной пропой скорее стих свой
ладный,
Да вознесется речи складной веселый звук,— мой взор
тоскует.

О Увайси, в твоей недоле тебе ждать милого легко ли?
Ручьями слезы поневоле текут вокруг,— мой взор тоскует.

На твоём лике тьмой чреват двух локонов извив —
Так змеи охраняют клад, клубком его обвив.

Нет, это не цветенье роз, а кровь людских очей,
Им раны стрелами нанес твой взор, что так гневлив.

Где нет тебя, там на заход светило не пойдёт:
С досады солнце жжет и жжет, все небеса спалив.

Безумной быть меня обрек твоих бровей изгиб —
Все небо захлестнул поток, то — слез моих разлив.

Мне твоих стрел не страшен град: вонзившись в мою плоть,
Они меня и защитят, со всех сторон прикрыв.

Участьем к Увайси согрет, пристанище мне дай:
Заблудший в этом доле бед и жалок и пуглив.

В любви к тебе все мое тело — мечте моей приют, поверь,
Затих мой разум онемело — он от безумья худ, поверь.

И чтобы сердце не дичало, как птица вольная, его
Зерном мечты я приручала в плену любовных пут, поверь.

Приди, о ты, чье сердце хворо, лечиться тайнами любви:
Немало выдумок и вздора уста мои плетут, поверь.

Во тьме разлук просвет почуя, узрела я твой светлый лик:
К тебе, как мотылек, лечу я — увы, мой жребий лют,
поверь.

И не в твоей, о лекарь, власти мои болезни одолеть:
Недуги неизбывной страсти все мое тело жгут, поверь.

И птицы бедствий и печали, увидев зёрна моих слез,
Слетятся из далекой дали — гнездо на мне совьют, поверь.

О Увайси, что за отрада бездумно тайну разглашать?
Познавшему суть тайны надо хранить ее сосуд, поверь.

О Меджнуне одержимом стих я свой слагаю ныне,
В нем есть строчки о любимом, о Лейли, ее кручине.

О Увайси, будь в стороне от всех забот людских:
В пучине слез твоих — на дне сокровище лежит.

Страшись: безумья горемык каменья нележки,
Огнем пылают стон и крик моей любви-тоски.

И беззаботностью — о, нет! — ничто не укрепишь —
От друга мне сто тысяч бед, и язвы мук тяжки.

Дан не любому дар щедрот истомной красоты —
Истомно нежен друг мой — тот, чьи кудри — как силки.

Что проку от моих причуд — уйти в пустынный дол?
Шалаш мой — всех скорбей приют, и дни мои горьки.

Огонь любви и меч разлук терзают мою плоть,
Тебя лишь вспомню — грудь от мук разъята на куски.

Венец любви надела я и — в винный погребок —
О, сколь печальна жизнь моя, сколь муки жестоки!

Незрячий люд! Водой молвы не положи свой рот —
В слезах я с ног до головы — нет дна у той реки.

Пусть у иных надежен кров, в пустыню к Увайси
Им — глину брать для их домов — пути недалеки.

Я — как Фархад, но мне Ширин вестей не принесла еще,
И сердце ранящих кручин не ведала я зла еще.

И мне пришел лихой черед избранника изведать гнет,
Но, телом пав во прах невзгод, я сердце не сожгла еще.

Огонь разлук мне тело сжег, и взмыло прах мой, как песок,
Но не покрыла твой порог моих костей зола еще.

Хоть я обету и верна, нить моей жизни чуть видна —
Не видит друг мой, что она сгорела не дотла еще.

Он сотни раз давал обет, но верности в нем нет как нет,
Исчислить муки моих бед — такого нет числа еще.

О, рока злобная игра гнетет меня, стократ хитра,—
Увы, судьба ко мне добра вовеки не была еще.

Хоть о любви твой стих пропет, ты, Увайси, во власти
бед —
Кому была — ты дай ответ — любовь столь тяжела еще?

Красив ланит твоих пушок — он дорог для торгов еще:
Ты с покупателями строг и на торгах суров еще.

В разлуке с ним день ото дня любви и верности я жду,
Помучил много он меня и мучить вновь готов еще.

Луна и солнце уж давно завидуют твоей красе —
Им в небе чахнуть суждено среди твоих рабов еще.

Негоже, если я вдали от друга милого умру,—
Должна ведь услышать Лейли Меджнуна смертный зов
еще.

Что ж сердце мне терзать так зло? О камнесердый,
стань добрей —
Как роза, сердце расцвело, и сколько в нем шипов еще!

Блуждаю я в степи невзгод — где ж ей предел, а мне
исход?
И жизнь уже к концу идет, а путь любви тернов еще.

Томлюсь я по твоим устам, мне горло жжет кровавый ком,
И нет свершения мечтам, и я во власти снов еще.

Для Увайси весь мир далек, а ты собой так дорожишь!
Красив ланит твоих пушок — он дорог для торгов еще.

Всем, кто любовью одержим, — гореть в огне горячем,
И каждый теми, кто любим, стократ гоним и мучим.

От страсти плачу я навзрыд, и все во мне пылает —
Никто другой так не горит — огнем столь неминучим.

О юный кравчий, хоть сейчас тебе отдам я душу —
Где твои чанг, рубаб и саз с настроем их певучим?

И пусть влюбленный позабыт и кинут в лютой стуже,
Он сердцем вновь и вновь горит и в холоде трескучем.

Не упрекайте, что мой друг отверг меня навеки, —
Я зов к нему в ущелье мук вверю горным кручам.

О сердце, распростишься с мечтой найти участие в мире —
Мы этот злобный мир с тобой участью не научим.

И кто б хвалить тебя ни стал, о Увайси, — всё мало,
Скажи хоть тысячу похвал он языком тягучим!

Когда ты безумцам свой лик являешь всего лишь на миг,
Не думай, что тех горемык ты мукой неволишь на миг.

С невидящим взором живи среди недостойных и злых —
Чело тех, кто верен любви, поверь, не мертво лишь на миг.

Ты ныне, о добрый; на дне в морях безысходности сир —
Дай руку — твой жемчуг и мне узреть ты позволишь на
миг?

О кравчий, от ранней зари в иссохших устах — ни
глотка —
Похмельною чашей взбодри мое существо лишь на миг.

Терпением в думах своих, о сердце, ты блеск наведи —
Зерцало соблазнов мирских напрасно ты холишь на миг.

Мансур всей душою постиг предвечного господа лик —
Не вечен любой из владык: величье его — лишь на миг.

И пусть, Увайси, зелена, цветет в тебе поросль любви —
Дана тебе жизни весна, как рок ты ни молишь, на миг!

Не всем любовью одержимым закон любви познать дано,
Не всем свидания с любимым изведать благодать дано.

Кто видел, чтобы чадным дымом в ночи не тлела бы свеча?
Но ведь не всем в огне палимым, как мотылек, сгорать дано.

Медждуна увидав в смятенье, не упрекайте в том Лейли —
Не всем в ворота отрешенья внести такую кладь дано.

Иной при встрече с вожделенным о сокровенном умолчит,
А будет ли о сокровенном ему еще сказать дано?

Вовек не будь с дурными вместе, своей любви им не дари:
Не всем ведь доброты и чести, большой любви под стать, дано.

Отшельник, жизнь отдай смиренно тому, в ком друга обретешь,
Не всем, поверь, самозабвенно жизнь за других отдать дано.

О друг мой, в сердце скрыты клады, и ты их попусту не
Трать:
Тебе от Увайси награды не будет ведь опять дано!

Мне от твоих кудрей вдали, поверь, красы цветов не
Надо —
Как бы они ни расцвели, мне запах их — не слаще яда.

И что мне праздный разговор о ланях с томными глазами!
Твои ресницы, твой укор мне лучше томного их взгляда.

В твой сад, что пышно так возрос, ты не зови меня,
садовник:
В тоске от вида вешних роз я и разлуке с милым рада!

И что мне рая благодать и роскошь нег его нездешних!
Мне твое имя повторять, упав во прах,— и то награда.

А Увайси — во власти бед: печаль любви ее погубит —
Мне врозь с тобою — всё во вред, с тобою и враги —
отрада.

Моей любви, о милый друг, в том имени дано таиться,
Которого неведом звук: поверь, оно во мне таится.

Хмель, поданный тебе рабой, зачем же гордо так отверг
ты?
Вино, налитое тобой, в моей душе давно таится.

От власти чар того лица я млею — не сердись, о старец:
В нем отражению творца от века суждено таиться.

Не стой, о кравчий, в стороне — дай чашу хмеля
сокрушенным:
Дыхание Исы — в вине и в тех, кто пьет вино, таится.

Пусть упованья жаркий свет сожжет в тебе все
суесловье —
Знай, сердце: в рушащих обет безверие одно таится.

На крыльях алчности лететь не тщись к желанному
посеву:
Там, где ловец раскинул сеть, бесчисленных бед зерно
таится.

Во тьме разлуки ты упрочь, о Увайси, в душе надежду:
Как ни кромешна будет ночь, в ней утро все равно таится!

Предвечный кравчий, дай питья — уже душа исходит
горлом,
О, сколько гибнет, как и я, от мук хмельного яда,
право.

На сердце раны жестоки от слов твоих несправедливых —
Так в поле рдеют лепестки тюльпанного наряда, право.

Зря, Увайси, сравнила ты стан друга с кипарисом
стройным:
Ведь для подобной красоты твои слова — досада, право!

Когда с тобой бывала я, я счастлива была тогда:
Вдруг озарялась тьма моя от твоего чела тогда.

Прошу, о друг мой, не порочь меня за горькие слова:
Таиться было мне невмочь, и грудь мне ревность жгла
тогда.

Зачем ты звал меня, мой друг, надежды жар в душе
зажечь?
В огне любви, во тьме разлук сгорела я дотла тогда.

Когда весь мир затянет дым, не сгинет море моих бед:
Рок, дав все доброе другим, судил мне долю зла тогда.

И диво ли, что ты в тот час меня за муки пожалел?
Река кровавых слез из глаз на лик мой истекла тогда.

Не сетуй, сердце, что мой друг тебя, как птицу, прочь
прогнал:
Ему ведь песня твоих мук была так тяжела тогда.

Что ж, Увайси, твой дух поник в смертельной жажде —
стойкой будь:
Тебе б живящих уст родник — ожить бы ты смогла тогда.

В мирском саду красой — о, нет — с тобой никто не схож
другой,
Таящей столько смут и бед красы ведь не найдешь другой.

Что в моем сердце с давних пор таится? Ты и только ты —
Твой стройный стан, твой томный взор, скажи, имеет кто ж
другой?

Истрать во гневе весь колчан — пожертвуй твои стрелы
мне —
Кроме меня, больной от ран, для них никто не гожд
другой.

С тех пор, как ты мне люб и мил, лишилась воли я и сна:
Тебе я отдала весь пыл, а где ж ты пыл возьмешь другой!

С надеждою от твоих губ я зова жду, а ты молчишь —
Никто, как ты, душе не люб, никто так не хорош другой.

Пока на свете Хызр живет, верна навеки Увайси,
И взор ее не привлечет никто, как ни пригожд, другой!

Моей, жестокоокий друг, ты гибели кровавой хочешь,
Губить всечасным гнетом мук, кровавою расправой
хочешь.

Не убивай меня, молю, дай хмеля жаждущей рабыне,
Уж если душу ты мою считать своей забавой хочешь.

Меня, о лекарь, не неволь расспросом о недугах плоти —
Моей души ты вызнать боль повадкою лукавой хочешь.

Святоша, ты мне — не родня, идти к кутилам и не думай —
Ты, верно, пристыдить меня моею горькой славой хочешь.

И если я, страдая люто, крик не сдержу — не укоряй:
В душе моей — печаль и смута, а голову объял дурман.

И упрекать меня негоже, что я в саду не расцвела:
С тобою сердце мое схоже — оно алеет кровью ран.

И я в смятении безумном, и сердце ревностью горит —
Увы, тобой, всегда разумным, мне неразумный жребий
дан.

Твоих щедрот благое море — для тех, кто весел и счастлив,
А всех страдающих от горя гнетет беспечный твой обман.

Погребены в злосчастном месте мечты и помыслы мои,
А о твоём величье вести идут из благодатных стран.

И Увайси не перестанет к тебе стремиться мотыльком:
Измученное сердце манит твой лик, что, как огонь, багрян.

Не сомкнуты ль твои уста медвяно-пряной сладью —
Не от того ль их немота, молчанье, безучастье?

Мне твои стрелы суждены — все мое тело в ранах,
Мечи и пики вонзены в меня твоею властью.

Хоть наяву не мнится мне узреть любимый образ,
Я лик твой вижу и во сне — что делать мне с напастью?

И, даже страстью опален, ты на других не зарься,
Не то тебя сожжет мой стон — и быть тогда несчастью.

На дне в жемчужницах литых в морях хранится жемчуг —
Таю я жемчуг уст твоих в душе, объятой страстью.

О сердце, и хуле внемли, не ведая обиды, —
Чтобы плоды любви взросли, быть должно и ненастью.

Беспечной, Увайси, не будь — жди и во тьме удачи:
Очей сумеешь не сомкнуть — быть на рассвете счастьем!

Я тебя ждала — от плача истекали мои очи,
И томилась, горько плача, от печали мои очи.

В душу молния вонзилась от твоих жестоких взоров —
На твою любовь и милость уповали мои очи.

Взор твой — что хмельное зелье, он сжигает ум и разум —
Избегут невзгод похмелья уж едва ли мои очи.

Не упустит дождь мгновений, если все цветет весною, —
От твоей красоты весенней тучей стали мои очи.

Сколько взоров — есть ли вести? — тебе вечность
подарила?
Нет, не здесь, а с ними вместе в горней дали мои очи.

По тебе таят истому сонмы восхищенных взоров,
По тебе — не по другому тосковали мои очи.

Я в училище терпенья сердце долго обучала,
Но, увы, и в унижение и в опале мои очи.

Пусть вовек красу такую не увидит взор Меджнуна —
Словно по Лейли тоскуя, изнывали мои очи.

О Меджнун мой, благодарна Увайси тебе за милость —
Привечали лучезарно не тебя ли мои очи?

Я того, кто ладен станом, строен и высок, люблю,
По устам томлюсь румяным, их слова и слог люблю.

Небеса пронзая криком, кровью слез я изойду —
Я того, кто дивен ликом, как в саду цветок, люблю.

Лекарь, моему увечью сладким зельем не помочь —
Я того, кто сладкой речью муку мне предрек, люблю.

Я рыдаю, лью я слезы и стенаю соловьем —
Я того, кто краше розы красотою щек, люблю.

Я того, кто губ пыланьем навсегда мой взор сразил,
Кто жемчужных уст сверканьем в сеть меня завлек, люблю.

Я того, чьим грозным чарам все сердца губить дано,
Кто меня кудрей зуннаром залучил в силок, люблю.

Я ищу, скитаясь вечно, избавления от мук,
Но того, кто бессердечно так ко мне жесток, люблю.

У любви моей в неволе я, как смерч в степи, кружусь —
Я того, кто в диком доле жить меня обрек, люблю.

Что же тешиться обманом — толку ждать от Увайси,
Я того, кто ладен станом, строен и высок, люблю.

Я муки страсти в тот же миг, как родилась на свет, узнала,
Красавца я — Аллах велик! — какому равных нет, узнала.

Обитель сердца — мой покой сияньем страсти озарило,
И я в темнице сей мирской неизъяснимый свет узнала.

И зажурчал любви ручей под животворной сенью Хызра:
Я — как бывает взор очей потоком слез согрет — узнала.

Сколь тяжко люди сих времен меня за дружбу покарали —
За доброту я лишь урон от них и зло в ответ узнала.

И сердце поняло: пора в хмельной приют уединенья,—
Там я радетелей добра и верности обет узнала.

И там, в развалинах, в глуши, где, все равны, юнцы и
старцы
Таят любовь на дне души, я тайный их завет узнала.

Я в сердце взор вперила мой, и там, в его душевной смуте,
Я стан, и стройный и прямой, оставивший свой след,
узнала,

К зерну свидания влеком, парит печальный сокол
сердца —
Я в сердце, Увайси, своем гнездовье мук и бед узнала.

Скажи мне, разве это стыд — тебе дар этих строк снести —
Всю муку, что мне грудь томит, всю боль моих тревог
снести?

И разве не желанен миг, чтобы смирение мое
Взамен цветов, о чаровник, тебе — на твой порог снести?

И ежели, не вняв мольбе, ты не простишь мою вину —
Казни, готова я тебе всю жизнь мою в залог снести.

Я — не с тобой, в плену разлук, но стон летит к тебе,
мой друг,
Стенаю горько я от мук — и кто бы стон мой смог снести!

Ищу тебя весь день-деньской, терзаясь от тебя вдали,—
Я зареклась познать покой — легко ли мне зарок снести?

И ты к страданью моему, о виночерпий, снизойди —
Как муки смертные тому, кого пыл страсти сжег, снести?

Томится сердце, боль тая, в густом клубке твоих кудрей —
К тебе сумела тайно я моей любви клубок снести.

О, будь же к Увайси не строг — прости ее вину, мой
друг,—
Простил бы ты меня — помог мой безысходный рок снести.

О боже мой, какой лукавый, какой неверный мной любим,
Томящий мукою — неправой, невероятной — мной любим.

Чем больше гнет его отравный, тем больше я его люблю —
Какой жестокий и злонравный и лицемерный мной любим!

Томлюсь в страданье я жестоком, а счастья и покоя нет —
Он, схожий с бедственным потоком, любовью верной мной
любим.

Увы, любовью негасимой его люблю я, как Лейли,—
Меджнун, безумьем одержимый, в тоске безмерной мной
любим.

Я мучусь страстью безнадежной, тоскуя по его кудрям,—
Какой бессовестно безбожный, неправовверный мной
любим!

Я со смирением покорным ему сто жизней отдала б —
Он, в сладкоречье животворном столь беспримерный, мной
любим.

Где же мой любимый, друзья? Я о нем, как о сыне, грущу,
О всесветном владыке я всей тоской рабыни грущу.

Как скиталец в пустыне мук, неприкаянно я брожу.
Чем бы мне исцелить недуг?— я в безмерной кручине
грущу.

Лишь один он в сердце моем, лишь о нем мое слово и
речь —
О единственном, дорогом — о моем властелине грущу.

День и ночь, страсть в душе тая, жду его я, вдаль очи
вперив,—
Об участливом госте я, истомленная ныне, грущу.

Хоть и не для моих скорбей бог хранит его — пусть
придет,
Я о нем — о боли моей, о заветной святыне грущу.

Темен мир мне во мраке бед, в беспроглядных потемках
разлук,
Я о нем — он мой лунный свет — о моем господине
грущу.

Увайси, я в тоске немой, в безысходном рыданье томлюсь,
Не со мной ясный светоч мой — я по этой причине грущу.

Мне подобных в целом мире нет, кто, как я, любовью мучим
был,
Кто бы день за днем рыдал от бед, чей бы стон таким же
жгучим был.

Праздный люд, Меджнуна не хули за безумье и за
наготу —
Он, томясь и плача о Лейли, сломлен горем неминучим
был.

Моей жизни подошел предел — я в скитаньях страсти
извелась,
Почему мой горестный удел вечно горьким и горючим был?

Никого на помощь не зови, если страстью ты испепелен, —
Не найдешь таких, чей путь в любви беспечальным и
везучим был.

Будь покорным, сердце, в стороне от обета верности не
стой —
Вспомни о проклятом Сатане: до паденья он могучим был.

Встретишься с любимым — принеси весть ему, о добрый
мой гонец, —
Путь разлуки бедной Увайси и тернистым и колючим был.

Укрась чело — и сам цветник вовек цвести не будет,
Открой уста — ни сердолик, ни перл в чести не будет.

Пусть твоих уст родник вошьет в меня хоть каплю хмеля —
И никого похмельный гнет вовек гнести не будет.

О, снизойди ко мне, мой друг, пошли мне исцеленье,
И сердце пленником разлук стыть взаперти не будет.

Пусть без тебя достойный люд ни в чем не обойдется,
И пусть тебя гнетущих пут никто плести не будет.

И ты ради себя, мой свет, страшись моих соперниц —
Того, чего почти что нет, пускай почти не будет.

Увы, пришел мой смертный час, но для моих преемниц
Пускай — вот Увайси наказ — к тебе пути не будет.

Мой возлюбленный строен, он — и ладный и статный,
Только стал мне бедой он — стал бедой непонятной.

Розолик, темноок он, чернокудрый, курчавый,
С головы и до ног он весь — красивый, приятный.

Благодарность несущей речью слово скажу я:
Дал тебе всемогущий дар красы благодатной.

Горний свет величавый отражен в твоём лике —
Бог почтил тебя славой с добротой неоплатной.

Сожжено мое тело пылом огненной страсти,
Но счастливым нет дела до печали невнятной.

Все дано тебе в милость — красота, обаянье,
Все в твоей воплотилось красоте беззатратной.

Увайси! Что за диво, если ты умолкаешь,
Как пройдет красиво мой возлюбленный статный.

На том пути, где ходишь ты, во прах не пасть я не смогу,
Я не попрасть своей мечты — своего счастья не смогу.

Мне предназначено терпеть неволю пут и плен оков,—
Мне твои кудри — словно сеть: в плен не попасть я не
смогу.

Ниспослан дар кудрям твоим благоуханье источать —
Унять, не покоряясь им, любовь и страсть я не смогу.

Тяжелый стон мне горло сжал — над розой стонет соловей,
И я — лишь жертва острых жал, — сломить напасть я не
смогу.

Пусть надо мной топор подъят — мне не забыть медвяных
уст,
И, как к устам Ширин Фархад, к ним не припасть я не
смогу.

Ничьей, поверь мне, красоты не видит мой смиренный взор,
Лишь о тебе мои мечты — забыть их власть я не смогу.

Страданьем сердце сожжено — о, кто бы мне налил вина —
Я от вкушающих вино не ждать участия не смогу.

Падешь ты жертвою немой в степях любви, о Увайси, —
Я в кровь окрашу саван мой — стерпеть несчастья не
смогу.

Увидев лик твой, вешний сад цвести не станет больше, —
Что ж, пусть шипы мне не грозят, меня не ранят больше!

В моих очах горит звезда, едва твой лик увижу,
И звезд светящая чреда с небес не глянет больше.

Вся правда несказанных слов в твоих устах таится,
И попугая сладкий зов меня не манит больше.

Хмель одолел меня, поверь, о юный виночерпий,
И здравый смысл меня теперь уж не обманет больше.

Ждет меня гнев твоих очей — казни меня, не медля, —
Меня никто из палачей да не вспомянет больше!

Ты сонмы мертвых пробудил медвяно-сладкой речью —
От уст Исы уж из могил никто не встанет больше.

О Увайси, в темнице мук душа твоя томится,
Но сердце ржавчина разлук пусть не туманит больше.

Не о тебе промолвлю слово — ему толковым не бывать,
А призову на торг другого — делам торговым не бывать.

Ты мне грозишь кудрей арканом, и мне безверие грозит,
А я грожу ресниц колчаном — и тем оковам не бывать.

Ты — мой любимый, несравненный, и ты пленяешь все
сердца,
Другим любимым во вселенной — под ее кровом — не
бывать.

Пока отравным я угаром моей любви опьянена,
Моих соперниц злобным карам, их козням новым не
бывать.

Не тешьтесь же мечтой бесплодной порыв любовный
приручать:
Любовь — сова в глуши невзгодной, в уюте совам — не
бывать.

Исход для сердца разве нужен из плена выющихся кудрей?
Мой дух от ревности недужен — ему здоровым не бывать.

Тебя всегда хвалить готова, о мой любимый, Увайси —
Не о тебе промолвлю слово — пусть ему словом не бывать.

Любовью жги меня в огне — и пламень в сердце жгучий
будет,
Твоя краса пусть в очи мне волною бить кипучей будет.

О шах прекрасных! Начинай веселое ночное бденье,
И пусть играют чанг и най — прекрасен лад созвучий
будет.

Ко мне, печальной, милый друг стал нынче не суровым,
И в нем любовь проснулась вдруг — он стал к любви
готовым, право.

Мне все твердили уж давно, что речь его сладка, как
сахар,—
Нет, больше сладости дано его устам медовым, право.

Я пала на порог его, о сладостных устах тоскуя,
И сердце, стывшее мертво, как будто стало новым, право!

Да будет до конца времен он кипарисом называться,
И да не будет он сражен,— он назван верным словом,
право.

Всечасно ввысь устремлено, к тебе летело сердце птицей,
Но пало на землю оно, подбито птицеловом, право.

И, правду говорят, стыдна твоя безжалостная доля:
Ты, Увайси, посрамлена — твой жребий стал бедовым,
право.

С вешним садом соловей — гость унылый разлучен,
Не успел смежить очей — с розой милой разлучен.

Верен твоим чарам, я был на торжище купцом,
Но с моим базаром я злою силой разлучен.

Очарованный тобой, роком был наказан я —
С моей розой я судьбой опостылой разлучен.

Сердце истекло слезой, истомленное навек,—
И за что с моей лозой я, помилуй, разлучен?

Небо, это — месть твоя иль уж так мне суждено?
С доброю подругой я, ей постылый, разлучен.

В чаше бед тягуч и густ яда терпкого настой,
И с усладой твоих уст, я, бескрылый, разлучен.

Увайси, от мук больной, утешенья нет ни в чем,—
Что за бедствие: со мной друг мой милый разлучен.

Все, что я скрываю в глубине, о тебе непотайном мечтает,
Все потайно скрытое во мне о тебе лишь об одном мечтает.

На меня, о мой Иса, взгляни: губы мои — двое мертвых
рядом,
Сладость уст твоих вкусить они, тягостным объята сном,
мечтают.

Руки мои жаждут твоих рук, о твоём мой взор тоскует
взоре,
Стан мой, долу гнущийся от мук,— о твоём, как луч
прямом, мечтает.

И не говори мне — я, мол, глух, зова твоего, мол, я не
слышу,—
Дважды кликнуть клич готов мой дух — и о том и об ином
мечтает.

Внятен зов мне, но уже невмочь моему невидящему
взору —
О твоём челе он день и ночь — твоём лице неземном
мечтает.

Исцели свиданьем от разлук, исцели свиданьем от
страданий —
Сердце о тебе под гнетом мук в помрачении больном
мечтает.

Мне кудрей желанна темнота, пологом закрывших лик
твой светлый,—
Не дивись, что всё во мне — мечта, всё лишь о тебе
одном мечтает.

Из Коканда-города пришли вы. Где мои кавуши — не у
вас ли?

Знаете вы: дни мои тоскливы. Где мои кавуши — не у
вас ли?

Мы на днях в Ходжете побывали, радовались очень мы
вначале.

Но Уратепе — такие дали! Где мои кавуши — не у вас ли?

У Кухангских гор красивы скаты — все в тюльпанах,
склоны там покаты.

И пышны сады там и богаты. Где мои кавуши — не у
вас ли?

Но в печалях нет у меня друга, плачу я — увы, пришлось
мне туго,

Мне Кукабиби — в беде подруга. Где мои кавуши — не
у вас ли?

И не встать мне нынче без подмоги: путь тяжел был, и
распухли ноги.

Вот что приключилось в той дороге. Где мои кавуши —
не у вас ли?

А других кавушей нет, не видно, да и денег нет — вот что
обидно,

У Шадманбубуш просить мне стыдно. Где мои кавуши —
не у вас ли?

Сапоги у сына худоваты, хоть и наложил на них заплаты
Добрый человек, не взявши платы. Где мои кавуши —
не у вас ли?

Дума о кавушах сердце гложет, дума о деньгах меня
тревожит.

Вот Давлатбегим — она поможет. Где мои кавуши — не
у вас ли?

Когда истомно выйдет в сад мой нежный друг хмельным-
хмельной,
Когда уста его блестят жемчужно-светлой белизной,

Тогда я плачу от тоски, но — нет, не кровь течет из глаз, —
То — в горе льют мои зрачки рубинов ливень проливной.

В багряно блещущем вине мне виден несравненный лик, —
О кравчий, дай же чашу мне — да будет милый друг со
мною.

Бывал ли ты хоть раз не злым, о твердосердый чаровник?
Ты добр к соперницам моим и лишь ко мне ты зол одной.

Дрожат тростинки стрел твоих на мне, как перья легких
крыл,
Но мне не прилететь на них, увы, в приют твой
неземной.

Зерцало взора в тот же миг зардеет от твоей красы,
Едва взгляну я на твой лик, мерцающий во тьме ночной.

Твой лик ли виден вдалеке, завесою кудрей сокрыт,
Иль это розу в цветнике рейхан опутал пленой?

На мне — посконная хырка, одежда бедных горемык, —
На что мне шахские шелка? — не нужен мне наряд иной.

Дружна с кручиною разлук, увы, страдает Увайси,
И лишь печали — верный друг мне, истомленной и
больной.

Любовь и страсть в себе тая, порочить их тщетой не смей,
И сердце, словно соловья, неволить красотой не смей.

И речь твою да охранит от славословья красоте —
Не зарься на красивый вид — себя увлечь мечтой не
смей.

И если веры твоей явь ты хочешь блеском озарить,
Безверью шею не подставь — поддаться скверне той
не смей.

Что было впитано тобой, из сердца сразу не изъять —
Прельщаться лживой ворожкой и хитростью пустой
не смей.

Вот мой совет: храни свой дух от хмеля вкрадчивых
речей,
И лестью усыплять свой слух и ложной добротой не смей.

Святой молитвы звук храня, не льстись на кривду, мой
язык,—
Советчик, ты манить меня напрасной суетой не смей.

Кто страстью, Увайси, влеком, ты с них во всем бери
пример —
Храни мечту свою — стихом точить ее устой не смей.

Повстречалась со злым я, камнесердым на диво,—
Люди, верьте лишь добрым — чья душа справедлива.

Я люблю его верно, человечно, душевно,
Почему ж его сердце так недобро, гневливо?

От любви безответной пала наземь в тоске я,
Но в порушенном робость — лишь предвестие взрыва.

При свиданье с тобою я совсем потерялась —
Лунный свет при восходе сразу меркнет пугливо.

Если косо ты смотришь и меня отвергаешь,
Разве жертвой паду я пред тобой молчаливо?

Ты к другим благосклонен — оживляешь их души,
Только я моей казни ждать должна боязливо.

Правоверно и верно красоту твою чту я —
Я в мольбе пред тобою пала благочестиво.

Сад сердца — весь в шипах, без роз. Где розоликий?
Он — не здесь.
Как не стенать мне в муке слёз? Ведь соловьиный стон —
не здесь.

О, как моей душе больной томиться тяжело здесь одной —
Ведь благовоннокудрый мой, со мною разлучен, не здесь.

Истомною волной вилась его кудрей душистых вязь,
Но тот, кого я жду, томясь, навек утратив сон, — не здесь.

Я, страха в сердце не храня, жду милостей день ото дня,
Но тот, кто цепи на меня надел со всех сторон, — не здесь.

Иссохла в жажде я немой — о виночерпий, что со мной?
Что делать — сладкоустый мой, любви ко мне лишен, —
не здесь.

Ступай, о вестник, в даль дорог к тому, кто так суров
и строг, —
Ведь тот, кто сердцем столь жесток, не шлет, увы,
поклон, — не здесь.

Ты, Увайси, в плену угроз, в неволе мук, невзгод и слез —
Сад сердца — весь в шипах, без роз. Где розоликий?
Он — не здесь.

Я вся — любовь к тебе и страсть, душа чужда иного,
Твоих бровей мила мне власть — нет мне суда иного.

И наяву я и во сне лишь стройный стан твой вижу —
Поверь же: помысла во мне нет никогда иного.

А он, участием не влеком, меня жестоко мучит —
Нет в унижении моем, кроме стыда, иного.

Погиб мой дух от гнета бед в моем иссохшем теле —
Ни телу и ни сердцу нет, кроме вреда, иного.

Гонец, ступай туда, где он — жестокий мой любимый,
Скажи, что всё во мне — лишь стон — нет и следа иного.

С другими добр — со всеми сплошь, меня стократ
презрел ты —
Зачем же ты мне не пошлешь хоть иногда иного?

Лачугу Увайси, мой друг, не обдели вниманьем —
Кого ж еще, томясь от мук, я жду сюда иного?

Мечом презрения рази — я жертвой бессловесной буду,
И гневом стрел-ресниц грози — погибшей я, безвестной
буду:

Огнем любви меня пали, но не сжигай совсем — помилуй,
И псам твоим, влачась в пыли, поживой я чудесной буду.

Верна я, но любимый мой ко мне менял не засылает —
О ты, базар тщеты людской! Пока жива, я честной буду.

Как соловей души моей мечтает о свиданье с розой!
Не рань шипами, пожалей, — я гостьею безлестной буду.

Раз недостойна я щедрот, о, не гони хоть от порога —
Рыдать, терпя всю боль невзгод, я здесь, о мой
прелестный, буду.

Огонь любви палит — я жду: набрось же мне зуннар
на шею,
И я, пылая, как в аду, терпеть недуг телесный буду.

Хоть Увайси из твоих уст всегда одни обиды слышит,
И злым речам, о сладкоуст, я жертвой бессловесной
буду.

Почему так чужд мой милый? Жар пылает в моем теле,
Птица сердца сникла хило — крылья-перья обгорели,

Если ж, милостью врачуя, вдруг придет ко мне желанный,
Перед ним во прах паду я, чуть живая — еле-еле.

Он немилостив — нет мочи, и глаза его жестоки;
Моей верой его очи вдруг набегом овладели.

День и ночь смертельно млея, я о встрече с ним мечтаю,
А увижу — онемею, жизнь — совсем уж на пределе.

Сердце! Ты пощады ранам и не требуй от красивых —
Сколько стройных прежде станом сникли, не добившись
цели!

Ни к чему твои заботы — мне с тобой не быть, о кравчий,—
Льешь моим врагам вино ты, мне ж — и не мечтать
о хмеле.

Распростишь, святоша, с думой о стезе всех отрешенных —
Ты об Увайси подумай — о лихом ее уделе!

Кто в этот бренный мир придет, влачить свой век ему
легко ли?
Сей мир — пристанище невзгод, темница бедственной
неволи.

Не знаю я, сверкнет ли вдруг мне радостный рассвет
свиданья,—
Судил любимый ночь разлук терпеть мне в горестной
недоле.

Прости вину мне, если я сказать все ладно не сумела,—
О том, как скорбна жизнь моя, сказала я лишь в малой
доле.

О знающий мою беду! Мне не дружить уже с тобою,
Перед любимым я паду, прощаясь с жизнью поневоле.

О лекарь, милость прояви — не думай мне найти
лекарство,
Тому, кто болен от любви, нет исцеления от боли.

А лика твоего лучи сквозь пелену кудрей сверкнули —
И — словно бы луна в ночи льет свет, невиданный дотоле.

О Увайси, все тщетно — брось свои потуги верить миру —
Ты в этом мире — только гость, и кратковременный,—
не боле!

Стонет соловей с тоской щемящей, видно, научившись
у меня,
Жаром жжет свечу огонь палящий, видно, научившись
у меня.

Я, не в силах скрыть кровавой муки, все хожу в пустыню
на заре —
Рдеют небеса зарей горящей, видно, научившись у меня.

Друга солнцеликого не вижу — в сердце кровь пылает,
как закат,—
Рдеет свет, края земли багрящий, видно, научившись
у меня.

Твои брови-месяцы увидев, я безмолвной жертвою паду —
Чтут обычай, жертвоприносящий, видно, научившись
у меня.

Гребень мук моих вонзился в сердце, спекшиеся пряди —
все в крови,
Кудри друга мреют темной чашей, видно, научившись
у меня.

За тобой я поспешаю всюду — словно бы за солнцем
я бреду,
И бредет оно чредой спешащей, видно, научившись
у меня.

Увайси, ты в сердце добываешь перлы своих блестящих
стихов —
Источает жемчуг свет блестящий, видно, научившись
у меня.

Любимый, сядь — вокруг тебя, как небосвод, я обернусь,
Меджнуном, что, душой скорбя, в степи бредет, я
обернусь.

Я кровью вся обагрена, гонима сворой твоих псов,—
Кровавой чашею вина моих невзгод я обернусь.

Увидев мой позор, ты зря не укоряй меня, молю,—
Таюсь я, лишь взойдет заря — и на заход я обернусь.

Всю грудь до крови изорвав, томлюсь я по твоим устам —
Потоком слезным, чей кровав водоворот, я обернусь.

Душа исходит горлом прочь — о, дай мне хмеля уст
твоих —
Готовой жажду превозмочь, стерпеть твой гнет я обернусь.

Бог меня долею такой — судьбой злосчастной наделил:
От слез моих Джейхун-рекой — потоком вод я обернусь.

Зачем же презрена тобой и бесприютна Увайси?
Пойми мой жребий — и рабой твоих щедрот я обернусь.

Ты, бедных горемык презрев, к их нуждам будешь глух
доколе?
Скажи мне, о могучий лев, ты будешь мучить мух доколе?

Венцом неизреченных благ ты так блистательно увенчан,—
Да будет ум твой мудр и благ,— продлится гнет порух
доколе?

Кто сердцем и правдив и прям, тот дружбой с доблестными
славен,
А ты, благоволя льстецам, с друзьями будешь сух доколе?

О ты, кто сонно жизнь ведет! Тебе невнятно звезд
горенье —
Жечь будет стоном небосвод пылающий мой дух доколе?

Тяжело-каменным сердцам жемчужным блеском не
светиться,
А жемчуг добывать — пловцам, жар сердца не потух
доколе?

О Увайси, с собою ладь — в зеркало сердца глянь
и слушай —
Достойными пренебрегать твой будет взор и слух
доколе?

МУХАММАСЫ

Мухаммас на газель Навои

Ты забыл о горе моем — как тяжка боль моих обид,
Ты — султан в величье своем,— кто ж еще мне заслон
и щит?

Моей жизни печальный дом скорбь-печаль по тебе
крушит.

Ты, как роза, красив челом, строен станом ты, как
самшит,—

Неприкаянным соловьем я в разлуке плачу навзрыд.

Если в сердце веселья нет, как изведать мне вкус вина?
У познавшего долю бед разве будет чаша полна?

Не нашедшему птичий след птицелову не ведать сна.
От очей твоих сердцу — вред: птице сердца смерть
суждена,—

Одну птицу ловить вдвоем — разве это не срам, не стыд?

Нет, не ведает праздный люд, как бреду я, сбиваясь
с ног,
А увидят — и не поймут суть и смысл всех моих тревог.
Даже ты был и зол и крут — мою муку понять не смог —
Видно, в школе лукавств и смут, где усвоил ты свой
урок,
Сам учитель к греху влеком — навык верности им забыт.

О, как жажду я день и ночь верных дружбе найти друзей,
Кто бы в горе моем помочь мне хотел молитвой своей!
Стонет, если сердцу невмочь, опечаленный соловей.
Ты помучить меня непрочь, сколько горьких я слез
ни лей,—
Хоть булат и кален огнем, лишь вода его закалит.

Если весть из дальних сторон о Лейли получу я вдруг,
Как Меджнун, вознесу я стон в непроглядной ночи
разлук.
Был Фархад лишь смертью спасен от страданий своих
и мук,
Но и в тысячной доле он не познал моих ран недуг,
А Фархадом проход-пролом не один ведь в горах пробит!

Вся изранена плоть моя, да на теле не видно ран.
Если б кровь не сдержала я, цвет одежды стал бы багрян.
Жалят тернии соловья — стон его тоской обуян.
Есть у роз шипы-острия в вешнем цвете куш и полян,
И содрать все перья живьем с соловья злоба их грозит.

Если ты стал совсем хмельным, не испив ни глотка вина,
Если ты, как сова, томим полудремою полусна,
Если ты задором таким, Увайси, вновь и вновь полна,
Если страстью ты одержим, Навои,— не твоя вина,
Это значит — в сердце твоём образ дивной красы сокрыт.

Мухаммас на газель Навои

Если жил ты, слез не зная, пленником забав, увы,
Значит, жизнь прошла пустая, и ты был неправ, увы.
Есть ли прок жить, не сгорая, жара не познав, увы!
Жизнь моя была дурная, век мой был лукав, увы,
Каяться в грехах, стеная,— хуже всех отрав, увы.

С виду-то любовь красива, а по сути — доля мук,
Разнарядится на диво, а сгноит в неволе мук!
Ни единого порыва нету в ней без боли мук,
Притворится она лживо, а найдет все боле мук,—
Жизнь моя прошла земная, счастья мне не дав, увы.

Да исчезнет след отвратный горестных примет, ума,
Да изыдет безвозвратно из вселенной вред ума!
На весь мир позор стократный я терплю от бед ума.
Обманул меня невнятный, несусветный свет ума,
И теперь томлюсь, грустна я: нет на ум управ, увы.

Сердце! В гордости безмерной ты увязло в путах зла.
Кто грешит такую скверной, недобры его дела.
Тешась речью лицемерной, ум спалила я дотла.
Люди веры правоверной! Жизнь моя к концу пришла.
Не была добру верна я,— жизнь прошла стремглав,
увы.

О, не будь же кровожадным, чтоб не каяться потом,
Чтоб с рыданием надсадным не отчаяться потом:
Кто был к другу беспощадным, с горем знается потом.
Все свершай деяньем ладным, чтоб не маяться потом,—
Что за прок жить, проклиная свой порочный нрав, увы!

О кумир мой, душу в теле ты мне тайной страстью жжешь,
Силы тела на пределе, все во мне разбито сплошь,
Я — как жертва на прицеле: бровью ты меня убьешь.
Только что ж болтать? На деле все, что ни скажу я,—
ложь.

Правда вот: была темна я, жизни не поняв, увы.

Если б зов людей прекрасных до моих ушей достиг,
Или мук моих всечасных к ним дошел бы стон и крик!
У мужей понятий ясных слово есть, чей смысл велик:
«Хоть бедняк и раб всевластных, лучше он дурных
владык»,—
Плохо, если власть дурная — во главе держав, увы!

Разлучает с другом милым злых соперниц гнет меня,
Лишь терпением унылым от беды спасет меня!
Оговором опостылым, Увайси, гнетет меня,
Знать про всех мне не по силам, Навои, но вот меня
Одолела хворь чудная — путь мой был лукав, увы!

Мухаммас на газель Физули

Полезно ли, вредно ли страстное слово!
Мучительно страсти подвластное слово.
Свиданью прилично лишь красное слово.
В жемчужных устах твоих — ясное слово
И сыплешь ты жемчуг — прекрасное слово.

Бог дал тебе милость — прекрасен ты станом —
Да быть тебе вечно во цвете багряном!
Вольно ж тебе мучить влюбленных обманом!
Уста твои тонки, а речь их — с изъяном:
Изящно, но зло их опасное слово.

Любимый мой друг только тьмою nocturno —
Во сне лишь, жестокий, бывает со мною.
Но скованы губы твои немотою:
Словам, как и мне, не расстаться с тобою —
Уста не покинет напрасное слово!

Кто был еще столь же суровым — не знаю,
Почтишь ли хоть раз меня зовом — не знаю,
Иль к карам ты будешь готовым, — не знаю,
Кто славен, как ты, сладким словом, — не знаю.
Жемчужно твое сладкогласное слово.

Спросить бы тебя о желанном-обетном,
Да кто ж отвечает, увы, безответным!
Спросить бы тебе, Увайси о запретном.
Узнать Физули бы о самом заветном —
Услышать бы небезучастное слово!

Мухаммас на газель Физули

Полюбишь — терпению учишься, не ведай иного желанья.
Прими мой совет: берегись, не молви ни слова желанья.
С разлучною долей смирись: иное бредово желанье,
В любви от себя отрешись, смиряя сурово желанья, —
Влюбленному должно спастись от страстного зова
желанья!

Сначала любовь осрамит тебя своей страстью, о сердце,
Потом меч разлуки сразит тебя своей властью, о сердце.
Но если друг милый забыт — то хуже несчастья, о сердце:

Хотя мысль о нем и грозит тебе стать напастью, о сердце,
Свой дух к отрешенью приблизь — вот суть и основа
желанья.

Меня, словно саблю мук, сражаешь ты — выгнутой
бровью,
Одна безнадежность вокруг, и мрак — над моею любовью.
И если я в муке разлук, зачем предаваться злословью?
Нет сил одолеть злой недуг — лекарство найти
нездоровью,
Увидеть красы твоей высь — мое бестолково желанье.

Звеню, как бубенчик невзгод, я в горестном доле разлуки,
Беда за бедою идет — как жить мне в юдоли разлуки?
Но истинно любит лишь тот, кто сносит все боли разлуки,—
Терпи же безропотно гнет, будь стойким в неволе разлуки,
Не то с твоим милым вестись у многих бедово желанье!

Быть верными в дружбе всегда — дано ли прекрасным?
Что делать?
Была ль их душа не тверда к их жертвам безгласным?
Что делать?
Судьба моя зла и худа мученьем всечасным — что
делать!
Раскинула сети беда на гибель несчастным — что делать!
Раскинь сеть кудрей, не таись — как жить без такого
желанья!

И ежели в душу мою твой образ проник — что ж такого?
Я просто пример подаю для всех горемык — что ж такого?
Терплю я немилость твою, убитая вмиг,— что ж такого?
Но к жизни я вновь восстаю, увидев твой лик,— что ж
такого?
Бедняк, одолеть и не тщись властителя злого желанья!

Мой дух до каленья нагрет, брести мне печальной
юдолюю —
Назначь своенравью запрет, предел положи своеволью!
И пусть, Увайси, твой ответ и с горечью будет и с солью,
И если жить хочешь без бед, не знаться ни с мукой, ни
с болью,
Терпи, Физули, чтоб сбылись в любви твоей снова
желанья!

Что за птица: не видна, а у перьев — красный цвет?
Скачет день и ночь она — всадников быстрее нет.
День-деньской при ней вокруг — четверо надежных слуг.
Рдеет кровью самоцвет — вот загадке и ответ!

(Сердце; четверо слуг — глаза, рот, уши, нос)

Вот — без окон, без дверей теремок-домочек,
В нем приют для дочерей — ясноликих дочек.
А зайдем к девицам в дом, их сердца — кровавый ком,
И на лицах всех кругом — толща оболочек.

(Гранат)

Летом сочный и тяжелый, он — на дереве в одежде,
А зимой сухой и голый, люб он всем уже без кожи.
Птицам дан костяк — опорой служит плоти он мясистой.
Что за птица, у которой скрыта плоть в наряд костистый?

(Орех)

Две жемчужины морских —
Вид у них бывает лих.
Что за птица: иногда
Зёрна сыплет из гнезда?

(Глаза)

Что такое: вот невеста,
Вся щербинками покрыта,
А завес на ней, завес-то
Как на гурии навито!

(Кукуруза)

Не видались два дружка,
Не увидятся и впредь.
А ведь даже волоска
Между ними не продеть!

(День и ночь)

Парочкой дружочки
На одном гвоздочке.
Между ними встрянешь —
И себя поранишь.

(Ножницы)

Что такое: хоть без ног,
А несется без помех.
Не вздымает пыль с дорог,
А бежит быстрее всех.

(Вода)

Надира

ГАЗЕЛИ

О стройный станом кипарис, расцветший небывало,
Приди,— тоскует по тебе очей моих зеркало.

Пройтись бы мне с тобой вдвоем среди садов свиданья,—
О, если бы твоя краса моим очам предстала!

Спалили красоту всех роз горячим жаром пыла
Твои глаза и роза уст, пылающая ало.

Силки пленительных кудрей извивом благовонным
Любого увлекают в плен и мучают немало.

Любая, что в твоём саду ни прорастет, травинка
Усов Медждуна, кос Лейли всю красоту вобрала.

Зачем разумному искать приют в убогом доле —
Ему и в ширях всей земли покоя нет нимало.

О, как слаба от жажды я в страданиях разлуки —
О, сжался, кравчий, дай вина пригубить из фиала.

Яви же красоту твою влюбленным, как в зеркале,—
Узреть бы лик твой Надире — она от мук устала.

Дивен лик твой, а краса — лучше всех отрад,
Ты — сам Хызр, твои уста, как Иса, живут.

Мне безумье суждено в страсти по тебе,
Я в плену твоих кудрей: стан — их цепью сжат.

Мой Коран — твое чело, на его листках
Твои брови — как зачин: «Бог велик и свят».

Блещет твой прекрасный лик лунной красотой,
А лучи твоей красоты солнца свет затмят.

Сколь неверен этот мир: долги дни потерь,
Людам от него — разор, всё в нем — боль утрат.

Есть ли где Юсуф, скажи, есть ли Зулейха?
Ныне где найдешь Ширин, где теперь Фархад?

Стойким сердцем все стерпи — всю печаль любви,
В дни свиданий и разлук весел будь и рад!

Мне от века, Надира, век такой сужден:
Ведать только боль любви и не знать пощад!

О солнце красоты твоей! Тем солнцем озарен весь свет:
В мельчайших бликах — отблеск твой, круженья и
смятенья след.

О стройный станом кипарис в садах нетленной красоты!
На кипарисе том венец благоухающий надет.

Соперник пери колдовской, явись, очам моим предстань —
Хотя бы на единый миг мне, страждущей, пошли привет.

Ты дремлешь в сладком забытии, и легкий сон тебя
пьянит,
А я, увы, совсем одна среди моих невзгод и бед.

Всю ночь на улице твоей рыдала и стенала я,
И стлался неумный гам собак, залаявших в ответ.

К каким пределам ты теперь, скажи, отправился в поход?
В оставленных тобой краях известий от тебя всё нет.

Согнулся стан мой, словно лук, трепещут стрелы стонов
в нем,
Прицелом этих острых стрел полет соперниц-звезд задет.

Зачем Меджнуну покидать свою любовь, свою Лейли?
Любви к Юсуфу Зулейха святой нарушит ли обет?

Как мог подумать ты, что вдруг тебя забудет Надира?
Не может быть таких речей, души моей краса и свет!

Ты украшаешь мир, ты — солнце и луна,
А в солнце лишь краса твоя отражена.

Виденье дивных уст в душе не утаить —
Оно и в блесках брызг искристого вина.

Две пряди, как дракон, извивами крутятся,
Твой кипарисный стан замкнули в два звена.

Глаза его сравню с нарциссами в саду:
В миндальных тех очах — колдунья-пелена.

Зачем встревожен ты стенаньями любви —
Боишься, что на мне — безверия вина?

Ты выйдешь в путь — горят все девять сфер небес,
И вся твоя стезя огнем освещена.

И тот, кто духом тверд, пойдет, тобой ведом,
Туда, где даль времен, пределов крутизна.

Ты — солнце в небесах, где властвует пророк, —
Сверкаючи твоих достоинств имена!

Усердна Надира в служении тебе,
И — веру и весь мир в награду ждет она.

Я лик твой вспомню — вспыхнет свет, и станет ночь
светла,
То — сонмы искр на Млечный Путь зарею ночь взвила.

Ростки терпенья орошу я влагой уст твоих,—
И дива нет, что сласть плодов на всходах проросла!

Где шах, как море, сердцем чист; во славе край цветет:
В его казне богатств не счесть, и перлам — нет числа!

Сколь благостен радивый шах: всем просветляют взор,
Как бы целительной сурьмой, его забот дела.

Всегда терпенью верен будь, иначе вкусишь яд,
Кто терпелив, тот усладит всю горечь бед и зла.

О, сколь любимый мой жесток! В его руках аркан —
Меня невидимой петлей погибель обвила.

Не звезды светят в небесах — то лик пылает мой,
И сонмом искристых огней ночная светит мгла.

Шальное сердце закую я в цепь твоих кудрей,
Чтобы его толпа детей неволить не могла*.

Ты над любимым, Надира, вспаришь на крыльях ввысь —
Торчат на теле стрелы мук, как будто два крыла.

Притворство, алчность, корысть — вот суть песнопений
шейха,
Не слушай их: нет лжеца наглей и презренней шейха!

Внушает он юным ложь, что радость любви греховна,
Но разве не грех — притон, гнездо преступлений шейха!

На подлой своей стезе он зла и порока алчет,
Весь мир потопить во лжи — предел вожделений шейха.

Я пыл его притушу горячим дыханьем правды,
Хоть в огненной злобе слов и нет дерзновенней шейха!

Он все превращает в лед своей ледяною речью:
Пробрало злом до костей, как стужей осенней, шейха.

Цветистым тряпьем чалмы ему красоваться любо,
Бахвальство и похвальба — вершина свершений шейха.

Найти б тебе, Надира, средь шейхов мудрого старца —
Склонилась бы ты челом пред высью ступеней шейха!

Вином врачуют боль измен — так сказано давно,
Держи, о кравчий, в погребке для страждущих вино.

Отшельник, поученья брось, не причиняй мне мук —
Что делать, сердце и без них страданьями полно!

Я без твоих рубинов-уст в вине ищу услад,
Но сердце — радостью вина утешится ль оно!

Тебе бы дать взамен стремян окружя глаз моих,
И было б твоему коню в дороге не темно!

Не выгибай в смятенье бровь: с тех пор, как вера есть,
В смятенье пред Каабой быть михрабу лишь дано.

Влюбленный ведь хмельным сродни: кровь душу опьянит,
И сердце, будто от вина, смущенья лишено.

Следы вина с рубинов-губ — как слезы цвета роз,
И словно розовой водой лицо окроплено.

Где луноликий мой кумир — души моей покой?
Где был он, там лучился свет — сияния пятно.

И хмель не дал забвенья мне в моей тоске о нем, —
Вино не стало Надире лекарством все равно.

Только вышел мой прекрасный — проблистал лишь раз
в саду —
Стихли горлицы безгласно, не смыкая глаз, в саду.

И когда твой взор истомный пал на вешние цветы,
Взор свой от печали томной и нарцисс не спас в саду.

Розоликий мой едва ли сделал к розам шаг один —
Лепестки у роз увяли от стыда тотчас в саду.

Лик твой увидав пунцовый, затевает пир весна:
Чаши роз уже готовы для хмельных проказ в саду.

Розы, цветшие в гордыне, ревность лютая сожгла —
Словно от ветров в пустыне, вешний цвет угас в саду.

Пристыженный нежным станом, кипарис истаял весь —
И пришлось истечь фонтанам влагой в тот же час в саду.

Сникли травы все смиренно, чтоб тебе по ним идти,—
Полегли они мгновенно — разостлались враз в саду.

Стан твой — красоту такую любо горлицам хвалить:
О тебе они, тоскуя, стонут и сейчас в саду.

Розоликий весел ныне, но рыдает Надира,
И — мрачнее туч в кручине — взор ее погас в саду.

О кравчий, мрачен мой рассвет, дай мне испить вина,
Да будет ночь во мраке бед вином озарена!

Едва я вспомню лунный лик — и грудь мне жаром жжет,
И чад рождают, что ни миг, пылая, пламена.

Для сердца кудри твои — сеть, а ты манишь его,
Но птица может ли взлететь, когда оплетена!

О, если б стон мой вздохи нес к любимому челу —
На милый лик цветами роз легла бы пелена.

Мне мук разлуки не минуть — увы, их гнет суров,
И в сердце мечутся, как ртуть, печали семена.

Свиданьем с шахом всех времен душа была светла,
Но роком праздник мой сметен, и тяжки времена.

Тебя ль забыть мне! Надира неверным — не чета,
Доколе в путь ей не пора, она тебе верна!

Я грущу по устам прекрасным, куст, цветущий багряно,
Я грущу по ланитам ясным, в цветнике блеск рейхана
видя,
видя.

Нежный пух на устах пробился — зелень куш над живой
Словно Хызр к роднику спустился, сколь чудесна поляна,
водою,
видя.

Что беда моя — стоны-крики для властителя-
Ждать ли милостей горемыке, гнев и гнет от султана
властелина —
видя?

Я в пустыне грущу о друге — не встречать бы меня
От меня он сбежит в испуге, тень мою в мгле тумана
Меджнуну:
видя.

О, как горьки мои мученья по ночам с любимым в
Перст прикусит он в изумленье, сколь тяжка моя рана,
разлуке —
видя.

Небеса захлебнутся в столах, муки ревности снести не
Как зеркалом очей влюбленных я блещу осиянно, видя.
в силах,—

И не диво, что слова вестник — Сулейман Надиру
похвалит:
Восхитился б ею чудесник, эти строки дивана видя.

Я не расстанусь с фиалом — образом хмельного солнца,
Жду, когда в сиянье алом утром выйдет снова солнце.

За свиданье с милым плата — хмеля чаша золотая,
За желанное мне злато я отдать готова солнце!

Как луна — твой лик чудесный, он затмил всех луноликих:
Среди звезд в стране небесной не узреть такого солнца!

От вина румянец — гуще, стал твой лик еще прекрасней —
Так расцвечивает куши в вешний цвет пунцово солнце.

Ты блеснул красотой своею в высях красоты — и сразу
От огня еще светлее, стало вдруг багрово солнце.

Если ты не даришь взгляду светоч красоты чудесной,
Не дарует мне в отраду света огневого солнце.

И пока в затворе тесном, Надира, ты горько стонешь,
На ристалище небесном мчится вскачь бедово солнце!

Сеть вьющихся кудрей меня поймала,
И ранят брови — два язвящих жала.

Клинкам бровей тех робко покориться
Смиренье сердцу путь предназначало.

Кто у костра уснул, золой согретый,—
Зачем ему соболье покрывало?

Из глаз моих потоки слез струятся —
Они взбурлят — любимого не стало!

И жерновам времен не знать покоя:
Извечны стук колес, вращенье вала.

Нет, в людях мира верности не сыщешь:
Ведь редких драгоценностей так мало!

Без милых губ пылает кровью сердце —
Дай, кравчий, мне пригубить из фиала.

Влюбленные подобны каравану:
В поход идти — лишь с верными пристало!

О Надира, из глаз твоих в разлуке
Не слезы — кровь сама стекает ало.

В сад свой путь лишь направит кипарис мой прекрасный —
Всё в саду его славит похвалою стогласной.

Но напрасны хваленья несравненному стану —
Рухну наземь я тенью, встать — увы, труд напрасный!

Ярок он, как светило, но лишь кудри распустит —
И рассвет мой затмило темнотою злосчастной.

Ты — властитель всех стройных, повелитель красивых,
И любой из достойных — твой слуга, твой подвластный.

Слава мудрому! Славно дал всему он основу:
В мире суть его явна — явна славой всечасной.

Светом солнца светиться было любо Мессии —
С небосводом сроднится лишь к величью причастный.

Серне, вольной и дикой, любо жить в диком доле —
Ей ли жить горемыкой в пленной доле несчастной?

Сеть любви ловит пленных — в плен сердца залучает:
Косы дев несравненных — ловчий злой и опасный.

Диво ль в том, что медово сложен стих Надирую?
Об устах твоих слово — этот слог сладкогласный.

Лей, кравчий, сок хмельной, чтоб душу веселило,
Мне любо пить с тобой, ханжам внимать не мило.

Всем, кто красив, невмочь от твоего сиянья:
Уходят звезды прочь, едва взойдет светило.

Был милый друг со мной — весь мир сиял, сверкая,—
Словно вдвоем с луной вдруг солнце засветило.

Кто страстью одержим, того не сманишь лестью —
Не властвует над ним слепой гордыни сила.

На твой чертог, поверь, стократ я уповаю —
Творец, мне ту бы дверь надежда не закрыла!

Твой ум — что меч: шутя он тайны знаний вскроет,
Мудрец пред ним — дитя, чье разуменье хило.

О Надира, разброд безумья правит миром,
А веру бережет лишь путь любви и пыла.

В разлуке я без крова, и всё вокруг — в развале,
Нет друга дорогого — помочь моей печали.

Среди пустынь разлуки нет мне дороги к счастью,
В приюте скорби — муки опять меня встречали.

Без уст хмельных и пряных твоих я изрыдалась:
Вся грудь — в слезах багряных, и горько мне в опале.

В блаженный миг свиданья любимый лик сиял мне,
А в дни разлук страданья огнем меня объяли.

Не укоряй, помилуй, что я томлюсь в скитаньях,—
Ищу я, где друг милый — в какой сокрылся дали.

Тебе безумной впору быть, Надира, в разлуке:
Любовь и страсть позору навек тебя предали!

Как Кыбла для молящихся — твой лик,
Но свет его и в погребок проник.

Сегодня в погребке бурлит вино —
Хозяин здесь открыл чудес тайник.

Кипящих кубков длинная череда —
Вот верный путь спасенья горемык.

Бог существует, мир — небытие,
Суть эту каждый праведник постиг.

Поднять на плечи гору тяжело:
Увы, моих печалей груз велик.

Друзья мои рыдают надо мной,
Враги дивятся, прикусив язык.

О Надира, всегда ищи любви:
Ведь без любви потерян каждый миг!

Окажи мне услугу — добрым другом мне будь:
Весть дай милому другу, сколь печален мой путь.

Если хочет он карам всех влюбленных предать,
Сабли первым ударом пусть мою рубит грудь.

Кравчий, сладь со святошей, порицающим хмель,—
Чашей хмеля хорошей напои как-нибудь.

Обо мне плачут звери всех пустынь. Ветерок,
Полетишь к милой двери — расскажи, не забудь.

Стан твой стройностью линий — словно сам кипарис,
А походка — павлиньей не уступит ничуть.

Не смыкаю я очи, луноликий, томясь,—
О, взойди в мраке ночи — на влюбленных взглянуть.

Зулейха истомилась, всё отдаст за тебя —
Где, Юсуф, твоя милость? Ты хоть миг с ней побудь.

Розы — в вешнем цветенье, не молчи, соловей,—
Надире, ее пенью — в самый раз подтянуть!

Кто верность ведает, для тех и тихий кров — во благо,
А мне печаль хмельных утех, жизнь без оков — во благо.

Не диво, что красой своей друг мне сжигает сердце:
Бывал ли жаркий пыл свечей для мотыльков во благо?

Огнем любви себя согрей, безумец,— сир не будешь:
Тебе и в ширях пустырей приют готов во благо.

Ханже нет радости в вине: готов разбить он кубок,
Но любы чаши-кубки мне, их звон и зов — во благо.

О, знай: и смертной доли кладь несу я без печали,—
За друга жизнь свою отдать без мук, без слов — во благо.

Простой и знатный таковы: их суть несовместима,
А для безумной головы мысль мудрецов — во благо.

О Надира, в благой стране живи и вечно здравствуй,
Где есть Джамшид, и в Фергане царит Хосров во благо.

Чуть созданный любви чертог разлука разнесла, увы,
Снес его бед моих поток и сокрушил дотла, увы.

И сердца порванный лоскут все мои раны обнажил,
И душу раны страсти жгут, я скрыть их не смогла, увы.

Любимым позабыт обет — все обещанья презрены,
И верности уж нет как нет, и ложь мне тяжела, увы.

Желала я обрести покой — полу свиданья ухватить,
Разлука грозною рукой мне ворот порвала, увы.

Тех, кто любовью осиян, ты зря, святоша, не кори:
Влюблен был даже шейх Санан, и страсть его сожгла,
увы.

И пыл мой кровью сердце сжег, зардел рубинами поток,
И дождь печальных слез истек, и нет слезам числа, увы.

Померкла радости заря, и наступила ночь невзгод,
И солнце, цветшее, горя, сокрыло свет чела, увы.

Хоть был и грозен и суров властитель дивов — Сулейман,
Но горстка жалких муравьев сгубить его смогла, увы.

Пока на соловьиный лад слагала песню Надира,
Сменил весну осенний хлад, и сад покрыла мгла, увы.

От разлуки хмельна я, дай мне, кравчий, вина,
И грустна не одна я среди пьющих до дна.

Хочешь — стану я верной, словно страж при тебе,
Повели быть мне серной, что в неволе смирна.

Кравчий, ты — солнцеликий, лей же в чаши вино,
Все мы здесь — горемыки, — лей же нам дополна.

Сетью локонов черных птицу сердца лови —
Высыпь родинок зёрна, словно россыпь зерна.

Псов у дома любимой надо чтить, как друзей,—
Тот и сам будет чтимый, чья душа им верна.

Если хочешь забвенья от мирской суеты,
Жди хмельного мгновенья и похмельного сна.

Надира, ни Фархадом, ни Меджнуном не будь —
Пусть тебе с ними рядом будет слава дана!

Стройный стан вспоминая, среди пальм ты пройдишь,
Помечтай о самшите, гордо взнесемся ввысь.

Видно, пленницу страсти страж разлуки убьет!
Скинь с меня путы скорби — хоть разок оглянись!

Сердце, если ты любишь, о любимом томясь,
Будь безгласною жертвой, не старайся спастись.

Сердце, рушь своим стоном поднебесный чертог —
Только дом твоей страсти укреплять не ленись.

Твои брови — что сабли, всех готовы губить,
Твои черные очи палачом нареклись.

Поутру звонкой песней пой в саду, соловей,—
Розы лик вспоминая, громко пой, не таись!

Пусть и грозен властитель, сердце, страха не знай:
Ухватись за поводья, миг спасенья приблизь.

В поле искрой единой сто стогов опалит:
Смотришь, молнии страсти на весь мир занялись.

Надира, боль разлуки терпеливо сноси —
Ты терпением сердце укреплять научись!

О тайнах сердца, ветерок, ты другу моему скажи —
О том, как я в плену тревог тоскую по нему, скажи.

Ему, чей облик, как тюльпан, пунцово-ярок и румян,
О том, как много в сердце ран горит — клеймо к клейму, —
скажи.

Как горько мне одной страдать, томясь в разлуке
Зулейхой,
Тому, чья красота под стать Юсуфу самому, скажи.

А спросит мой неверный друг хоть ненароком обо мне —
Что я томлюсь в плену разлук и, верно, смерть приму,
скажи.

Как сладкоустый мой суров и как я горечь яда пью,
Страдая от моих оков, ты, ветерок, ему скажи.

И если он пошлет ответ на этот мой стогласный зов,
Ты про последний мой привет ему лишь одному скажи.

Тому, чей рок благословен, чей жребий избранный высок,
О Надира, — «В плену измен вся жизнь моя к чему?» —
скажи.

Приди, любимый, верен будь, неверностью меня не мучай,
Да засияет в темноте прекрасный лик твой — пламень
жгучий!

С возлюбленным разлучено, с его рубинами-губами,
О сердце, в горести своей ты кровью захлебнись горячей.

Польются слезы из очей, едва твои увижу кудри, —
Ведь это ливень хлынул вдруг, пролитый чернокудрой
тучей!

Забудь жестокую печаль неверного и злого мира,
Налей вина, утешь себя, не упусти счастливый случай!

Ведь должен мужественным быть и тот, кто не в доспехах
брани,

Кто без усов и бороды, кто силою — не муж могучий.

От крови сердца моего, от печени кровоточащей
Вино, как яхонт и рубин, сверкает краснотою жгучей.

Ты этой песней, Надира, любви и верности взыскуешь,
И, на судилище людском оправдан лад твоих созвучий.

Если ты, о сердце, любишь, путь держи в хмельной приют:
Там хмельного ты пригубишь, там вина тебе нальют.

Ты твердишь: «Вреда не будет от друзей и от врагов»,—
Да, но пусть чужим пребудет для тебя весь чуждый люд.

Если верный и подвижник пред тобой падут во прах,
Мотыльком сгорай за ближних, как бы пламень ни был
лют.

Если хочешь, беспечален, в мире соколом парить,
Ты, как сыч среди развалин, тихий, отыщи уют.

Знания чти, терпенье, разум — вот где свет и светоч твой:
Строго следуй их наказам, принимай их мудрый суд.

Дальше будь от ссор и схваток, будь умен и не кичлив,
Сон и бред — мирской достаток, сказка, полная причуд.

Ты порядок справедливый укрепляй, о Надира,—
Мужественной будь, правдивой на пути, где верность
чтут.

О владыка всех владык, я прошу: мой зов услышь,
Смилуйся, безгласный крик — о, не будь суров — услышь.

Мой кричащий болью стон на челе твоей красы,
Словно стих, запечатлен — стих из горьких слов услышь.

О мой стройный кипарис! Сломленный мой стан-самшит
Клонится ветвями вниз, он упасть готов — услышь.

Я, собрав обломки сил, дом терпенья возвела,
Ливень слез его размыл, мой разрушен кров — услышь.

Все надежды и мечты ты без жалости крушишь —
Почему ж не вспомнишь ты, жребий жертв каков? —
Услышь!

О, приди, — я говорю, — хоть бы раз тебя узреть,
Я безумием горю, о властитель снов, — услышь.

Просит ветер, Надира, дать тебе такую весть:
Хоть газель моя добра, жребий мой тернов — услышь.

Уж я давно дружна с другим, и весь тот долгий срок
Огонь утраты изнурял, терзал меня и жег.

Так нужно было: я ушла, велению верна, —
Иначе бы хозяйский кров покинуть раб не смог.

Очам души моей сурьма — прах у дверей твоих,
Уйти ж от дома твоего — нет для меня дорог.

С тобой — счастливая звезда, судьба твоя светла,
Богатство, власть — твои рабы, и жребий твой высок.

Залог покоя слуг твоих — прислуживать тебе:
Нет в мире счастья для того, кто бросит твой порог.

А я к порогу твоему устало преклонюсь:
Мне без него иной приют — пристанище тревог.

Любимому рабою быть готова Надира —
Хоть эту милость от него пошли мне, ветерок!

Жизнь изведать сумей и — уйди,
Мир познай и людей и — уйди.

От жестоких обидчиков — прочь!
Стоном горе излей и — уйди.

В цветнике бытия погости,
Как меж роз соловей, и — уйди.

О слеза! Окропи этот мир
Всею болью своей и — уйди.

Лжив и тленен цветник бытия,
Вздохом листья развей и — уйди.

Для влюбленных пристанище — сад,
Выйди в путь поскорей и — уйди.

В мир пришел ты — какая в том цель?
Лишь поведай о ней и — уйди.

Тайну чувств береги от толпы,
В сердце тайну взлелей и — уйди.

В путь любви соберись, Надира,
Слезы-жемчуг пролей и — уйди.

Когда исполнен человек живых примет любви,
Он и в возлюбленном найдет ответный след любви.

Достоин пиршества любви, кто ночи напролет,
Глотком единым вдохновлен, являет свет любви.

Достоин тот, кто, позабыв мирскую суету,
Пьет залпом чашу и хранит хмельной завет любви.

Когда ты страстью сокрушен, таи свою печаль,
Соперник спросит про нее — скажи, что нет любви.

Покоя хочешь — береги своей любви приют:
Под сенью крепких стен его грозит ли вред любви?

Мессия снизошел с небес, чтоб страждущим помочь:
И стало солнце в небесах больным от бед любви.

Когда от недругов-врагов себя убережешь,
Не выдай и друзьям своим — в пылу бесед — любви.

Притворно четки теребя, гордился тем ханжа,
Но он, безверием томим, нарек запрет любви.

Когда увидишь, Надира, аскетов на пиру,
Ты им не выболтай, смотри, святой обет любви.

Хмельна я, кравчий, лей мне хмель густой —
Я хоть на миг расстанусь со тщетой!

О, вызволи меня из пут беды —
И днем и ночью винный лей настой.

Испей вина, беги от суеты,
Лови лишь миг, вся жизнь — обман пустой.

Тебе в моих очах готов приют —
Его хоть раз вниманьем удостой.

Влюбленным сердцем миг свиданья жди,
Не ведайся с тщеславной суетой.

Желаешь ты ловить сердца — лови
Их сетью, из кудрей твоих витой.

Пока вкушаешь ты свиданья хмель,
Джамшид ты и Бахрам, — живи мечтой!

Пьешь чистый хмель ты, а гуляк пой
Осадочной, хмельною густотой.

Желаешь ты удач, о Надира, —
Не жди удач, — на этом твердо стой!

Выйди в вешний сад, красуясь красотой розоцветной, —
Да предстанет пред очами дивный блеск твой
искрометный!

Посрами все розы сада — да стыдятся все бутоны:
О, яви свой лик, играя уст улыбкою приветной!

Сердце, если ты желаешь, единенья с милым другом,
Всё забудь — весь мир вселенский, отыщи порог заветный.

Если ты богатства хочешь, позабудь корысть и алчность,
Полюби людей, будь добрым к их печали беспросветной.

Темной ночью мысль о друге посетила меня гостем —
Плачьте, очи, возвещая блеском слез восход рассветный.

Как тебе вручу я душу, если мы с тобой в разлуке?
О, явись — и примирюсь я с долей смерти безответной.

Я все тайны моей страсти выдаю за словом слово —
Надира, терпи страданья, выдавать их — грех запретный!

Мне любимый душу мучит безотрадным разговором:
Что ни миг, то льются слезы вслед досадным разговорам.

О святоша, не перечь мне, одержима я безумьем —
Меж безумным и разумным быть ли ладным разговорам?

На огне сгорать безгласно — это доля всех влюбленных:
Мотылек займет ли свечку стройным, складным
разговором?

Нет, луне и в полнолуние не сиять твоей красою:
Ты — как солнце, с ним привычен ты к усладным
разговорам.

Видно, в этом мире нынче не найдешь отличий в людях:
Сходятся глупец и умный за неладным разговором.

Надира, злонравным жаром все начетчики пылают —
Как ни учишь их, нет края их злорадным разговорам!

Никто не спросит мотыльков — зачем, мол, вы сгорели,—
К чему ж судить, если ты мудр, и о моем уделе?

Когда хмельного ты узришь, не прибегай к расспросам:
Он пьян от хмеля дивных уст, причина тут не в хмеле!

Всем ланям всех земных степей твоя краса — на диво,
Красой твоих хмельных очей посрамлены газели!

Витки твоих густых кудрей распутывать не просто:
Поверь словам — и гребень твой негод для этой цели.

Поток бушует, пеной вод играя своевольно,
Но к совам в глушь он не течет — чужой он в том пределе!

Сказ обо мне слышал Фархад, но стал бы он Меджнуном,
Когда б всю повесть моих мук ему сказать сумели!

Усердно ты, о Надира, чертог любви возводишь,
Кто столь же мужествен и смел — ты мне поведай,—
все ли?

Мир ненадежен: добро и тщета — все бесполезно,
Осени тленье, весны красота — все бесполезно.

Нужно ли горе тяжелых невзгод — тяготы жизни?
Тщетны печали, тревога пуста — все бесполезно.

Если влюбленный не встретит в любви страсти ответной,
Стоны и крики, ссор суета — все бесполезно.

Если влюбленной нет счастья в любви, нет единенья,
Страсти напрасны, и жизнь отнята — все бесполезно.

Если не внемлет народной беде шах нерадивый,
Слава ли, власть ли, тщеславья мечта — все бесполезно.

Мудрый властитель жалеет народ, милостив сердцем,
Злым не поможет и крепость щита — все бесполезно.

Если томиться в любви, Надира, тихим гореньем,
Выдашь ли горе, смолчат ли уста — все бесполезно.

В любви мне и лихой юдоли хватит,
От счастья мира — жалкой доли хватит.

Развеселят ли пир мой стенанья?
Здесь стоны чангов — их на то ли хватит!

А в погребке — вино в тюльпанных чашах,
Убранства блеск — всего здесь вволю хватит.

Любимого искать при свете молний
Моих стенаний — мне той доли хватит.

И чтоб сгубить соперниц — о, поверьте,
Тоски моей, сердечной боли — хватит.

Скитаюсь я одна в степи безумья,
Мне друга-смерча в диком доле хватит.

А сердца, Надира, — излить страданья,
Хоть капля крови есть доколе, — хватит!

Мрачно мне, когда ты кудри черной тучей разметнешь,
А когда чело ты скроешь — светлый день на ночь похож.

О, как горько боль разлуки души любящих гнетет —
Реки слез шумят потопом, стоны всё сметают сплошь.

Даже розам не во благо светоч красоты твоей:
От печали вянут розы, как по саду ты пройдешь.

В дни свиданий мне лекарством были милые уста,
А разлуку не излечишь: боль в душе и в сердце дрожь.

Нет утехи мне и в хмеле: в кравчем нет ко мне любви,
В чашу льется кровь — не слезы, словно в грудь вонзился
нож.

Друг мой выйдет да пройдетя — всех влюбленных
истомит,
Всех погубит взор лукавый — так красою он хорош!

Надира, ты не познала в единенье долю благ,
И мечтою о владыке всех времен себя сожжешь.

Пламя страсти в разлуке — такая беда,
Что померкнет пред ней преисподней страда.

Сердце — рана сплошная, рубец на рубце,—
Это след твоих стрел — к борозде борозда.

Равнодушие с любовью нельзя примирить:
Жаркий пламень — противник холодного льда.

Шаху пышное ложе приносит покой,
Я же, странница, местом у печки горда.

Этот мир, Надира, и жесток и кровав,
А покоя не сыщешь, где кровь и вражда.

Вот и сад божьей волей возрос — посмотри,
На венцы золотые у роз посмотри.

Только пламя свечи ровным светом горит,
А мой стон мечет искры вразброс — посмотри.

Очи карой кровавой нещадно грозят,
Меч убийца над жертвой занес — посмотри.

Меч разлуки мне грудь на сто клочьев рассек,
Сотни тысяч он ран мне нанес — посмотри.

Видишь: я, как свеча золотая, горю,—
Как пылает мой стон болью слез — посмотри.

Разве лани дичатся Меджнуна,— скажи,—
На меня, о, молю, без угроз посмотри.

Надира, знай, что все в этом мире хмельны,—
Ты на чашу, что кравчий поднес, посмотри.

Мне, когда твои уста не со мною, горько,
В дни, когда вся жизнь пуста, и хмельное — горько.

Розы радуга, весной соловей ликует,
А осеннею порой стонет, ноя горько.

Лют соперниц злобный гнет, люб мне друг любимый,
Все, что любо, — сущий мед, а дурное — горько.

Нет, такой измены яд — хуже, чем убийца:
В нем все горькое стократ, чем иное, горько.

Бьется слез моих волна, набегают капли, —
Соль морская невкусна — жжет волною горько.

Сникла Камила совсем, сладких уст лишившись:
Даже если сахар ем — сладко, но и горько!

От моих горячих стонов вьется к небу жгучий дым,
Застилает блики солнца непроглядной тучей дым.

До глубин земли проникла влага моря слез моих,
А мои стенанья мечут к небесам тягучий дым.

Ночью я стенаю, вспомнив кудри черные твои, —
Диво ли, что кроет небо пеленой горючей дым?

Свет красы твоей пылает, кольца дымные летят,
И, как будто кудри, вьется вокруг тебя летучий дым.

Жаром красоты, молю я, тело мне не обожги —
Пусть легко и нежно пышет амброю пахучей дым.

О любимый, яркой свечкой для других ты не гори —
Пусть соперниц не заденет — ты меня не мучай — дым.

Надира, ты горьким стоном создала горячий стих:
На листки дивана строчкой ладно лег текучий дым.

Когда былую верность он безжалостно пресек,
Как стал от тела моего огонь души далек!

И диво ли, что мне грозят войска моей беды?
Ведь войско твердости моей не выслало подмог!

Бессильна я, больна: ушел луноподобный мой,—
О, как превратна ты, судьба, и как злосчастен рок!

Душа! Безмолвен мой язык, а ты приказа ждешь.
Твой путь в страну небытия по пустырям пролег.

Блажен, кто принят в тот приют, где властвует любовь:
Его беседою никто еще не пренебрег.

Терзаясь мукою своей, узнала Надира:
С разлукой рядом — адских мук огонь не так жесток!

Благодарение вовек: мой не отвергнут труд,
Приметы преданной любви опоры мне дают.

Ты для неверных — божество, ты — идол мусульман,
Кааба, капище — твои: повсюду — твой приют.

Когда сразит тебя печаль — скорее в погребок,
Проси поддержки у гуляк: они ведь добрый люд.

Хозяин стену здесь воздвиг — сплошной заслон из чаш,
И толпы диких орд сюда вовеки не пройдут.

Доступен ли урок любви отшельнику-глупцу?
Смотри: заученно бубнит заклятья словоблуд!

Походкой плавной мой кумир выходит гордо в сад,
Все кипарисы он затмит, он — самый стройный тут.

С манящим зовом мой кумир подходит к Надире,
А на любом ином пути его преграды ждут!

Десница смерти тем горька стократ,
Что ею будет труд всей жизни взят.

Не тщись украсить зданье бытия:
Ветха опора — бранный мир утрат.

В чертоге сердца вечна боль любви,
Пока на свете вечен жизни сад.

Хитер в обмане и неверен мир,
В нем даже верность лишена услад:

Ширин томилась, мучилась Лейли,
Меджнун терзался, горевал Фархад.

Все связи мира — звенья цепи зла,
Не так ли ловчий ставит сеть засад?

Я захлебнулась кровью, скорбь — в дыхании оледенелом,
Как листья осени, лицо в разлуке стало пожелтелым.

Я на дороге ниц паду туда, где он ногою ступит,—
Не страшно превратиться в прах душой измученной
и телом.

Врач прикусил смущенно перст и молвил мне в недоуменье:
«Любовь — недуг твой, для нее лекарств не сыщешь
в мире целом!»

Кто жаждет суеты мирской, того погубят пути страсти,
Но вольных в цепь не заковать, капкан не будет им
уделом.

Не будь беспечным, если вдруг войска разлуки набежали,
О, сердце, в битву устремись, отдай всю силу стонов
стрелам.

На теле немощном моем — разлуки горестные пятна:
В игре любви два цвета есть, и черный цвет здесь рядом
с белым.

Ты не находишь, Надира, тропинку к цветнику свиданья,
Скитаешься среди пустынь в отчаянье оцепенелом.

Прошла счастливая пора, и нет, увы, вестей о нем*,
И сердце на его пути скорбит в рыдании немом.

Где кипарис взметнется ввысь, цветут бутоны нежных роз,
Но сколько стройных тех деревьев ушло, покинув сад —
свой дом!

И он на пиршестве времен вознесся гордой головой,
Но, как свеча, в недолгий срок сожжен губительным
огнем.

Весной бутоны роз цветут в садах, где верность и любовь,
В разлуке ж сердце, как тюльпан, кровавым рдеет
лепестком.

Степи безумья суховей, то — сердце мечется мое,
Но путь к заветному огню ему поныне незнаком.

И если пес его придет о сердце горестном узнать,
Я брошу печень перед ним — приманкой, лакомым куском.

От мук разлуки я больна, и скорбно я на мир гляжу,
А он на стоны Надиры уже не глянет и тайком.

Друг мой — светоч моей ночи: каждой искрой огневой
Нить души моей палит он, губит мукой горевой.

До краев его одежды лишь коснутся пыль и прах —
Эту пыль к очам прижму я — рухну в пыль я головой.

Ветерок едва поднимет легкий прах с его пути,
Я — в смятенье, в нетерпенье, и мой дух — полуживой!

В моем сердце рдеют раны, как тюльпаны на лугу,—
Как бы ревность не сгубила этой шири луговой!

Легкий ветер только тронет кипариса стройный стан —
Нить души моей трепещет, словно в буре вихревой.

От огня любви все сердце пышет пламенем в чаду,—
Всё сожжет — и плоть и душу — этот пламень грозовой.

Надира, красою славен лик властителя времен,—
Всех хвалить его и славить призывает голос твой.

Не будь тщеславным, сердце,— нет верности на свете:
Печалью и тщетою он жертвы ловит в сети.

Рок узы двух влюбленных разлукой расторгает:
Презрев любовь и верность, он губит блага эти.

И только хмель багряный влюбленному поможет:
Был лик его печален, теперь — в пунцовом цвете!

По вешним кушам сердце, как соловей, томится:
Тоскует о любимом, стеная на рассвете.

Остерегайся, сердце, лукавых козней рока:
Обманет да изловит — и ты за всё в ответе!

Ты, Надира, мечтаешь о милости господней,—
Обет твой — справедливость, и ты верна в обете.

Счастья встреч без мучения нет,
Без шипов — и цветения нет.

Есть избранники сердца у всех,
Мне ж в любви утешения нет.

Встреч с возлюбленным я лишена,
И от мук мне спасения нет.

Боль разлуки с любимым терплю,
Но любви без терпения нет!

Тени нет у разрушенных стен,
Сокрушенным — забвения нет.

Пусть твой локон змеится: где клад,
Там от змей избавления нет.

С кипарисом не сравнивай стан:
В кипарисе движения нет.

Слов соперниц не бойся: у злых
Не найдешь одобрения. Нет!

Но поймет, кто в любви одинок:
Надире исцеления нет.

О стройный кипарис, о чем твоя мечта?
Душа тобой горит, жизнь без тебя пуста.

Молитвы возношу, молю тебе добра —
Пускай твоя вовек сияет красота!

Луноподобный лик! С ним солнце спор ведет,
Но, верно, на закат уходит неспроста!

Отшельникам нужны Ковсер и Сельсебиль,
А мне — лишь влажный блеск сверкающего рта.

Когда еще не знал ты вязи черных строк,
Предрек тебе Коран счастливые лета.

О нищий весельчак, твой кубок — черепки,
Но кубок Джама им — размером не чета.

Все, кто в тебя влюблен, печалью сражены,
А для тебя ничто — их боль-кручина та.

О сердце, ты тоской навек сокрушено,
Вся сила от тебя разлукой отнята.

Ты столько, Надира, твердишь про боль любви,
Что знают все теперь, как боль твоя люта.

О судьба, ты меня в жертву мук превратила,
И в забаву в когтях у разлук превратила.

Стрелы стонов моих к дальним звездам взлетают,
Ты для этих вот стрел стан мой в лук превратила.

Справедливой судьбы ты не ведало, сердце,
И роптанья соблазн в мой недуг превратило.

Луки — брови его, словно стрелы — ресницы,
В муку сердца любовь все вокруг превратила.

Ты насупил чело — зёрна родинок скрылись,
В серый пепел мой лик горе вдруг превратило.

Но свиданье прошло, и настала разлука
И цветенье весны в темень выюг превратила.

Сердца стон Надира затаила глубоко,
В боль и муку души этот звук превратила.

О властелин! Всё, что имею, всё, чем богата, — дар тебе,
Да что там! Я и жизнью всею и всем, что свято, — дар тебе.

Да я тебе, о совершенство, сто жизней в жертву
принесла б —
Свиданий нега и блаженство, разлук расплата — дар тебе.

А ты на стон рыданий жгучих, увя, ни разу не взглянул,
Все самоцветы слез горючих — всё, без возврата — дар тебе.

Приди хоть раз, меня жалея, улыбкой ясной одари —
За это все, чем я владею, — богатство, злато — дар тебе.

Когда мне ветерок, бывало, весть о свиданье приносил,
Да разве любящей бывала тяжка отплата — дар тебе!

Вся красота в саду весеннем, вся зелень животворных
кущ,
Весь вешний сад мой, где цветеньем вся сень объята, — дар тебе.

Я для тебя всю жизнь порушу — о, не отвергни Надиру,
Приди — тебе отдам я душу: моя утрата — дар тебе.

В те дни, когда я без друзей, без их бесед одна,
Я в одиночестве своем печальна и грустна.

С любимым я разлучена, в моей лачуге мрак,
Мне вместо пищи — горечь слез, и желчь — взамен вина.

Лишь он один был у меня среди мирских сует,
И от земных раздоров я была отрешена.

Что солнце мне и что луна, о грозный небосвод!
Над повелителем моим сошлась земля, черна.

Чертог любви я возвела ценой таких трудов —
Поток событий снес его, мой труд погиб spolна.

Зачем, друзья, твердить мне ложь, что будто бы он жив?
Нет больше жизни и во мне — смотрите, как бледна.

В разлуке с ним нет и следов того, чем я жила:
Жива я или же мертва — загадка та трудна.

И сколько б ни было богатств под властью рук моих,
Без светоча моей души ничтожна и казна!

Шербет свиданья был в мечтах, а рок судил мне яд —
Моя жестокая судьба была предрешена!

Надежд не стало, Надира, и нет уж веры в мир:
Моя надежда — шах Дара ушел в обитель сна.

Ушел участливый мой друг, давно исчез он где-то,
В пустыне бедствий я ничьим участием не согрета.

Моих стенаний жгучий дым, вздымаясь, вьется к небу,
И слезы, как Джейхун, текут — очам не видеть света.

Стенаю я и день и ночь в мучениях разлуки,
Приди, о друг, на горький стон дождусь ли я ответа?

Кто в мире мучится, как я, разлукою с любимым?
О друг мой, только о тебе мое стенанье это!

Приди, о сострадатель мой,— боль сердца я открою,
Не пишешь ты — и стыну я, как будто льдом одета!

От мук и бед сгорела я — от смерти нет спасенья:
Гнетут страданьями меня, увы, зима и лето.

Гнет неба, Надира, суров — тебя палит он жаром,
И все во мне горит огнем, и нет во тьме просвета!

Едва твой лик в ночи разлук я вспомню на мгновение,
Я запою, как соловей, грустящий в ночь осеннюю.

Едва увижу я во сне чело твое прекрасное —
Вся боль уйдет, и сердце вновь стучит все вдохновеннее.

Едва я вспомню образ твой — томлюсь я горькой думою,
Рисуя лик твой, как Бехзад, на свитках сотворения.

Я жарким стоном небеса ввергаю в бездну пламени:
Гнетущий рок и я гнету — он, что ни миг, смиреннее.

В печальном сердце от любви несметны раны тайные,
А звезды — словно четки мне, я им веду счисление.

Ты укрепляешь, Надира, чертог любви и верности
И на стезе своей любви исполнишь все веления!

Твой стан-кипарис я вспомню — и горе меня крушит:
От стонов моих и вздохов расколот мой стан-самшит.

В груди — ураган стенаний, рыданий страшен потоп:
Судьбы моей дом разрушен, и камень под ним размыт.

Кумир мой, тебя бы видеть, увидеть твою красу —
Меня твой волшебный образ влечет к себе и манит.

В силках моей страсти бьется, как пойманная, душа:
Жестоки ее страданья, мучительна боль обид.

От вечера до рассвета, пугая твоих собак,
Стонала я и стенала и плакала я навзрыд.

Кудрей твоих вьются кольца, и чудится будто мне:
Аркан ловца-зверолова на шее моей навит.

С тобой кипарис сравню я — он станет твоим слугой:
Не пленником в гуще сада, а участью горд стоит.

Я в буквах ищу сравнений: как «нуны» — дуги бровей,
Как «сад» — у очей-нарциссов миндальный изгиб орбит.*

О Надира, неприступна гора любви — Бесутун,
И я, как Фархад, упорно страданий крушу гранит.

Где же друг мой желанный — увидеть бы во сне,
Сахар уст безобманный увидеть бы во сне.

Не очнуться от горя — столь печален мой рок,
Где же мой сребростанный — увидеть бы во сне.

Сколь светла была радость, но блаженство прошло —
Явь красоты, мне мечтанной, увидеть бы во сне.

Вина ты выпьешь — цвет лица подобен розам рдяным,
И кровью рдеют все сердца, словно вином багряным.

Твоя немилость — тяжкий гнет для гордых и надменных,
А нищий от твоих щедрот становится султаном.

Губительным мечам под стать, ресницами ты ранишь,
Под силу мертвых воскрешать твоим устам медвяным.

Румяным ликом заблести — и запылают розы,
Дано нарциссами цвести твоим очам сурмяным.

А мускус локонов твоих — всех благовоний лучше,
А от твоих очей хмельных все — словно в хмеле пьяном.

Кто, Надира, как ты, влюблен, да не сомкнет он очи:
Где есть любовь, там тишь и сон становятся обманом!

Едва расстанется со мной кумир мой сребротелый,
Мерцает ртутной белизной мой дух заледенелый.

О ветерок, ты по весне — гонец для всех влюбленных,—
Поведай другу обо мне, совсем осиротелой.

Как тяжела моя страда, едва писать я стану,
Страшнее Страшного суда мой стон оцепенелый.

Едва я вспомню облик твой — твой стан, уста и кудри,
Терзаюсь этой красотой я в скорби онемелой.

О, сколько я терпела мук в лихие дни разлуки!
А в дни свиданий страх разлук — страшнее, что ни
делай!

Как сердце тайну сохранит любви моей печальной,
Когда потоком слез омыт весь лик мой пожелтелый!

О Надира, твоя краса — в испарине смущенья —
Так каплями блестит роса на розе запотелой.

Мой солнцеликий заблестит — душа горит огнем,
И дымом стонов вмиг закрыт весь звездный окоем.

Мой путь в любви тяжел и крут в пустынях и горах —
Фрахад с Медждуном не пройдут тех гор-пустынь вдвоем.

Дай, лекарь, мне самшита лист — мне боль бы излечить:
Забыл меня мой кипарис, и я грущу о нем.

Что гордость мне, самшит, твоя, хоть ты багрян в цвету, —
Грущу о кипарисе я — возлюбленном моем.

Моим очам — как волшебство прах из-под милых ног.
Я пристыжу и тех, кого мы зрячими зовем.

А пряный дух твоих кудрей благоуханьем полн,
Течет он, всех щедрот добрей, живительным ручьем.

О рок, сними с меня свой груз — не мучь и не томи —
Ведь даже из сладчайших уст, увы, мы горечь пьем.

Мой луноликий не со мной, и стон мой — что огонь,
И льет он ливень звезд сплошной в пылании своем.

Тебе, о кравчий, не дано утешить Надиру —
В разлуке с другом и вино не тешит забытьем.

Сердцем я написала, как разлука горька:
Капли слез — вместо точек, кровью вьется строка.

Рвет десница разлуки в клочья платье на мне:
Где подол и где ворот — не узнаешь куска.

Околдовано страстью, стонет сердце мое,
Утром ночи бессонной рвет мой ворот рука.

Ты поведай, о ветер, про страданья мои:
Ведь любимый не знает, как любовь велика.

Не спасется избранник от стенаний моих:
Небо все запылало — искра стонов жарка.

Только скрылся от взора повелитель души —
Очи света лишились, жизнь лишь тлеет слегка.

Свижусь с ним — и от счастья запылают глаза —
Так челом он прекрасен, так улыбка ярка!

Но мой взор изменил мне: одинока душа,
Мне разлука с любимым суждена на века.

Повеление миром — под печатью моей,
Но в велениях чувства сердцу петля узка.

Если ветер не выдаст тайну чувств Надиры,
Мой кумир не узнает, как разлука горька.

Собою тот не дорожит, кто любит с жарким пылом,
Не смерть влюбленного страшит — разлука с другом
милым.

Дружна со мною доля бед — ах, это что за дружба!
Увы, отдохновенья нет кончающимся силам.

О кравчий, горек мой удел в мученье безысходном,
Дай мне вина — лишь в нем предел всем мукам
опостылым.

О боже, пощади меня! Что делать мне с судьбою?
Терзаюсь я, свой рок кляня в страдании унылом.

Каких мне мук судьба не шлет безжалостной десницей:
Бессчетны бедствия невзгод, и сердце стало хилым.

Друзья, услышите мой стон — меня и не ищите:
Мой прах развеян, разнесен вихрем бед стокрылым.

Тяжка, творец, моя пора: как мне снести разлуку,—
Нет в сердце сил, о Надира, от мук совсем остылом!

Покуда сердце в путях кос притихло онемело,
Как будто гребнем — до заноз — скребут мне муки тело.

И диво ли, что светел взгляд, а очи — словно блески,
Когда, искрясь, лучи горят — светило заалело!

В горах и долах — сонмы смут от моего безумья,—
Фархад с Медждуном не дойдут до этого предела.

Ты жемчугами не зови моих рыданий слезы,—
То в море от дождя любви жемчужина созрела.

Мой стон бесхитроsten и прост — ему не быть на небе,—
Вознестся пыли к высям звезд — возможное ли дело!

Твой стон, о Надира, затих, и в сердце — горечь муки,
Ты сласть рубинов-уст хмельных изведать не сумела!

Душу в теле, как Мессия, оживит он сладким словом,
Сердцу в пиршества ночные свет он льет челом пунцовым.

Жаркий стон мой в разлученье одержим стократ
Мертвых, словно в Судный день, я пробуждаю страстным
безумьем —
зовом.

Сжальтесь же, больную душу пожалейте, о собратья,—
Дом души рыданьем рушу я в терпении суровом.

Мне в смятении светиться люблю отблеском зеркальным:
По ночам павлин мне снится — что ни ночь, в сиянье
новом.

Чудо-речь твоя обильна радостью животворящей:
Воскрешать сердца посильно лишь устам твоим медовым.

Любо тебе было скрыться от людских всезрячих взоров:
Тайна уст твоих таится под таинственным покровом.

Что ж стенать в жестокой муке, реки слез струя потопом,—
Нужно в бедствиях разлуки быть к терпению готовым.

Если в блеске небывалом лик твой дивный воссияет,
Станет Надира зеркалом вопреки своим оковам.

Что случилось? Где прекрасный мой? Доселе он нейдет!
Уж все пришли, кто в ратном был с ним деле,— он
нейдет.

Ах, ярче утра светлых встреч был луноликий мой!
Стал мрак, где светоча лучи мне рдели,— он нейдет.

Нет, мне тех встреч не возвратить — душа горит огнем,
И не текут живящих слез капли: он нейдет.

Надежд зеленые ростки не распустили роз,
Настал Навруз, но дни весны не грели: он нейдет.

Что, если огненной тоской спалило целый мир:
Где все сгорело, как мне жить — в огне ли? — он нейдет.

Властитель мой покинул мир, тебе же, Надира,
Рыдать о горестном твоём уделе: он нейдет.

О гнет разлук! Весь мир зальет горячих слез моих
разлив,
Единой каплей бурных вод все реки и моря залив.

Раздоры, ссоры и грызня вовек влюбленным не нужны.
Безумье! Упаси меня от тех, кто вздорен и строптив.

Я мук разлуки не снесу — мое безумье видят все,
Увижу я твою красу — и ты увидишь мой надрыв.

Не видя лик твой неземной, терплю я горький мой позор,
Молю: о, сжался надо мной, от мук к блаженству путь
открыв.

Вовек не ведал род людской покоя в бедствиях любви,
И если люб тебе покой, смири, отшельник, свой порыв.

Да почернеет облик твой, о небо,— сколь жестоко ты!
Глумишься ты над Надирой, ее с любимым разлучив.

Жизнь мою возьми во благо, мой кумир,— ну что ж —
умру,
Будешь нежным — жертвой лягу, а корить начнешь —
умру.

Всех сожжет твой лик палящий, а уста — всех оживят,
Пусть уста животворящи, солнце жжет — я всё ж умру.

Светоч жизни беспредельной мне — шербет живящих
уст,—
Кравчий, если мне, похмельной, ты вина нальешь — умру.

Влагой уст ты жить мне прочишь, я ж готова жертвой
пасть,
А когда убить захочешь — сразу уничтожь,— умру.

Ты устами так и манишь сердце выведать твой нрав,—
Если же хоть раз обманешь, если скажешь ложь —
умру.

Нет, не ведать птице лёта — смертной мукой сжала сеть,
Пощади, порви тенета, мук моих не множь — умру.

Твой порог — сама святыня всем — и знатным и простым,
Если ж перед ним ты ныне, Надира, падешь — умру!

Мухаммас на газель Навои

По тебе томясь и маясь, я влачусь в пустынном доле,
Смерчем к небесам взвиваясь, прахом вьюсь я в диком
поле.

Ты едва уйдешь — мне душу муки страсти побороли!
Сердце и душа — с тобою, я ж — у бед моих в неволе,
Я тебе вручаю сердце, а тебя — господней воле.

Как прощалась я с тобою — пламя мук меня палило,
Туча стонов моих жгучих небеса совсем закрыла.
Темен мир от этих стонов — все вокруг черно, уныло,
Закатилось, видно, в темень счастья моего светило —
По ночам от ран разлуки тело ноет в жгучей боли.

Луки-брови я лишь вспомню — и согнусь тотчас же
станом,

Я молю, томясь надеждой, исцеленья моим ранам.
Твои стрелы ранят сердце, но оно, хоть и с изъяном,
А спокойно: ему лестно быть для стрел твоих колчаном!
Только я сломала стрелы — жить в безумии легко ли?

Зорь свиданья ожидая, я весь ворот изорвала,
Ночь темна от моих стонов, я в ночи томлюсь устало.
Искры вздохов моих жарких в грудь впились мне, словно
жала.

Словно свечи, мне все пальцы пламенем разлук сжигало,
И омыла я их кровью, чтоб не жгло мне руки боле!

О друзья, вам быть такими, как и злой мой друг, не надо,
И терпеть, как я, поверьте, сотни тяжких мук не надо,
И менять уединенье на ярмо разлук не надо.

Выйдет к вам он — не теснитесь около, вокруг, —
не надо.

Лишь взглянул он — ему сердце отдала я поневоле.

Молвит сладкое он слово — я немею в муках страсти,
А его устам привычно разгрызать любые сласти!

А краса его! Возможно ль не поддаться ее власти?

Лик его узрю и кудри — и гнетут меня напасти,
Он лишь глянет — сотни бедствий я терплю в моей доле.

А найти тебя не просто — ты проходишь стороною.
О, как я томлюсь в разлуке! Молвил слово бы со мною!
Лишь вином и утешаюсь — тешусь чашею хмельною,
Мне бы сердце успокоить хоть бы раз — любой ценою,
Все стерплю я, чтобы жала мое сердце не кололи!

Что влюбленному укоры — злых соперников упреки!
Злые речи бесполезны, как ни злы и ни жестоки.
Время, Надира, припело снять с главы венец высокий.
Навои в огне безумья сжечь себя приспели сроки,
И грозит набег безумья черным мраком смертной доли!

Посети меня, стон мой, в подмогу печали моей,
Ты приют моих бедствий сжигающим ветром развей —
Мне не робко бы плакать, а в муке стенать все сильней!
О, доколе в разлуке рыдать мне одной, без вестей,—
Мне терпенью б учиться в нелегкой кручине своей!

Если весть о любимом ты мне принесешь и ответ,
Если другу расскажешь про долгую ночь моих бед,
Если с доброй молитвой ему передашь ты привет,
Если скажешь ему ты, как верно держу я обет,—
Полетай, птица сердца, на волю из тесных сетей!

Мой Джамшид справедливый, владыка всевластный —
лишь ты,
В моих помыслах-думах, в мечте ежечасной — лишь ты.
Если правду поведать, и светоч мой ясный — лишь ты,
В этом мире желанье мое, о прекрасный,— лишь ты,—
Я тебя лишь и помню, забыла весь мир, всех людей!

Мне б побыть в ночь печали с той светлой луною хоть раз,
Боль и муку разлуки пред ней я изною хоть раз!
Глянь, как тяжко я мучусь, побудь же со мною хоть раз!
Помоги же, о рок, мне любую ценою хоть раз —
Ухвачусь за поводья — рыдая, помчусь вслед за ней!

Жжет похмельная мука — о кравчий, подай мне вина,
Лей фиал за фиалом и каждый налей до полна!
И да будет в беде мне стезя разуменья дана!

Мне бы чашу терпенья испить до предела, до дна,—
Долго ль слабому телу стенать все грустней и грустней?

А ведь было же время — был милостив ты и не строг,
Для очей исцеленьем мне пыль была — прах с твоих ног.
А теперь моя доля — безгласно лобзать твой порог,
Горький путь моей муки к далекой святыне пролег,
А в пути пропитанье — лишь слезы кровавые лей!

Где же чаша свиданья, где пиршество прежних щедрот?
Как жестоко с тобою меня разлучил небосвод!
Я в лохмотьях безумья — во власти кровавых невзгод,
Пламя бедствий разлуки меня опаляет и жжет —
Где же силы найти мне, как быть мне опорой твоей?

О, как трудно без друга страданья разлук претерпеть,
Ожидая свиданья, беду тяжких мук претерпеть!
Как же стонов-стенаний моих горький звук претерпеть,
Как средь гор моих бедствий мне смертный недуг
претерпеть?
Как Фархад, быть бы верным, да только попробуй,
сумей!

Увидать бы мне друга — хотя бы во сне, только раз,—
Знал бы он, как я мучусь в рыданиях и столах сейчас!
Да прочтут все страдалцы в слезах, Надира, твой
рассказ,
В свиток неба впишу я мой горестный стих без прикрас —
Как Мани да Бехзад, напишу повесть этих скорбей!

МУСАММАН

О, горе! Гнет любви меня страдать обрек:
Душа и плоть слабы, огонь мне сердце сжег.
В пустыне, как Меджнун, брожу я без дорог —
Я волею небес бреду, не чуя ног.
Джейхуном из очей струится слез поток.
Что ж миру быть таким его творец предрек!
Ко мне писец судьбы был грозен и жесток,
Всю чашу дней моих разбил суровый рок!

Любимый далеко, а я одна, увы,
Я гибну — доля мук мне суждена, увы.
Я участью разлук сокрушена, увы,
Страданиями измен я сожжена, увы,
Скитаться мне дано, не зная сна, увы,
Сколь горестная мне судьба дана, увы!
Ко мне писец судьбы был грозен и жесток,
Всю чашу дней моих разбил суровый рок!

Тебя лишь вспомню я, любимый,— что ни миг,
От мук мне не сдержать моих стенаний крик.
В больную душу мне смертельный гнет проник,
Рыдать, кляня злой рок,— вот доля горемык!
Ко мне писец судьбы был грозен и жесток,
Всю чашу дней моих разбил суровый рок.

Людей силками бед неволит небосвод:
Немилосердно он всех муками гнетет.
И мне, печальной, он послал ярмо невзгод:
Он даже и в любви, увы, позор мне шлет.
Доколе ж мне страдать, терпеть жестокий гнет?
Мне в степь небытия уйти — один исход!
Ко мне писец судьбы был грозен и жесток,
Всю чашу дней моих разбил жестокий рок.

Забудь весну, увянь, о сад печальный мой,
Погасни же, мой взор, излейся слез рекой!
О сердце, позабудь надежду и покой.
О разум мой, стерпи позор молвы людской,
Бреди в безвестный дол с безумною тоской.
Утешься, Надира, и сердце успокой —
Ко мне писец судьбы был грозен и жесток,
Всю чашу дней моих разбил жестокий рок.

В хвалу тебе пишу я этот стих,
 Чернила мне — зрачки очей моих.
 Скорбь о тебе смутила разум мой,
 К безумцам путь мой — быть мне среди них
 Едва тебя увижу я во сне,
 Терзает меня стон, жесток и лих.
 Друзья мои — страдальцы горьких мук,
 Хранима я обетом дружбы их.
 Твои слова мне выше всех наград,—
 О, как я жажду милостей твоих!
 Но снизойдешь ли ты к моим мечтам?
 Увы, я жду защиты от других.
 Хотя бы в сновиденье мне явись —
 Лишь ты один всегда в мечтах моих!
 Но от тебя, мой друг, не ждать мне зова —
 Сколь без тебя судьба моя сурова!

Блажен был день, когда, дружна с тобой,
 Вкушала я блаженство и покой.
 Мне честь была судьбою суждена —
 Был избранным высокий жребий мой.
 Как сокол на властительной руке,
 Я видела добычу пред собой.
 И день и ночь душа с тобой была,
 Твой светлый образ был всегда со мной.
 К твоим стопам смиренно преклоняюсь,
 Всем отличным я была главой.
 Была я рада пиршеству любви,
 И звонок был моих напевов строй.
 Твой лик, как роза, рдел, и соловьем
 Я пела, видя дивный образ твой.
 Но от тебя, мой друг, не ждать мне зова —
 Сколь без тебя судьба моя сурова!

К тебе, о погубитель, мой порыв,
Но мне не внемлешь ты, несправедлив.
О стройный мой! Я попрана тобой:
Жду смерти, душу пред тобой сложив.
В разлуке лью я реки горьких слез —
Тебя не захлестнул бы их разлив!
Что жизнь, весь мир мне! Все тебе отдам,
Тебя моею жизнью одарив.
В долине скорби, верно, я умру —
Мои останки там да сгложет гриф!
Сулит мне гибель войско мук и бед —
О, защити, не будь, молю, гневлив!
Мечтая и томясь, тебя я жду,
Поток кровавых слез в тоске излив.
Но от тебя, мой друг, не ждать мне зова —
Сколь без тебя судьба моя сурова!

Куда ушел, о ты, прекрасный мой?
Не тронет тебя стон безгласный мой.
Как я гордилась верностью твоей!
Стал тщетным зов горячий, страстный мой.
Увы, едва добычу увидав,
Взлетел и скрылся сокол ясный мой.
В когтях разлук я гибну без тебя —
Кто ж вылечит недуг опасный мой?
Я по ночам мечтаю о тебе —
Увы, жесток удел несчастный мой.
Я предана тебе, а сил уж нет —
Я все тебе отдам, всевластный мой.
Пылая, вся истаяла свеча,
Гореть в огне — вот рок ужасный мой!
Но от тебя, мой друг, не ждать мне зова —
Сколь без тебя судьба моя сурова!

О, если бы про боль моих тревог
Тебе мой пылкий стон поведать мог!
Куда ушел ты, где теперь твой кров?
Письмо туда я шлю из слезных строк.
Твой образ вечно жив в моей душе,
А повесть бед моих — сей горький слог.
О, сколько вероломный шлет мне мук!
Терпеть и ждать — велик ли будет срок?
Рассказ о горькой участи разлук —
Следы шагов моих усталых ног.
Утеха сердцу — только вы, друзья,
Молюсь за тех, кто в горе мне помог.
О боже, просветли, молю, мой взор —
В тебе — успокоения исток.
Но от тебя, мой друг, не ждать мне зова —
Сколь без тебя судьба моя сурова!

ПЕСНЬ О РАЗЛУКЕ

О, как много бед и тягот в муку мне дала судьба!
Мне напастями разлуки стала тяжела судьба,
Без любимого наслала мук мне без числа судьба,
И печалью цвет пунцовый стерла мне с чела судьба.
Вероломная, кому же верною была судьба?
Истерзала меня мукой, опалив дотла, судьба.
Всех влюбленных наделила долей бед и зла судьба,
Соловьям и розам гибнуть злобно предрекла судьба.
Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен не будет,
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Я терплю, но муки страсти день и ночь томят меня,
Я креплюсь, но пыл безумья повергает в ад меня.
Плачу я, а люди судят — за любовь стыдят меня.
Нестерпима боль разлуки, мучит боль утрат меня,
Остры стрелы злого рока — жала бед язвят меня,
С милым другом я в разлуке, и гнетет разлад меня.
Сколько небо будет мучить день за днем подряд меня?
Что Меджнун! Страданья страсти изведут стократ меня!

Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен не будет,
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Без любимого на сердце — темнота, темным-темна,
Даже свет дневного солнца затянула пелена.
Тонким месяцем от боли стала полная луна.
Я под тяжкой ношей боли стала станом согбена.
Славен час, когда с любимым я была, а не одна!
О скончанье мук разлуки и мечтать я не должна.
Было время — все прощалось мне — и грех мой и вина,
А теперь ушел любимый, счастье отнято сполна.
Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен не будет,
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Сердце мечется: где друг мой, где же он, ушел куда?
Из очей стекают слезы, словно за звездой звезда.
На твой стройный стан взглянуть бы, хоть украдкой,
иногда!

Воля злых небес к влюбленным милосердия чужда,
От мучений ранам сердца — беспредельная страда,
Гнет терпеть нет в сердце силы — не осталось и следа.
Как не плакать, если душу жжет жестокая беда,—
Видно, уж не ждать спасенья мне от бедствий никогда!
Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен не будет,
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Не пришел меня проведать повелитель мой, увы,
Он не сжалился ни разу над моей бедой, увы.
А жила в душе надежда вновь найти покой, увы!
Камнесердого не тронул стон мой горевой, увы.
Так вот и Юсуф измучен не был Зулейхой, увы,
Так Вамык ушел из жизни, не побыв с Узрой, увы,
Но Ширин после Фархада уж не жить одной, увы,
Так как я, Меджнун страдал ли, разлучен с Лейлой,
увы!
Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен не будет,
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Я томлюсь, страдая,— где ты, о владыка из владык,
Я не сладкий хмель свиданья — кровь глотаю каждый миг.
Стан мой был и прям и строен, а теперь совсем поник.
Без тебя бескрайно горе, и печалей гнет велик.
Как газель, мой бедный разум без тебя пуглив и дик.
Дружит с горестными горе — счастья нет у горемык.

Пору радостных свиданий горестный удел постиг:
Видно, уж разлука крепко мой схватила воротник!
Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен не будет,
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Плачу я в разлуке с другом, а его все нет как нет,
Мне не дан судьбой в подмогу счастья радостного свет,
Путь к любимому найти мне не проложен верный след.
Солнечной его краскою взор, увы, мой не согрет.
Мое солнце — не со мною, не настал, увы, рассвет,—
Где он светит дивным ликом? Не отыщешь и примет!
Кто из живших в этом мире не изведал зла и бед?
Кто не ведал мук разлуки — разлученья долгих лет?
Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен не будет,
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

В те поры, когда любимым верности обет был дан,
Сладость уст его мне стала исцелением от ран.
Но нарушил свой обет он — было всё лишь ложь, обман!
Пожалел, что клятве верен был, властитель мой, султан.
Вместо счастья встреч — разлука, вместо сладких дум —
дурман.

Грудь моя от мук разлуки кровью рдеет, как тюльпан,
Дух мой сокрушен печалью и тоскою обуян.
Я одна скитаюсь сиром, шах мой — путник дальних стран.
Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен не будет,
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Ты ушел к иным пределам, гнет моих страданий лют,
Об устах твоих мечтаю — хмель они мне в душу льют.
Дни блаженства вспоминаю — где услад моих приют?
Сан высок мой, и счастливой весь меня считает люд.
А по мне, вдали от друга даже высший жребий худ.
Я была горда тобою, в радости не знала смут,
Но померкнул блеск зерцала, сердца помутнел сосуд.
Что ж корить меня за плач мой! Язвы ран меня гнетут.
Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен не будет,
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

О певец, да будет лад твой Надирию вдохновлен,
Да напомнит он влюбленным счастье радостных времен!
Звук струны твоей да будет с нитями души сплетен,—
Как влюбленному не плакать, ежели в разлуке он!
И камня переплавит любящих надсадный стон.

Раны ноют — сердце стонет, — есть, поверь, такой закон.
Небосвод во прах поляжет, этим стоном сокрушен,
Да не будет же влюбленный друга верного лишен!
Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен не будет,
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Дильшод

ГАЗЕЛИ

«Фиал любви возьми в сей миг!» — стал внятен зов
вселенной мне,
И звон фиала — «Друга лик, — мне молвил, — ты узришь
в вине».

Отшельникам сказала я: «Прощайте! В даль — стезя моя,
Мне — в погребке небытия кутить с хмельными наравне».

Испив любовного вина, я от всего отрешена —
Всему я в жертву отдана, что ни увижу — хоть во сне.

Сплела любовь мне сеть вериг — и я прозрела в тот же
миг:
Лик друга предо мной возник, в фиале видимый —
на дне.

Влюбленный, страстью вдохновен, — во власти пут со
всех сторон,
Но да вовек не будет он от пут любовных в стороне!

Влюбленным пленникам утрат равно чужды и рай и ад:
Для них отрада из отрад — узреть творца наедине.

Возглавить любящих дано наставнице любви — Барно,
Хоть о любимом суждено одной рыдать ей в тишине.

Пока весна не расцветет, не зеленеет сад,
Пока беззвезден небосвод, мир темнотой объят.

Пока нагорья студит лед, поток не потечет,
А теплая пора придет — и сонмы рек журчат.

Известно: новый суткам счет дает нам новый год,—
Пока Навруз не настает, стоит пора прохлад.

Весною там, где сад возрос,— благоуханье роз,
А ныне их сковал мороз, и всюду — стужи яд.

Сейчас бы самая пора петь соловьям с утра —
Зачем же нынче, как вчера, лишь вороны кричат?

За что же солнце из-за туч мне дарит тусклый луч?
Вели, любимый, чтобы жгуч был ясный его взгляд.

О, пощади, мой милый друг,— да рдеет вешний луг —
Стихов Барно веселый звук восславит жизнь стократ.

Человек сказал когда-то, глянув на светило ввысь:
«Глянь-ка, тьмой земля объята — ты хоть раз ей
улыбнись!»

Взором ласково-веселым солнце золоту кудрей
Вниз к земле — к ручьям и долам повелело расплестись.

И земля вокруг светила закружилась мотыльком,
И потоки рек взбурлила, и они, искрясь, лились.

Жемчуг в реках зрел, как зёрна, родники текли журча —
Солнце глянуло задорно — хоть дивись, хоть не дивись!

И широкою стезею, обходя ряды холмов,
Сырдарья с Амударьею, словно локоны, вилась.

Человек, усердным рвением покорив себе Джейхун,
На Сейхун взглянул с почтеньем, но сказал: «И ты
смирись!»

Будь с людьми, Дильшод, вовеки, всюду следуй за людьми,
Что тебе эмиры-беки — лучше с верными сойтись!

Мне осмотр не нужен твой, не возись со мною, лекарь,
Не язви меня хвалой, не позорь хулою, лекарь.

Мой недуг — любовь, он жгуч, не клейми меня наветом,
О, молю тебя: не мучь, — я того не стою, лекарь.

Жар моих любовных мук потуши, если сумеешь, —
Без лекарства от разлук мне не быть с тобою, лекарь.

Если ж ты понять не смог, что за зелье лечит душу,
Я тайник моих тревог от тебя сокрою, лекарь.

Ты проведать не спеши, где недуг во мне гнездится, —
Ссадных язв моей души не коли иглою, лекарь.

Только любящий поймет, что за боль страдальца гложет,
Ран моих — моих невзгод ты не тронь рукою, лекарь.

Если же тебе дано о свиданье весть поведать,
Будь всегда вдвоем с Барно, будь всегда со мною, лекарь.

Твое имя благовонно, ты — Анбар, тюльпан, рубин,*
Слово молвишь — упоенно все внимают, как один.

Если сумрачно-уныла не была бы жизнь моя,
Я тебе бы сад взрастила на просторах всех равнин.

И когда в пылу похмелья я на лик твой погляжу,
Розы рдеют в моей келье — нет в ней бедствий и кручин.

С красотой твоей дивной в твоём нраве всё в ладу:
Ясен свет твой неизбывный, ты не ведаешь личин.

В Фергане — какая жалость! — нам воочью не узреть,
Что одной тебе досталось все наследие Ширин.

Если б в Чине и Мачине вновь явился бы Фархад,
Для тебя бы все твердыни одолел сей исполин.

Пред тобою со смиреньем пала верная Барно,—
Не обидь ее презреньем, о тюльпан мой, о рубин!

Час страданий нескончаем — дольше долгих-долгих лет,
О, когда ж мы повстречаем миг спасения от бед!

Где светила лик веселый черным пологом сокрыт,
Там всеислен гнет тяжелый — и земле и небу вред.

Где же зим и весен смена, где цветущая пора?
В горле — ком скорбей и плена, весь затмился белый свет.

Всё разбито до основы — грады, села и сады:
Где властители суровы, там благоустройства нет.

Всё, что вкусно, всё, что сладко, съели стаи жадных мух,
Ободрал всё без остатка ненасытный дармоед.

Подчиненье властелинам и терпенье без конца —
О, доколе же нести нам сей покорности обет!

Всем, как и Барно, красивым — жить, во мраке потускнев,
Гнев и гнет бурлят разливом, красоты простыл и след.

Как волн морских прибой — созвучия газели,
Растут, шумя листвою, могучие газели.

А если им не течь, не зеленеть листвою,
Родит пустая речь тягучие газели.

Когда стихи звучат, как у певцов искусных,
Где сыщешь звучный лад певучее газели?

Суть нашей жизни всей — как бы котел кипящий,
И слой в нем всех вкусней — кипучие газели.

Когда в строках стиха не бьются соки жизни,
Родится чепуха — трескучие газели.

Дурным стихам не стать стиху Барно четою:
Хромым гонцам под стать беззвучие газели!

На заре, ветерок, ты меня пробуди,
Вздых мой, веяньем утра маня, пробуди.

Я навстречу рассветной красе поскачу,
Дай мне стяг и лихого коня — пробуди.

Гляну я на сверкание светлых небес
И на землю в сиянии дня — пробуди.

Чтобы мне луч горячей зари не проспать,
Ты мой слух, нежным зовом звеня, пробуди.

Я в разлуке горю, излечи мой недуг
Жаром искр заревого огня — пробуди.

Я сказала тебе о себе лишь одной,
Но и всех ты, от мрака храня, пробуди.

Ветерок, на тебя уповает Барно,
Не лишай ты защиты меня — пробуди.

Когда пишу я, плачет, увы, навзрыд письмо,
Кровавых ран слезами мне грудь клеймит письмо.

«Что плачешь?» — вопрошаю, но мне ответа нет,
Рыдает еще пуще, как от обид, письмо.

Молю я, умоляю — и слышу я в ответ:
«С иной ты пишешь думой, тебе претит письмо.

Мечту таишь ты в сердце, а пишешь о другом —
Не совладать мне с нею», — мне говорит письмо.

А я в ответ: «Пишу я с надеждой на тебя:
И тайный смысл откроет, как он ни скрыт, письмо

Письмо не канет в небыль — потом его прочтут:
Что надо знать потомкам — не утаит письмо!»

И пусть письмо надежду таит, как и Барно,
Хоть ее в горькой доле и ввергло в стыд письмо.

И если ты меня, мой друг, жалеешь — загляни мне
в сердце,—
Поведаешь ты, как от мук горят огнем,— хвала удаче.
О, ты познал ведь, что невмочь сносить любовное
похмелье,—
Скажи, что страждущим помочь мы все зовем,—
хвала удаче.

Не раз Барно в стихах своих о горе любящих писала,
И я слагаю этот стих опять о нем,— хвала удаче.

Узбеки и арабы дружат, и дружбы их основа — хадж,
Во благовременье им служит ко благу это слово —
«хадж».

Иной уходит на чужбину, чтоб увеличить свой доход,
А выставляет как причину своекорыстья злого хадж.

Он худо-плохо понемногу ухватит — и немалый — куш,
А говорит, что служит богу, и повод ему снова — хадж.

По виду ради веры правой идет к Каабе толстосум,
А обернется лишь забавой лжеца и пустослова хадж.

Бедняк уйдет, простясь с семьею, и смерть найдет в чужом
краю:
Безвестный холм с чужой землею для бедняка такого —
хадж.

Я к богу вознесу моление одна, Дильшод, в ночной тиши,
Чтоб был зачтен мне и под сенью родного дома-кровы
хадж.

Дан устам суесловный язык — от злословья его удержи,
А злословить начнет — в тот же миг ты от слов, что
пусты, отрешись.

Если имя твое — человек, ты того, кто и честен и добр.
Не унизь клеветою вовек и от слов клеветы отрешись.

Не один ты на свете живешь — людям верным и
преданным будь,
Все дурное в себе уничтожь и от неправоты отрешись.

Если стрелы в прицеленный круг ты, Дильшод, не
сумеешь послать,
Брось оплошно стреляющий лук — от своей слепоты
отрешись.

Болью страсти в теле стонет мой в любви болящий дух,
В жилы и суставы гонит кровь струей палящей дух.

Мучит тело жар кровавый — без огня горячкой жжет,
В сердце войском для расправы вторгся мой горящий
дух.

Рассеки мне грудь на части и в чертог души взгляни:
Там звучат напевы страсти песнею, томящей дух.

С милым другом в тихой келье хорошо испить вина —
Подготовил нам веселье нас вином хмелящий дух.

Опален любви недугом, сердце трепетно спросил:
«Будешь ли ты верным другом для души скорбящей?» —
дух.

«Свой огонь моим пожаром, — сердце молвило, — усиль»,
И зажегся новым жаром пыл любви таящий дух.

«Ты — Барно, тебе не ново пылом страсти душу жечь!» —
Так сказал мне свое слово пир любви творящий дух.

Очи я отдам мои, лишь бы книга стала ясной,
И глава о бытии вся была б — с начала — ясной.

В буквы мне бы жизнь вдохнуть, чтобы рдеть им жаром
молний,—
Стала б в человеке суть, словно бы зеркало, ясной.

Даже подлый обретет отраженье совершенства,
Если дарит небосвод отблеск ему ало-ясный.

Что мне райских гурий вид! Я ль незримое восславлю?
Море бытия бурлит белизною вала ясной.

Как же будет не чужда праведникам ложь притворства,
Если в шейхе и следа веры не бывало ясной!

С черным клобуком к чему каландар так верно дружит,
Если шейху — и тому вера лик являла ясный?

Что все дольные края для тебя, Барно, на свете?
Зов из стран небытия слышен небывало ясный!

У Низами и Физули произведений много —
На тех, что вслед за ними шли, влиял их гений много.

В газелях слог их был медов, искусность их отменна,
У них, как на ветвях — плодов, стихотворений много.

На состязаньях их успех — под стать победам шахов:
Стихи их были лучше всех и совершенней много.

Все земли тюрков — до одной — и ценят их и любят —
Звучит в Коканде с Ферганой им восхвалений много.

Дар их высок, как небосвод, им нет обоим равных,
А жаждущих достичь высот таких ступеней много.

Их свет могуч, словно раскат неотразимых молний,
И тех, что отблеском горят их отражений,— много.

Дильшод, любой признать готов, читая стих твой мерный,
В твоих стихах — тень их стихов, и полутеней — много.

О сердце, душу пожалей: она от ран сгорела — глянь,
Твоей любимой быть бы ей — не узницею тела — глянь.

Взгляни и глаз не отводи, вовек ее не забывай,
Улыбкой светлой награди — с участием то и дело глянь.

Никто из вас не одинок — вам друг без друга жизни нет,
И, как к тюльпану мотылек, к тебе льнет она смело —
глянь.

Того, кто столь отважен был, стремглав летел на твой
огонь,
Да не сожжет любовный пыл! Доверься ей всецело —
глянь.

Желанно ей к тебе прильнуть и у тебя искать приют —
Смотри, не заступай ей путь: она к тебе летела —
глянь.

Ей милосердие твое желанно, милостивым будь,
Ведь верность, преданность ее не ведает предела —
глянь.

О сердце, я уже давно жду от тебя вестей любви:
Нужна жемчужина Барно — та, что в тебе созрела,—
глянь.

Счастливой вести я ждала, а весть была кроваво-
горькой,
Заря была мне не светла, и ночь была мне, право,
горькой.

Мне путь любви мерцал вдали, и мнилось мне прослыть
счастливой,
Меня ж безумной нарекли, и стала моя слава горькой.

«Вот-вот проглянет солнца свет»,— я тешилась себе
в забаву,
Но в беспроглядном мраке бед была моя забава горькой.

По краю кубка моего медвяный стих я написала,
Но недруг влил мне яд в него — увы, была отрава горькой.

Тот кубок, что держала я, неверный друг мой опрокинул —
Злосчастная судьба моя была, увы, неправо горькой.

Но мой неверный на меня ни разу даже и не глянул —
Презрел, за преданность казня,— о, сколь была расправа
горькой!

Что делать? Всё — Барно во вред: медовой речью я
молила,
Но от любимого в ответ мне весть была лукаво-горькой.

Подруги, сестры, вы — друзья всех моих дум-бесед,
Споем во славу бытия — веселья лучше нет.

Откиньте от чела покров — пусть люди видят вас,
Пусть их влечет, как мотыльков, красы лучистый свет.

И пусть вовеки край родной не тронет супостат,
Нахлынувши в тиши ночной лавиной зла и бед!

В родных полях престранный лов теперь везде идет:
Бьет воронье перепелов уже немало лет.

Да, я таджичка, но мне люб и тюркской речи строй —
Да не наложит душегуб на речь мою запрет!

Ташкент, Коканд и Фергана, Ходжент — да внемлют все,
Да будет наша песнь слышна — песнь воли и побед!

Возьмите ж сазы, струны их споют напев Барно —
Да будет ее звучный стих по всей стране пропет!

Не думай, что лицом, о подлый, ты красив:
Ведь стал ты подлецом, не от красы вкусив!

И не в красе почет — в ней только внешний вид,
И если ты — урод, твой ладный облик лжив.

И не хитри, дурной, а сердцем перейми
Всей красоты земной сверкающий разлив!

И ведай, лиходей: предела правде нет,
Ты не губи людей — не будь несправедлив.

И молодость, поверь, минует, словно сон, —
По возрасту размерь и дел и чувств порыв.

Кто только с виду мил, а сердцем худ и зол —
Считай, что весь он сгнил, хоть с виду и смазлив.

Что — сверху, что — на дне — все соразмерь, Барно, —
Прекрасен мир вдвойне, две сути вместе слив.

Здесь в Коканде лох и слива всех земных услад приятней,
Вкус халвы кашмирской — диво, а у них — стократ
приятней.

Виноград у нас отменный — удивленье всей вселенной:
Красоты Лейли нетленной этот виноград приятней.

Всё, что зреет в Намангане,— всякий поздний плод
и ранний —
Всяких привозных даяний, всех иных отрад приятней.

А какая здесь пшеница: хлебу всяк у нас дивится,
В нем и малая крупица — чем бесценный клад приятней.

Рис тут варят образцово — не сыскать чуднее плова,
Всяких яств он, право слово, люди говорят, приятней.

А Ферганский край цветущий — лучше всяких райских
кущей:
Это диво жизни сущей — что там райский сад! —
приятней.

Да споет поэт всесветный, как Барно, свой стих
заветный —
Проповеди пустоцветной его звучный лад приятней!

Возьми калям, пиши газели,— нас так наставники учили,
Будь вдохновенным в этом деле,— нас так наставники
учили.

Учись с терпением искусству, знай жизнь людскую, ей
сочувствуй,
Пой соловьиным ладом трели,— нас так наставники
учили.

Пороку и греху не следу́й, о светлом, радостном поведай,
Будь ревностным в любовном хмеле,— нас так наставники
учили.

Не стой от знания далёко, не жалуйся на козни рока —
Иные в этом преуспели! Нас так наставники учили.

И если нрав в тебе хороший, не ведайся с ханжой-
святошей:
Ум подчинишь корыстной цели,— нас так наставники
учили.

Не лезь в друзья к чинам кичливым — и горделивым
и чванливым:
От спеси — хворь в душе и теле,— нас так наставники
учили.

Трудись всегда с народом вместе, будь прям, живи всегда
по чести,
Кто одинок, тот не в беде ли? Нас так наставники
учили.

Взяла калям я в руки смело и жизнь людей в стихах
воспела —
Всё сделала, как мне велели,— нас так наставники
учили.

И если ты про пыл любовный, Барно, напишешь стих
свой ровный,
О людях пой, об их уделе,— нас так наставники учили.

Забыл наставник нас, гуляк,— читать не станет
проповедь —
Ах, почему же нас никак, увы, не манит проповедь?

Наш проповедник, знать, зачах: он любит только золото,
О добродетельных речах и не вспомянет проповедь!

Он в обещаниях толков ради наличной выгоды:
Лишь кошельки у простаков упрямо тянет проповедь.

Он говорит нам, что, мол, рай обретете в будущем,
Но самого его, увы, и не дурманит проповедь.

И всё твердит нам старичок, что грех — уста хмелящие,—
Хоть в ней о золоте — молчок, нас не обманет проповедь.

Он, вроде, речи говорит ради людей обиженных,
Но о причине их обид не упомянет проповедь.

Бесцельно вязь словес плетет речь старца голосистая:
Глядишь, не будь стиха Дильшод, бесследно канет
проповедь!

Стихов величественный шах, искусностью слывет Хафиз:
Он — как луна в своих стихах — сияет нам с высот
Хафиз.

В словах он, как никто, остер, в подборе тонких слов
хитер,
Он блеском радует наш взор превыше всех щедрот,
Хафиз.

Он сам испил волшебный сок и нам испить его помог:
Он, жизнь вложивший в чудо строк, нам радость жизни
шлет, Хафиз.

И все, кому он не был мил, кто за грехи его корил,
От них давно и след простыл, а жив из года в год Хафиз.

Пел сладкогласный Навои, как соловей, стихи свои,
И звучным ладом строк любви снискал себе почет Хафиз.

А где теперь его завет, и кто идет за ним вослед?
В его стихах орехов нет: пример нам всем дает Хафиз.

В стихах Дильшод — искусный лад — об этом люди
говорят,
Завет твой мною перенят: тебе верна Дильшод, Хафиз.

Вот мне уже за пятьдесят, а всё горят желания,
Быть вечно юными велят нам для услад желания.

В огне любви сгорев давно, прошла я путь мой жизненный,
Порою сердце стеснено, а дух манят желания.

Был мне дарован чудный миг неизреченной милостью:
Вложили в мой немой язык певучий лад желания.

Ты даже в клятве утаи страданья страсти огненной:
Ведь тайну страсти и любви в себе таят желания.

Тот, кто мечтою вдохновлен, с пути не возвращается:
Не признают себе препон или преград желания.

Не жги мне сердце, лиходей, огнем несправедливости:
Ведь жар любви еще сильнее — его палят желания.

Взгляни: настал желанный срок — и в сердце радость
вешняя,
Твое, Барно, небесный рок узнать был рад желание.

Вкусить нам хмель вина, собравшись в круг, привычно,
Забуть в те времена боль тайных мук привычно.

Но, даже оградясь от всех мирских пороков,
Из рвов осадных грязь нам пить, мой друг, привычно.

Вот почему, забыв все строгие запреты,
Струн звонких перелив нам слушать звук привычно.

Что рай и ад для нас? Свиданья с милым ликом
Нам ждать в урочный час в плену разлук привычно.

И, сняв с чела покров — откинув черный полог,
Любить нам час стихов и наш досуг привычно.

Забыв о ханаке — о суете и сварах,
Друзей нам в погребке собрать вокруг привычно.

Вкусить вина спеши, Дильшод, в веселом бденье!
Лечить нам боль души — наш злой недуг привычно.

Силою бесовско-дикой шахам застит взор война,
Всего мира стать владыкой им сулит раздор — война.

Вечное стремленье к войнам — свойство всех земных
владык:
Подлых причислять к достойным любит с давних пор
война.

Ссоры тешатся забавой: в душах — смута и разбой,
Душит алчностью кровавой глотки жадных свор война.

Хан воюет безоглядно, словно мечет кость в игре,—
Всё заглатывает жадно, всем несет разор война.

Стычки, схватки год за годом, кучи срубленных голов,
Вновь войска идут походом: вечный спутник ссор —
война.

Раньше шахи и стихами славу добывать могли,
А теперь погрязли в сраме: нынче люб им спор —
война.

Чтоб поэтами владыки стали — вот мечта Барно:
Станет стих острее пики — сгинет и позор — война!

В мой сад воинственно жестоко, словно набег, пришла
зима,
«Готовься, я — злой вестник рока», — сказала мне бела
зима.

И стужа по увядшим розам хлестнула ледяной струей —
Насквозь пронзило их морозом: вздохнув, их размела
зима.

Вослед за летнею порою — осенней щедрости дары,
Но только снег перед собою вздымает, как метла, зима.

Деревьев золотые кроны она смела к своим стопам,
И, холодом дохнув с разгона, их пред собой взвила зима.

Животных — немощных, ослабших — она с родных
прогнала мест,
Повергла в ужас их, озябших, — лишила их тепла зима.

Все замело, и сторож сада привычных не найдет дорог —
Его растерянности рада, беспечно весела зима.

Ей и отрада и услада — чтоб в жилах леденела кровь,
И, видно, цвету крови рада, все красит добела зима.

Во тьме моих разлук в ночи горит свеча,
Наперсник моих мук и всех обид — свеча.

Как жар моей души, она горит всю ночь —
Со мной в ночной тиши, как друг, грустит свеча.

Ей боль моих невзгод всечасно душу жжет:
Страдая, слезы льет почти навзрыд свеча.

Когда в чаду утрат стенаю я от слез,
Одевшись в черный чад, со мной скорбит свеча.

Чернее моих мук обугленный фитиль —
Мне лечит злой недуг, что в сердце скрыт, свеча.

И если плач мой тих, как будто в смертный час,
Шипя от слез моих, сильней чадит свеча.

Мой друг меня сожжет, мне навеяв сон, —
Как тайный жар Дильшод, мир озарит свеча.

Хочет слыть благочестивым — до чего ж хитер ханжа,
Руки ханжеским извивом к небесам простер ханжа.

Он не смотрит, кто — греховный, кто — поборник правых
дел, —
Речью злобно-суесловной мелет чушь и вздор ханжа.

Пусть молитвой — самой лучшей — тешит душу лиходей,
Все равно он — враль заблудший, лживый с давних пор
ханжа.

Хворь — одна или другая — не излечится мольбой:
Лишь слегка недомогаю, безнадежно хвор ханжа.

Кто — в злословье неумном, тот, считай, погиб навек:
Станет нищим и бездомным, претерпев разор, ханжа.

Лгун, по виду безобидный, лишь о вере речь ведет —
Речью тешится бесстыдной всем наперекор ханжа.

От ханжей держась подале, в погребок идет Барно:
Ей до веры нет печали, быть с тобой — позор, ханжа!

О ты, невежда притворенный, мне на твой лоск
блестящий — тьфу,
Всей твоей жизни, зря пройденной, и «праведности»
вящей — тьфу.

Оброс ты бородой белесой, так ничего и не поняв,
Для всех грехов твоих завесой был твой платок
слепающий, — тьфу.

Ты слыл всегда боголюбивым, а в черном сердце зло
копил,
Обманным действовал зазывом и речью, хитро
льстящей, — тьфу.

Ты словоблудием коварным к святым могилам звал
людей,
И льстиво был высокопарным твой говорок юлящий, —
тьфу.

Чтоб жить в бездельничанье сладком, ты кровь народную
сосал —
Твоим неправедным достаткам, корысти, всех губящей, —
тьфу.

Как курица, ты без оглядок все непотребное сжирал —
Был до дерьма и дряни падох ты весь свой век пропащий, —
тьфу.

Конь и с одним кнутом — ретивый, тебя ж и сотней не
проймешь,
И весь ты, от хвоста до гривы, в глазах Барно —
ледащий, — тьфу!

Разлад в душе — беда, а тишь и лад — иное,
Сей странный мир всегда бедой чреват иною.

Одно — шумливый крик веселой суматохи,
Стон бедных горемык, боль их утрат — иное.

Одно — в тиши лачуг стенанья и рыданья,
А бубна мерный стук и струн раскат — иное.

Одно — когда бедняк скитается без крова,
А с травлей гнать собак из всех засад — иное.

Жизнь за любовь отдаст лишь истинный влюбленный,
А кто в любви горазд ждать лишь услад — иное.

От века рок-злодей плетет свои коварства,
А помыслы людей, что жизнь влачат, — иное.

Нет, видно, не найти Дильшод дорогу к счастью —
О правде речь вести, сгорев стократ, — иное.

Безумное сердце, ты — в горе глубоком,
И нет в тебе страха уже перед роком.

Суровый мой рок был училищем скорби, —
Счастливому это да станет уроком!

Упорно судьба меня горю учила —
Свой ворот рвала я в страданье жестоком.

Где горечь отравы и яда всеильны,
Сыскал ли кто правду в пути одиноком?

Безгласных, несчастных гнетут лихоимцы —
Бессрочным страдания тянутся сроком.

Но все же Кавэ одолел и Заххака —
Того, кто главой был несчетным порокам.

Проснись же, Дильшод, путь ищи справедливый,
Будь стойкою в странствии этом далеком!

Как быть мне, если ты меня не вспомнишь никогда, увы,—
Цветущий сад мой не ценя, ты не придешь сюда, увы?

Как быть, если ты щедрый дар мне не подаришь — море
слез,—
Моей любви палящий жар не загасить тогда, увы.

Но нет, ты сжалишься и сам пришлешь письмо издалека,
Не то мой пепел к небесам взметнет твоя вражда, увы.

Мне, видно, срок уже приспел закрыть глаза на этот мир —
Боюсь, не ждать мне твоих стрел и твоего суда, увы.

Темно мне в доле моих бед — в крошечной тьме разлук
с тобой,
Ужель твоего лика свет закрыт мне навсегда, увы?

Привычно мне в урочный час дорогу знать к торгам
любви —
Но ты красоты твоей атлас не привезешь туда, увы.

Мою развеять красоту хотел неверный друг, Барно,—
Боюсь, и ты мою мечту развеешь без следа, увы!

Так уж, видно, суждено — друга ждать, томясь в неволе,
От любви сгорев давно, вновь и вновь пылать все боле.

Суждено писать мне стих, о его красе тоскуя,—
Стрелами ресниц моих я пишу о моей доле.

В горы, в степи, в дикий дол я искать тебя ходила,
Только знать, где ты прошел, встретиться с тобой
легко ли?

Ты красой меня спалил, озаренной лунным светом,—
О, приди, уже нет сил — муки сердце побороти.

Знал бы ты, какой тоской сердце любящее хворо,—
Что ж за лекарь ты такой — отягчаешь хворым боли!

Страх и тревог лишен дух Барно неустрашимый,
И того, кто так влюблен, не лишит бесстрашной воли.

Мне говорят: «Ведь ты — Дильшод,— зачем зовешься
ты Барно?»

О, в этом имени красот немало соединено.

Когда иду я, за спиной пушатся пряди моих кос —
О, ими мне мой край родной от скверны обметать дано.

Когда изгиб бровей моих любимый принял за михраб,
Ему ответила я: «В них два мира слиты заодно».

Кто в зеркало очей моих взглянется хоть единый раз,
Боль за страду людскую в них ему увидеть суждено.

Кто алый цвет моих ланит увидит, да поверит он:
Кровь мучеников в них горит, багрянцем рдея, как вино.

В рубине губ моих, мой друг, вся боль души отражена:
Я прикусила их от мук — всё сердце болью сведено.

Мне говорят: «Зубов твоих алмазно-тверд блестящий
ряд»,—

Как стрелы, в недругов людских готова их метнуть Барно.

Двояко предстает очам привычный нам наличный люд:
Единый по своим речам, он, между тем,— различный люд.

Сил наших и ума удел — служить властителям трудом,
Различен пользой своих дел как будто бы безличный люд.

Своим трудом взрастивший сад бедняк, словно колючка,
Не знает от труда услад бедняцкий горемычный люд.

«И мне б вкусить плоды трудов — да будет справедлив
богач!» —
К создателю возносит зов к терпению привычный люд.

А те, кто любит лишь мошну,— виновники бессчетных
смуток:
Врагам готов продать страну бесчестный и двуличный люд.

С терпеньем в бедственном краю, с надеждой ждет
погожих дней
И любит родину свою, как жизнь, простой, обычный люд.

Барно мечтает: стар и мал да будут жить на свете так,
Чтоб вкус им созданного знал в свободе безграничной люд.

Не клони, о ветер, не клони кипариса трепетный росток,
Пыли на листву не нагони, поднятой с обветренных
дорог.

А не то под светлую луной будет чернотой зиять пятно,
Словно на израненном войной обгоревшем знамени ожог.

Если хоть иголочный укол уязвит родную Фергану,
Судороги жаркий зуд бы свел каждый палец моих рук
и ног.

Если отнят радости шербет и с любимым суждено быть
врозь,
Лютой жажды хуже этой нет — кто такое вытерпеть бы
смог?

Сердце мое, ссохшись от обид, стало как безжизненный
пустырь —
Птицею душа не прилетит на такой иссохшийся цветок.

Горе мне, увы, не превозмочь — мукой родины поет мой
саз,
Заглушает все и день и ночь звуков моих горестный
поток.

Ты в морях стихов идешь на дно, и тебе стать жертвой
суждено —
Если тебя выловят, Барно, именем своим пометь крючок.

Пришла моя осень, весна отошла,
Затмила мой день полуночная мгла.

Исколот о тернии лик-лепесток —
Морщинам-царапинам нет и числа.

Мой стан согнут горем, как вялый цветок,
Поник он главой, ему жизнь не мила.

Не знать уж лобзаний бутонам-устам,
Слезами от горя душа истекла.

Что пользы пытаться, где исток моих бед,—
Уж, видно, злой ворон накликал мне зла.

Лукавая птица слетела к цветку,
Отраву в нектар его сладкий влила.

Как роза, увяла, стеная, Барно:
Под гнетом всех бед ее жизнь тяжела.

Бровей такой же черноты, такого цвета — не было,
Ресниц такой же остроты не только нет, а не было!

Слепящей белизны чела, румянца, столь же алого,—
Красы, сжигающей дотла,— в лучах рассвета не было.

Как будто войско черных рас, чернеет россыпь родинок,
Такого взора черных глаз и на земле-то не было.

Лукавство на челе твоем горит весельем пышущим —
Ничьих сердец таким огнем еще задето не было.

Рубины-губы сладких уст — два рдяных полумесяца,
Вкусивших столь медвяный вкус — я знаю это — не было.

А перлы-зубки так чисты, что блещут краше жемчуга,—
Вовек такой же чистоты у самоцвета не было.

Лишь красоте сиять дано пылающею розою —
Такой красоты, как у Барно, еще воспето не было!

Я, бедная, в родном краю на муки обреченной стала,
В силке, подобно воробью, свободы я лишенной стала.

Мне шел семнадцатый лишь год, когда вражда и рознь
настали,
Нас злой эмир лишил свобод, и я стенать плененной
стала.

От старой матери судьбой отторгнута, увы, жестоко,
Я стала горькою рабой — от слез я помраченной стала.

Будь смелым, смелых в бой влеки и отомсти за муки
наши —
Я, как из Мерва смельчаки, на битву вдохновленной
стала.

Родной народ родных сторон, не знай враждебности
к Коканду —
Я ради дружбы двух племен в науках просвещенной
стала.

Будь с тем народом заодно: язык единый вам — опора,
И будет счастье вам дано — я в этом убежденной стала.

А я в родном краю, Дильшод,— как будто странник
бесприютный:
Иду-бреду путем невзгод и до земли склоненной стала.

МУХАММАСЫ

Хоть ты письмо и грамоту познала, писать искусно
не смогла, Барно,
Наука тебе сил дала немало, а ты науке не вняла, Барно.
Пороков века ты не осуждала, открыто не клеймила зла,
Барно,
Загадки ты писать не уставала, и много ты их создала,
Барно,
Но, загадав, сама не развязала ты непростого их узла,
Барно!

Вот так свыкалась я нерасторжимо с наукой безрассудства
все сильней,
Загадкою влюбленных одержима, и ум и разум отдала
я ей.
Мой день — что ночь, и дни проходят мимо, и мрак
не шлет отрады светлых дней.
Я стоном и рыданием томима — не внемлет даже друг
мольбе моей,
И ты в мой стон не вслушалась нимало, когда печаль меня
гнела, Барно.

Ступай, скажи любимому хоть слово — готова я терпеть
всю боль разлук,
Пускай его коварство столь сурово — да не избавлюсь
я от этих мук!

Мой лучший друг, от мук и бед мой исцелитель —
книга,
Товарищ мыслей и бесед, мой наставитель — книга,
Наставник с самых юных лет и мой учитель — книга,
Дарящий сердцу блеск и свет мой утешитель — книга,
Кровь в венах тела, сердцевед, души зиждитель —
книга.

Любая книга — дум исток, всех мыслей — суть-основа,
В одной — ученый смысл глубок, в ней — о науке слово,
В другой — неотвратимый рок описан образцово.
И в каждой книге — разный слог, но суть во всех толкова,
Во всякой книге — правды след, всему властитель —
книга.

Не в четках шейха — к знаньям путь, нам книга —
назиданье:
«Живущий! Человеком будь, достойным сего званья,
Всю небыль выдумок забудь и лживые сказанья,
В одной лишь правде — смысл и суть и знанья и
и познания!»
Всезнающий мудрец-всевед и врач-целитель — книга.

Читающий — словно хмельной, сок мудрых истин пьющий,
Душе — отрада и покой в строке, к любви зовущей.
От книг яснее разум твой — провидит день грядущий,
Он познает весь мир земной и тайны жизни сущей.
Да светит тебе много лет твой просветитель — книга.

Как зернам знания расти в сознание ясном, учит,
Как к своевольному пути быть непричастным, учит,
Как от мирской тщеты уйти — быть к ней бесстрастным,
учит,
Как силу воли обрести к делам прекрасным, учит,
Дум человеческих и завет и вдохновитель — книга.

Откроешь ты страницы книг — и всё зардеет садом,
Весны сверкающий цветник прозришь ты светлым
взглядом,

И в сердце сразу свет проник — с тобою светоч рядом,
Все раны сердца сгинут вмиг, давая путь отрадам,—
Дарует душам вешний цвет их охранитель — книга.

Нет, наше время нам — не друг,— учиться знаниям надо,
Читать, вникая в суть наук с большим старанием надо,
Познать в стихах и смысл и звук с великим тщанием
надо,

Подрезать корни всем вокруг дурным деяниям надо —
Всем, кто несет наукам вред, враг и губитель — книга.

Среди читающих людей — мужей ученых много,
У просвещения друзей, им увлеченных, много,
Разведчиков земли своей, ею возвращенных, много,
Наставников-учителей для угнетенных — много,
И здесь, в стихах Барно, воспет наш друг-учитель —
книга.

Да светит свет судьбе моей — одной мечтой согрета жизнь,
Как песня о судьбе людей, да будет мною спета жизнь!
Огня влюбленных душ сильней, да будет ярче света жизнь,
Как чаша — наливай и пей — полна да будет эта жизнь,
Как свет немеркнувших лучей, будет полна расцвета жизнь!

Луна! Сними с чела покров — и пусть весь мир вокруг
цветет,
Да будет каждый жив-здоров и, видя лунный круг,
цветет!
Пусть тот кто мой услышит зов,— мой спутник и мой
друг цветет!
Нет, обо мне не надо слов,— пусть всё, как вешний
луг, цветет,—
Что я! От тех, кто всех умней,— от мудрых ждет совета
жизнь.

Где у соперниц пир идет — сиянье твоего чела,
Но там, где честь им и почет, мне не найдется и угла.
Служить тебе за годом год — о, эта доля мне светла!
Молила я твоих щедрот, но зло отвергнута была,
Не знать бы столь печальных дней, да будет радость:
это — жизнь.

Влачишь ярмо ты неспроста тяжелого труда, бедняк,—
Присловьем «На беде нарыв» к тебе приспела саранча.

Жоканд — земля проточных вод, ручьи и реки там бурлят,
Хозяева ведут им счет: кто при воде, тот и богат.
Где бай, там и вода течет, обильна, словно водопад,
А бедных губит недород — бедняк подачкам баев рад,
Где нет воды за годом год, там то и дело — саранча.

А у властей свои дела — своя забава им мила,
Жизнь богатеев весела, у них утехам нет числа.
У бедных урожай дотла сгорел, и жизнь их тяжела,
Хоть плачь, хоть вой, в ответ — хула, и нет спасения
от зла —
Как нам с ней быть, покуда съест не всё успела саранча?

Эй, поднимись, батрак, восстань, всех бедняков вперед
веди,
На битву против бедствий грянь — бой против бед-невзгод
веди,
И в ночь и в утреннюю рань борьбу за годом год веди,
Защитою отчизне стань — бой, утирая пот, веди —
Не жди, чтоб волею небес вдруг околела саранча.

«Судьба, такой нам дан удел», — нет, эта сказка не нужна,
«Терпи, — мол, бог терпеть велел», — и эта выдумка дурна.
Будь смелым для великих дел, сейчас лихие времена,
Кто кличет новый век, тот смел, Барно, и сила в нем
сильна —
Погибнет, если против бед все встанут смело, саранча.

Мне припомнился нынче вдруг детства мирный далекий
год:
Материнское молоко мне еще добрый рост дает,
Мирной жизни в родном краю — свой порядок и свой
черед,
Здесь для жизни есть все дары — все даяния всех
щедрот,
Но негаданно вторгся враг — посягнул на нас вражий
сброд.

Лютым волком нагрянул враг на богатства дворов и стад,
Главный вор — только с виду хан, а по сути злой супостат.
Слово веры — в его тамге, а в деяньях — один разврат,
По обличью он будто мудр, а в душе его — гниль и
смрад —

Человечным деяньям чужд, враг повел себя словно скот.

В сердце недруга — зло и ложь, в речи — только вере
хвала,

Четки в хитрых его руках, да преступны его дела.

Не увидишь даже во сне им свершенного в яви зла,
От набегов и грабежей пыль столбом по дорогам шла —
Где распутная правит власть, там и в людях — разлад-
разброд.

Вот и действуют всем во зло и неволят весь мирный люд,
Город, силой поправ, возьмут — воровской там затеют
блуд,

Всех, кто есть там — и стар и мал, — иль ограбят или
убьют.

В своих станах едят и пьют, воду взяв из чужих запруд, —
Осаждают за градом град, сеют всюду вражду и гнет.

Словно стаи волков и лис, нагло действуют всем во вред,
Дом за домом грабят: весь люд обездолен, разут-раздет,
От разнузданных палачей стар и млад — все во власти
бед,

Даже немощным старикам от насилья спасенья нет —
В злыднях веры следа никто даже малого не найдет!

Ферганская земля — что сад по прелести природной:
Здесь розы пышные цветут на почве плодородной.
Народ веселый тут живет — открытый, благородный,
И солнечный и лунный свет здесь светит беззаходный —
В раю, наверно, не найдешь земли столь превосходной!

Ручьи, сбегаящие с гор, журчат-бурлят в долине,
Бегут их воды в Сырдарью, текущую в равнине.
Суметь бы воду обуздать — здесь чудо было б ныне:

Гончей стае твоих лютых псов незнакомы милость
и пощада.
Только для соперников-врагов ты — и утешенье и услада.
Нет, на мне — не кровь, это — покров шелкового райского
наряда:
Жертве страсти, мне удел готов, словно павшему на поле
брани.

Без тебя от горя я поник — тешился лишь сном одним-
единым:
Среди роз цветущих и гвоздик красовалась гордым ты
павлином.
Ты сначала свой сокрыла лик, и стенал я стоном
соловьиным,
А потом пред всеми он возник, просияв над миром
властелином,—
Мое сердце ты сломила вмиг, очи мои — словно бы
в тумане.

Стрелами страданий и обид ты мне грудь терзала
издалёка,
Глянь мне в сердце: горем я убит, бесприютно мне
и одиноко,
Мое сердце — как пещерный скит для бежавших прочь
от козней рока.
Клад любви к тебе в душе зарыт, сердце мое губишь
ты жестоко —
Так вот властелин раба казнит, клад свой утаившего
от дани.

Если ж бог желанный образ тот создал не таким уж
и прекрасным,
Если есть число и ведом счет всем, кто истомлен мученьем
страстным,
Если чудный лик Барно влечет, но не мучит гнетом
ежечасным,
Если, не изранен от невзгод, Навои, не в горе ты ужасном,
Что же кровь из уст твоих течет, твоим стонам нет конца
и грани?

Анбар-Атын

ГАЗЕЛИ

Сей мир — как будто сеть тенёт тебе, Анбар-Атын,
Жить в доле бедствий и невзгод тебе, Анбар-Атын.

В недобрый, в неурочный час пришла ты в этот мир:
Дан колдовского рока гнет тебе, Анбар-Атын.

Кто честен, прям и справедлив, тот попрун и забит,
Гнет недругов терпеть — черед тебе, Анбар-Атын.

О, услышь, милосердный, ты мой стон безысходный —
Зов молитвы усердной о печали народной.

В нашем доле прекрасном — реки Мавераннахра,
Не вели же несчастным жить в долине бесплодной.

Ты даяний обильных бедным людям не даришь:
Сильный гонит бессильных в глубь пустыни безводной.

Бедняков и хозяев уравниал бы в дарах ты —
Почему же для баев сей уклад — неугодный?

Пусть по праведной воле делят всё — отчего же
Бай берет по три доли, и лишь долю — голодный?

Смрачны ада дороги — упаси от них, боже,—
У Анбар в райском слогe — аромат благородный*.

Нет, не ладьтесь к моим недугам*, пойте, женщины
Ферганы,
Вам трудиться под стать мужчинам, бодры духом вы
и сильны.

Вкруг меня мотыльками вьетесь, радость дружбы своей
даря,
Любо слушать вам пенье песен под звучанье моей
струны.

Только, видно, теперь не хочет отступиться от тела хворь,
Чаша жизни пенится влагой, ей пределы чаши тесны.

Нет, подруги, мне полегчало, отпустил меня злой недуг:
Мы сегодня свиделись с вами,— хворь достойна такой
цены.

А когда через край прольется чаша жизни моей, друзья,
Спойте людям мои газели, чтобы были всюду слышны.

Да вовек не иссякнет в розах аромат газелей Анбар,
Да цветут подруги улыбкой, как бутоны в тепле весны.

С недостойными глупцами не водись, о друг,— смотри,
Лучше счастья дожидайся, не пленяйся вдруг,— смотри.

Кто не думает о людях, сам собою упоен,
От таких людей бесстыжих и не жди послуг,— смотри.

Если вас наукой манят, чуждой благу и любви,
Лучше быть всегда подальше от таких «наук»,— смотри.

Кто не служит в пользу людям и людскому благу чужд,
Не смотри на них и с ними не дели досуг,— смотри.

Если грянут в звонкий бубен, в пестрый круг Анбар маня,
Не люби, пока не любят, не сгорай от мук,— смотри.

Не тронь его — пускай поспит, покуда не взойдет заря,
Пусть колыбель его хранит — еще таит восход заря.

Покуда сон его глубок, во тьме без сна мы посидим —
Ему еще и невдомек, что всходит в свой черед заря.

Он еще мал и несмышлен — не надо объяснять ему,
Что разумом развеет сон, когда в лучах взойдет заря.

И пусть наш взор еще согрет лишь бледным отблеском
луны —
До солнца льет лишь тусклый свет на звездный небосвод
заря.

Но кто понятлив, знает: всё ж лучами заблестит рассвет —
Не треском барабанных кож урочный час пробьет заря.

Анбар, в твоих стихах воспет благоуханно-сладкий миг,
Когда пролет свой яркий свет во мраке непогод заря.

О, пощади меня, мой век, мой предзакатный миг узрев,
Как стан мой — молодой побег — в бессилии поник, узрев.

Когда же доброта твоя ко мне, несчастной, снизойдет?
Смягчишься ль ты, таких, как я, бездольных горемык
узрев?

Твой нрав меня чернить охоч — уж не за родинки ль мои?
Ты день мой обращаешь в ночь, моей красы цветник
узрев.

Не схож ли долгий мой недуг с длиною моих черных кос?
Ты дал мне долю черных мук, средь туч мой лунный лик
узрев.

Здесь речь не обо мне идет: шадите женщин, о друзья,—
Какой неумолимый гнет жестоко их настиг, узрев.

Стон, полный дымной черноты, извергла грудь моя,
о шейх,—
Анбар, огнем пылаешь ты, моих скорбей тайник узрев.

Бедный дух мой, о смертный рок, ты по смерти моей
возрадуй,
Всех, кого ты еще сберег,— всех живых пожалей,
возрадуй.

За Ширин в чужой стороне погибающего Медждуна
И Фархада, что дорог мне, доброй волей своей возрадуй.

Быть не злобным, склонясь к добру, я при жизни тебя
молила,—
Пожалей хоть, когда умру,— горький дух мой взлелей,
возрадуй.

Грустно в бедном доме моем — он забыт и покинут всеми,
Пощади же мой ветхий дом — светом добрых вестей
возрадуй.

Стены рухнули, прах и тлен заматают мое жилище,
Дай приют мне средь прочных стен — словно маг-чудодей,
возрадуй.

Да не будут в чужих дворах жалкий век влачить мои
дети,
Пожалей мой остывший прах — бесприютных детей
возрадуй.

Изнывая от мук и ран, я ждала от тебя участия,
Пощади же мой сникший стан — в доле бед порадей,
возрадуй.

Я ждала, моей жизни дни подступили, увы, к исходу —
Ты стихи Анбар сохрани для грядущих людей, — возрадууй.

О, если бы повсюду в мире дул ветер, приносящий мир,
Легли б сады всемирной шири дорогою, дарящей мир.

И, словно светоч солнцеликий, сверкали б яркие лучи,
И рдели бы людские лики при взгляде на манящий мир.

На землю русских приносили беду французские войска,
Но был наградой правой силе, деснице, грозно
мстящей, — мир.

Теперь повергла воровато весь мир Германия в войну,
Но сила сломит супостата, добудет настоящий мир.

Захватчики войной неправой, не зная устали грозят,
Но, верно сладит с их оравой, и гнусной и пропащей,
мир.

Анбар, не стой в сторонке сирот: певучею струей стиха
Пускай вливает в море мира и твой ручей журчащий —
мир.

Хуже смерти — злой и склочный: он всегда лукав, жесток,
Сладок речью непорочной — только его нрав жесток.

Он, и гнусный и бесстыжий, — враг поверженных людей:
Всех обдаст он грязной жижей и гнетет, поправ, жесток.

С тем, кто жизнь проводит в ссорах, не беседуй, не дружи:
Он в делах и разговорах, словно волкодав, жесток.

Чужака, хоть из хваленых, прочь гоните от себя:
С виду — словно бы ягненок, но, как волк, кровав,
жесток.

Он повадкой лицемерной, словно шейх, благочестив,
А по сути — злой и скверный и всегда неправ, жесток.

О Анбар, грози расправой всей жестокости людской,
И да будет гнев твой правый злее всех расправ жесток!

Обновит бедный край мой счастливых потомков чреда,
В разоренных просторах да станут цвести города.

Школы — детям на радость — откроются всюду, везде,
Будет новая смена богатством ученья горда.

В реках встанут запруды, безводная степь оживет,
Сельский люд от безводья вовек не познает вреда.

Будет женщинам чуждо моею печалью стенать —
Создадут они песни и будут их петь без стыда.

Увайси — моя бабка в оковах влачила свой век,
Ее счастье в Коканде развеялось в прах без следа.

В Маргилане отец мой томился вдали от родни,
Дед в разлуке с сестрою рыдал, отлучен от гнезда.

Верю: время наступит и радость все семьи найдут,
Будут счастливы жёны судьбою потомства всегда.

Жаль, Анбар не увидит, как светел и счастлив тот мир,—
О, как небо сурово и как быстротечны года!

Мне безразличны спесь твоя и глупый твой упрек,
ханжа,—
Вовек не видывала я, чтоб был ты нравом строг, ханжа.

Мне ведомо: сей живоглот притворно лишь поклоны бьет:
При людях тих, но ест и пьет, засев в свой уголок,
ханжа.

Лишь глянут на него — тотчас зашепчет, четки теребя,
Но только людям напоказ смиренен и убог ханжа.

Нет, видно, правды не найдешь: его дела достойны кар,
Но даже верующим ложь за правду выдать смог ханжа.

Пыланьем адского огня несчастных не пугай, о шейх,—
Сам бес — то ясно для меня — и дьявольский порок —
ханжа.

Я знаю, почему, ханжа, ты за стихи коришь Анбар:
Нет для тебя острее ножа, чем жало этих строк, ханжа!

Когда же гость души моей в мой сад цветущий явится,
Когда же к розе соловей, его столь ждущей, явится?

Когда же будет осиян дом моих бед и горестей?
Я верю: в темный мой чулан мой светоч жгущий явится.

Мне мой чулан — пустыня мук, а мог быть рощей вешнею,
Всегда жестокий плен разлук могилой сущей явится.

Но знаю, будет озарен цветник мой светом радости:
Свет — Надирую всех времен, ко мне идущей, явится.

За ней поэты поспешат гостями долгожданнами,
И звучных строк звенящий лад, со мной поющий, явится.

Поля и доли зацветут пунцовыми тюльпанами,
И молодой, веселый люд меж вешних кущей явится.

И благовонный стих Анбар собравшихся возрадует —
Он снадобьем от лютых чар тоски гнетущей явится!

Зима уйдет, растает лед, всё цвeсть весною станет,
Вся жизнь по-новому пойдет — земля иною станет.

И черных туч лихую кладь на землю сбросит небо,
И в светлом сердце все сиять голубизною станет.

И вороны уж не сдерут покров с зеленых пашен,
И драгоценный изумруд травой земною станет.

Извечно юным девам люб Навруз — веселый праздник,
Весь луг, как цвет их алых губ, подобен зною станет.

А будут щедры небеса и ниспошлют им счастье —
За это девичья краса доброй ценою станет.

Пусть юным девам для их нег Анбар стихами служит,
И пусть дарована навек им радость мною станет.

О Хаджи Алимджане

Обучившись знаниям когда-то, умником отменным стал
Хаджи —
Он ходил, держась смиренно-свято, мудрецом степенным
стал Хаджи.

А потом он стал копить достатки — наживал,
припрятывал, берег.—
Что ж твои поступки стали гадки, что же ты презренным
стал, Хаджи?

Денег подкопив и став богатым, в хадж ходил он ко святым
местам,

А придя назад к своим палатам, важным и надменным
стал Хаджи.

Праведником он прослыл хваленым, ну а был развратно-
похотлив —
То и дело приставал он к женам, и совсем растленным
стал Хаджи.

Преданный своим грехам лукавым, покаянно он поклоны
бил
И считал себя святым и правым — напоказ смиренным
стал Хаджи.

О смиренье праведном с любовью он при всех охотно
говорил,
И привык он лгать, и в суесловье прямо вдохновенным
стал Хаджи.

Не внимайте, люди, разговорам вот таких обманщиков-
лгунов —
Другом разным жуликам и ворам самым откровенным
стал Хаджи.

Погребенным у святой Каабы хочет он в святую землю
лечь!
Если б сделать ты, Анбар, могла бы, чтоб скорее тленным
стал Хаджи!

Я у вас прошу защиты: вам, Фуркат, поможет русский,—
Пусть и мне в смиренной просьбе, словно брат, поможет
русский.

Что ж, пришел — пришел во благо, пусть он новшества
заводит:
Школы новые построить для ребят поможет русский.

Он сулил простому люду всё, что надобно, уладить,—
Пусть же будет верен слову — чем богат, поможет
русский.

Я о докторах слыхала и подмоге русских рада:
Мне от хворей излечиться без затрат — поможет русский.

Видно, ноги клятву дали не пускать меня из дома —
Чтоб скорее излечение шло на лад, поможет русский.

Мне невмочь уже лечиться зельем знахарской отравы —
Дать мне снадобье в аптеке, а не яд, — поможет русский.

О друзья, нет сил мне зябнуть у остывшего сандала —
В моем доме печь построить, говорят, поможет русский.

И купить кровати детям — Амине, Биби, Усману —
Пусть они в уюте нежась мирно спят! — поможет
русский.

Пусть старухи молодятся, укрываясь паранджою,
Юным стих Анбар — что мускус, им стократ поможет
русский.

Думаю о светлой я поре, что другим годинам не чета,
О стране, которая красой всем земным долинам не чета.

О пустынях, где простор степей расцветет, как вешние
луга,
О садах, которым все сады даже и помином не чета.

Там богатства, скрытые в горах, просятся: «Возьмите
нас себе!»

И ручьи там — падающим с гор водяным лавинам не чета.

Шахи-повелители тех дней — Искандеру, Дарию сродни,
Пестунам сегодняшней поры, нашим властелинам не чета!

Что там слава сказочных волков, будто бы спасающих
овец!
Благодатный мир грядущих лет никаким личинам не чета.

Нынче служат сорок дев одной, над другими властной,
госпоже —

Нет, оставь сомнения, вовек вешний вихрь сюда не
залетит:

От живящих вод морей и рек этот сад немисливо далек.

Почему природа не спешит зеленью украсить вешний луг?
Почему раскидистый самшит, словно ива, плачет, одинок?

Почему так странно дни текут,— вот чего не в силах
я понять,—

Почему попрятавшийся люд даже днем светильники
зажег?

Что за странный год, и зол и лих: лето — словно лютая
зима,

Только стаи воронов лихих каркают зловеще у дорог.

Глянешь — дом как будто бы большой, а огонь в нем
лишь едва горит,

Так вот расстающийся с душой еле тлеет в теле огонек.

Амбру на жаровнях пламеня, о Анбар, блаженствует
богач,

А бедняк и жалкого огня в чадном масле развести не смог.

Гумаиль и Бешкавак — чудо что за кишлаки,
От Коканда — шаг да шаг — к ним пути недалеки.

Всюду здесь сады — не глушь, хлопок на полях богат,
Наживают баи куш, а мозоли — бедняки.

Только все сады подряд пусты нынешней весной,—
Птицы к кушам не летят всем законам вопреки.

О садовник, если б ты сделал птицам дом и кров,
В зорях вешней красоты были б песни их легки!

Где садовник зол и плох, саду не поможет рок:
Не плоды — чертополох выпускает в нем ростки.

Раньше бай один был зол — еще можно было жить,
А теперь — другой пришел, стали распри их тяжки.

Рая сладкий аромат от стихов Анбар пахнёт —
И цветет весною сад — соловьям не знать тоски!

Что мне, время, на тебя глядеть — лучше ты на облик мой
взгляни!
Время зимних стуж прошло, и впредь будет все цвести
весной — взгляни.

Неизменно я тебя люблю, словно дорогого гостя жду,
Но уже не плачу, не скорблю, жду тебя — побудь со мной,
взгляни.

Полно жизнь в кромешной тьме вести — рушит темнота
надежды свет,
Ярким солнцем очи освети — на его палящий зной
взгляни.

Сумрачно в твоей лачуге бед, солнцем твой приют
не озарен —
На окошко, где лучится свет, ты хотя бы стороной
взгляни.

Знаю я, что твой удел жесток, только что же сделать
я смогу?
Путь к счастливой доле мне далек, одиноко мне одной —
взгляни.

А когда взойдет моя звезда, птица счастья надо мной
взлетит,
И Анбар воспрянет — вот тогда ты на сад мой неземной
взгляни.

Если я умру, о братья, замуж дочь мою отдайте,
В чуждую сутягам-баям честную семью отдайте.

Дочь мою, мою бедняжку, потерявшую опору,
Мужу, что привык к заботе, к умному житью, отдайте.

Да такому, что на слабых не срывает зло обиды,
Кто не тронет бранным словом жизнь и честь ничью,
отдайте.

А умру — не надо плакать, и от савана остатки,
В красный цвет окрасив, людям — флаг нести в строю —
отдайте.

Сына моего сиротством, горьким хлебом не унижьте —
Мудрецу, который мудрость даст ему свою, отдайте.

О Анбар, да будут дети, как отец, всю жизнь трудиться,
Их — благоуханью пашен, вольному жнивью отдайте!

Слагайте песни, Мукими, в часы мужских бесед —
Для женских песен наречен обычаем запрет.

Ведь лучше женщин, говорят, бог сотворил мужчин —
Пусть ваши песни чтут и вас, а к нам почтения нет.

Но если вправду вас корят за непокорный нрав,
Отмстите тем, кто изобрел такой закон-навет.

Вам любо правду говорить лъстецам наперекор —
Настанет время — ваша речь познает высь побед!

Перо, бумага — мне друзья в затворной тишине,
Но день придет — найдут тетрадь, и стих мой будет спет.

Мне хоть бы в семь десятков лет увидеть этот день!
А погребут Анбар — ну что ж: дана ей доля бед!

Увижу гибнущих птенцов — и сердца сжатый ком я
вспомню,
Узрю в глуши я гнёзда сов — и мой унылый дом я
вспомню.

Едва узрит мой скорбный взгляд веселье праздного
чертога
И свет сверкающих палат — о люде, мне родном, я
вспомню.

Едва увижу я глупца, по виду схожего с муллою,—
И подлинного мудреца, разумного умом, я вспомню.

Увижу строгих истин свод, гласящих, что — грешно,
что — свято,—
О том, что с правдой мой народ поныне незнаком, я
вспомню.

И если стон в устах моих и слаб и не достигнет цели,
Анбар благоуханный стих, что слаще всех истом,
я вспомню.

Кто, забрав все божьи блага, их себе припас, да сгинет,
Кто законов шарията позабыл наказ, да сгинет!

Кто на женщину клеветает: «Волос длинный, ум
короткий»,—
Тот, словно петух кичливый, что в дерьме увяз, да
сгинет.

Кто забыл об Улугбеке, Абу Сине, тот — невежда,
Сам себя превозносивший хоть единый раз — да сгинет.

Лиходей несчастных женщин силится равнять с товаром!
О, Ширин, Лейли забывший, Зулейху,— тотчас да сгинет.

С чистым сердцем иди к поэтам, их достойным собратом
будь,
Пусть перо твое будет острым, сам — делами богатым
будь,
Утешай всех людей, опорой их невздам-утратам будь,
Будь с людьми, среди гущ народа — как глашатай добра
там будь,
Пусть далеким потомком будет твой зачин до конца допет!

Я теперь на бумаге сею, словно жемчуг, слов семена,
Будет время — увидят люди, что таит моих слов казна!
Пути бедствий с моих потомков будут сброшены все,
сполна,
И отпустят мне грех мой тяжкий — тот, что женщина я,
жена,
И признают в женщине храбрость, для которой пределов
нет.

Эй, Анбар, помолчи немного, понапрасну речей не трать,
До поры сдержи эти речи, их не время теперь писать,
Лучше пусть в твоём сердце зреет новых помыслов
благодать,
И не надо стенать так горько — хоть на время с волненьем
сладь,—
Будет час — быть может, зардеет предсказаний твоих
рассвет!

Турецкая,
азербайджанская,
туркменская,
татарская
ПОЭЗИЯ

Юнус Эмре

Турецкий поэт ЮНУС ЭМРЕ (1240—1320) — яркий представитель ашыкской (от арабск. ашык «влюбленный») поэзии, т. е. поэзии собственно суфийской, лишенной той двойственности, о которой говорилось выше в связи с отражением суфизма в тюркской поэзии, главным образом лирике, в более поздние времена и в ином регионе — среднеазиатском. Поэзия ашыков вся пронизана стремлением к единению с «истинным Другом», т. е. с богом. Любовь здесь надо понимать как любовь к идеальной истинной сущности, слиться с которой — заветная мечта ашыка. Ашык — странник, странствующий поэт, своеобразный пропагандист суфийского учения, силою поэтического и экстатического вдохновения и озарения внушающий слушателям суфийские истины и воззрения, старающийся приблизить к ним своих слушателей. В своих скитаниях ашыки часто встречались друг с другом, и тогда между ними происходили состязания — диалоги или пение с большим числом участников. Суфийская тематика ашыкских песен пронизана беспредельной грустью и тоской, которые вызваны осознанием неосуществимости полного и безраздельного слияния с божеством. сетования и жалобы ашыка — отражение его духовной настроенности на единение с Другом, который, однако, не допускает полного слияния с собой и судит ашыку участь вечно отверженного скитальца.

Жив я только тобою, и с тобою я слит,
И ничто этой жизни без тебя не живит.

И с тобой безустанно я бок о бок бреду,
Путь, тобою мне данный, без тебя мне закрыт.

Взор мой светел тобою, ты очей моих свет,
Ты не глянешь — и очи мне в дороге слепит.

Все дано мне тобою, я создание твое, —
Без творения свыше кто же тварь сотворит?

Все деянья и вещи — все дано от тебя,
И ничей труд сторонний в твое дело не влит.

Если странником стану — ты мне спутником будь,
Мне не жить, если, прогнан, я тобою забыт.

О себе все твержу я — если вправду я сущ,
Что же мне спесь-гордыню одолеть не велит?

Слаб весь мир этот бранный — он во власти твоей,
Перед волей твоею кто главу не склонит?

Ты в морях Единенья, о Юнус, потонул, —
Не вернуть тебе разум — он в пучине сокрыт.

Что ашыки без Друга — куда им идти?
Как в темнице, они без него — взаперти.

От желанного лика им взор не отнять,—
Душам их — днем и ночью в скитаньях брести.

Сотни тысяч дорог богом людям даны —
Что ж ашыки всегда на едином пути?

Их возлюбленный Друг бесконечно велик —
В грудь ашыка не вжаться ему, не войти.

Благодать и отрада ашыков — любовь,
Даст им Друг в этой доле благое найти.

А не преданный Другу и чуждый ему —
Полужив-полумертв, бьется, словно в сети.

Взор свой к Другу, Юнус, ты теперь обрати,
А потом будет поздно — горюй и грусти!

Если ты не бездушен, слушай слов моих суть:
Если с разумом дружен — жадным, алчным не будь.

«Друг — надежнее брата»,— так присловье гласит,
Верный друг лучше сына, а не хуже ничуть.

«Все отдай, а с коварным не водись ни за что»,—
Это мудрое слово — ты его не забудь.

Если друг и неверен, будь смиренным пред ним,
За него в час урочный ты вспори себе грудь.

А любить по-иному — груз ослиный влачить,
В мудром разуме слову — с полуслова блеснуть.

Есть хлеб-соль ненасытно — дело подлых людей,
Кто за соль благодарен — хлеб найдет как-нибудь.

Мужу дела благого будет место в раю —
Лишь по смерти оценят, был ли правым твой путь.

А Юнус — одержимый и несчастный, друзья,
За вину не взыщите — вот в чем слов его суть.

Смысл познаний благих от скупца далек:
Будь стократ он богат — он умом убог.

Суть богатства не в том, чтоб пихать в суму,—
Духом нищ толстосум — помощи ему.

Только как ни учи, все ему не впрок,
На устах его — брань, рот его широк.

И ему самому от себя же вред,
И другим от него прока-пользы нет.

В нем самом о себе разуменья нет,
К разумению в нем и влеченья нет.

Путь спросить у других — ему мысль чужда,
«Нет и нет»,— он твердит и не скажет «да».

Что ему «да» и «нет» — он невежда в том,
Глух и слеп ко всему, он — глупец глупцом.

Ну а если скупец, как Карун, богат,
Знай: он хуже всех бед, хуже всех стократ.

В твердыню града бытия вступить мне каждый миг
желанно —
Владыки, правящего там, узреть мне дивный лик желанно.

Речам его я внял давно, но лика я его не видел —
Мне жизнь отдать, чтобы узреть владыку всех владык,
желанно.

Но там, где обитает он, есть семь ворот, к нему ведущих, —
Мне сокрушить все семь ворот, чтоб я в чертог проник,
желанно.

У каждых запертых ворот стоит стотысячное войско,
Но мне мечом любви разбить заслон из острых пик
желанно.

Беседа избранных мужей дарует таинства познания,
И мне прогнать от них того, кто в таинства не вник,
желанно.

Ищу Лейли я, как Меджнун, о Милосердном я тоскую, —
Меджнуном быть, чтобы с Лейли свиданья я достиг,
желанно.

Жду Друга, словно гостя, я в неволе долгих лет томленья,
И жертвой пасть, как Исмаил, — мне доля горемык
желанна.

От взора праведных мужей и прах преобразится в
жемчуг —
Мне в пыль и прах главою лечь пред каждым, кто велик,
желанно.

Во власти четырех стихий Юнус, отверженный, влачится,
В любви мне кануть без следа — вступить в ее тайник
желанно.

Хоть ладам соловья и неведом счет,
Лишь о розе своей он напев ведет.

Он на розу глядит — видит милый лик,
Кто ж меня позовет да с ума сведет?

Лик любимой желал увидеть Фархад,
Когда он среди скал к ней рубил проход.

Что увидел Меджнун на челе Лейли?
Он горюет о ней, горько слезы льет.

Кто — по вере живет, кто — в безверье слеп
Так уж бог повелел — свой всему черед.

О других не суди, кто богат, кто нищ, —
Беден ты иль богат — это бог дает.

Одному на земле нет ни мук, ни бед,
У другого, глядишь, полон рот забот.

Кто живет на земле, словно грубый скот,
А другой — богу раб, и ему почет.

Одному суждено прахом-тленом стать,
А иного, глядишь, примет горний свод.

Бог иным не дает никаких невзгод,
А иным после мук исцеленье шлет.

У иных ни рядна, ни лохмотьев нет,
А иной весь в шелках от благих щедрот.

Слов своих золотых, о Юнус, не трать,
А не то их глупец в деньги перельет.

Свет твоей красоты озарил весь сад,
Завели соловьи томных песен лад.

Сердце хмелем полно от любви к тебе,
И не лад в нем теперь, а хмельной разлад.

Ты спросил ведуна, как спастись от мук,—
Он сказал: «Зелья нет от твоих утрат!»

Кто, подобно тебе, всей душой влюблен,
Тот спалится дотла с головы до пят.

Ты огнем красоты опален, Юнус,—
Гибнут все мотыльки, что к огню летят.

Я пред Другом, лишь муки мне дарящим, предстал —
Всей душою и сердцем, боль таящим, предстал.

Я всю ночь до рассвета жду, восторгом томим,—
Я пред ликом, желанным и манящим, предстал.

По селеньям и градам я, стеная, бреду —
Соловьем я печальным, в сад летящим, предстал.

Соловей бесприютный, я у Друга в саду —
Перед ним я поющим и молящим предстал.

Путь любви предо мною, и на нем, как Мансур,
Перед смертной петлею я стоящим предстал.

Но Юнус — на чужбине, он с чужими людьми
О любви своей всеу говорящим предстал.

Взгляни: возникло море из капли неприметной,
Что — море и что — капля,— вот мой вопрос не тщетный.

Таится море в капле, и ты об этой тайне
Спроси себя и вникни в сокрытый смысл ответный.

Ты сам себя изведай, познай свою же сущность —
Взгляни, что в мир явилось из тучи беспросветной.

Свет и завеса мрака — все лишь в тебе сокрыто,—
И ты и я — несметны, мы — жемчуг самоцветный.

Скажи, где путь, ведущий к блаженству Единенья?
Ответь на мое слово — на мой вопрос заветный.

В бессчетные зеркала глядит всегда Единый,
Хоть видимость явлений и кажется несметной.

Возлюбленный, влюбленный, любовь — единой сути,
Хотя и виден взору весь мир тысячецветный.

Зову я всех, кто хочет в глубины погрузиться,—
Один Юнус пока что — ныряльщик беззаветный.

Себя на стенанья и муки обрек я,
И жаром любви свое сердце зажег я.

Горю и сгораю, и пеплом я стану —
Увы, умираю от мук и тревог я.

Несчастливым Меджнуном уйду я скитаться —
О, если б увидеть Лейли мою смог я!

Поверьте, друзья, что не смерти боюсь я —
Страшусь, что от милого Друга далек я.

О, если б Лейли ты послал мне в награду —
Меджнуном брожу среди гор, одиноко, я.

О, если б наставник был рядом со мною!
Постиг бы его милосердья урок я.

Любовь к тебе мучит и губит Юнуса —
Пришел, как Мансур, на свой смертный порог я!

Если веришь любви ты, будь ей верен всегда,
В ней тебе — исцеленье от любого вреда.

Если веришь мирскому, ты — во власти оков,
Тайнам истинной сути ты поверишь когда?

Ведь мирские желанья — горький яд, а не мед, —
Что же тяга к отраве тебе столь не чужда?

Твое тело — что город, покоренный врагом, —
От врагов надо силой очищать города!

Ты бескрылою птицей на чужбине живешь —
Смелым будь, словно птица, что в полете горда.

С ветхим зданием мира чем ты связан? — скажи,
Дольний мир очень древен, а душа молода!

Пусть твой верный наставник тебе посох отдаст,
Чтоб была на дороге твоя поступь тверда.

Если ложь, а не правду будешь ты говорить,
В день ответа в грядущем ты умрешь от стыда.

Не шипом будь, а розой, если к Другу идешь:
Если в терн превратишься, ты сгоришь без следа.

Хоть Юнус это слово ненароком сложил,
Если истый ашык ты, верь: в нем мысль не худа.

Уйду я прочь, любовью сокрушенный,
С душою, от огня любви спаленной.

Мне жаркий пламень был дарован Другом —
Считаюсь я, влюбленный и бессонный.

И диво ли, что мучим я любовью, —
Кто не страдал в любви неразделенной?

Ашык, стремись душою к лику Друга —
Да свидится с возлюбленным влюбленный!

Юнус, доверь любви и жизнь и душу —
Бывала ли любовь неутоленной?

Мои сердце и очи любовью полны —
Пред тобою, творец, мои очи влажны.

Как иудино дерево, сердце горит —
Чадный стон мой небесной достиг вышины.

В море страсти к тебе я, как рыба, плыву,
А на суше мгновенья ее сочтены.

Что все латы мои пред любовью к тебе!
Твои стрелы не в душу ль мою вонзены?

Ты Тапдыку мольбы вознеси, о Юнус, —
Дол ашыков превыше предвечной страны!

Стал ашыком я в доле скитаний —
Вышел в путь, как борец — в поле брани.

И водою любви я омылся,
Стал провидцем я дивных познаний.

Стал пловцом в океане любви я,
Перл обрел я, пlying в океане.

И, отвергнутый всеми, бреду я,
Неприкаян, в лохмотьях и рвани.

Если плоть и в одеждах безверья,
Нет в душе, кроме веры, исканий.

Посвященным да будет понятно,
Кто душе всех на свете желанней!

О Юнус, много ищущих в мире,
И на мне — знак юдоли скитаний.

Отошла зима, ушла — подошла-пришла весна,
Снова зелень зацвела, и веселья жизнь полна.

Снова зелен вешний луг, и цветут цветы вокруг,
Всюду — песен звонкий звук, весело поет струна

Доброй вести Друга рад, расцветает вешний сад,
Тысячеголосный лад соловьи ведут без сна.

Кто видал сычей да сов в кущах розовых садов?
Аистов призывный зов — только трескотня одна.

Холь ракушку много лет — в ней красы жемчужной нет,
Аист аисту — сосед, хоть их песня и дурна.

Всё таимое прежде я открыл — не сберег,
Обретя Властелина, жизнь вручить ему смог.

Предан Другу душою, сердцем я изумлен —
Очарован, терплю я мне ниспосланный рок.

В кладезь истины канув, сжег все чуждое я —
Всё мое достоянье на грабеж я обрек.

Сам своей головою я играю в човган,
И меня пересилить — есть ли в мире игрок?

Диво ль в том, что Юнусу кануть в небыль дано?
Прочитают в грядущем сей диван моих строк.

В душу пыл любви запал полыханием пламен,
Тайну я хранил, но знал: Другом пыл мой запален.

В тайну всех Четырех книг — в суть любви душой я
вник,* —
Что мне сила всех владык, что мне мудрость и закон!

Тем огнем я рад и впредь в день тысячекратно рдеть,
Слаще всех сластей — гореть, если пыл любви зажжен.

Если вздрогнет небосвод, ветры ринутся с высот,
Душу мне любовь спасет: щит она мне и заслон.

И не матерью зачат, и никем в рабы не взят,
Пыл любви могуч стократ: держит ум в неволе он.

Кто любовью одержим — чужд деяниям дурным,
И от стужи он храним: в нем огонь воспламенен.

«Я есмь Бог!» — суть этих слов знал вовеки я веков:
Был мне ведом этот зов до Мансуровых времен.

Кто в когтях любви завяз, тот души от мук не спас —
Ведь тебя, Юнус, не раз звали худшим из имен!

Весь сам не свой я стал, любя, — тебя мне нужно, лишь
тебя,
Горю я, сам себя губя, — тебя мне нужно, лишь тебя.

И были я, увы, не рад, и небыль мне не шлет усад,
Любовью я к тебе объят — тебя мне нужно, лишь тебя.

Любя тебя, любой ашык в морях любви погибнет вмиг,
Слепит твой образ горемык — тебя мне нужно, лишь тебя.

Я цепь любви к тебе порвал, безумцем в горы убежал,
Но ты со мной и среди скал — тебя мне нужно, лишь тебя.

Ашык беседе с Другом рад, святоше нужен райский сад,
Меджнуны по Лейли грустят — тебя мне нужно, лишь
тебя.

И даже пусть меня убьют, мой пепел к небесам взметнут,
В могиле будет мой приют — тебя мне нужно, лишь тебя.

Твердят иные: рай да рай, а там — лишь девы, птичий
грай,
Кто хочет их, тому и дай — тебя мне нужно, лишь тебя.

Юсуфу — диву красоты когда б во сне явился ты,
Забыл бы он свои мечты — тебя мне нужно, лишь тебя.

Меня Юнусом нарекли, меня мученья извели,
Ты — в двух мирах со мной, внемли, — тебя мне нужно,
лишь тебя.

Взор, тебя увидавший, уж ничто не приманит,
А душе, тебе вявшей, в теле места не станет.

Кто тебе верно служит, по тебе сердцем тужит,
Кто тобою недужит — их к иному не тянет.

Кто любовь в сердце вложит, кому пыл сердце гложет,
Лишь твой лик им поможет от всего, что их ранит.

Всем любви к тебе вявшим, суть в несути понявшим,
Эту мысль осознавшим небыль явью предстанет.

Ты — властитель всевластный, к тайнам душ
сопричастный,
Славить образ твой ясный моя песнь не устанет

Лишь в любви к тебе млевший и всем сердцем горевший,
Твою тайну прозревший за тебя в небыль канет

Этой сласти томящей что же может быть слаще?
Нет, тобою болящий ведунов не вспомянет.

Эту тайну открывший, всей душой полюбивший,
Клад сокровищ отрывший всех других да заманит!

Мы тверды в своей силе, мы гордыню сломили,
Сердце Другу вручили — враг уж нас не обманет.

Что ж Юнус делать станет, чем в пути будет занят?
Он вручит тебе душу, хмелем ум затуманит.

Пыл любви в мою грудь проник — боже, что он со мной
творит!

Но я видел: любой ашык той же болью, что я, горит.

О скорбящие! Вас я жду — разделите со мной страду,
Лишь бедняк и поймет беду, а безбедный чем одарит?

Кто — увидел желанный лик, кто — мечту лишь о нем
постиг,

Всей душой ликует ашык, если Избранного узрит.

«Я Мансуром стал, и возник предо мною желанный лик!»—
Рад свершенью мечты ашык, но судьбу он всегда корит.

«Быть ашыком — судьба моя, истомился и умер я,
Об Избраннике скорбь тая»,— так ашык Юнус говорит.

Сердце, милый друг, глянь, что случилось вдруг:
Над тобой да мной — только смех вокруг.

Мы, идя вдвоем, о любви поем,
И корят кругом нас за долю мук.

Путь наш в даль пролег, долгий путь далек,
Торных нет дорог, только топь округ.

Очи слезы льют, душу муки жгут,
Мы — во власти смут, нас гнетет недуг.

Кто не робок, тот смело в круг войдет,—
Зря не пропадет ловкость смелых рук.

О Юнус, ты жди, в круг не выходи,
Смелый — впереди: он и входит в круг.

Душа в плоти нашего тела — любовь,
Душою в душе стать сумела любовь.

И если душа только тело хранит,
Хранит явь и тайны умело любовь.

Неведома смертному сущность любви —
Не знает границ и предела любовь.

Различны и разны деянья любви —
Жить плача-смеясь нам велела любовь.

То плачет, горюя, она, как Якуб,
То все, как Юсуф, терпит смело любовь.

То кличет Меджнуна она, как Лейли,
То в теле бурлит озверело любовь.

Едина любовь,— так ашык говорит,
Но сколько различий имела любовь!

«Я — Бог!» — как Мансур, возглашает она,
Бедна, но прозреньями зрела любовь.

Усопших она, как Иса, воскресит,
Предстанет Мусой то и дело любовь.

В деснице любви все ничтожно мало,—
Все тайны завесой одеда любовь.

Вся жизнь моя, вера — во власти любви,
Всей верой моей овладела любовь.

Сто тысяч Юнусов — в пучине любви,
И раб твоего я удела, любовь!

Я — ашык, полоненный красотой твоей,
 Я ищу жемчуг донный в самой глубине морей.
 Мотылек я, спаленный жаркой страстью моей,—
 О мой светоч, горю я, я горю все сильнеей.

Свою душу от века пеплом страсти я жег.
 Есть присловье: «Не плачет сам попавший в силок».
 Вечно быть опаленным повелел мне мой рок —
 Властелин мой, горю я, я горю все сильнеей.

Как мне быть? Мотылек я, пылом страсти объят,
 И куда ж от тебя я полечу наугад?
 Опален жаром страсти с головы я до пят —
 Лунный свет мой, горю я, я горю все сильнеей.

Сожжено мое сердце, я любовью палим,
 Вся душа обгорела, надо мной вьется дым,
 И до пепла спалился я всем телом моим —
 О мой светоч, горю я, я горю все сильнеей.

Воды, топи и воздух — всё творимо тобой,
 Лик твой жжет мою душу — всё палимо тобой,
 Все, что суще на свете,— все даримо тобой —
 Властелин мой, горю я, я горю все сильнеей.

И на ум не придет нам, что горение — стыд:
 Жар в душе полыхает, сердце свечкой горит,
 В самой сути ашыка жаркий пламень сокрыт —
 Лунный свет мой, горю я, я горю все сильнеей.

Стала мукой ашыкам и разором любовь,
 Стала им посрамленьем и позором любовь,
 Не опора ли ссорам и раздорам — любовь?
 О мой светоч, горю я, я горю все сильнеей.

Кто назвался ашыком — тому верность беречь,
 Где любовь непритворна — там о верности речь,

Суждено всем влюбленным сердце в пламени жечь —
Властелин мой, горю я, я горю все сильнеей.

А к любви непричастный — посрамлен-пристыжен,
Лишь ашык в муке страстной страстью заворожен.
Знать, и доля Юнуса — пламенеть испокон —
Я горюю, сгорая, я горю все сильнеей.

Минула жизнь моя, прошла,
Как будто ветер прошумел,
И очи мне закрыла мгла,
Едва глаза открыть успел.

Моим словам свидетель — бог:
Дух в теле — гость на малый срок.
Глядишь, и пуст и сир домок —
Птенец из клетки улетел.

Как жалок человечесий род!
Он — что посев, где зреет плод:
Зерно растет и прорастет,
А плод созрел — и перезрел.

В миру пекусь я о мирском —
То об одном, то о другом,
А с горней жатвою знаком,
Кто весь свой век и храбр и смел.

А ты больного навести,
Чтобы воды ему снести,—
У бога будешь ты в чести:
Шербет господний — твой удел.

Юнус, кто вечно жить бы смог?
Двоим лишь дан бессмертный срок:
Ильяс, как и Хызыр-пророк,
Живой воды испить сумел.

Захочешь получить урок,
Взгляни: могил тут череда,
И камень бы растаять смог,
Увидев тех, кто лег сюда.

Кому богатств было не счесть,
Утратили почет и честь.
Одни лохмотья у них есть —
Одежда их худым-худа.

Где ныне те, кто был богат,
Кто счесть не мог дворцов-палат?
В одной темнице все лежат,
Над ними камень — навсегда.

В свой дом им не войти опять,
Молитвы тихой им не знать,
Где их богатств былая кладь —
Навек их отошли года.

Где те, чей голос был медвян,
Кто, словно солнце, был румян?
Они — скитальцы дальних стран,
От них не стало и следа.

Их власть и силу знал народ,
Их охраняли у ворот.
А ныне — чей был знатен род,
Ты не узнаешь никогда.

К дверям потерян ими след,
Ни пищи, ни еды им нет,
Для них нигде не светит свет —
Из тьмы не выйти никуда.

Юнус, твои не вышли дни,
На то, что я сказал, взгляни:
И ты уйдешь, как и они, —
Знай: и к тебе придет беда.

Послушай, где еще найдешь
Таких же горемык, как я,—
Чья грудь — в слезах кровавых сплю
Таких же горемык, как я?

Прошел я тот и этот дол,
Все горы-долы обошел —
Как ни искал, я не нашел
Таких же горемык, как я.

Чтобы никто не жил в страде,
Никто б не маялся в беде,
Господь, да не найдут нигде
Таких же горемык, как я.

А я пою да слезы лью,
О бесприютных боль таю,
«Спаси,— молю звезду мою,—
Таких же горемык, как я».

Как я ни мучусь от невзгод,
Уйти и мне придет черед —
В могиле рок со мной сведет
Таких же горемык, как я.

«Вот,— скажут,— умер, нем и тих»,
В молитвах помянут своих,
Водой обмоют, как других
Таких же горемык, как я.

Юнус Эмре во власти бед,
Ему от мук спасенья нет —
Ступай, ищи, пройдя весь свет,
Таких же горемык, как я.

Твой лик я вновь узрел, о Друг,
И сердце мукою я сжег,
И от огня любовных мук
Вся грудь моя — сплошной ожог.

Тебя в пути увидел я
И понял радость бытия,
И бедная душа моя
Уже не ведает тревог.

Но ты пройдешь, и снова мне
Томиться словно бы во сне —
Стоять уныло в стороне
И ждать тебя среди дорог.

Но если снова будет весть,
Что ты придешь и будешь здесь,
Готов я в жертву жизнь принести —
Я сам себя на смерть обрек.

Слова свои теперь излив,
Ты сам же губишь свой порыв.
Но если ты, Юнус, правдив,
Не отрекись от этих строк.

Если в горькой доле разлук
Ты бредешь один-одинок,
Ты в безжизненном мраке мук
Вечной жизни найди порог.

Если жив в тебе жар души,
Если дружен ты с ней, — реши —
Счеты с жизнью свести спеши, —
Будешь жив ты на вечный срок.

Но и счетов тут нет как нет —
Кто здесь жив и на сколько лет.
Пред тобою один обет —
Выйти в даль заветных дорог.

Выйди в путь, что виден вдали,
Путь свой в разных краях стели —
Знай: на всех языках земли
От забвенья спастись ты смог.

Если ты дар любви постиг,
Если мыслью ты в суть проник,
От огня разлук в тот же миг
Ты навек себя уберег.

Кто не ведал ни мук, ни бед,
Для того исцеленья нет.
Если есть в душе твоей свет,
Ты, как тысяча душ, глубок.

Все пойми, Юнус, все сочти,
Речь усердно стремись вести.
Нет предела тому пути —
Что же ты от него далек?

Будь верным спутником моим —
Мы вместе Друга обретем.
Да быть друзьями нам двоим —
Мы вместе Друга обретем.

Будь мне наставником в пути,
Чтобы нам Друга обрести,
Назад шагов не отвори —
Мы вместе Друга обретем.

Мирской тщете нас не завлечь,
Мы всем готовы пренебречь,
О том и будет наша речь —
Мы вместе Друга обретем.

У дел мирских ничтожна суть,
Открой глаза и зорким будь.
С собою всех зовем мы в путь —
Мы вместе Друга обретем.

Мы, чужды всем делам мирским,
В обитель Друга возлетим,
Тщету и суету презрим —
Мы вместе Друга обретем.

Пока властитель вечных сил
Нам смертный час не возвестил
И не настиг нас Азраил,
Мы вместе Друга обретем.

Мы истинной любви хотим,
Мы сущность истины прозрим.
Вот и ашык Юнус, мы — с ним:
Мы вместе Друга обретем.

Все моря влились в мой фиал,
Только жаждать все боле мне.
Хоть и немощным стон мой стал,
Но — рыдать поневоле мне.

Приходи! Быть с тобой я рад,
И войдешь ты в заветный сад,
Здесь звучит соловьиный лад —
Жить в невянущем доле мне.

Здесь чудесный наш сад возрос,
Полный вечно цветущих роз,
Тут, в саду, среди свежих лоз
Нет чужих — нет неволи мне.

Друг, что сердцу и люб и мил,
Хмель мне в чашу Мансура влил —
С той поры и дарован пыл,
Небывалый дотоле, мне.

Друг мой, мне — за тебя гореть
И до пепла сгорать и тлеть,
Но на тысячу лет и впредь
Нет счастливее доли мне.

И, любовью к тебе согрет,
Как Фархад, я храню обет,
И страдать мне тысячу лет —
Без участия легко ли мне?

«Властелин, — вот Юнуса стон, —
Я любовью к тебе спален.
Дашь мне руку — и я спасен:
Нет смертельной юдоли мне!»

Пока розы в саду моей жизни цветут,
Очи, очи, очнитесь скорей ото сна,
Пока вечность не кличет нас в тесный приют,
Очи, очи, очнитесь скорей ото сна.

Чем кичишься ты, в глупой гордыне убог?
В путь уйдет караван — будешь ты одинок.
После каяться поздно — свидетель мне бог.
Очи, очи, очнитесь скорей ото сна.

Не томись на посконной подстилке всю ночь,
Пробудись, чтоб гордыню в себе превозмочь,
Ведь тебя растолкают да выгонят прочь —
Очи, очи, очнитесь скорей ото сна.

Но послушай, Юнус, не довольно ли слов?
Твои ткани, увы, не для этих торгов,
Сладко дремлющий к Другу идти не готов —
Очи, очи, очнитесь скорей ото сна!

Что делать я стану
По зову любви,
Куда я пристану
По зову любви?

Услышь мои зовы,
Я скинул оковы,
Все бросить готовый
По зову любви.

Мой дом я покину,
Надену рванину —
Сыщу я судьбину
По зову любви.

В горах я блуждаю,
Стенаю, рыдаю,
Рыдая, страдаю
По зову любви.

Согбенный, бреду я,
И плачу в бреду я —
Терплю всю беду я
По зову любви.

Горящий багрово,
Юнус молвил слово,
И плачет он снова
По зову любви.

МЕСНЕВИ

Слушай, что за слова я теперь сложу,
Обо всем — всё, как есть, — я тебе скажу.

Мудрость бога хвалил прежде спетый стих,
Эти несколько слов — о делах людских.

Равен мир двум мирам, если даже мал,—
Глянь — сто тысяч миров я в себя вобрал.

Мир, сокрытый в душе,— как весь мир, широко
Глянув внутрь, ты бы в том убедиться смог.

Расскажу я про мир, что у вас внутри,—
Если ты терпелив, ты его прозри.

Два владыки хранят твою суть и статью,
Каждый хочет тебя во владенье взять.

Милосерден один властелин — душа,
А другой лют и лих: плоть живет греша.

Сам смотри: ты кого будешь чтить теперь,—
Где тебе отворить, где — захлопнуть дверь.

Сонмы воинов есть в рати добрых дел —
Не осилить ее, если каждый — смел.

О терпенье теперь я тебе спою —
Кто терпел, тому бог милость слал свою.

Дар терпенья — добро лучше всяких благ,
Всё падет перед ним — и порок и враг.

И куда ни пойдет терпеливый муж,
Там терпенью почет да и честь к тому ж.

Вечны слава и честь терпеливых дел:
Кто душой терпелив — добр его удел.

Мы слышали не раз о Юсуфе сказ —
Он терпеньем себя из колодца спас.

В яме, сир-одинок, истомился он,
Звал от тщетно — никто не пришел на стон.

Как ни звал его стон — а подмоги нет,
И молчания он дал себе обет.

Глянет вверх — темнота, свет вверху далек,
А внизу — слизь да грязь, слой камней у ног.

«О господь, видно, есть тяжкий грех на мне,
И за эту вину мне страдать на дне.

Здесь в земле погребен, я куда ж пойду?
Без терпения мне как снести беду?»

Так вот он говорил, с верой глядя ввысь,
Хоть потоки воды на него лились.

Время медленно шло — счет часам велся —
Он недвижно стоял, всё терпя-снося.

Обернулось добром все, что он стерпел,—
Он терпеньем обрел преблагой удел.

Он терпел — и ему брошен был канат,
Был спасенью Юсуф несказанно рад.

И канатом наверх был он поднят вмиг —
Обернуло к нему счастье светлый лик.

Много мук он стерпел, ну а был спасен —
Сколь достойно, что был терпеливым он!

Терпеливый Юсуф вот чего достиг!
Тот и жив и живуч, кто терпеть привык.

Хочешь — дам я тебе мой совет-урок:
Скупость — жадности друг, в них один порок.

Общий издавна им преуказан путь,
Да ты знаешь и сам их деяний суть.

Если скуп человек, он и слаб и худ:
Будь стократ он здоров, его точит зуд.

Сам себя от вреда он хранит всегда,
А где мало вреда — он с вредом — туда.

Только что ни свершит — всё ему во вред,
Кто еще сам себе столько сделал бед!

Даже сахар ему горек, словно яд,—
Никаких у него в жизни нет услад.

Нет удачи скупым, все дела их — ложь,—
Вырыл яму другим — сам в нее падешь!

Я поведал тебе, что за суть у скряг:
Свой живот лишь им люб — для своих же благ

Скряги копят добро, положив под спуд,
Но не знать им добра — жить во власти пут.

Боже, если б меня обо мне ты спросил,
Вот что я бы ответил пред господом сил:

Грешен я пред тобою, и грех мой велик —
Досаждал я тебе, о владыка владык!

Ты заранее мне назначенье нарек —
Человеком меня до рожденья нарек.

Все, что было со мною,— в веленье твоём,
Где б я ни был — всегда я тобою ведом.

А прозрел я и вижу — темница вокруг,
И бесовская затхлость клубится вокруг.

Отпусти же — не знать бы мне пленных оков,
А в темнице вдвойне я во власти грехов.

Неужель оскудели владенья твои,
Или словом презрел я веленья твои?

Ведав щедрость твою, я ль обижу тебя?
Ты ли нищ? Обедню ль я, унижу ль тебя?

Ради блага рабы твои мост возвели*—
Им дано благо видеть с него, что вдали.

И да будет надежна, прочна его суть,
Перешедшие скажут: «Вот праведный путь!»

Знаешь ты, сколь мои прегрешенья лихи,
И зачем же терпеть тебе эти грехи?

Самый худший порок — перед господом грех,
Те и падки на грех, кто негоднее всех.

И зачем ты миришься с посевами зла —
Ведь тебе ж и прощать неблагие дела!

«Я тебя,— скажешь ты,— кину в огненный ад,
Погляжу, будешь мукам ты рад иль не рад!»

Зло уменьшить — во власти твоей доброты,
Но и кары взамен даровать можешь ты.

Глянь: жестоко я ныне пылаю в огне,—
О господь, ниспошли избавление мне!

Если гнев твой минул, ты мне смерть ниспошли —
Бренный взор мой закрой черным тленом земли.

Что же так вот молить за одну только пядь —
Милосердный, даруй мне свою благодать!

Не бывало вреда от Юнуса ничуть,
Явь и тайны ты ведаешь — милостив будь!

Колесо

Что ж ты плачешь, колесо, тоскуя,
К богу стоном — «ах» да «ох» — взывая?
— Господа всевышнего люблю я —
Кличу я его, к нему взываю.

Потому и плачу я, стеная,
Я горюю, плача, и стенаю.

Колесом зовусь я поневоле,
Мне в воде холодной жить легко ли?
Но таков уж суд господней воли —
Плачу я, Аллаха вспоминая.

А нашли меня в горах высоко,
Ветви-крылья срезали жестоко,
Стало колесом я волей рока —
Вот и плачу — волю вспоминая.

Господа всевышнего люблю я,
Потому и плачу я, тоскуя.
Выплакать хочу мою тоску я —
Потому горюю я, стеная.

А нашли меня в горах высоко,
Ветви-крылья срезали жестоко —
Нужно стало я для водостока,
Кличу я творца, к нему взываю.

Потому и плачу я, стеная,
Я горюю, плача, и стенаю.

А как воду доставать ты станешь,
Снизу кверху воду ты потянешь —
Вот и ты всевышнего вспомнешь,
Как и я, к создателю взывая.

Потому и плачу я, стеная,
Я горюю, плача, и стенаю.

А Юнус тоскует, изнывая
Да грехи слезами изливая.
К богу возношу мои слова я —
Я, создатель мой, к тебе взываю!

Азербайджанский поэт **ИМАДЕДДИН НАСИМИ** (1370—1417) — приверженец одного из крайних проявлений суфизма, которое носит название «хуруфизм» (от арабск. харф, мн. число хуруф «буква»). Хуруфизм усматривал особое мистическое значение в буквах арабского алфавита. Отголоски этого видны и в газелях Насими. Поэт был также последователем учения знаменитого еретика Мансура аль-Халладжа, провозгласившего символом веры изречение «Я есмь Истина», за что он принял смерть на висельном столбе. Еще одним источником веры Насими было учение суфийского праведника Фазла (Фазлуллаха). Как и Мансур, Насими был признан еретиком и подвергнут жестокой казни.

Насими создавал стихи на трех языках — арабском, персидском и тюркском, который ближе других тюркских языков к азербайджанскому. Поэт редкого дарования, Насими создал среди других и газели необычного звучания — с «зеркальным» отражением двух половин бейта друг в друге (см. с. 608), состоящие из одних лишь обращений (см. с. 606—607, 608, 615), с выразительными повторами (см. с. 613—614). В истории тюркской поэзии Насими принадлежит видное место как одному из зачинателей тюркской письменной лирики. Память поэта была отмечена в 1973 г. торжествами в рамках ЮНЕСКО — в Баку были проведены празднества в связи с 600-летием со времени его рождения.

ГАЗЕЛИ

Как сокровенный амулет, я в этот бренный свет пришел,
Я в смерти канул без следа, я в вечность, словно след,
пришел.

Я с амулета снял покров, и мрак от света стал багров,
Я миновал миры миров и, в эту плоть одет, пришел.

Я славу имени воздам, в которой был исток мирам,
Да будет имя мне Адам — я за творцом вослед пришел.

Все зримое окрест — мой лик, я взором все вокруг проник,
Я тайны всех миров постиг: вняв смыслу всех примет,
пришел.

Что Насими за человек? Открыл он тайну тайн навек,
Слагал он песнь, и слов разбег к стиху, который спет,
пришел.

Вступивший в океан любви свой перл блестящий обретет.
Кто жизнь отдаст, тот и любовь душой горячей обретет.

О ты, боящийся огня, не льни к пылающей свече,
Смотри: беспечный мотылек огонь палящий обретет.

Блажен рекущий, как Мансур: «Я — это Истина сама!» —
Он страсть и преданность в любви, тот хмель дарящей,
обретет.

Тот не расстанется вовек с нарциссами хмельных очей,
Кто хоть однажды, словно в дар, их взор пьянящий
обретет.

Рад четки с ковриком продать отшельник за один глоток*,
В котором он покой и лад душе скорбящей обретет.

Зря, проповедник, ты плетешь влюбленным сети небылиц:
Да кто же в небыли такой смысл настоящий обретет?

Тугие цепи кос твоих меня безумьем оплели:
Кто глянет — участь головы моей пропащей обретет.

Пришел к Каабе Насими благую суть святынь познать:
Обход свершая, верит он*, что лишь молящий обретет.

Я в разлуке с тобой горю, боль мою успокой, приди.
О, взгляни, как измучен я, кровь струится рекой, — приди.

Набежали печаль и скорбь, ввергли в немощь, лишили
сил,
Посмотри, как страдаю я: унесен мой покой, — приди.

Хоть разлука с тобой и шлет войско скорби — меня
сразить,
Не страшись его: попан я лишь тобою одной, приди.

Я вдали от тебя горю, жарким пламенем душу жжет,
Не спали меня, свет очей, этой жгучей тоской, приди.

О луна моя, жаждет взор видеть лик твой в венце кудрей,
Чудным светом его красу обволок звездный рой, — приди.

Позабытый тобой навек, я тону в пучине скорбей,
О, спаси же из бездны мук челн затерянный мой — приди.

Не лишай ты меня надежд, не возрадуй недругов злых,
Порази же сердца врагов, будь навеки со мной, приди.

С той поры, как покинут я, плач и стон — мой тяжелый
рок,
Не суди эту участь мне, не оставь в доле злой, приди.

О, как жаждет с тобою быть сердце, сжатое мукой мук,
Разве гоже его терзать? Мне надежду открой, приди.

Образ твой в пелене кудрей страстно я сохранял в душе,
Порвалась пелена души из-за страсти такой, приди.

Жив одной тобой Насими, ты — и тело его и дух,
И пока жизнь таится в нем, о, хотя б за собой приди.

Кто не ведал горя разлук, тот и встреч с любимой не
ценит,
Кто любви не познал, тот дар, красотой таймый, не
ценит.

В ночь посланья взошли луной полукружья двух луков
в небе,*
Лишь глупец лунный серп не чтит, тайны, в нем хранимой,
не ценит.

Кто не ведает уст твоих — райский их родник не познает,
Тот и вечно живящий дух, их огнем даримый, не ценит.

Зерна мушек с твоих ланит, как зеницы в очах, храню я,
Да лишится очей глупец, кто сей тайны зримой не ценит.

Кто, мечтой устремлен к тебе, мог с тобою сравнить
другую,
Тот вовеки чудесный смысл, той мечтой творимый, не
ценит.

Сердце полно одной тобой, — что ему все богатства мира?
Лишь невежда такой красы — не серебром ценимой —
не ценит.

Совершенство красы твоей — словно правда божьего
слова,
Взор смотрящего вкривь и вкось правды, всеми чтимой,
не ценит.

Как покров Каабы — твой лик: скрыта в нем правота
Аллаха —

Кто не ведает правых дел, суть их, злом томимый,
не ценит.

Прямотою твой стройный стан посрамит даже древо рая —
Кто твой стан кипарисом звал, сам красы хвалимой
не ценит.

Даже солнцу ведом закат, возвещаемый полнолунием,—
Кто же твой немеркнувший свет, пламень, им палимый,
не ценит?

Насими не сменит одежд, в час тоски по тебе надетых,
Плох тот суфий, кто свой наряд, в знак любви носимый,
не ценит!

Живая влага в яхонт губ, словно родник, сокрыта,
Нить перлов-зубок в ларчик уст, как бы в тайник сокрыта.

Ты молвишь слово — и уста лишь приоткроют тайну,
А тайна тайн, чтобы никто к ней не проник, сокрыта.

Душа моей души — с тобой, и, по тебе горя, —
Я рад душой — твоя душа в ней каждый миг сокрыта.

Лукавый взор твоих очей мне тайно ранит душу,
И кровь течет, а ран и нет, и явь улик сокрыта.

Когда во мрак твоих кудрей ты прячешь лик — не диво
Из-за завесы тьмы луна блеснет — и вмиг сокрыта.

О лекарь, и не тщись лечить мое больное тело:
Страдание любви в душе у горемык сокрыто.

С мученьями любви к тебе дух Насими смирился:
В них сила исцелять недуг, что нас постиг, сокрыта!

Добрый день, души отрада, будь со мною, добрый день!
Сладкоустый друг с красою неземною, добрый день.

Твои губы — чаша Джама, благовонный дух святынь,
Красота твоя — как море глубиною, добрый день.

Без тебя для сердца нету в этом мире ничего:
Ты мне — разум, дух и тело — все земное, добрый день.

Ради ангельского лика жизнь я в жертву принесу:
Говорят: «Пролитой крови — кровь ценою!» — добрый
день.

Подошла ко мне лукаво: как, мол, жив ты, Насими?
Добрый день, души отрада, ты — со мною, добрый день.

О краса моя, радость, надежда, опора, отрада,
Милый друг, моя нега, всем мукам и бедам услада,

О владычица сердца, желанная, жизнь моя, счастье,
Цель стремлений, мечта — всё, что думаю и помыслам
надо,

Луноликая пери, шалунья, восторг, озорница,
Мой жасмин, кипарис, моя роза, изящества чадо,

Совершенство, избранница, чудо любви, диво страсти,
Ты — кумир мой, Кааба, ты — гурия райского сада.

Ты — подмога душе, моя верность, страданье и мука,
Мой властитель, владыка, ты — кара моя и пощада,

Ты — рейхан благовонный, ты — амбра, душистая роза,
Ты — рубин мой и яхонт, ты — жемчуг и перл, светоч
взгляда,

Ты — светило мое, мое солнце, звезда и сиянье,
Эта песнь Насими — твоего, соловьиного лада!

Я горю от пыла страсти, слезы из очей текут,
Сердце ранено разлукой, гнет его страданий лют.

Зло соперники глумятся, за любовь меня корят,
О, за что каменьев столько — что ж они страдальца бьют?

С той поры, как я увидел полумесяцы бровей,
Изнемог я от печали, стал и сам, как месяц, худ.

А с тех пор, как стало сердце от любви к тебе больным,
Сколько я с жаровни скорби горестных отведал блюд!

В сети кос попало сердце, знать, неведомо ему,
Сколько душ они сгубили, сколько слали людям смут.

О кумир мой, грудь пылает от любви к тебе огнем,
Эти искры и сухое и промокшее сожгут.

О Аллах, иссякли силы, жизнь в страданиях прошла,
Не найти от мук лекарства, где ж, друзья, сыскать приют?

От жестоких мук разлуки стал я немощен и слаб:
Образ мой и живописцам не создать — напрасный труд!

Насими от страсти умер — покидает этот мир,
Пусть твои, шахиня, очи много слез о нем прольют.

Фиалки-кудри к розе льнут, их томный запах прян,
Жасмином сердце смущено, его смутил рейхан.

А бадахшанский самоцвет — лишь отблеск твоих губ,
От уст твоих смутился перл, объят стыдом тюльпан.

А сердце мукой смятено в крошечной тьме кудрей:
В извивах кос его объял безумия дурман.

Когда твой образ создавать писец предвечный стал,
Он капли-родинки ронял, как точки зерн-семян.*

Где розы выросли, скажи, подобные тебе?
Да есть ли кипарис в саду, стройнее, чем твой стан?

Взгляни на мускусный пушок у родниковых уст:
Он, словно вязь святых писем, творцом всевышним дан.

Как сладко Насими воспел рубины уст твоих:
Вдали от сладких их речей он страстью обуян.

О, пусть твоя душа чужда утратам будет,
Пусть кубок Джама твой всегда подъятым будет!

Твоя краса — укор и розам и тюльпанам,
И пусть твой лик всегда красой богатым будет.

Пусть на тебя сойдут блаженство, радость, счастье,
А жребий зла и мук — злым супостатам будет.

Где чанг, зурна и най, где бубны и танбуры?
Пускай их звук и звон греметь раскатом будет.

Кто страсть к тебе питал, достоин благ и счастья,
Кто ж не любил тебя — тоской объатым будет!

Вершиной твой чертог пусть в небо вознесется —
Опора на земле твоим палатам будет.

«На что тебе твой друг?» — меня соперник спросит,—
Скажу: «Он мне мечтой, надеждой, златом будет!»

Подай же мне вина! Где прочны узы дружбы,
Веселья буйный хмель пусть до утра там будет.

Повержен Насими, он умер от разлуки,
О, сжался — он тебе всегда собратом будет.

О, где те дни, когда я был с моей возлюбленной лукавой,
Пусть веры нету в ней совсем, пусть взор ее грозит
расправой.

Презрев соперников, она в ту пору мне любовь дарила,
И сердцу речь ее была блаженством, сладостной забавой.

Пока десницею творца с тобой жестоко разлучен я,
Стенаю, грудь горит огнем, во взоре — слез поток
кровавый.

Создатель, о, хотя б на миг, хоть раз сведи меня
с любимой,
Готов я повязать зуннар, сдружившись с верою неправой.

Когда ж я за нее умру, не отступив от истой веры,
Боюсь, она предаст меня, дружа с соперницей оравой.

Пусть на меня бедой падет моя любовь, о чаровница,
Когда бы я, дружа с другой, покрыл себя дурною славой.

И не печалься, Насими, сражен круговращеньем рока:
Всегда у розы есть шипы, а радость смешана с отравой.

В самом Египте платят дань твоим устам рубиновым,
И красотой своей слывет в Индийском доле родинка.

Раз утвердила власть свою в саду, цветущем розами,
Достойна шахской красоты и шахской доли родинка.

Ты цепи локонов своих на шею мне набросила —
Судила мне безумным быть в моей доле — родинка.

Как ловко сердце Насими ты заманила хитростью,
И душу мне теперь гнетет до смертной боли родинка.

Прежде верная подруга не сдержала уговора —
Вот ведь как чудно случилось: вдруг с любимой вышла
ссора.

Страсть к твоим волшебным чарам без следа меня
сгубила,
И любовь и торг наш бойкий — все закончилось так скоро!

Затаить в душе хотел я тайну твоего лукавства,
Только выпустило сердце мою тайну из затвора.

Страсть свою лечить не требуй, все стерпи, ведь есть
надежда,
Что обидчица поможет, если сердце стало хворо.

Кто в тебя влюбленным не был, за любовь не отдал душу,
Нет ему ничуть почтения и достоин он позора.

Извела любовь мне душу, истерзала тайной хворью:
Пуще золота я желтый, пожелтел я от измора.

О, прошу, яви мне верность — да не скажет злой соперник,
Мол, в неверности подруги и причина их раздора.

Не напрасно сладкоречьем Насими свой стих украсил:
Он в речах у сладкоустой сладость слов собирает споро.

Ты — душа моя, ты — друг, нет других таких подруг,
Друг мой ты — во мне, душа воплотилась в друге вдруг.

О творец! Ты — кипарис, а краса твоя — цветник,
Где предвечный соловей райским кушам дарит звук.

Древо райское — твой стан, лик твой — диво райских куш,
А краса — на диво всем, кто познал и райский луг.

Был бы счастлив даже Хызр, чудо уст твоих узнав:
Ведь они — живой родник, избавляющий от мук.

Сквозь окружья глаз твоих в мир запало много смут,
Ты — правитель всех округ: в центре ты, а мир вокруг.

Видишь: в океан любви Насими ловцом нырял,
В глубях вод редчайший перл он не упустил из рук.

Налей же, налей, налей мне чашу влаги живящей,
Возьми же, возьми, возьми свой чанг, в сто ладов
звенящий.

Отдам я, отдам, отдам всю жизнь ради милой сердцу,
Прильну я, прильну, прильну к устам, что нектара слаще.

От уст твоих, дивных уст в стыде потускнеет яхонт,
А зубкам, зубкам твоим — не ровня и перл блестящий.

А слово, слово твое вкуснее, чем мед и сахар,
А лик твой, прекрасный лик — как солнце с луной
всходящей.

А косы, косы твои — померкнет пред ними мускус,
А брови, брови — как лук, ресницами стрел разящий.

Меня ты, меня, меня коварной стрелой сгубила,
Тобой, тобой я сражен, очей красотой томящей.

Терпи, Насими, терпи, тебе любимая скажет,
Кто люб ей, кто люб, кто люб, кто сердцу друг настоящий

Пролилась пора Навруза благостною тучей снова,
Главный шейх твердыни нашей пьет нектар шипучий
снова.

Распустив бутоны, розы будто с лиц завесу сняли,
Соловей в саду заводит лад хмельных созвучий снова.

Древний мир одеждой новой весь облекся в эту пору,
Лик вселенной свеж и полон красотой жгучей снова.

Посмотри, красавец-кравчий в чашах всем вино разносит,
Всех пьяня и сам пьянея, цедит хмель тягучий снова.

Хочешь выпить сок пьянящий с гурией под сенью рая —
Выйти в сад вдвоем с любимой есть весною случай снова.

О, подай вина мне, кравчий, я нарушу покаянье,
Сокрушен зарок мой давний силою могучей снова.

Насими, доверься ветру, пусть любимой тайну скажет:
Мол, подавлен он и сломлен, пощади, не мучай снова!

О краса моя — роза, о лилия дремлющих вод,
Ты мне — сладость и хмель мой, сладчайший нектар мой
и мед.

О возлюбленный друг мой, кумир мой, целитель и врач,
О мой друг милосердный, чье сердце весь пыл мой влечет.

О весна, о восторг мой, о радость и благодать моя,
О избранница сердца, ты — слава моя и почет

О цветок гюлистана, серебряный мой кипарис,
О светило ночное, о ангел предвечных высот!

О мой мир и покой мой, нетленный мой дух и мечта,
О звезда моя — счастье, чьим светом горит небосвод.

Ты — мой шах благосклонный, блаженство и диво мое,
Ты — луна мне и солнце, и благоденствие мое твой восход.

Отняла мой рассудок, разграбила сердце любовь,
Обнадежь добрым словом, ведь твой Насими его ждет!

Лишь в морях любви тонувший о моей доле знает,
А влачащий век на суше зов любви отколе знает?

О развитых в кольца косах ты мои слова послушай,
Лишь запутавшийся в путах плен моей юдоли знает.

Не познал никто сокровищ страсти, в сердце утаенной,
Цену перлам их бесценным бог в предвечном доле знает.

Благовоньем кос душистых вся душа моя обвита,
Аромат их, льющий тайну, только ветер в поле знает.

Истомлен очами милой, жажду уст ее целебных —
Только хворый, как лечиться от жестокой боли, знает.

Вечно наше устремленье к лику кравчего и к чаше,
Знаки тайных откровений муж блаженной доли знает.

Лишь отшельников смиренных мысли о раденье тешат,
А благую радость хмеля друг вина и воли знает.

Что Мусе звать велело к лику кравчего: «Откройся»? —
Знавший хмель святого лика суть его всех боле знает.

Да найдется ли провидец, смысл твоей красы постигший?
Он в торгах о ней все муки, что его бороли, знает.

Поцелую уст-рубинов — сто погибших душ ценою,
Кто с торговлею спознался, цены поневоле знает.

Кто красой ее в безумье, как и Насими, повергнут,
Тот в оковах кос томится и тоску неволи знает!

Сень хумаюнова крыла и милость бога — твои косы,
Пленяют души и тела, казнят их строго твои косы.

Я кос твоих не уступлю за блага двух миров, о пери,
И не убавят ввек цены, хоть ненамного, твои косы.

Лик вечности — твое чело, и тот вовек не будет вечен,
Кто пылом страсти не любил, о недотрога, твои косы.

Суть наших душ — в твоей душе, а в косах — часть
души сокрыта,
Опора душам в теле — ты, а им подмога — твои косы.

В окружьях глаз, в витках кудрей таится сила
воскрешенья,
И судных дней в своих витках таят премного твои косы.

Людей ввергаешь ты в соблазн твоими черными очами,
Для всей вселенной — смута смут, мятеж, тревога — твои
косы.

Лишь набежит внезапный вихрь, запутав мускусные
пряди,

Велят мне дни мои в тоске влачить убого твои косы.

Твой лик объемлют две косы, но суть чела меж них едина,
Все сущее — одно, и смысл того залога — твои косы.

Мне завитки твоих кудрей шлют благовонье на рассвете,
Восход светил, чей свет во тьме скользит полого,—
твои косы.

И не виню я кос твоих, что им обеты рушить любо,
Даруя жизнь всему вокруг, чтут верность строго твои
косы.

Явленье сущего — твой лик, он — веры праведной
обитель,
Благословенный свет лачуг и мрак чертога — твои косы.

Ведут к блаженству Насими, сулят ему блаженства рая
Величье бога, правый путь и в рай дорога — твои косы.

Кто верен розе, тот шипов и язв их жала не страшится,
Кто предан другу и любви, врагов немало не страшится.

Смельчак, готовый в час резни расстаться даже с головою,
Кровавой битвы с храбрецом, меча, кинжала не
страшится.

Кто клятву веры и любви вслед за Мансуром повторяет,
Тот своры, что заветных тайн и не знавала, не страшится.

О ищущий заветный клад, в гнездовье змей зарытый,
помни:
Клад обретает тот, кто змей, хоть их немало, не страшится.

Пускай корят меня слепцы, пытаюсь от любви отвадить,
Влюбленный тех, кому любить и не пристало, не
страшится.

И пусть для жизни и души любовь опасностью чревата,
Кто сердцем смел, того любовь и не пугала: не страшится.

Меня боязнию не томит вражда соперников злонравных:
Влюбленным в розу ведь шипов страсть наказала не
страшиться.

Ведомый Фазлом, Насими надежной вере сердцем предан:
Кто смел, как лев, тот лап молвы и зубоскала не
страшится.

Кто уподобил образ твой цветущей розе иль жасмину,
Тот розу и жасмин вознес, забыв красы первопричину.

Да будет не дано вовек тому увидеть стан твой стройный,
Кто кипарис иль райский дуб в мечтах возвысил не по чину.

Да будет пощажен за грех безверец-идолопоклонник,
Когда он вслед за мной тебе поклонится, как властелину.

Едва коснется кос твоих дыханье утреннего ветра —
Их мускус обратит весь мир в благоуханную долину.

О, если идол не похож на твой прелестный лик нисколько,
Зачем, пред идолом склонясь, безверец гнет в молитве
спину?

Чей зрячий взор остался слеп к печальной участи Юсуфа,
Кому была корысть во зло употребить его кручину?

Кому удастся описать твоих чуть видных уст цветенье,
Тот — прозорливец и мудрец, во всем провидящий
причину.

Ты говоришь и говоришь, а уст твоих совсем не видно
Да кто же говорит без уст — я усомниться не премину

Когда бы все узнали перл, в словах моих речей сокрытый,
Аденский жемчуг знатоки ценили б лишь наполовину.

Прекрасный образ созерцать — да есть ли что-нибудь
прекрасней?

Зачем неверящий глядит не на красу, а на личину?

А Насими твоим устам хвалу возносит ежечасно:

Дано им дух вдохнуть в тела, уже обретшие кончину!

В предвечном мире бытия провидел я любимый лик,
И знаменьем краса твоя открылась мне на свитках книг.

Нельзя помыслить естество превыше лика твоего,
Иное для меня мертво — лишенный сути бледный блик!

От мук разлуки и обид вовек мне не стенать навзрыд:
В «Насущном хлебе» был открыт мне единения тайник!*

Всю суть благого тайника от волоска до волоска
По знакам мушек и пушка я на челе твоём постиг.

Ее рубинов-уст вино, что ото всех утаено,
Мне было господом дано как животворнейший родник!

Из ликов, созданных судьбой, тобою посрамлен любой:
Лишь тот, что воплощен тобой, красой невиданной велик.

С тех пор, как вечны времена и высям неба жизнь дана,
Тебе подобная луна не восходила ни на миг!

Твой лик невежда-зубоскал с людским обличем равнял,
Но где единый бог бывал, подобно людям, многолик?

«Пей,— очи кравчего велят,— налитый в кубок хмель
услад:
В чертоге единенья взят сей кубок — чаша горемык!»

От века та краса была для нас величием светла,
И вечный свет ее чела навеки в нашу суть проник.

О Насими, совет в делах тебе дарует Фазлуллах,
И бытия ничтожный прах тобой с земли развеян вмиг!

Из пустырей небытия был дух святой на свет явлен:
Неизреченное тая, в сиянье явных мет явлен!

Светило истины возшло в мельчайших блестках бытия,
И свет его осилил зло — был, солнцем обогрет, явлен.

Над вечностью подъемля стяг, «Я — истина!» — воззвал
Мансур —
Земле и небу вечных благ нетленный был завет явлен.

Благого лика естество, ты — свиток истины самой:
Весь сущий мир из букв его — в покровы их одет — явлен.

О воссиявшее во мгле зеркало светлого чела,
Где, на каком еще челе, всей сущности отсвет явлен?

Свет, бывший тайным, не угас: любовью ангелов храним,
Он праведникам был не раз в награду за обет явлен.

О чтущий идолов! Усвой величье господя, прозри:
Господней волей идол твой, как и любой предмет, явлен!

Отшельник, жаждущий постичь ниспосланного слова суть!
Внемли тебя зовущий клич: желанный миг бесед явлен.

О ты, кто ханжеству радел, — живущий ложью лицемер!
Каков итог свершенных дел, таков им и ответ явлен.

О шах, погрязший в злых делах на брэнном троне бытия!
Едва услышишь слово «шах» — глядишь, и мат вослед
явлен!

Хвала творцу! Он не суров к мужам обета и любви:
Им без зарок и постов всевышнего совет явлен.

Дар истины из двух миров просил смиренно Насими —
И был услышан страстный зов: тот дар, что им воспет,
явлен!

Мрак кос твоих — для горемык, он — горький рок
несчастливым,
Для избранных твой лунный лик встает виденьем ясным.

Гуляка, пьющий хмель до дна, я не ищу похмелья:
Я и без терпкого вина в похмелье ежечасном.

В аркан кудрей ее продет я не по доброй воле:
Даны от века путы бед безвольным и злосчастливым!

Я обречен безмолвно пасть, тоскуя днем и ночью:
Мне не дает покоя страсть мучением всечасным.

О чуждый страсти! Не зови меня от мук отречься:
Не отступиться от любви плененному прекрасным.

Мне не любовь терзает плоть — соперников доука:
Не розам свойственно колоть, а их шипам опасным.

О сердце, не стнай, не плачь, не тронут стоны розу,
И соловья надсадный плач останется напрасным.

Ты, милосердие храня, мне негу посулила, —
О, сжался, не покинь меня в терзании ужасном!

Вершина смертного столба* мужам любви желанна:
Высокий жребий шлет судьба всем к истине причастным.

О милости благовесть назло врагам даруй нам:
Не стыдно милость в дар принести друзьям, тебе
подвластным

От страсти Насими зачах: его развеет ветер,
Когда он превратится в прах в смирении безгласном.

Сравню с луною я твой лик — и тут же гибну от стыда,
Сравню тебя с людьми — и вмиг пред богом стыдно мне
тогда.

Такой, как ты, и небеса не сыщут в ангелах своих:
Тебе одной дана краса, столь совершенна и горда!

О, не досадуй ты на ложь о черноте твоих кудрей:
Что в черной зависти найдешь, помимо злобы и вреда!

Тайник свиданья отопрет лишь оценивший суть твою:
Глубинный жемчуг сыщет тот, кому глубь моря не чужда.

«Где мое сердце?» — я вопрос к ней обратил, и был ответ:
«Его тенета моих кос заполонили навсегда!»

Рожден из праха, прахом вновь я стал, но ты не сыщешь
в нем
Пылинки, где моя любовь не сохранила бы следа!

Тебе без сердца суждено, душа, со мною вековать:
Из пут ее кудрей оно не возвратится никогда.

«Словам красавиц веры нет!» — мне говорят, а я скажу:
«Красивым чуждо чтить обет, в их сердце верность
не тверда!»

Отшельник, дружбу ты найдешь в хмельном разгуле —
у гуляк:
Чем лучше ханжество святош — их лицемерье и вражда?

Тебе, чья стать — из серебра, да будет хною кровь моя:
Ведь если ты со мной добра, то мне и гибель — не беда!

О, Насими — с тобой! Ему и оба мира не нужны:
Кто предан истине, тому какая в двух мирах нужда?

Кто от любви к тебе хмелен, тот пьян и без вина бывает,
Хмель истины вкушает он, а истина одна бывает!

Когда рука любимой в плен залучена — не знать ей воли:
Какой счастливец не блажен в такие времена бывает?

Кто образ кравчего узрит и хмель его красы постигнет,
Тому лик истины открыт и чаша не нужна бывает.

А осененный свысока небесной сутью кипариса
Познает, сколь неглубока небес голубизна бывает.

Едва ты очи разомкнешь, и тайна хмеля станет явью —
Базарная толпа святош навек сокрушена бывает.

Все сущее любовь дает, она всей истины основа:
Не существует в мире тот, кому она чужда бывает.

Кто в океан любви нырнет — завязнет в сетях кос
красавиц,
Душа, как рыба, в глуби вод добыта и со дна бывает.

Познал усладу всех времен — блаженство хмеля тот
счастливец,

Кто хмелем истины вспоен и с кем она дружна бывает.

И кто, вослед за Насими, от блага двух миров отрекся,
Тот люб избраннице — пойми, ему любовь дана бывает.

О, кто бы от любимой нам благую весть скорей принес?
Прильнул бы вихрь к ее кудрям и аромат кудрей принес!

Нужны ли сей и дольний мир страдальцу истинной любви,
Которому его кумир весь дар любви своей принес?

Услышал бы Мансур, смущен, наш гордый возглас:
«Я есмь Бог!» —
Воздвиг бы виселицу он и в жертву нас на ней принес.

Дохнул бы мускус ее вдаль, всех ланей мускусных срамя,
Он им бы черную печаль, что мускуса черней, принес.

Умерив рвение свое, в смущении затих бы вихрь,
Когда бы запах ее кос тот ветер-суховея принес.

И лекаря сразит недуг, врачующего хворь мою,
Едва увидит, сколько мук набег ее очей принес.

Краса чела и кос твоих открылась чудной явью всем —
Где тот аскет, что, зол и лих, дань порицанья ей принес?

За миг свиданья жизнь сложив, живой на смертный торг
идет,
И даже тот, кто полужив, продать остаток дней принес.

Равны ценой и свет и мрак — чело и кудри — мудрецу,
Который восхищенья знак как дань красе твоей принес.

Очам, устам твоим хвала! Не зря хмельной гуляка к ним
Вином налитых до зела аскетов всех мастей принес.

Найдется ли в цвету долин ей равный статью кипарис,
Пока из них хотя б один плоды своих ветвей принес?

В ком вера, Насими, твоя — та, что дарует Фазлуллах,
Поймет всю сущность бытия: он ум свой прямо к ней
принес!

Зерцалом вечного сиянья быть лику твоему дано,
Твоим кудрям — Исы дыханье, пронзающее тьму, дано.

Наш ум с терпеньем ежечасным ты учишь письменам
любови:
Ему навеки быть причастным к предвечному письму дано.

Когда, во прахе умирая и мучась, сердце ждет тебя,
Блаженствовать в чертогах рая, счастливым быть ему
дано.

Нет разумения у сброда, не знавшего любви к Лейли, —
Понять безумца-сумасброда Меджнуну одному дано.

Глаза аскетов — в помраченье, твоя краса им не видна:
Среди слепцов, лишенных зренья, свет солнца зреть
кому дано?

Влачащемуся одиноко, как нищий, у твоих дверей,
На дар всевидящего ока сменить свою суму дано.

Мир одержим мечтой напрасной — свет твоего чела
узреть,
Кому ж твой лик, такой прекрасный, провидеть сквозь
потьму дано?

По дивному челу тоскуя, я все соблазны позабыл:
Мне увидеть красу такую, чью суть лишь я пойму, дано.

Святоше тайный смысл неведом, он мира сутей не постиг,
Питать себя нелепым бредом засохшему уму дано!

Моя душа — во власти света, мне внятна истина
«Я — Бог» —
Чье сердце пламенем согрето, знать истину тому дано.

О Насими, как сердце сирю у тех не ведавших любви,
Кому служить соблазнам мира и благу своему дано!

За миг с тобой я жизнь отдам — готов, а не дано,
Нет, и ценою жизни нам такого не дано.

Силок ее кудрей жесток, о сердце,— не спастись:
Тому, кто жизнь не уберег, жить снова не дано.

О сердце, ищешь ты пути под кров ее кудрей,
Без света лика — не дойти до крова: не дано.

Челу высокой красоты завидует луна,
Но ей вовек сиять, как ты — пунцово,— не дано!

Ее устами благодать об истине речет —
Не знавшим истины понять то слово не дано.

Свет, чуждый взору горемык, мне истиной открыт:
Знак веры для меня — твой лик, иного не дано.

Лишь с морем мук любви един, ты жемчуг обретешь —
Добытчикам иных глубин улова не дано.

Как губит душу мне она — об этом не пытай:
Лишь ею глубь души полна — другого не дано.

Как, Насими, к тебе не льнуть: свет истины — твой
лик,—

Отступнику познать, в чем суть-основа, не дано!

Сердцу, если страсть гнетет, мука боли подобает,
Жить печальнику невзгод в дальнем доле подобает.

Нелегко пройти весь путь — путь любви, дорогу страсти:
Чтобы трудностей минуть, твердость воли подобает.

Не держите в сердце зла, прах с одежды отряхните:
Быть всегда светлей стекла мужу боле подобает.

Страсти истинной печать — бледный лик и пламень
сердца:

Жар под холодом скрывать в сей юдоли подобает.

Не старайся, словно скот, тешить тело сном да пищей:
Людам ум, а не живот нежить в холе подобает.

Соловей, не надо слез, не страшись шипов на розах:
Смелость, как бы иглы роз ни кололи, подобает.

Лютой стужей осень зла, все цветы в полях увяли,
Холодам ради тепла веть в поле подобает.

Не хвались, мол, я готов за любовь расстаться с жизнью:
Мужу, храброму без слов, хвастовство ли подобает?

Сердце к жертве приготовь — за любовь отдай два мира:
Мужу чести за любовь дать две доли подобает.

Насими, спасись от мук помощи настоем зелий:
Принимать их, чтоб недуг побороли, подобает.

Когда моя луна взойдет на небосклоне красоты,
Весь озаренный небосвод и лик луны увидишь ты.

Едва увидит райский сад твой величаво-стройный стан,
Падут и в ревности сгорят все кипарисы и кусты.

Когда, красой своей горда, с чела отнимешь ты покров,
Поникнут розы от стыда, кляня разбитые мечты.

Твой лик, сверкая белизной, затмил и пристыдил луну:
Она ущербной и больной взошла в оправе темноты.

Гадал я, в чем судьба моя, по свитку лика твоего —
В любой из сур провидел я Юсуфа дивные черты!

Ты станом в сердце мне вросла, о мой желанный
кипарис,—
Меня пронзила та стрела — все силы сердца отняты.

Когда бы ты в своей красе предстала ангелам, они
Воскликнули бы разом все: «Вот лик нетленной чистоты!»

Витки курчавого пушка блестят у влаги твоих уст —
Так у прохлады родника кустятся вешние листья!

Твоих бровей крутой излом — как полумесяц в небесах,
Твоим сияющим челом все выси неба залиты.

Когда б отшельникам прочли хоть строчку этого стиха,
Их стон восторженный с земли достиг бы горней высоты!

Твои уста! Все тайны их лишь Насими сумел познать —
Кому же тайну уст своих, кроме него, явила ты?

Провидцы истины твой лик красой томящей называют,
А кудри — узами вериг, коварной чашей называют.

Все пленники любовных грез скрижалей вечных
Извивы твоих черных кос и лик манящий называют
письменами

Влюбленным суть твоих очей открыл священный стих
Они черту твоих бровей в веках парящей называют
о птицах*:

И даже те, кто лгать готов, — твоих зубов увидев перлы,
Бесценной нитью жемчугов их ряд блестящий называют.

Кто видел, как твой сад влекуш, они, любовью одержимы,
Его красою райских куш животворящей называют.

Хмельные от истомных глаз, тобой плененные страдальцы
Аскетом, затаившим сглаз, твой взор пьянящий называют.

Плененные твоей красой в ней видят след китайской
Они напрасно образ твой красой мертвящей называют!
кисти*:

Ты — бедствие для горемык: ты жизнь и веру похищаешь,
И люди — мукою твой лик, бедой грозящий, называют.

Отшельник, сдержан будь и нем, не надо слов о
сокровенном:
Сокрытое открылось всем и явью вездесущей стало.

Пусть Насими себя обрек от блага двух миров отречься:
Твое сиянье — как исток, все сущее дающий, стало!

Посрамлено тобой светило — сияньем твоего чела,
Ты даже очи сном смежила, чтоб смертных мука не
гнела!

Все лани — в иступленье яром от мускуса твоих кудрей,
А роза распалилась жаром и вмиг обуглилась дотла.

Перед твоим чудесным станом поник смущенный кипарис,
И, смущена лицом румяным, луна за облако зашла.

Ты радость пира мне сулила и хмель своих рубинов-уст,
Но кровью слез рыдать уныло мне суждено в тиши угла

Когда глупец сказал: «Светило — зеркало красоты
твоей»,—
Досада лик твой распалила и жаром кудри завила.

Твой облик — высшая примета всей несравненной
красоты:
В Коране всех красавиц света ты, как заглавный лист,
светла.

Едва лишь вняли мы напевам о тайне совершенств твоих,
Нас зависть опалила гневом и сердце ревностью сожгла!

Кому блаженство быть с тобою дарует благосклонный рок,
Тому дарованы судьбою звезда удачи и хвала.

Блаженству вечным властелином навеки да пребудет тот,
Кого хоть волоском единым ты ненароком обвила.

Лучась челом, правдиво говорит:
«Мой лик — луна и диво!» — говорит.

«О, если кипарис пленен не мной,
Что ж к розам льнет он льстиво?» — говорит.

Кичлив красой извив ее кудрей,
Но правду вязь извива говорит!

Трепещет сердце: кто стучится в дверь?
А горе «Друг твой» — лживо говорит.

«Где стан твой тонкий?» — я ее спросил,—
«Не знаю, где!» — игриво говорит.

Любой, кого про лик ее спрошу,
«В нем око мира живо!» — говорит.

Мудрец, проникший в суть ее красы,
«Она — сам бог!» — учтиво говорит.

Я косы ее с мускусом сравнил —
«Ах, ложь всегда болтлива!» — говорит.

«О, утоли,— молил я,— пыл души!» —
«Могу ли?» — горделиво говорит.

«Нет смуты, равной смуте моих глаз»,—
Кумир мой справедливо говорит.

«За миг со мной всего два мира дать —
Не велика ль нажива?» — говорит.

Она игрой бровей, очей и кос
«Свиданье — миг порыва!» — говорит.

О Насими, она дыханьем уст
«Ты захмелел на диво!» — говорит.

Где те друзья, что верно держат слово?
Где сердце, что правдивым быть готово?

Где в этом мире сердце без изъяна,
Где есть динар без блеска показного?

Где тот, кто доказать сумеет людям,
Что нет к неправде в его сердце зова?

Где тот поборник чести, чтущий правду,
Чьей речи молвить истину не ново?

Как отыскать такую из жемчужниц,
Где был бы жемчуг редкого улова?

Где тот, кто служит истине любовно,
Где тот, что справедливость чтит сурово?

Кто не хмелен от зелья зла и кривды,
Чья голова среди хмельных здорова?

И где блюститель слова и обета,
Достойный похвалы от славослова?

Да где же в мире, о творец, муж чести,
В ком тайн-сокровищ спрятана основа?

Кто праведным — наперсник в сокровенном?
Кто горемыкам в бедах — вместо крова?

Где тот Мансур, кто, верой предан правде,
Готов на смерть от жребия лихого?

И если Насими стал другом другу,
Что за печаль ему от остального!

Пусть нам из пут твоих кудрей спасенья никогда не будет,
И пусть нам доли тех людей, которым боль чужда, не
будет!

Кто вечной жизни торжество в любви к тебе не распознает,
Настигнет злая смерть его — ему спасенья да не будет!

Кто сердцем лику твоему не поклонился, как святыне,
Пусть, кроме капища, ему дороги никуда не будет.

И если для сердечных бед ты сам не сыщешь исцеленья,
Беде твоей лекарства нет — исцелена беда не будет.

Кто пожелал иных утех и от любви к тебе отрекся,
Ему надежды на успех и малого следа не будет.

Любой искатель высших благ, в твоих кудрях не знавший
плена,
Куда бы ни направил шаг, путей ему туда не будет.

В твоих кудрях познали мы благие тайны судной ночи,
И ночь их непроглядной тьмы вовек для нас худа не
будет!

Когда бы я, забыв твой лик, иным святыням поклонился,
Пусть мне отплаты ни на миг иной, кроме вреда, не будет.

Твой дивный облик неземной — влюбленным беднякам
даянье,
И пусть им никогда иной даруемая мзда не будет.

Кто вечным шахом звать не рад тьму кос у матового лика,
Тому сужден судьбою мат — нестроного суда не будет.

Мне в отрешении моем твой лик — и пища и услада,
Пусть мне ни благом, ни добром другая снедь-еда
не будет.

О Насими, как много лет ты в путях кос ее томишься:
У них иной заботы нет и, видно, никогда не будет.

Свет сердца и светоч взгляда, тобою я очарован,
О друг мой, души услада, тобою я очарован.

О месяц, в ночи встающий, о гурия райских кушей,
Устами ты — сахар суший — тобою я очарован.

Твой лик — как солнце с луною, с улыбкой уст неземною
И с речью, как мед, хмельною — тобою я очарован.

Ты мукам моим услада, вместить тебя сердце радо,
Ты — свежая роза сада — тобою я очарован.

О тайна моя и диво, душе без тебя тоскливо,
Ведь ты, как Юсуф, красива — тобою я очарован.

Красавица, радость взора, навек ты моя опора,
Тебе нет ни в чем укора — тобою я очарован.

Вовек ты красой владела, всегда мне во всем радела,
Клянусь, тебе нет предела — тобою я очарован.

Ты к божьим тайнам причастна, как месяц, ты светишь
ясно,
Над горем и счастьем властна — тобою я очарован.

О жизни родник шипучий, разлукой меня не мучай,
Ты — шах мой, султан могучий — тобою я очарован.

Ты — свет и душа вселенной, влюбленным — светоч
нетленный,
Сокровищ рудник бесценный — тобою я очарован.

Судьба тебе трон судила, душой ты — всем душам сила,
Краса твоя — как светило — тобою я очарован.

Ты — блеск и свет небосвода, ты — солнечный луч
восхода,
Тобой лишь жива природа — тобою я очарован.

О блеск жемчужины чистой, о соловей голосистый,
О мой гулистан росистый, тобою я очарован.

О запахе весенних кущей, о гурия — светоч жгуший,
С красою, всем хмель несущей,— тобою я очарован.

Родник мой с водой живою, мне нет от тебя покоя,
Дан жемчуг морям тобою — тобою я очарован.

О ты, чья стать сребротела, ты — жизнь Насими, дух
тела,
Сравню тебя с розой смело — тобою я очарован.

Скрыть стремишься свой лик от меня ты,— не надо,
Чтоб рыдал я от горя утраты,— не надо.

Зареклась хмель свиданья мне дать чаровница,
Перлы слез мне пролить предрекла ты,— не надо.

Ты из луков-бровей мечешь стрелы-ресницы,
Они жаждут кровавой расплаты,— не надо.

Изнемог от любви я душою и телом,
Как мне жить, если жизнь отняла ты? — Не надо!

Ты сожгла мое сердце, грозишь мне позором,
Чтоб срамили меня супостаты,— не надо.

Стрелам рока быть целью ты мне повелела,
Цель бесцельно губить их звала ты,— не надо.

Разметав мускус черных кудрей, ты хотела,
Чтоб погиб я, любовью объятый,— не надо.

Ты завесу с лица отняла для другого:
Тайну в явь превратить предпочла ты,— не надо.

Страсть к тебе под обломками сердца сокрыта,—
Хочешь, чтоб они были разъяты? — Не надо.

Я в любви моей прям, как стрела,— ты же видишь,
Стан мой в лук изогнуть как могла ты? — Не надо.

Ведь познал Насими тонких уст твоих сладость —
Что ж теперь они карой чреватые? — Не надо!

Махтумкули

МАХТУМКУЛИ (ок. 1733—ок. 1783) — величайший поэт Туркмении, отмеченный крупнейшим и своеобразным талантом. Большинство его стихотворений создано в жанре гошгы — песен, приближающихся к народным, хотя в его творчестве есть и стихи, созданные в формах классической лирики (например, мухаммасы).

Махтумкули — истинно народный поэт, его песни и поныне необычайно популярны среди туркменского народа, а также и у других тюркских народов. Стихи Махтумкули освещают широкую тематику жизни вольных кочевых племен туркменов. Их радости и беды находят глубокий и сердечный отклик в стихах Махтумкули. Многие его стихотворения посвящены основному бедствию туркменов — их племенной разобщенности. Сын поэта Азади и образованный для своего времени человек, Махтумкули (писавший также и под псевдонимом Фраги) поднимает многие общественные темы — о социальном неравенстве людей, о падении нравственности среди потомков некогда славных предков, об измене отдельных людей идеалам мужественности и самоотверженности в борьбе за единство своего народа.

У Махтумкули есть циклы стихов, посвященные его возлюбленной Менгли. Любовная лирика Махтумкули — образец высокой литературы этого жанра. Она пронизана тонкими душевными чувствами, яркостью образов, глубокой сердечностью и духовной щедростью. Назидательные и обличительные произведения Махтумкули афористичны и остры по содержанию.

Жанр, в котором создавал свои стихи Махтумкули, не был связан теми канонами «этикетной» лирики, о которых говорилось, и потому его произведения звучат для европейского читателя более «человечно» и более конкретно отражают как внутренний мир поэта, так и окружающую его действительность.

Творчество Махтумкули оказало огромное воздействие на туркменских поэтов — его современников и поэтов более поздних поколений.

В отчих землях я ханом был,
Ханом ханов всем странам был,
Я бальзамом всем ранам был,
Я подмогой всем рваным был,
Я душой в бездыханном был,
А теперь я и сам бедняк.

Зреньем я для слепого был,
А немому — как слово был,
Всей родне я — основа был,
Я красивей любого был,
Дом мой всем вместо крова был,
А теперь я и нищ и наг.

Сенью райским полянам был,
Влагой долам песчаным был,
Для джигитов колчаном был,
В горных высях туманом был,
Я, Фраги, крепок станом был,
Нынче слаб я — хоть в землю ляг.

Кто другому хоть раз порадел-помог,
Тот добро обретет — обойден не будет.
Кто в пустыне плутал, угодил в поток,
Счеты с жизнью сведет — пощажен не будет.

Если ты для добра в этот мир пришел,
Не под ноги гляди, а в небесный дол,—
Будешь сыт ты всегда, не разут, не гол,—
Не услышавших твой скорбный стон не будет.

Поделиться бедой друга-брата нет,
Кто б утешил, помог, исцелил от бед.
Лишь стоянка в пути этот бранный свет:
Кто пришел — тот уйдет, вечным он не будет.

Кто радел небесам, тот на небо взят,
Только слаб человек — ждет утех-услад.
Мир залег, как дракон: в пасти — жар и смрад,—
Всех проглотит — щадить тот дракон не будет.

Все, кто благ или наг, знай, Махтумкули,
Ради смертной страды в этот мир пришли,
Чаша смерти ждет всех — стережет вдали,
Тем шербетом никто обойден не будет.

С трусом тайн не дели — нету чести в нем,
Трус предаст — осрамит весь народ тебя,
С вором-плутом вовек не селись вдвоем:
Все богатства отняв, оберет тебя.

С болтуном и лгуном не держи совет,
С подлецом-хитрецом не веди бесед!
Друга бросишь в беде — в том тебе же вред,
Друг с тобой — ждут и честь и почет тебя.

Если страстью любви молодец объят,
Он с желанной красой быть бы вместе рад,
Но смотри, чтоб не встрял злой соперник-хват,—
С добрым другом столкнет, подведет тебя.

Тот, кто верит, молитв не кричит навзрыд,
Встань с зарей и молись — бог грехи простит,
Праздных слов не болтай — будет срам и стыд:
Ввергнет в адский огонь зло невзгод тебя.

Я совет тебе дам, о Махтумкули:
От недобрых людей ты держись вдали!
Бог услышит твой зов — сына дать моли:
Хоть и стар — будешь юн, радость ждет тебя!

Кто б любимой моей мою страсть открыл?
Пламя жаркой любви меня жжет, увы,—
Ей прийти бы самой — потушить мой пыл,
Не остудят его дождь и лед, увы.

Кто пришел — тот ушел, а придет иной,
Смелый стал мне врагом, дружит трус со мной,
Гнет любимой мне грудь болью жжет сквозной,
Сыплет в раны мне соль ее гнет, увы.

Что я ей! И найдешь — а не даст руки,
Дремлет счастье мое, мои дни горьки.
Видно, сердцу вовек не избыть тоски,
Жить без милой — один мне исход, увы.

Дар лечить мой недуг никому не дан —
Не поможет Иса, не спасет Лукман,
День и ночь в голове — тяжкий чад-дурман,
Я лишь песней лечу боль невзгод, увы.

О скупец, все добро ты к себе гребешь,
Сто сердец рад сгубить за единый грош.
Но сей мир — что потоп: среди волн плывешь,
А надолго ль спасет тебя плот, увы!

Кто богатства свои взять в могилу смог?
Горек жизни поток, а конец — жесток.
Вот каков, человек, твой нелегкий рок:
Всем в могилы полечь — свой черед, увы!

Где ж стоянка твоя, о Махтумкули,
Где ты справишь свой пир — в глубях чьей земли?
День придет и тебе в землю лечь — внемли,—
В шесть аршин саван твой тебя ждет, увы.

Ночью, каюсь в грехах, пал я ниц во прах,
И потоками слез я к утру истек.
Истерзал я всю грудь и стенал в слезах,
Как безумный мечась, я сбивался с ног.

Позабыл я весь мир, весь его обман,
Что там мир! Всё забыл, горем обуян.
«О Иса,— я взывал,— о Шахимердан!»
Порадеть мне молил я небесный рок.

Вдруг с небес сонмом звезд Млечный Путь слетел,
И троих я мужей в свете звезд узрел:
Два — в зеленом, один — одеяньем бел.
Взор вперив, я смотрел, говорить не мог.

Первый руку простер — мою грудь рассечь,
А второй мне вонзил прямо в сердце меч,
Третий пал мне к устам — жизнь вдохнул и речь,
Чтобы я тем мужам суть всех дум изрек.

И отверз я уста, лишь услышал зов,
Хмель любви я испил, стал душою нов.
Чую — зреют во мне семь жемчужин-слов,
В них вложу, думал я, боль моих тревог.

Двое рослых мужей, третий ростом мал
Повелели мне: «Твой добрый час настал,
Слово есть — вопрошай, ты зачем нас звал?
Молви все, что таишь, что в душе сберег!»

«Что грозней,— я спросил,— чем небесный свод?
Что есть тверже камней, шире бездны вод?
Что жесточе огня, холодней, чем лед?
Хуже прочих какой ядовит порок?»

«Хуже кары небес,— мне рекли,— навет,
Благу добрых речей — не чета весь свет,
Черствой твердости злых и у камня нет,
Словно море — тот муж, что умом высок!

У скупого нутро холоднее льда,
Власть владыки — огонь, если злом тверда,
Хуже всяких отрав бедняку — нужда,—
Эти речи тебе да пойдут в урок!»

И восстал я с земли, преисполнен сил,
Вдаль готов был идти, в сердце чуя пыл,
Захмелел, онемел, сам себя забыл,
Но, смятенный, молчал, слов найти не смог.

И услышал я зов: «Мы к тебе сошли,
Будет имя твое славой всей земли,
В чем желанье твое, о Махтумкули?»...
Тайну выдаст лишь тот, кто умом убог.

Всесильный, сжался: жизнь прожив,
Оставить добрый след я жажду.
Спит мое счастье, но я жив —
Увидеть счастья свет я жажду.

Путь нищеты и худ и крут,—
О, вызволь бедняка из пут,
Благослови мой хлеб и труд —
Услышать твой совет я жажду.

Дай в мире лжи мне правый путь,
Пошли мне счастья, щедрым будь,
Дай солнцу надо мной блеснуть —
Жить восемьдесят лет я жажду.

Фраги, меня любовь влечет,
Вступил я в море — в бездну вод,
Улов мой пусть не пропадет —
Удачи, а не бед я жажду!

Не чтит доброту дурной,
Лишь добрым она известна.
Лишь рядом со слепотой
И зренью цена известна.

Что ценит мятежный дух,
К тому мир навеки глух.
Чтоб ведать, чем дорог слух,
Хворь слуха нужна,— известно!

Хоть стар ты, хоть юн — не ладь
О тайнах своих болтать,—
Как тайна, пробы печать
И злату дана,— известно!

Что мир нам в отраду шлет? —
Достаток, жену, приплод.
Верблюд самый лучший — тот,
Чья крепче спина,— известно.

Печаль свою утоли,
Лишь вёсны б за стужей шли!
А верность Махтумкули
Лишь той, что верна, известна!

Ужель, о небо, твой круговорот,
Творя добро, обделит нас удачей?
Земля и то не поровну ль дает
Обретшим от тебя удел лежащий?

О небо, хоть и крив твой поворот,
Хоть мазан кровью алчущий твой рот,
Хоть ты и волк, что коз в друзья берет,
Навек ли скорбный дружен с долей плачей?

Ты вздернешь без крюка, уььешь сплеча,
Жнешь без серпа, зарубишь без меча,
Без рук, без ног, ты мчишься, злу уча,
Но разве павший сломлен неудачей?

Как людям ты дары свои ни множь,
Твою любовь, о небо, чтут за ложь.
Хоть горло смертной хваткой ты и жмешь,
А всех ли побеждает страх незрячий?

Махтумкули, едва взойдет заря,
Стенай и плачь, моление твоя!
Уж если истуканов чтут не зря,
Ужель не внемлет бог мольбе горячей?

В чашу вечности хмель мне наставник влил —
Где михраб, где мечеть — не могу понять!
А желанной красе лишь отдал свой пыл —
Жизни зреть или тлеть — не могу понять.

Одолеть я не смог тяжких дум-тревог,
Прахом-тленом я стал, меня пламень сжег,
Я — спаленный кебаб, мой ожог жесток,
Вертел где и где снедь — не могу понять.

В небывалую быль вел бесследный след,
Там узрел я простор, где простора нет,
Вверх в смятенье меня несусветный свет:
Дом и дверь — где? — Ответь, не могу понять.

Я корысти служил, о себе радел,
А потом разглядел суть разумных дел,
Вместо книг в милый лик я, учась, глядел,
Мне Коран чтить ли впредь — не могу понять.

Вот в чертоге каком был Махтумкули:
Там при шейхах юнцы пляс-обряд вели.
Отблеск милых мне чар лишь узрел вдали —
Как хмелеть, как трезветь — не могу понять.

Нет хуже доли — жить без милой,
Брести стезею сиротливой.
Аллах, дай спутницу, помилуй,
Влачусь я в муках, несчастливый.

И чтоб румяна, пышнотела,
С умом вела бы речи зрело,
Была б сердечна да умела,
Да и с лица была красивой!

Сведи с учтивою, создатель,
Да не с кичливою, создатель,
Да не с болтливою, создатель,—
С простосердечной да нелживой.

Найди мне ту, что, всех добрее,
Живет, молитвой душу грея,
Сыщи, прошу, ее скорее —
Нет счастья мне, о справедливый,

Пусть будет она ладной, стройной,
Не слишком томной да спокойной,
Не глупой, а умом достойной,
Простой по-тюркски и нельстивой.

Попробуй добрую сосватай!
Скорей сойдешься с плоховатой,
А всех несчастней неженатый,
Будь он, как Сулейман, сметливый!

Махтумкули, горю в огне я,
Горю, безвестно пламенея,
Жену б обнять, да я не с нею —
Вот мое слово — зов правдивый.

Затянуло сердце мне туманом мук,
Из очей ручьями хлынул слез поток.
Кто бы сжалился, спросил про мой недуг —
Сломлен сердцем, сокрушен, я изнемог.

Тот, кто любит, хоть и пылом вдохновен,
Погибает, если с другом разлучен.
Отрешен я от всего и сил лишен,
Гнет разлук обузой мне на плечи лег.

Был счастливым я, да рок меня настиг:
Иссушенный болью мук, я вспыхнул вмиг,
Жар любви меня спалил, и весь я сник —
Видно, сердцу грудь покинуть вышел срок.

Обуян я был беспечною пустой,
Но спознался я с желанной красотой —
Я к творцу припал с мольбою и мечтой,
Взор пленился далью истинных дорог.

Нет, Махтумкули, мне сил не уберечь,
Я о горестях веду с друзьями речь —
Как же мне, друзья, слезами не истечь?
Жаром страсти я себя до пепла сжег...

Увы, друзья, нам знать нельзя,
Что будет с нами, что нас ждет,
Но злобный рок, нам всем грозя,
Для нас сплетает сеть тенет.

Разинет пасть твой смертный час,
Могильный холод примет нас.
Кто весел был — в слезах угас,—
Нет, милость к нам, увы, не льнет.

Не верь тщете счастливых лет:
Глядь, от тебя простыл и след.

Богатству тоже веры нет:
Похож на сон сей мир забот.

На нас косится злобный рок,
Он ворожною нас завлек,
Приманку сыплет он в силок,
Для нас он эти путы вьет.

Душе, покинув этот свет,
Махтумкули, держать ответ —
Была добра она иль нет.
Рад нашим трупам алчный рот...

Как жаждет сердце в тишине
Безлюдно жить меж дальних гор,
Ручьями слез наедине
Омыть грехов своих позор.

Куда ни глянь — везде беда,
И точит сердце боль-страда.
Уйти бы в тихий дол — туда,
Где меж дерев мне дом и двор.

Сей мир хитер, он — не простой,
А человек объят тщетой,
Весь мир охвачен суетой:
Стократ гнетет его раздор.

Где ныне те, кто бога чтит,
Кто силой-славой знаменит?
Ведь если сердце ввысь летит,
Ему не оградишь простор.

Продумал я немало дум,
Да сути их не внял мой ум,
Теперь брожу я наобум,
Веду с лгунами разговор.

Жизнь понапрасну не потрать,
Старайся счастье не проспять
И, пенью ранних птиц под стать,
С зари будь на молитву скор.

Махтумкули, пришла бы весть,
Что у тебя наставник есть!
К дервишам верный путь обрести
Желанно сердцу с давних пор.

Ты дремлешь, человек, под гнетом зла,
И жизнь проходит в суете мирской,
А мир — змея, что рядом залегла,
А где змея — найдешь ли там покой!

Чти веру свято, совесть, честь блюди,
Презри соблазн — в огонь не угоди,
Всегда будь бодр — и днем и ночью бди —
В одной могиле крепок сон людской!

Куда б ни шел ты — всё к могиле путь,
Твори добро, чтоб праведно уснуть,
Блаженства рая хочешь — добрым будь,
А плох — так будут жарить день-деньской!

Глаза смежил — глядишь, богатства нет,
Умрешь — какой оставишь людям след?
Добро ли, зло вершил — держи ответ:
С тебя всё взыщут твердою рукой.

Не верь тщете, о прошлом не тужи,
Не льстись добром, над скарбом не дрожи,
Чтоб стыд не обуял, не следуй лжи —
Ведь в Судный день узнают, кто — какой!

Махтумкули, верь правде добрых слов,
Отдай свой хлеб, едва услышишь зов,
Сложить за друга душу будь готов,
Но даже с другом не делись тоской!

Человек! Себя не познав,
В глупой спеси всю жизнь живешь ты,
К зову времени глух твой нрав,
Лишь любовью к себе хорош ты!

Мнишь весь мир ты поймать в синок,
Скуп и глуп, копишь деньги впрок,
Но какой ни урви кусок —
Всё напрасно: глаза сомкнешь ты!

Вспомни, чем ты на свете жив!
Сеешь зло ты, бога забыв:
Каждой прихоти злой порыв
Чтить готов без разбора сплошь ты!

Ты бы суть свою разглядел,
Устрашился б свершенных дел!
Глядь, придет твой земной предел —
Чем сочтешься? Ответствуй, что ж ты?

Спесью попусту мир не зли,
Дело знай, трудись, не юли, —
Не забудь же, Махтумкули:
Отойдешь и ты, отойдешь ты!

О сады, где поют соловьи навзрыд,
Соловьи отлетят — есть всему черед.
С дальних гор, где хребет за туманом скрыт,
Хлынет вниз водопад — есть всему черед.

Человек и убог, и умом высок,
Разуменьем глубок, рассужденьем строг,
Юность — солнечный день, самый лучший срок!
Дни весны отгорят — есть всему черед.

Смело в круг выходи, если сила есть,
В думах прям и правдив, помни совесть-честь,

Правду щедрой рукой в мир старайся несть,
Минет лет быстрый ряд — есть всему черед.

Оплела этот мир суета сует:
Что на пользу одним, то другим во вред.
Чем приметен сей мир, знайте с юных лет:
Грянет гром — будет град — есть всему черед.

Погости, если в дом позовет родня,
Отдохни, отдышись, ешь и пей три дня.
На четвертый, глядишь, приведут коня,
Пятый день не гостят — есть всему черед.

А настанет твой день — ты могилой взят,
Черной тьмою смежит черноокий взгляд.
Пусть цветеньем своим не кичится сад:
Глядь, уже листопад — есть всему черед.

Внятен всем, кто толков, стих Махтумкули:
Небеса тем, кто жив, все года сочли.
Уготован для всех тесный плен земли,
Смолкнет слов твоих лад — есть всему черед.

Поиссохли ручьи, пали кряжи гор,
Реки слез потекли из очей сирот.
Беков точит разврат, каждый грабить скор,
Рушит стены страны этот жадный сброд.

На безлюдье азан — зря вопящий глас,
Вся премудрость у мулл — напоказ, для глаз,
Судьям лишь бы чай пить за часом час,
Крепко держатся все за запретный плод.

А ишаны, как рой, у дверей кружат,
Им доносы на мулл — слаще всех услад,
Ловко суфии врут: я, мол, чист и свят! —
Гогоча да скача, мнут небесный свод.

Волоса распустив, свою честь презрев,
В степь порока бредут толпы юных дев!

Тьму добытых монет на себя надев,
За достоинство чтут свой лихой доход!

Копит куш ростовщик, нажил тьму монет,
А на байский доход и побора нет!
Да покайтесь же вы! Сколько горьких бед:
Друг чинит другу вред, все бредут вразброд.

Ты на скаредных мулл глянь, Махтумкули:
Жертв, как волки, дерут — налетай, вали!
Злом, добром ли собрав хлеб со всей земли,
Торопясь, жрут захлеб — каждый вволю жрет!

Три ствола вознеслись над крутым холмом —
Если корни их — врозь, им срастись нельзя!
Как верблюжки горбы цепи скал кругом —
Их рукой приподнять, вскинуть ввысь нельзя!

Не чета шалашу минарет резной!
Если добрый рожден жить со злой женой,
Ввек ее не сживешь никакой ценой:
Ни убить, ни продать, как ни злись, нельзя!

Если имя твое у людей в чести,
Если ты у людей смог почет найти,
А не нажил добра — сам себе не лъсти:
Ни добром, ни скотом завестись нельзя.

Любит золото бай, бедный любит скот,
Бедный даже осла скакуном зовет!
В мире сытости нет: что ни дай — не в счет!
Ждать, чтоб наши мечты все сбылись, нельзя.

У зловредной жены в сердце тайна есть,
Любо ей кривду-ложь вместо правды плесть.
Бес ее подстрекнет — позабудет честь —
Хитрость женщин постичь не трудись: нельзя!

Я твердил ей: «Смотри, что нас в жизни ждет:
Рок настигнет — и всё — вышел твой черед!»
Пусть дурная жена холодна, как лед,
Если бог так судил — разойтись нельзя!

Если трудно слепцам — ясный взор поблек,
Если тяжело хромцам — не хватает ног,
Если всем не во всем помогает бог,
Тут молить — мне, мол, дай — зарекись, нельзя.

Всех, кому бранный мир дал взглянуть на свет,
Да хранит он от мук, да спасет от бед!
Можно всё претерпеть — и беду и вред,
Лишь без дружбы вовек обойтись нельзя.

Если речь свою зря вел Махтумкули,
Если зовы его мимо слуха шли,
Если в срок молодца с милой не свели,
Жить ему — не тужить, как ни тщись, нельзя!

Не кичись, что добром и скотом богат:
Срок не вечный им дан, — что же дремлешь ты?
Счастлив ты — не гордись: не навеки рад,
Счастье — тлен и обман, — что же дремлешь ты?

Ведь доколе душа в теле пряжу вьет,
Любишь золото ты, словно муха — мед.
Мир, как горный поток, твою жизнь сметет:
Жизнь пройдет, как туман, — что же дремлешь ты?

Путь смиренья тернист — не на всякий вкус,
Одолеешь — иди, если ты не трус.
Дети, скот да жена — хуже всех обуз,
Знай: от них весь изъян, — что же дремлешь ты?

Небо сверху прижмет — будешь жить, скорбя,
А земля, как дракон, заглотнет тебя.
Смертный час точит меч, всех вокруг губя, —
Глядь — и будешь заклан, — что же дремлешь ты?

Твой удел — плач и стон, о Махтумкули,
Хочешь смелым ты быть — лучше не скули.
Судный день все равно стережет вдали —
Сей побольше семян, — что же дремлешь ты?

Чтуший правду джигит — как хмельной, горяч,
Людам с радостью даст он и свой кусок,
Жизнью жертвуя, в бой понесется вскачь —
Смел и доблестен он и умом высок.

У одних на плечах золотой халат,
А другой гол и наг, весь в тряпье заплат.
Человека познать трудно наугад,
Присмотреться, узнать — нужен долгий срок.

Жить с хорошей женой — молодцу почет,
Трус для доброй жены — хуже всех невзгод.
Если нищ молодец, стыд его доймет:
Нету толку в делах, хоть собьется с ног.

Дай о милой скажу я, Махтумкули,
Хоть садись да пиши — чистый лист стели!
Выбрал злую жену — тебя в ад ввели:
Жить навек без ума ты себя обрек!

Я в огне любви пылаю, стал я мотыльком теперь,
 Стал сотлевшим на жаровне жареным куском теперь,
 Тело углится от жара, плачу — в горле ком теперь,
 Пепелище мое вора́м впору рыть тайком теперь,
 Отрешен от всех, чужой я в сонмище людском теперь.

Я от всех соблазнов мира все желанья отвратил,
 На стезю ступил — будь стойким, вдаль иди, что станет
 сил,
 Пеплом стань, развейся прахом, пусть тебя сожжет твой
 пыл!
 Мне бы вознести молитвы — и от них бы прок мне был,
 Я ж испил вина хмельного и лежу ничком теперь.

Миру от меня нет пользы, мне от мира толку нет,
 Мук не счесть, огонь жжет душу, добрых дней пропал
 и след!
 Я за все щедроты мира не отдам и шесть монет.
 Кто мой друг, кто — враг, не знаю, в чем различье их
 примет,
 В горе мне никто не внемлет, стыд мой всем знаком теперь.

Ах, попал я в передрягу — ум за разум враз зайдет!
 Знать, душе проститься с телом наступил уже черед,
 Тела тоже будто нету, сердцу жизнь на ум нейдет,
 Войско страсти набежало, мысли-помыслы — вразброд,
 На грабеж мой разум отдан, быть мне простаком теперь.

Как, Махтумкули, не плакать, если я попал впросак?
 Я завяз в трясине мыслей, мне не выбраться никак,
 Плоть слаба, разбито тело, в стане сердца — глушь да
 мрак,
 Сила, дух, и речь, и разум — все ушло, я гол и наг.
 Вот ведь грех какой случился — я в грехе каком теперь!

Ты в отце, как семя жизни, зародил сначала нас,
А потом дал образ, душу — в матери зачало нас,
В бранный мир твоя десница в добрый час вручала нас,
Приучал ты нас к заботам — леньность отучала нас,
Чем ты встретишь в вечном мире — у того причала нас?

То, гоним мирской судьбою, я мечусь, сбиваясь с ног,
То рыдаю над собою, то смеюсь себе в упрек.
Я к тебе припал с мольбою: слабый раб, я изнемог!
Не позорь меня, создатель, будь же милостив, не строг,
Чтобы в том и в этом мире зло не уличало нас!

Согрешивший лишь смеется — не берет его испуг,
А умрешь — и, взяв землю, изнываешь ты от мук!
Одинок, ты горько плачешь — кто помощник твой и друг?
«Человек! — земля взывает, — в чем же смысл твоих
потуг?
Не для праздных наслаждений в мире жизнь встречала
нас!»

Без наставника путь правды в мире одолеть нельзя,
Хоть и любишь — нужен разум: попадаться в сеть нельзя,
Муки страсти не изведав, страсть осилить ведь нельзя:
И свиданье не насытит, и разлук терпеть нельзя!
Притуши огонь любовный, жгущий одичало нас!

Потерпи, опомнись, сердце, чтоб огонь тебя не жег!
Мало знаешь — зря болтаешь, а родник скорбей глубок.
Обессилел, изнемог я и слезами весь истек.
Зло или добро творил я — ныне думать что за прок?
Отпусти грехи — да встретит доброе начало нас!

Ты, Махтумкули, безгласный и несчастный соловей,
Горевать и веселиться было участью твоей.
Кто упал — тот не поднялся, от лекарств не стал живей!
Помяните вы беднягу доброй памятью своей —
Пусть, друзья, молитва ваша вечно бы венчала нас!

В сердце страсть любви вскипела, жжет огнем невзгод
меня,

Дым мой ветром заметает, к облакам влечет меня,
Небо за руки хватает, крутит небосвод меня!

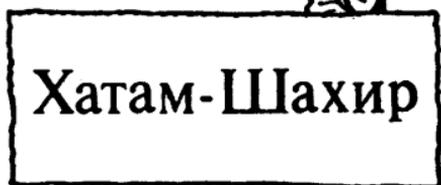
Кто взглянул бы, кто помог бы, спас бы доброхот меня.
Дождь разлуки яро хлещет, гонит в бездну вод меня.

В стан любви меня забросил мук и горестей поток,
Я хотел умом раскинуть — ветер ум мой прочь увлек.
Меж зевак один стоял я, помрачен и одинок,
А любовь клинок вострила, меч измен мне грудь рассек,
Всем в забаву стал я притчей — дразнит глупый сброд
меня!

В плоти духа не осталось, в теле — сил, я сам не свой,
Изумлен собой, поник я горемычной головой,
Я ни хворый, ни здоровый, ни умерший, ни живой!
Скорбь напала — был низринут я небесной синевой,
Но опять втянуло небо в свой круговорот меня!

Приключилась мне кручина, хуже смерти доняла,
Да любовь дала совет мне, как избавиться от зла:
Пожалела, порадела, в горе руку подала,
Красотою мне сверкнула — вновь душа моя светла,
Только зря, друзья, все это: губит новый гнет меня.

О Махтумкули, любимой быть рабом ты обречен:
Тысячей ладов в надежде млея твой соловьиный стон,
Жаром вспыхнула разлука, дунул вихрь со всех сторон,
Страсть взметнулась языками — в пепел ты дотла сожжен,
В сито мук мой прах насыпан: взмах — и вихрь несет
меня!

Хатам-Шахир

ХАТАМ-ШАХИР (1740—1824), писавший также под псевдонимами Сеид, Сеиди, Нияз,— младший современник Махтумкули. В его стихах, как и у его великого современника, звучат скорбные мотивы разобщенности туркменского народа и социальной несправедливости.

Года в три я уже вкус ученья знал —
Слаще шахского мед стал привычен мне,
А в четыре и в пять я почтенье знал,
И от старших почет стал привычен мне.

В шесть-семь лет у меня стал разумным взор,
В восемь-девять был смел, в десять — речью скор.
Через год поумнел — умный разговор
В мой двенадцатый год стал привычен мне.

Лет в тринадцать меня охватил дурман,
Через год я узнал боль сердечных ран,
А пятнадцать пришло — стал я словно пьян:
Пыл сердечных забот стал привычен мне.

Лет в шестнадцать познал я блаженный сон,
А в семнадцать я был красотой пленен,

В восемнадцать постиг мир со всех сторон —
Страстных помыслов плод стал привычен мне.

В девятнадцать весь мир был мне нипочем,
В двадцать лет, как Рустам, был богатырем,
Но прошел только год — стал с бедой знаком,
Тяжкий камень невзгод стал привычен мне.

В двадцать пять я казной мудрых слов владел,
В тридцать лет я постиг разуменье дел,
В тридцать пять я в гостях выше всех сидел —
Дел такой оборот стал привычен мне.

Стала чаша ума в сорок лет полна,
В сорок пять плод утех стал вкусней вина,
В пятьдесят пыл погас: отошла весна,
Зимний мрак непогод стал привычен мне.

Через пять лет пришла вновь пора услад,
Вновь запел соловьем лет под шестьдесят,
А еще через пять — поувял мой сад,
Снам несбывшимся счет стал привычен мне.

Семь десятков прошло, подошел восьмой,
За восьмым подоспел и девятый мой,
За девятым, Сеид, к сотне путь прямой —
Смерти близкий приход стал привычен мне.

В наш край, Абульгази, твоя дорога.
Полвека кочевал я там. Поклон!
Теперь я — здесь, покорный воле бога, —
Джейранам вольным и степям поклон.

Здесь столько орд, уйдя, вторгалось снова!
Здесь гнев врагов карал меня сурово, —
О гибели моей услышишь слово —
Друзьям моим и землякам поклон.

Все девять лет хранил я честь по силам,
Но стал я старым, немощным и хилым:
Не в песне, а в стенании унылом
Ровесникам я передам поклон.

Мой разум сник в смятении жестоком,
Разбита жизнь, близка к последним срокам,
А слезы, как Джейхун, текут потоком.
Всем плачущим моим друзьям — поклон.

Ты видишь кровь — чело мое кроваво,
Друзья в плену, и поправно их право.
Что ем, что пью — всё яд и всё отравя.
Истекшим кровью, как я сам,— поклон.

Мои друзья прошли стезей земною,
И сколько песен было спето мною!
Тем, кто забыт родимой стороною,
Кто горем сломлен пополам,— поклон.

Пусть будет вам сей бранный мир неведом:
Я — жертва в нем неисчислимым бедам.
Кто мудр, тот не пойдет за нами следом —
Тем, кто в беде подобен нам,— поклон.

Сеид, теперь твой род объят раздором,
И песнь твоя звучит чужим просторам.
Когда я смерть приму в сраженье скором,
Батырам, смелым как Рустам,— поклон.

Передайте от нас кадию салам —
Он обидчику рад

был предать меня.

Ну а тот ни в делах, ни в словах не прям —
Разве добрый он взгляд

бросит на меня?

Кадий — старший у нас, он закон блюдет,
Он всем младшим — отец, он отец сирот,
Он, птенец наших гнезд, наших стай приплод,

Баям — тем, что в плену, от друзей привет!
Жизнь у баев — дрянцо, хоть садись да вой.
В спеси их для меня был немалый вред —
Растеряли всю спесь — отдали с лихвой!

Как нужда подошла, нужен брат и друг,
Для работы нужна помощь братских рук.
Правишь делом — умом пораскинь вокруг,
Безголовый — дурак, умный — с головой.

С прямодушным пойдешь — обретешь почет,
С малодушным пойдешь — срам к тебе придет.
Может горькое стать сладким, словно мед,
Может сокол летать наравне с совой.

Пусть мне к беку идти, будь он лют и зол,
Пусть меня страшный змей до смерти б извел,
Пусть одежду б мою растерзал орел —
Лишь не скрыло бы свет бурей снеговой!

Я как сокол взлечу — мне не страшен бек,
В небе свет засвечу — змей погиб навек.
Что орел, средь ветвей севший на ночлег,
Если конь под седлом — словно огневой?

Умный тот, кто свой скот даже в бурю спас.
Этот стих мой прочесть — нужен острый глаз:
Кто умен, тот в делах — сам себе указ,
Умный гонит овец в степь с большой травой.

Никого на земле рок не пощадит,
Замела меня пыль — вихрь из-под копыт.
Смерть к Сеиду придет от лихих обид,
Жаль — в убытке таком век я прожил свой!

Мне меч разлуки ранит тело
С тех пор, как мы расстались, брат.
Лицо увяло, пожелтело
С тех пор, как мы расстались, брат.

И душу жжет разлуки пламя,
Ты — будто не был, ты — не с нами,
И не цветет мой сад цветами
С тех пор, как мы расстались, брат.

Тебе друзей увидеть мнилось,
Но лвы не дарят слабым милость.
И сердце болью истомилось
С тех пор, как мы расстались, брат.

Мне только бог — опора в горе,
И нет конца слезам во взоре,
Я одинок в тоске и хвори
С тех пор, как мы расстались, брат.

Нияз сказал: как горе скрою?
Мне днем и ночью нет покоя,
Я в даль дорог гляжу с тоскою
С тех пор, как мы расстались, брат.

Вдаль летящие журавли,
Весть из наших сторон передайте,*
Чтобы в Астрахань беки не шли —
Здесь глава их пленен, — передайте.

На него кандалы надели,
Голова его в горьком хмеле,
А еда ему — словно зелье,
В горькой скорби он, — передайте.

Он теперь за морями, беки,
Он окован цепями, беки,
Разлучен он с друзьями, беки,—
Вести грустных времен передайте.

Горше день ото дня в неволе,
Горше смерти и смертной боли.
День мой тянется года доле —
Безысходный мой стон передайте.

Мой удел, Сеид,— неминучий,
Не пройти мне рекой текучей,
Крыльев нет — не взлететь над кручей —
Из темницы поклон передайте.

Что ни год — вдалеке спешит жизни караван,
Нет осанки былой, я горбатым стал.
Над моей головой — словно бы туман,
Я не страшен врагам-супостатам стал.

Был я прытче козы, что в степях живет,
Прытче утки я был, что в прудах плывет,
И дестанам моим был неведом счет,—
Нем теперь мой язык — бедноватым стал.

Видел я далеко — взор очей поблек,
Прыгал я, как джейран,— стал почти без ног,
В Судный день всю толпу разогнать бы мог,
А теперь старикам я собратом стал.

Зверь, завидев меня, мчался наутек,
А теперь стал ко мне беспощаден рок:
В бурном море любви потонул челнок,
С морем жизни борясь, я помятым стал.

Уток в реках любви я стрелял подряд,
Барабан мой гремел, сердце билось в лад.
Караван мой ушел — не вернешь назад,
И в слезах я грустить по утратам стал.

Волк скулит: «Не пугать мне уже отар»,
«Уток мне не пугать,— вторит сокол,— стар!»
Был горяч я — остыл в моем сердце жар —
Пышный цвет лепестков как зола там стал.

Стар не тот, у кого седина блестит,
А придет грустный срок — постарел джигит!
Ты теперь молодцам не указ, Сеид,—
Притчей ты подлецам распроклятым стал!

Чары Афзал

ЧАРЫ АФЗАЛ (Ак-молла) (конец XVIII—середина XIX в.) — поэт, в творчестве которого отчетливо прослеживается интерес к социально-этическим темам современной ему жизни туркмен.

Тебе, всеильный, я мечту открою:
Будь милостив, дай свидеться с любимой.
И днем и ночью я кричу с мольбою:
Будь милостив, дай свидеться с любимой!

Я в мире много исходил дорог,
Немало горя сердцем превозмог,
Тонул я в море мыслей, плыл, как мог,—
Создатель мой, дай свидеться с любимой.

Вся печень словно стиснута от мук,
От горя я ослеп — темно вокруг,—
Судьбой на лбу начертан мне недуг —
Будь милостив, дай свидеться с любимой.

Слезами выжжен, свет померк в очах,
Томясь от страсти, я совсем зачах,
Друзья мои теперь в чужих краях —
Будь милостив, дай свидеться с любимой.

Неверен мир: я счастья не достиг,
В любви не знал блаженства ни на миг.
Афзал, я плачу, к бедам я привык —
Будь милостив, дай свидеться с любимой.

Где кочевье моей милой, где его пути?
От своих она бежала, далеко ушла.
Видно, ей теперь другого суждено найти,
Как во сне — мелькнув, пропала, далеко ушла.

В цветнике срывал я розы и вдыхал дурман,
И, томясь, из слов-жемчужин я слагал дестан,
А теперь мечтой бесплотной разум обуян,
Разум мой поник устало — ведь она ушла.

Чтоб ее теперь вернуть мне — силы нет такой.
Насмотреться бы мне вдоволь и найти покой!
Разлучил тебя со мною, а меня с тобой
Тот бессовестный меняла — ты за ним ушла.

Разыскал бы я беглянку, расспросив людей,
Приласкал бы ее жарко, страсть познал бы с ней!
Я, в красавицу влюбившись, всех забыл друзей,
А она, меня сначала заманив, ушла!

Их кочевье в Шамекане, говорят, сейчас,
Мне пойти б за нею следом, повидать хоть раз!
Ты меня в куски разбила взглядом черных глаз,
Чтоб другая не собрала — разметав, ушла.

Зубы у нее — как жемчуг, в лад ее устам,
За лукавство ее взгляда жизнь свою отдам!
Как Балкыс, она сияет — светит здесь и там,
Но от бедного Афзала, раз взглянув, ушла!

Если бога ты чтишь и закон блюдешь,
Барыша у тебя никогда не будет.
А при тяжбе солгал — так за эту ложь
Прямо тут же сгоришь, и следа не будет.

На чужбине — беда, горек твой удел,
Позовешь — друга нет, чтоб на зов поспел.
В чем отличие и смысл человеческих дел,
Если совести в них и стыда не будет?

Кто покинул своих, не избегнет зла:
Ночью сны, днем мечты — вот его дела.
Будь зазноба при нем хоть белым-бела,
Ляг в обнимку, а страсть молода не будет.

В гнусном месте подлец храбреца хулит,
А подлец там хвалой от стыда укрыт.
Прямодушный смельчак — выше всех обид:
Боль людей для него ведь чужда не будет.

Быть бы с милой; Афзал, хоть недолгий срок,
Хоть пять дней без разлук ты прожить бы смог
Будет вечно джигит от Лейли далек —
Ни о чем о другом петь тогда не будет!

Всё кверху дном, мир сбился с ног совсем,
Настал, наверно, Судный час, друзья.
Жить всё трудней, я изнемог совсем,
И в униженьях я погряз, друзья.

Что ж делать, если счастье обойдет?
Я — как упасть готовый, сгнивший плод.
Был прежде полон я мужских забот,
Теперь тот пыл во мне угас, друзья.

Мне в душу скорбь жестокая вошла:
Кто славен был, тот разорен дотла,
Кому в пиру не дали б и мосла,
Тот стал знатней во много раз, друзья.

Кто в медресе не ведал и дорог,
В чьем горле чистый не бывал кусок,
Чьих предков не пускали на порог —
Повсюду окрик тех пролаз, друзья.

Что ни скажу — выходит всё не так,
Былой мой друг — теперь заклятый враг,
А братья — там, где только кровь да мрак,
Они теперь несчастней нас, друзья.

Когда смолчу, то кто ж меня поймет,
Разделит кто со мною боль невзгод?
Те, с кем дружил я, с кем ходил в поход,
Друг с другом во вражде сейчас, друзья.

Чары Афзал, будь богу верный раб,
Чтоб благодать его к тебе сошла б.
Жесток властитель, зол его сатрап —
Я в ржавчине душой увяз, друзья!

Услышь, создатель, помоги, приблизь свиданья срок!
В любви к безжалостной моей я жалок и убог,
А слезы глаз моих слились в бушующий поток.
Друзья чуждаются меня, я сир и одинок —
Будь милостив, взгляни хоть раз на горести мои!

Свиданья с дивом красоты я днем и ночью жду.
К тебе взываю — кто ж другой поймет мою беду?
Твой раб, вверяюсь я тебе и твоему суду.
Едва с любимой свижусь я — и свой покой найду —
Будь милостив, взгляни хоть раз на горести мои!

От всех коварств ее мой взор слезами изойдет,
Стать жертвой на ее пути начертан мне исход,
А своенравию ее давно потерян счет!

Стон сокрушенных от любви пронзает небосвод —
Будь милостив, взгляни хоть раз на горести мои!

В огне разлуки я горю, в жестокую влюблен,
В хмельном угаре веселюсь, но в сердце боль и стон.
То выплыву, то вновь тону, и — топь со всех сторон.
Я плачу, — говорит Афзал, — мой разум сокрушен —
Будь милостив, взгляни хоть раз на горести мои!

Сколько дум отошло, сколько зим и лет!
Сколько близких ушло — где ты, Бекмамед,
И Ходжанияз — где? Скольких братьев нет!
Я без них высох весь, сгорблен станом стал.

Мотылек сам летит в жаркий свет огня,
Зайцу люб тот бугор, где его родня,
Плачет тот, кто влюблен, боль измен кляня,
Горе тем, кто родне нежеланным стал.

Кто парчой обтянул сытый свой живот,
Кто поборы завел, не щадя сирот,
Кто — хвастун: я-де муж, мне от баб почет, —
Сам на бабу похож, сам поганым стал!

Образ милой забыть — не хватает сил,
Имя милой пишу — кровь взамен чернил.
Чтоб Афзал не болтал, чтобы не дурил,
Злу всех бед — языку рот капканом стал.

Довелось на этом свете
Плакать то и дело мне.
Горевать на сей планете —
Так судьба велела мне.

Пламенем любви горю я,
Одержимым стал, горюя,
Мотыльком лечу к огню я —
Обжигает тело мне.

Время шло своей чредою,
Стала борода седою,
Странствовать, дружа с бедою,
Время подоспело мне.

К милой я пылаю страстью,
Нет и нет конца несчастью,
Разум отнят злой напастью —
В горе нет предела мне.

Петь бы соловьиным ладом,
Сверху мир окинуть взглядом,
Быть всегда с любимой рядом —
Лучше нет удела мне.

Как мне жить, бродя по свету?
Жизнь бы отдал — милой нету,
Обыскал я всю планету —
Счастье не радело мне.

Пламя жжет Чары Афзала,
Жизнь загублена, пропала,
Бога я молю устало —
Помощь бы приспела мне!

Талыби

ТАЛЫБИ (Мурад-Шахир) (ок. 1866—ок. 1845) — туркменский поэт самобытного дарования. Его перу принадлежит поэма «Талыби и Сахибджемал» и множество лирических стихотворений, широко известных в народе. Лирика Талыби отличается простотой и поэтичностью языка, выразительностью, силой и чистотой чувств. Многие стихи поэта обличают социальные пороки.

Молодецкая мощь поушла из плеч,
Старость хуже всех бед, хуже нет, друзья!
Есть один ей исход — взять да в землю лечь,
Старость хуже всех бед, хуже нет, друзья!

Хворых вылечат в срок, старым — всё не в прок,
Не найдешь никого, кто б тебе помог, —
Птица сердца вспорхнет — не поймать в силок.
Старость хуже всех бед, хуже нет, друзья!

Нет зубов, не по рту ни один кусок,
Сыновьям-дочерям нуден мой урок,
Стал я хвор да незряч — взор очей поблек —
Старость хуже всех бед, хуже нет, друзья.

Семь десятков пришло — на кого похож?
В голове — муть-дурман, а в коленях — дрожь,
Дёсны хлеб уж неймут, толокно жуешь —
Старость хуже всех бед, хуже нет, друзья!

Что ни скажешь — всё зря, глухи все вокруг,
Сел — сидишь, а вставать — горше всяких мук,
Кости ноют-болят, одолел недуг —
Старость хуже всех бед, хуже нет, друзья.

А уж в рот не смотри: нет зубов как нет!
Лег в постель — сон не в сон, и покой — во вред,
Нет друзей, не придет близкий друг-сосед —
Старость хуже всех бед, хуже нет, друзья.

А уж семьи детей — даже зло берет:
В ссоре с ними весь день, смотришь — чей черед?
Залатали тюфяк — посвежел и тот —
Старость хуже всех бед, хуже нет, друзья.

Все друзья отошли — есть ли кто живой?
Все здоровье ушло, хворь — приятель твой,
Что ни год — всё сильнее зимний вихрь и вой —
Старость хуже всех бед, хуже нет, друзья.

А объедки дадут — вот и твой обед:
Ешь его, хоть застыл, хоть не подогрет!
Молвишь слово — в ответ: «Помолчи-ка, дед!»
Старость хуже всех бед, хуже нет, друзья.

Хоть моли, хоть кори — нет ни в ком стыда,
Злобным словом язвят, и кругом — вражда,
Кто — погонит туда, кто — зовет сюда —
Старость хуже всех бед, хуже нет, друзья.

Нет былой красоты, стал я телом хил,
Сядешь — сиднем сидишь, встать — не хватит сил.
Что поел, что попил — как насквозь пролил —
Старость хуже всех бед, хуже нет, друзья.

Талыби не стареть всем дает совет.
Если семьдесят пять тебе вышло лет,
Что осталось тебе? Лишь смешить весь свет —
Старость хуже всех бед, хуже нет, друзья!

Габдулла
Тукай

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ (1886—1913) — признанный классик новой татарской литературы, поэт большого дарования и трагической судьбы. Прожив всего лишь 27 лет (поэт умер от туберкулеза), он успел создать значительное количество произведений, ставших любимым достоянием татарских читателей.

Очаровательна по юмору и поэтичности его краткая поэма-сказка «Шурале». Лирика Габдуллы Тукай по содержанию связана с волной обновленческого движения в татарской и других тюркских литературах, ратовавшего за просвещение своих народов. Интересны и обличительные стихи Тукай, направленные против буржуазии и процессов «обуржуазивания» татар.

ШУРАЛЕ

(Поэма-сказка)

I

Меж селений под Казанью восхвалить Кырлай я рад,
Там и куры, по сказанью, общей песне вторят в лад.

Родом я хоть не оттуда, я там жил недолгий срок:
Сеял, жал и жил не худо — землю вспахивал, как мог.

Не забыть мне: у селенья лес со всех сторон густой,
Там луга травы весенней — словно бархат красотой.

Спросишь ты: «Кырлай велик ли?» — «Невелик, —
ответчу я, —
Люди воду там привыкли брать из малого ручья!»

Там ни жарко, ни прохладно, всем погодам — свой
Дождь пойдет — так не изрядный, ветер дунет —
и пройдет.

В том лесу от красных ягод все вокруг пестрым-пестро,
Наберешь без всяких тягот сразу полное ведро.

Словно воины, рядами ели с соснами стоят,
Я там леживал часами, устремив на небо взгляд.

В рощах — липы да березы, тьма грибов и щавеля,
Где кустарники — там розы, яркие от цветов поля.

Белых, синих, желтых, красных там цветов ковер густой,
Полон запахов прекрасных пряный воздуха настой.

Бабочек цветная стая льнет к раскрывшимся цветам —
То слетая, то взлетая, вьется всюду тут и там.

Птичьих стай веселый гомон, их напевов звонкий лад —
Душу всю проймет тайком он, как их песни зазвучат.

Как на городском бульваре, есть и цирк и танцы тут,
Представление в разгаре — все играют и поют.

Шире моря-океана лес простерся на весь свет —
Словно войску Чингисхана, ни конца, ни края нет.

Вспомнишь давние сказанья, поглядев на этот лес, —
Дедов-прадедов преданья, славу всех былых чудес.

Это — словно представленье из истории, — гляди,
«Боже! — ахнешь от смущенья, — что-то ждет нас
впереди!»

II

Я о лете создал строки, о зиме еще не спев,
Не воспел я чернооких, темнобровых наших дев.

Не воспел я сабантуя, сходок, праздников мирян —
Думал. — далеко зайду я и легко впаду в изъян.

Не по той шел колее я и отвлекся без причин,
А спою про Шурале я, эти строчки — лишь зачин.

Как припомню то селенье — вмиг теряю разум я,
О читатель мой, терпенье! Расскажу все разом я.

III

В чаще — есть такие толки — хищники, похоже, есть,
И медведи там, и волки, и лисицы тоже есть.

Знаю я, рассказам веря, в чаще — заяц, белка, лось,
В дебрях очень много зверя людям видеть довелось.

Есть и джинны, то — не враки, темный бор уж очень густ,
Шурале и вурдалаки прячутся за каждый куст.

Но не буду многословен: тайны в дебрях лес таит,
Он не менее диковин, чем вся ширь небес, таит.

IV

И об этом я немного — пять-шесть слов спою теперь,
Строю верного мне слога песнь сложу свою. теперь.

Ночью, при луне светящей, из того села бедняк,
Чтоб дровишек взять из чащи, как-то раз коня запряг.

Он приехал в чашу бора, путь его был прям и скор,
Стал дрова рубить он споро — тук да тук стучит топор.

Ночь, по-летнему сырая, в чаще холодна была,
Птичьего не слышно грая, ночь в оковах сна была.

Дровосеку не забава — лес рубить в глуши лесной,
Где уж знать — что слева, справа, что с лица, что за спиной.

Дровосек притих, усталый, с топором в руке на миг —
Чу, раздался небывалый, сонный лес пронзивший, крик.

Вздрыгнул парень оробело, от испуга весь обмяк,
Не поняв, еще, в чем дело, видит — перед ним «чужак»!

Что за вид, чудной и дивный, это — призрак или бред?
Что за выродок противный — ничего страшнее нет!

Безобразнее коряги, нос изогнут, словно крюк,
Ноги — как у раскоряки, и корявы сучья рук.

Пышет нором неумный из глазищ его огнем,
Тут не то что ночью темной — испугаешься и днем.

Тощий он, совсем раздетый, с человеком схож на вид,
Но бесовскою приметой рог на лбу его торчит.

И хотя этот детина и коряв и косолап,
Прямы — каждый с поларшина — пальцы его верхних лап.

V

Издали с опаской глядя, но спокойствие храня,
Дровосек промолвил: «Дядя, что ты хочешь от меня?»

«Ты меня не бойся, малый, — тот ответил, — я не вор,
Я, хоть и не чист, пожалуй, но не грабил до сих пор.

Встречных — это мой обычай — всех я насмерть щекочу,
Ты вот стал моей добычей — я от радости кричу.

Мои пальцы не коротки, щекотанье им под стать:
Жертвы гибнут от щекотки, начиная хохотать.

Молодец, и ты попробуй меня тоже щекотнуть,
И давай друг друга оба пощекочем мы чуть-чуть!»

«Ладно, я готов, изволь-ка, поиграем, решено,
Да согласен ли ты только на условие одно?»

«Сделать все готов тебе я, в чем условие? — ответь,
Но давай играть скорее, я не в силах уж терпеть!»

«Слушай, разговор недолог и понятным не тяжел,
Видишь, там лежит у елок длинный и тяжелый ствол?»

Слушай, друг, возьмемся вместе и управимся мы с ним —
То бревно мы честь по чести на телегу поместим.

Видишь, леший, щель отверста вон на том конце ствола?
Ты возмись за это место — вот и все твои дела!»

Шурале, услышав это, смотрит — вправду, щель видна,
И, послушавшись совета, потрусил к концу бревна.

Шурале — к бревну и ловко заложил все пальцы в щель.
Ты уж понял, в чем уловка, о читатель, в чем тут цель!

И едва в ту щель глубоко пальцы Шурале вошли,
Наш хитрец в мгновенье ока выбил клин, что был в щели.

Шурале, в щели зажатый, поздно понял, сколь хитра
Мудрость шутки плутоватой, не заметил топора.

Малый выбил клин удало, шелк раздался в тишине,
Пальцы Шурале зажало — защемило их в бревне.

Понял Шурале, в чем дело, — вопль и вой по всей земле,
Стал скликать он ошалело всех окрестных шурале.

И взмолился окаянный, и с повадкою лъстеца
Стал мольбою покаянной убеждать он молодца:

«Человек, внемли же стону, очень больно руки жмет,
Я детей твоих не трону — ни тебя, ни весь твой род.

Обижать тебя не дам я — это-де мой друг, скажу,
В бор тебя привел-де сам я, лешим всем вокруг скажу.

Нестерпимо больно руки, отпусти меня, дружок,
Шурале подвергнуть муке что за смысл тебе и прок?»

Как безумный, рвется леший, дико воет он навзрыд,
А храбрец, пока что пеший, в путь пуститься норовит.

И, коня за повод тронув, Шурале забыв совсем,
Дровосек не слышит стонов, словно бы и глух и нем.

«Боль моя ужель не тронет, бессердечный плут, тебя,
Кем я так жестоко донят, кто ты, как зовут тебя?»

Если буду жив к рассвету, и сберутся здесь друзья,
Кто свершил проделку эту, им бы смог поведать я».

«Что ж, браток, это не тайна, мое имя — Прошлый год,
Это я тебе случайно столько причинил невзгод!»

Рвется, и крича и воя, из капкана Шурале,
Отомстить за дело злое рвется рьяно Шурале.

Шурале кричит все боле: «Губит Прошлый год меня,
Ах, умру я, от неволи кто ж теперь спасет меня!»

На рассвете прибежали шурале на этот вой:
«Ты уж не сошел с ума ли, не рехнулся ль головой?»

Не срамись перед народом, не ори, не кличь беду —
Кто ж, обижен Прошлым годом, воеет в нынешнем году?»

Сердце

Сокрушись во прах, не тлея, а пылая ало, сердце,
Будешь ты творцу милее, если ты страдало, сердце.

Каждый миг, что мною прожит, от меня ждут пыла сердца,
Только что поделать сможет, если рдело вяло, сердце?

Вдаль веди меня далёко, терпеливым будь, как камень,
О принявшее от рока мук и бед немало, сердце.

О, сверкай — огонь твой верный нужен честному поэту,
А донине злом и скверной как тебя пятнало, сердце!

Ради столь благого дела жизнь стократ отдать не жалко —
Ввысь взносящееся смело, ты затрепетало, сердце.

Не пора ли взмыть полетом? Раскрывай смелее крылья —
Ты всю жизнь рвалось к высотам с самого начала, сердце!

Лишь тобой надежды живы, ты спасешь меня от бедствий:
Был я на краю обрыва — ты меня спасало, сердце.

И пойми: нет выше дела — не утратить человечность,
Ради этого ты смело всё претерпевало, сердце!

Гению

Когда весь мир тебе предстал темницей вечной темноты,
Свой идеал искать ты стал, чтобы возжечь огонь мечты.

Был неустанный путь твой прям, и, не боясь невзгод,
ты шел,
И, не смотря по сторонам, упорно лишь вперед ты шел.

Смятением ныне я объят: что случилось — не пойму никак —
Зачем взираешь ты назад, когда до света — только шаг?

Ужель ты сзади видишь свет? Там — золота бездушный
цвет,
Огня священного там нет, не жар там, а холодный свет.

Твой путь святой был краток, мал, и ты его не перенес.
«Уж не продажным ли ты стал?» — тревожит мысль твою
вопрос.

Назад, о гений, не гляди, иди вперед — там идеал:
Вперед идущим — впереди он, словно божество, предстал.

Отрывок

Я приберечь душевных сил для черных лет не смог,
День, хоть один, что светлым был, я вспомнить — нет,
не смог.

Мой путь был весь в тенетах пут, врагов — больше
собак —
За теми я, что всех гнетут, идти вослед не смог.

Мне месть, увы, не удалась, нет сил, и сломан меч —
Я обелить, сам очерняясь, сей белый свет не смог.

Слава

Творить — твори, но не прельстись вовек пустою славой:
Как ты в одежду ни рядись, ей завтра быть дырявой.

Не будет славы — все равно не скрыть, что держишь
в сердце:
Ведь в мир прорублено окно в груди твоей кровавой!

Слова Толстого

Не больше ешь, чем человеку надо:
Ужели в жизни лишь в еде отрада!

Для человека благо благ — всё лучше становиться,
Но не улучшится никак тот, кто собой кичится.

Осенние ветры

В осень, ночью мне не спится: слышу — ветер в поле
плачет.
То — не ветер, то — сам голод смертным стоном голи
плачет.

«Труженик, мой сын любимый снова голод ныне терпит!»—
Это мать-земля родная о людской доле плачет.

Молодящимся старухам золотые зубы ставят!
А иная молодая, глядь, без хлеба-соли плачет!

Смотришь: молодые парни гибнут от нехватки хлеба —
Взять их души Азраилу жалко: он от боли плачет.

Если столько есть голодных, нам и праздники не
в радость —
Ибрагим-то с Исмаилом зря в могиле, что ли, плачут!

В праздничной молитве сытых — ликование и веселье,
А молитвы бедных слыша, каждый поневоле плачет.

Осень, ночь и мрак кромешный, слышно — ветер в поле
плачет.
Ветер весть нам шлет: сам голод смертным стоном голи
плачет.

Дача

Если богачу угодно поддразнить народ голодный,
Пароход нанять он может для поездки пароходной.

Не ему стоять, судача с бедным и голодным людом,—
Он спешит туда, где дача — дом с усадьбой превосходной.

Если солнце засмеется над его спесивой дурью,
Он зонтом закроет солнце — ни к чему, мол, зной
негодный!

Франт-богач одет шикарно, а дерет с народа шкуру —
Потонул бы вместе с судном он навек в пучине водной!

О голодные селенья, что ему страданья ваши!
Что его хоромам райским вы с нуждою безысходной!

О друзья мои, взгляните вы на это вот «величье» —
«Во как!» — скажет тут по-русски весь мужицкий род
безродный.

Сожаление

В нас гнездятся пороки, мы привыкли к обманам,
Мы в поступках жестоки, наши души — с изъяном.

Мы пристрастны к нарядам, пышность внешнюю любим,
Жадны к жалким «наградам», душу грешную губим.

Грязен дух наш всецело, стерты совести грани —
Что же моют лишь тело, а для духа нет бани!

С. 24. *Хоть и начнешь ты говорить, а уст твоих не видно: Ведь небыль в быль не превратить и словом самым ясным.*— В классической тюркской (как и персидско-таджикской) поэзии постоянно варьируется образ столь маленьких уст или столь тонкого стана, что их как бы и вовсе не видно. Помимо красоты как таковой при этом имеется в виду и суфийский подтекст: уста должны быть малы, чтобы не выдавать тайны сердца, устремленного к постижению высшей, божественной истины.

С. 27. *Колдуны Кашмира...*— По поверьям того времени, Кашмир и вообще Индия славились искусством колдунов и фокусников.

С. 30. *Где двоякое, где — одно, разобрать я, увы, не в силах, — Быть красивой тебе дано: брови — две, а краса — едина!*— Противопоставление единичности и двойственности в суфийской доктрине означает противопоставление двух состояний суфия — полного единения с богом и еще не полного слияния с божеством.

С. 31. *Хафиз, ты верность смог сберечь господню льву лишь потому...*— Лев господень — одно из прозвищ Али (см. Словарь).

С. 61. *О Хафиз, ты и в мечети занят чтением Корана...*— Имя Хафиз означает «чтец Корана», «человек, знающий Коран наизусть».

С. 77. *Искатель клада — как бы змеелов: Всегда есть змеи там, где клад зарыт.*— Согласно поверьям, около зарытых кладов всегда гнездятся змеи.

С. 90. *Все девять блестящих небес...*— Наука того времени различала девять небесных сфер: семь, соответствующих семи планетам (см. примеч. к с. 157), и два неба, расположенных выше них, где обитали ангелы.

С. 102. *...если даже коврик свой, После омовенья стелет в луже посередке шейх!*— Стелить молитвенный коврик в луже, на воде и т. п. — непростительный грех, так как при этом молитва на коврике совершается в том же месте, где перед этим совершалось ритуальное омовение.

С. 103. *...Прямы, как в слове «джан» «алиф»...*— В слове «джан» («душа») средняя буква — «алиф», которая представляет собой прямую вертикальную черту. Сравнение стана с «алифом» — традиционный образ классической поэзии.

С. 104. ...очи на твоём лице — как буква «айн»... — Верхняя часть буквы «айн» похожа на разрез глаз.

С. 128. ...мой труп хранит в развалинах сова... — По поверьям, ночные птицы — совы, сычи, филины — живут в полуразрушенных и покинутых людьми жилищах, где они стерёгут зарытые людьми клады.

С. 129. *Моя наездница лиха, ей любо на скаку играть; Что ж, нужен ей для гона шар — с себя я голову сниму.* — Имеется в виду игра човган (см. Словарь).

С. 131. *Шесть направлений, шесть сторон...* — Имеются в виду четыре направления в горизонтальной плоскости — север, запад, юг, восток — и два в вертикальной плоскости — зенит и надир.

Проникнуть через семь небес противно естеству: Они страшней кругов в аду — семи зияний рва. — Семь небес — небесные сферы, соответствующие семи планетам (см. примеч. к с. 157), семь кругов ада — семь бездн в аду.

Чуждайся рая, Навои, — восьми его кругов... — Согласно представлениям того времени, в раю находится восемь кругов.

С. 157. *Семь планет различают в небесных высотах, Знают семь поясов и в наземных широтах.* — Наука того времени знала семь планет (Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн) и семь климатических поясов.

С. 164. *Что ж, решил я, пойду к моему пестуну я...* — Здесь и далее имеется в виду Джами (см. Словарь), друг и наставник Навои.

С. 176. *То — зеркало стоит напрямик предо мной...* — Существовало представление, что попугай любит смотреть в зеркало и беседовать со своим двойником, отраженным в зеркале.

С. 179. ...*Целый сказ о Меджнуне, побитом камнями!* — Имеются в виду многочисленные предания о безумном Меджнуне (см. Словарь), за которым бегают зеваки и дети, бросающие в него камни.

С. 231. ...*Во всем забыть себя — себя и все «свое».* — По учению суфизма, вступивший на путь любви к богу обязан забыть самого себя и все связанное с мирским бытием ради единения с божеством.

С. 262. *Потом, не зная забвения, в себе я своеволие бил, И саблей отрешенья я себя казнил, как только мог.* — Суфийские представления о далекости единения с богом — своеволие — и слиянии с ним, т. е. отрешении от всего суетного.

С. 263. ...*И метил я, нацелив лук, в два круга нечестивых глаз.* — Целить в два глаза — значит метить в цель стрелой слова «нет» (первое слово в религиозной формуле «Нет бога, кроме Аллаха»), которое в арабском написании представляет собой две слитые у основания вертикальные черты.

С. 280. *«А без туч, — она сказала, — перл любви слиян не будет».* — По поверьям, жемчуг зреет в раковинах от попадания на них капель дождя.

С. 320. *Как будто «нуны» ее брови, над ними черточки встают...* — Буква арабского алфавита «нун» пишется в виде сильно выгнутой дуги с точкой в верхней ее части. Иногда букве «нун» соответствуют две параллельных черточки.

С. 390. ...*А меня по этой причине жертвой бед — Фуркатом зовут...* — Имя Фуркат означает «разлука».

С. 393. ...*Сонм лихих мучений стан мой, словно букву «даль», сломил...*— Буква арабского алфавита «даль» пишется в виде дуги, у которой одна половина лежит на строчке, а другая наклонена влево.

С. 464. ...*Чтобы его толпа детей неволить не могла.*— См. примеч. к с. 179.

С. 488. *Прошла счастливая пора, и нет, увы, вестей о нем...*— Вся газель пронизана скорбью о погибшем муже Надиры — Умархане (правил в Коканде — 1810—1822 гг.).

С. 495. ...*Как «сад» — у очей-нарциссов миндальный изгиб орбит.*— Основная часть буквы «сад» представляет собой петлю овально-миндалевидной формы.

С. 516. *Твое имя благовонно, ты — Анбар, тюльпан, рубин...*— Газель обращена к поэтессе Анбар-атын. Имя Анбар означает «амбра».

С. 550. ...*У Анбар в райском слоге — аромат благородный.*— Здесь и в последующих газелях Анбар-атын постоянно обыгрывается нарицательное значение ее имени (см. примеч. к с. 516).

С. 551. *Нет, не ладьте к моим недугам...*— Здесь и в последующих газелях Анбар-атын неоднократно упоминается тяжелая болезнь ног у поэтессы, приковавшая ее к постели.

С. 581. *В тайну всех Четырех книг — в суть любви душой я вник...*— Четыре книги — Пятикнижие Моисея, Псалтирь, Евангелие, Коран.

С. 599. *Ради блага рабы твои мост возвели...*— Имеется в виду мост «тоньше волоса, острее меча», который, по суфийским представлениям, возведен над адом; праведники проходят по нему в рай, грешники падают в ад.

С. 603. *Рад четки с ковриком продать дтшельник за один глоток...*— Четки и молитвенный коврик — атрибуты благочестия догматического мусульманского обихода, порицавшегося приверженцами суфизма.

...*Обход свершая, верит он...*— Имеется в виду ритуальный обход вокруг Каабы (см. Словарь).

С. 604. *В ночь посланья взошли луной полукружья двух луков в небе...*— Ночь посланья — ночь, когда основатель религии ислама пророк Мухаммед будто бы вознесся в небо и получил божественное откровение в виде Корана, представ перед богом на расстоянии «двух луков». Это выражение толкуется по-разному: либо длина двух луков, либо расстояние, равное двум полетам стрелы, выпущенной из лука.

С. 609. ...*Он капли-родинки ронял, как точки зерн-семян.*— Имеются в виду точки над и под буквами арабского алфавита.

С. 619. *В «Насущном хлебе» был открыт мне единения тайник!*— «Насущный хлеб» — выражение из Корана.

С. 623. *Вершина смертного столба...*— См. Мансур.

С. 630. *Влюбленным суть твоих речей открыл священный стих о птицах...*— Имеется в виду соответствующий стих в Коране.

Плененные твоей красой в ней видят след китайской кисти...— См. Мани.

С. 664. *Вдаль летящие журавли, Весть из наших сторон передайте...*— Здесь, возможно, имеются в виду события, связанные с крестьянской войной под предводительством Емельяна Пугачева (1772—1775) и участием в ней той части туркмен, которая населяла северное побережье Каспия.

- Абджед** (*абджад*) — древние арабы пользовались арамейским алфавитом, порядок в котором немного отличался от арабского. След этот сохранился в использовании букв для обозначения цифр. Для запоминания этого старого порядка был придуман ряд условных слов, состоящих из соответствующих букв. Первое из этих слов «абджед» составлено из букв а — б — дж — д, обозначающих цифры 1—2—3—4.
- Абульгази** — по-видимому, один из современников поэта Хатам-Шахира; имя Абульгази носили в разное время властители и высшие сановники Хивинского ханства.
- Абу Сина** (*Ибн Сина, Абу Али Хусейн ибн Абдаллах, латинизир.* — *Авиценна, ок. 980—1037*) — великий ученый-энциклопедист, родился близ Бухары в селении Афшана, образование получил в Бухаре. Писал в основном на арабском языке, реже на своем родном языке фарси. Основное произведение — «Канон врачебной науки» (медицинская энциклопедия в пяти частях), считавшийся вплоть до XVII в. как на Востоке, так и в Европе важнейшим руководством для медиков. Известны также его философские, математические и филологические труды, небольшое количество поэтических произведений. Его имя и труды пользуются легендарной славой на Ближнем Востоке и в Средней Азии.
- Адхам** (*Ибрагим ибн Адхам, Ибрагим Эдхем, ум. ок. 777 г.*) — известный в мусульманском мире аскет-проповедник родом из Балха, герой многих легенд и сказаний.
- Азан** — призыв на молитву, возглашаемый с минарета.
- Азраил** — ангел смерти, возвещающий людям их кончину и принимающий души умерших.
- Али** — четвертый из так называемых правоверных халифов, правивший с 656 по 661 г. Двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда — его женой была дочь Мухаммеда Фатима. В сказаниях о нем прославляется принадлежащий ему легендарный меч (меч Али).
- Аму** — река Амударья.
- Анвар** (*ум. 1191*) — персидско-таджикский поэт, прославившийся сочинением касыд.
- Андалиб**, **Нурмухаммед Гариб** (*ок. 1712—1780*) — туркменский поэт, основоположник дестанного эпоса в туркменской литературе.
- Анко** — легендарная птица, обитавшая на Каф-горе (см.)

Ансари (1005—1093) — знаменитый шейх (см.) и поэт из Герата (см.).

Арас — река Аракс, правый приток Куры.

Арасту (*Аристотель, 384—322 до н. э.*) — древнегреческий философ, ученый-энциклопедист, ученик Платона (см. Афлатун).

Аттар, *Фарид-ад-дин Мухаммед бен Ибрахим (ок. 1119—?)* — персидско-таджикский поэт-мистик и видный суфийский философ, автор поэмы «Беседы птиц».

Афлатун (*Платон, 427—347 до н. э.*) — древнегреческий философ.

Аяз — имя любимого раба султана Махмуда Газневида (998—1030), правителя Хорасана, которому Фирдоуси посвятил знаменитую поэму «Шахнаме»; нарицательное наименование горячо любимого человека.

Бадахшан — расположенная частично в Афганистане и частично в Таджикской ССР (Горно-Бадахшанская АО) горная область на Памире, славившаяся добычей драгоценных камней, из которых особенно ценились рубины.

Балькис (*Балкис*) — имя легендарной царицы Савской, возлюбленной царя Соломона (Сулеймана) (см.).

Банг — наркотик, изготавливаемый из конопляных листьев и белены.

Батыр — богатырь, храбрый, мужественный воин.

Бахрам (*Бахрам Гур, 421—438*) — сасанидский царь, прославленный охотник за онаграми (степными ослами), герой множества легенд и романтических рассказов.

Бедиль, *Мирза Абдулкадир (1644—1721)* — таджикско-персидский поэт, творчество которого оказало значительное влияние на развитие литературы среднеазиатского региона. Родился в Индии в семье выходцев из Средней Азии.

Бек — правитель, властитель, властелин, господин.

Бесутун — гора, на которой, согласно легенде, обитали боги; на этой горе высечены знаменитые клинописные надписи Дария (см.), которые предание приписывает Фархаду (см.); образ неприступной горы.

Бехзад (*ум. 1526*) — известный каллиграф и миниатюрист из Герата (см.).

Бияль — имя легендарного раба-эфиопа, прислуживавшего Мухаммеду. Сравнение темноты, мрака ночи и т. п. с цветом кожи Бияля или вообще чернокожих традиционно в классической тюркской поэзии.

Вамык — возлюбленный Узры (см.), герой не дошедший до наших дней поэмы Унсури (XI в.) «Вамык и Узра», один из популярных образов фольклора, символ преданной и самоотверженной любви.

Везир — министр, сановник, ближайший советник правителя.

Герат — древний город, столица Хорасана (см.), крупный торговый культурный, административный центр, ныне относится к территории Афганистана.

Гиджак — струнный смычковый музыкальный инструмент, род скрипки.

Гулистан (*гюлистан*) — цветник, сад роз. Название известного произведения персидского поэта XIII в. Саади Ширази.

Гумаюн (*Хумаюн, Хума*) — сказочная птица, под сенью крыльев которой, согласно поверьям, человек обретает благодать и власть.

Дара (*Дарий*) — персидский властелин Дарий III (335—330 до н. э.), последний правитель из династии Ахеменидов.

Дестан — сказание, поэма.

- Джам**, **Джамшид** — герой иранских эпических сказаний, легендарный властитель древнего Ирана, при котором люди жили в полном блаженстве. Согласно преданию, он владел волшебной чашей, глядя в которую, можно было видеть все происходящее в мире. Был свергнут тираном Заххаком (см.), который терзал страну тысячу лет.
- Джами**, **Абдуррахман Нурреддин бин Ахмад (1414—1492)** — персидско-таджикский поэт, старший современник, друг и наставник Навои.
- Джебраил** — мусульманская форма имени архангела Гавриила.
- Джейхун** — река Амударья.
- Див** — фантастическое существо, злой дух.
- Дутар** — двухструнный музыкальный инструмент.
- Забулистан** — местности, прилегающие к г. Забул (современный г. Заболъ в Иране, на границе с Афганистаном).
- Заххак** — легендарный властитель, славившийся жестокостью, герой иранских эпических преданий, в том числе поэмы Фирдоуси «Шахнаме».
- Зулейха** — по Библии, жена египетского вельможи Пентефрия, стремившаяся соблазнить Иосифа Прекрасного (Юсуфа) (см.).
- Зуннар** — пояс, обычно красный, который должны были носить в странах ислама немусульмане. Надеть его — значит отречься от ислама.
- Зурна** — народный духовой музыкальный инструмент.
- Ибрагим (библ. Авраам)** — по преданию, вошел в огромный пылающий костер, который тут же превратился в цветущий алыми розами сад.
- Ильяс** — библейский пророк Илья, вознесенный, по преданию, живым на небо.
- Ираки**, **Фахр-ад-дин Ибрахим ибн Шахрияр (ум. 1287)** — персидский поэт-мистик.
- Ирам (Ирэм)** — мифический сад, подобный садам рая, возвращенный на земле тираном Шеддадом.
- Иса (Иисус)** — один из легендарных мусульманских пророков, обладавший, согласно верованиям, способностью воскрешать мертвых посредством своего дыхания.
- Искандер (Александр Македонский, 356—323 до н. э.)** — полководец и государственный деятель древнего мира, царь Македонии, основатель огромной империи, был воспитанником Аристотеля (Арасту, см.), герой поэм Низами, Навои и других авторов.
- Исмаил** — сын Авраама (Ибрагима, см.). Согласно мусульманскому преданию, должен был быть принесен в жертву богу своим отцом (по библейской версии, жертвой должен был стать Исаак).
- Исфаган** — город в Иране.
- Ишан** — мусульманское духовное лицо, наставник общины, почетный титул представителей некоторых туркменских родов.
- Йемен** — местность вблизи Мекки (см.), славившаяся добычей рубинов.
- Кааба** — храм в священном городе мусульман — Мекке (см.); в нишу, находящуюся в восточном углу наружной стены храма, вделан на высоте полутора метров «черный камень», почитаемый мусульманами как святыня. Паломники совершают ритуальный обход вокруг Каабы.
- Кабулистан** — местности, прилегающие к г. Кабулу.
- Кавуши** — кожаные национальные калоши.
- Кавэ** — герой поэмы Фирдоуси «Шахнаме», кузнец, который поднял

- восстание против Заххака, (см.) и помог Феридуноу (см.) захватить власть над Ираном.
- Кадий (кади)** — мусульманский судья, разбирающий дела и выносящий решения на основании шариата (совокупности мусульманских религиозных и правовых норм) и фикха (мусульманского права)
- Кайс** — имя полупоэтического арабского поэта, получившего прозвище Меджнун (см.) за свою пылкую любовь к Лейли (см.)
- Каландар** — странствующий мусульманский монах-отшельник, собирающий подаяния.
- Калям** — тростниковое перо для писания.
- Камаль (Камаль Худжанди, ум. 1406/1407)** — персидско-таджикский поэт, очень популярный среди таджиков, структура его газелей близка народной песне.
- Камфара** — белое кристаллическое вещество с характерным запахом. В поэзии — символ белизны утра, старости и седины, обычно противопоставляется мускусу (см.).
- Карун** — библейский персонаж, упоминаемый в Коране. По легенде, обладал несметными богатствами, но был очень жесток.
- Каф-гора** — мифическая гора, обобщенный образ далеких гор, отождествляемых с горами Кавказа.
- Кашгар** — восточный центр государства Караханидов, современный г. Кашгар в Западном Китае, в Синьцзян-Уйгурской автономной области.
- Кашмир** — область на северо-западе Индии, традиционно связываемая в поэзии с красотой живущих в этой местности девушек.
- Керман** — область на юго-востоке Ирана, знаменитый поставщик тмина.
- Кирами** — имя неизвестного поэта.
- Ковсер** — название одного из мифических райских родников.
- Кукабиби, Шадманбубуш, Давлатбегим** — женские имена.
- Кухак (Куханские горы, Кухистан)** — горная область на востоке Ирана.
- Кыбла** — направление в сторону священного для мусульман города Мекки, куда полагалось обращаться лицом во время молитвы.
- Лейли** — имя героини широко распространенного в литературах и фольклоре народов Ближнего Востока и Средней Азии сказания о Лейли и Меджнуне (см.).
- Лукман** — легендарный арабский мудрец и врач.
- Мавераннахр** — букв. «Междуречье», земли между реками Амударья и Сырдарья.
- Маг (маги, муг)** — огнепоклонник. Мугское вино — вино, которое употребляли огнепоклонники (у мусульман вино было официально запрещено, в кабаках вино продавали муги); они также предсказывали судьбу.
- Мани (216/217—276)** — известный основатель учения манихеев. На Востоке его считали чудесным живописцем, его священная книга (по другим преданиям, храм) была украшена миниатюрами исключительной красоты.
- Мансур (Мансур аль-Халладж, 852—922)** — известный суфий-пантеист, за выступления против ортодоксального ислама был казнен в Багдаде. Известно его изречение: «Я есмь Бог» («Я есть истина»).
- Мачин (Чин и Мачин)** — северный (Чин) и южный (Мачин) Китай.
- Меджнун** — букв. «одержимый любовью». Имя героя сказания о Лейли (см.) и Меджнуне, послужившего сюжетом для поэм

- Низами, Навои и других поэтов. Имя Меджнун стало символом безумной, самоотверженной любви.
- Мекка* — город на западе Саудовской Аравии, родина Мухаммеда, который считается основателем религии ислам; в нем находится главная святыня мусульман «заповедная мечеть» — Кааба (см.).
- Мессия* — Иса (см.).
- Минбар* — кафедра в мечети для произнесения молитв и проповедей.
- Михраб* — ниша в мечети в виде арки с полукруглым сводом, расположенная в направлении к Мекке. При молитве мусульмане обращаются лицом к михрабу. В поэтической традиции с михрабом сравнивались брови.
- Муками, Мухаммад Амин-ходжа (1850/1851—1903)* — выдающийся узбекский поэт-демократ.
- Муса (библ. Моисей)* — коранический персонаж, владел волшебным змееобразным жезлом, посредством которого повелел разверзнуться морю.
- Мускус* — ароматическое вещество, добываемое из желез кабарги. В тюркоязычной, как и в ираноязычной, поэзии мускус традиционно противопоставляется камфаре (см.) как символ зеленого обновления (молодости) мертвящей белизне (старости). Иногда мускус и камфара противопоставляются как символы темной ночи и светлого утра или просто символизируют благоухание.
- Мюрид* — последователь, ученик ишана (см.) или шейха (см.), налагавший на себя полный отказ от собственной воли и обет подчинения воле наставника.
- Най* — род флейты.
- Навруз* — праздник нового года у мусульман, приходящийся на день весеннего равноденствия.
- Низами Ганджеви, Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф (ок. 1141—1209)* — великий азербайджанский поэт, создатель «Пятерицы» («Хамсе»), писал на персидском языке.
- Ной (Нух)* — имя библейского и коранического патриарха.
- Пери* — мифическое существо, волшебница, добрая Фея, охраняющая от злых духов, символ красавицы.
- Рейхан* — душистое растение типа мяты, базилик.
- Рубаб* — старинный музыкальный инструмент.
- Рум* — Византия, собирательное название христианского Запада в целом.
- Рустем (Рустам)* — главный герой поэмы Фирдоуси «Шахнаме». Образ бесстрашного и всепобеждающего героя.
- Саади (псевд., наст. имя — Муслихаддин Абу Мухаммед Абдаллах ибн Мушрифаддин, 1203/1210—1292)* — известный персидский поэт.
- Сагдулла* — имя горожанина-ташкентца, замученного и утопленного людьми, с которыми он поссорился.
- Саз* — струнный музыкальный инструмент.
- Саид-Хасан Ардашер* — старший современник Навои, его друг и наставник.
- Салам* — букв. «привет», «поклон».
- Санан* — легендарный шейх, история его любви к деве-христианке впервые была изложена в поэме Аттара (см.) «Беседы птиц». герой многочисленных легенд и сказаний.
- Сейхун* — река Сырдарья.
- Сетар* — народный струнный музыкальный инструмент, распространенный в Индии, Афганистане, Иране, Узбекистане.
- Симург* — царь всех птиц, мифическая птица — символ счастья.

Сулейман (библейский царь Соломон) — легендарный властитель всех живых существ, которому было известно «неизреченное» имя бога. Оно было вырезано на его перстне. Считается, что печать Сулеймана — шестиконечная звезда (из двух скрещенных равносторонних треугольников), в среднем поле которой написано так называемое «неизреченное имя», т. е. «Яхве».

Сура — глава, часть Корана.

Тамга — печать, клеймо.

Танбур — музыкальный инструмент типа барабана.

Тандык (*Баба Тандук*) — шейх, наставник Юнуса Эмре (1240—1320), известного турецкого поэта. Согласно легенде, поэт был его учеником сорок лет.

Тебриз — город в южном Азербайджане.

Уд — струнный музыкальный инструмент.

Узра (*Азра*) — возлюбленная Вамыка (см.). Страдания этой влюбленной пары описаны в не дошедшей до наших дней поэме персидского поэта Унсури (XI в.).

Улугбек, *Мухаммед Тарагай* (1394—1449) — узбекский астроном и математик.

Фазл, *Фазлуллах* (*Фазлуллах Наими Табризи аль Хуруфи*, 1340—1394) — основоположник хуруфизма (от араб. харф, мн. число хуруф «буква»), разновидности суфизма, усматривавшей мистический смысл в буквах арабского алфавита, духовный наставник и учитель Насими (1370—1417), азербайджанского поэта и философа.

Фархад — каменотес-горопроходец, герой популярных сказаний и поэм Низами, Навои и др. поэтов, возлюбленный Ширин (см.).

Феникс — сказочная птица, обладающая способностью сгорать в огне и возрождаться снова из пепла. Символ постоянного обновления и возрождения.

Феридун (*Фаридун*, *Афридун*) — мифический властитель Ирана, свергнувший Заххака (см.), обладатель несметных сокровищ.

Физули, *Мухаммед Сулейман оглы* (1494—1556) — азербайджанский поэт.

Фирдоуси, *Абулькасим* (ок. 940—1020/1030) — великий персидско-таджикский поэт, автор знаменитой поэмы «Шахнаме».

Хабаш — Абиссиния (Эфиопия).

Хадж (*хаджж*) — одна из пяти основных обязанностей, предписываемых мусульманину исламом. Состоит из посещения Мекки (см.) и других «святых мест» и в выполнении ряда обрядов.

Хаджи — мусульманин, совершивший хадж (см.).

Хадис — короткое повествование о каких-либо поступках или изречениях Мухаммеда и его приближенных, устно передаваемое предание. Состоит из двух частей: в первой перечисляются имена людей, якобы передававших данный хадис один другому, во второй содержится само повествование.

Хакани (*Хагани Ширвани*, *Афзаладдин Ибрагим Али-оглы*, 1120—1199) — азербайджанский поэт, славившийся сочинением касыд.

Ханака — странноприимный дом для дервишей.

Хафиз, *Шамседдин Мухаммед* (ок. 1325—1389/1390) — персидский поэт. Его газели до сих пор поются народными певцами и стали достоянием фольклора.

Ходжент — ныне г. Ленинабад в Таджикской ССР

Хорасан — провинция на северо-востоке Ирана.

Хосров (*Хосров II Парвиз*, 590—628) — иранский шах из династии

- Сасанидов, был женат на дочери византийского императора; известен своей любовью к Ширин (см.). Романтические мотивы, связанные с Хосровом и Ширин, использовали в своих произведениях Низами, Навои и др.
- Хосров* (*Эмир Хосров Дехлеви, 1253—1325*) — индо-персидский поэт, создавший вслед за Низами свою «Пятерицу».
- Хотан* — местность в Синьцзяне (Западный Китай, Китайский Туркестан), откуда привозили красивых рабынь, шелка, мускус (см.).
- Хызр* (*Хызыр*) — легендарный мусульманский святой. По легенде, найдя источник с живой водой и выпив из него, он стал бессмертным. Его имя — символ мудрости и бессмертия.
- Хырка* — рубище, одежда дервиша-суфия.
- Чанг* — струнно-ударный музыкальный инструмент наподобие цимбал.
- Чин* — одно из названий Китая (см. Мачин).
- Чингисхан* (*1155—1227*) — монгольский хан и полководец, основатель обширного раннефеодального монгольского государства.
- Човган* — игра, состоящая в том, что всадники, отбивая друг у друга шар, загоняют его в промежуток между двумя столбами; клюшка для этой игры.
- Шамекан* — букв. «местопребывание шаха»; возможно, одно из наименований равнины на западе Туркменистана (другое название — Ша-Дузи, т. е. Шахская равнина).
- Шамун* — имя одного из братьев Юсуфа (см.).
- Шахимердан* (*Шахимардан*) — букв. «шах мужественных», одно из имен Али (см.).
- Шейх* — духовный наставник, глава религиозной общины.
- Ширази* — персидско-таджикский поэт Хафиз Ширази (см.).
- Ширин* — героиня сказания о Фархаде (см.) и Ширин, образ верной и преданной любви.
- Эдхем* (*Ибрагим Эдхем*) — см. Адхам.
- Эмир* — военачальник, титул правителя в Иране и Средней Азии.
- Юсуф* — библейский Иосиф Прекрасный. Легенда о Юсуфе и о любви к нему Зулейхи (см.) имеется также в Конане.
- Якуб* — по мусульманским преданиям, отец Юсуфа (библ. Иаков, отец Иосифа Прекрасного), олицетворение терпеливости, покорности перед лицом бедствий.

Предисловие	5
УЗБЕКСКАЯ ПОЭЗИЯ	15
Хафиз Хорезми	17

«С рабом своим верным ты стала другою...» (18). «Уж не я ли просил: о, не мучай, молю...» (19). «Смятенный тьмой кудрей твоих, с безумием знаком я стал...» (20). «Живой родник — твои уста и слаще всех отрад...» (21). «Твои уста — живой родник, они — любви исток...» (22). «Красуясь стройным станом, едва ты выйдешь в сад...» (23). «Увидев дивных уст рубин, я стал к нему пристрастным...» (24). «Очей истомным колдовством ты превзойдешь любого...» (25). «Меня в силках твоих кудрей, увы, не ждет пощада...» (25). «Меня покинул мой самшит, вознесшийся высоко...» (26). «У тебя в плену я, и не знать мне воли...» (27). «С любимой быть бы рядом, а мне такая надобна...» (27). «Твой камнесердый гнев столь лют, что вся душа разбита...» (28). «Твоему лику равный лик, что так же свеж и рдян, найдется ль?» (29). «От твоих очей и бровей жжет мне душу огнем кручина...» (30). «Твои кудри — мрак ночной, солнца свет в себе таящий...» (30). «Когда ты пылом наделен к стихам — слагай умело стих...» (31). «Истомила мне душу чаровница презлая...» (32). «Едва лишь озаришь ты сад, павлин замрет, изнемогая...» (32). «Твой лик прекрасней вешних роз и в зависть всем тюльпанам, право...» (33). «Когда, терзая, милый друг казнить меня желает...» (34). «Взор безбожный твой мне душу разорить жестоко хочет...» (35). «Полумесяцы ли это, брови ль выгнуты красиво?...» (35). «В тот миг, когда душа огнем — любовною тоской пылает...» (36). «От разлук с тобой в обиде, очи поневоле плачут...» (37). «Похитившая сердце лань бежит, не слыша зова...» (37). «Когда в пиру ни одного бурлящего фиала нет...» (38). «Со мной и мига не была вдвоем ты никогда, увы...» (39). «Нет, мне возлюбленной нигде во всей вселенной не найти...» (39). «Твои глаза и брови — знак щедрот предвечного пера...» (40). «Поверь, другой души такой — как у тебя, прекрасней — нет...» (41). «Копной твоих кудрей смятен, безумен я и одинок...» (42). «Весна, о кравчий, начинай свой пир, веселья час приблизь...» (43). «Страдальца порадуй свиданьем — да будет он весел и рад...» (44). «С другими хмель багряный пить, дружить, мой свет, не смей...» (44). «Среди красавиц не сыскать другой красавицы такой...» (45). «Сжался, кипарис прелестный, выдь на вешний луг, прошу...» (46). «Твой лик —

как цвет опала, но мне грозит опала...» (46). «Полумесяцами бровей светишь ты и ликом-луной...» (47). «Сколь истомен твой лунный лик — словно месяц, я стал горбат...» (48). «Лик твой предо мной предстанет, красотой всесветной глянет...» (49). «Да будет мной испытана вина любви глоток...» (50). «Я возлюбленных, ценивших, что им верен друг, не видел...» (50). «Пойдем-ка в винный погребок и пить там снова будем...» (51). «На порог твой прихожу я оробело каждый миг...» (52). «Нет, ты не дашь мне быть твоим рабом безгласным, знаю...» (52). «Прекрасен облик твой — он краше сада мне...» (53). «О, если бы мой властелин был милостив к моим послугам!» (54). «О, пусть исхода гнету мук в моей душе больной не будет...» (55). «Без солнца твоего чела светить мне и луна не будет...» (55). «Меня ты — что ни миг — увы, клеймишь наветом...» (56). «В тот миг, когда ты пьешь вино на пиршестве с другим, увы...» (57). «Ты — роза в кущах красоты, цветок обворожительный...» (58). «Зачем так зло меня казнишь ты разлученьем скорым...» (59). «Я от разлуки изнемог — ты ж о болящем и не спросишь...» (59). «О, мне увидеть бы скорей ту пери неземную...» (60). «Я в печали многодумной об избранице любимой...» (61). «Милый образ во мне живет — душу он и мучит и гложет...» (61). «Неужель не вспомнешь обо мне, изможденном...» (62). «Лишь заалел твой лик — зардело сердце ало...» (63). «Ах, я на свете одинок, друзей со мной — не видно...» (63). «Я томлюсь, увы, без милой — хоть бы верный друг нашелся...» (64). «Скажите, где счастливцев тот, кого любовь приблизит к счастью...» (65). «Ты косы по стану распустишь задорно...» (65). «Горько плачу я без милой: „О моя отрада, где ты?“» (66). «Мне не видется, о боже, с той, что сердце отняла...» (66). «Красивых кличь на этот пир — да будет принят зов...» (67). «Рубины уст твоих узрев и свежесть мускусных ланит...» (68). «Приподняв покров у лика, ты откроешь алый лик...» (68). «Где, виночерпий, чаши? Скорей неси вино...» (69). «Какой красой смущен мой разум — земною или неземной?» (69). «Слух души едва услышит только слово от желанной...» (70). «Над устами медвяными — черной родинки знак...» (71). «Побыть бы мне наедине с твоей красой мающею...» (71). «Властно мое сердце в плен завлек сердцевед всевластный — Ширази...» (72). «Бываю радостным и я — мне чаровницы лестно слово...» (73). «Твои медвяные уста и сладки и всевластны...» (74). «Благого мудреца я ученик...» (75). «Пред тюрками, Хафиз, во прахе ляг...» (75). «Сокровищница слов — ценнейший клад...» (76). «Достойному надежным другом будь...» (76). «Влюбленный! Гнет соперника суров...» (77). «Чуждайся зла и к доброту стремись...» (77). «Не диво, что стремлюсь я в край родной...» (77). «Не доверяй приятелям дурным...» (78). «Не дай взыграть в себе негодованью...» (78). «Кто искренен всегда, тот почитаем...» (78). «Быть хочешь умным — прихоти забудь...» (79). «Само светило на твой лик летит, как мотылек...» (79). «Нет, не жалеет меня та, чье сердце — как булат...» (79). «Чье сердце поет, словно от ожога...» (80). «Когда любовь мне сердце жжет все боле...» (80). «Недобрый человек — душе не друг...» (80). «Пока на свете быть устам медовым...» (80). «Шахиня о рабе и не вспомнит...» (81). «Из-за кудрей твоих — мой чадный стон...» (81). «Твой лик — луна, светящая с высот...» (82). «Как кипарис, стройна ты, прямостанна...» (83). «Жив лишь одною пищей бед влюбленный...» (84). «Не кыбла ли в тебе воплощена?» (85). «Краса моей возлюбленной прелестна...» (85). «Лучи твоей красы лишь заблестят...» (86). «Твой облик, красотой столь совершенный...» (87).

«В разлуке лик мой — как шафран, цвести на нем слезам-тюльпанам...» (90). «Скиталец горький, страсть таю я к пери чудной красоты...» (90). «Я, жалкий, только и пригож тебе игрушкой быть от скуки...» (91). «Едва она скрывала лик, я капли слез ронял уныло...» (92). «Да, верным людям дарит рок мучений и невзгод немало...» (92). «Увидев чудный образ твой, томим любовью страстной стал я...» (93). «Ты прийти ко мне сулила — ложен был обет, увы...» (94). «Бездольный в рубище одет, и люб простой наряд ему...» (95). «О, пусть от друга сердца вам обиды никогда не будет...» (96). «Друг сердца с верными суров: обидам верен и укорам...» (96). «О, мне бы крылья! Ввысь взлетев, летел бы вдаль, людей забыв...» (97). «На всех влюбленных в ту луну быть рабскому клейму...» (98). «Я странником пустился в путь, чтоб жар любви во мне иссяк...» (99). «Ты, сердце, — жалкий сумасброд, затерянный в пустыне, право...» (100). «У любимой над крышей не голуби стаяй кружат...» (101). «Все сердце порвано в куски — подруга не шадит его...» (101). «Он любить мне запрещает, простодушный, кроткий шейх!» (102). «Моя безумная душа в обломках сломленного тела...» (103). «Вчера я с луноликой был — ах, это сон, виденья бред!» (104). «Встречай вином и вечер и восход...» (105). «Всегда он в обуви грубой, с небрежной чалмой — грубиян...» (105). «Кто не был меж людей вовек почтен приветом верности...» (106). «Она ушла, покинув мир, и села на коня, хмельна...» (107). «Я луноликой бы не смог и слова молвить за сто лет...» (108). «Хоть бодры телом и душой бывают старики...» (109). «Если в юности ты не прислуживал старым...» (110). «В пустыне горьких мук любви, безумец, я сожжен разлукой...» (111). «О сердце, столько на земле враги вреда нам сделали...» (112). «У твоего жилья, озлясь, подняли вой собаки...» (112). «В моих слезах — из сердца кровь, поток их красным кажется...» (113). «Безумство и любовь, вы нас для всех позором сделали...» (114). «Еще не слышал я из уст ее ни слова...» (115). «О, не врачуйте сердце мне, оно от муки омертвело...» (115). «Нам в мире от людей — лишь зло, нет и следа иного!» (116). «Ее краса — диван стихов, в нем брови в первый стих слились...» (117). «Пускай язык молвы людской бедой души стократ бывает...» (117). «В болтовне неисчерпаем, кладезь сладких слов — болтун...» (118). «Сверкнула в темноте ночной краса ее чела — свеча...» (119). «В печальном сердце от любви такая тяжесть мук...» (120). «Навек ославленный молвой, я страстью обуян поныне...» (120). «Что жизнь мне? Речь твоя, живое слово — лучше...» (121). «Отрекся я от уз любви. Гоните прочь меня скорей...» (122). «Коварству гибельной красы, поверь, предела нет!» (123). «О таинствах любви — у тех, кто раб ее оков, спросите...» (123). «Пустословья на минбаре, вволю чешет шейх язык...» (124). «Украшишь ты свой наряд красным, желтым, зеленым...» (125). «Когда я сердцем и душой изведаль от людей печаль...» (125). «Я в юности старцем служил, в послугах сгибаясь спиной...» (126). «Не диво, если кровью слез людское зло грозит всегда...» (127). «Я бью себя камнями в грудь в смертельном гнете каждый миг...» (128). «Адским пламенем разлуки мне сжигает тед...» (129). «Когда, тоскуя по тебе, я розу в цветнике возьму...» (129). «Когда тюльпаны зацветут на брошенной моей могиле...» (130). «Кто на стезе любви един, в ком суть одна жива...» (131). «Разыскать бы умельца, чтоб крылья приладить мне мог...» (131). «Забуть решила ты меня навеки...» (132). «О виночерпий, много ль мук, которых я не снес, осталось?» (133). «Светом ночи взойдет моя дева-луна...» (134).

: Жар ревности жжет и при встречах весною...» (134). «Позабыт моим кипарисом, я грущу все сильнее в разлуке...» (135). «Ах, любимую покинут я жестоко напоследок...» (137). «Лик явив, столикой мукой развед сердце не гнула ты?» (138). «О, не была б твоя краса такой прекрасной никогда...» (139). «О, сколько дней ты не со мной, отторгнул грозный рок тебя...» (141). «В дни юности святую чистоту...» (142). «Напыщенный болван, от визга распалась...» (142). «Старайся этот мир покинуть так...» (142). «Пусть в сад твоей души негодник не заглянет...» (143). «Невежда в страхе жизнь провел...» (143). «Что златосеребро! От них — лишь порча рук...» (143). «Когда я в тишине лечу души недуги...» (143). «Кто сокрушил в себе прибежище гордыни...» (143). «Со мной в походе два коня...» (144). «Из тысячи один поделится с другим...» (144). «Я, жар души в стихи вдохнув, мечтал...» (144). «В диване шах печать мне поручил...» (144). «Бывает так, что странный в ином сидит задор...» (145). «Не разделяйте трапезу с тираном...» (145). «Учтивость привлекательна вдвойне...» (145). «Не позволяй лъстецам себя завлечь...» (145). «И в тысяче ответов будь правдив...» (146). «Как женский лик, сияя вдалеке...» (146). «Ты благороден, ты умом высок...» (146). «Болтливым с любопытными не будь...» (146). «Есть выродки, чьи свойства как ни прячь...» (146). «Не внемлет он словам, как сил ни трать...» (147). «Бывает так, что, спеси полн, болван...» (147). «Далекий дым, а не манящий свет...» (147). «Когда холоп отставлен, а без зова...» (147). «За темной придет сиянье света...» (147). «От всех венцов — одна доука нам...» (148). «Когда богатств души ты уберечь не смог...» (148). «Хулит моих сородичей народ...» (148). «Уж если об ином молва пошла...» (148). «Я столько от друзей обид терпел...» (148). «Среди искусств такое есть уменье...» (149). «Прекрасен дом, в котором есть жена...» (149). «О Навои, не дай взойти корысти зернам...» (149). «Заводишь речь — скажи лишь половину...» (149). «Два пса борзых охотились на льва...» (149). «То море плещет, ценный дар скрывая...» (150). «Когда тебя народ виной корит...» (150). «Когда я гнал вином печаль забот...» (150). «Когда, порвав с людьми, я вырвался из пут...» (150). «Здесь розы нет, а мне о ней твердят...» (151). «О ветер, полетишь за милую моей...» (151). «Укрывшийся в горах от мира человек...» (151). «Сто тягот сердцу принесла разлука...» (151). «Сильней души моей тебя люблю я, жизнь...» (151). «Кто и любим, и пьет вино, а грустью сокрушен...» (152). «Кто б ни был ты, но в мире бед и мук...» (152). «Пока весна цветет на сей планете...» (152). «Осенней красотой расцветен сад...» (152). «Доколе время нам разгулом хлада будет...» (152). «Провидцем тайн сокрытых сил быть должен человек...» (153). «Сегодня я у магов был — проведал их притон я...» (153). «Не устрашай меня, отшельник, адом...» (153). «Нет, от чела, что с ангельским не схоже...» (153). «Лучи твоей красы да возблестят...» (153). «О сердце, весть о розе дай — когда ко мне она придет?» (154). «Услышу радостную весть, что занялась заря свиданья...» (154). «Да, так — гонец ко мне приспел, спешил он, видно, издалече...» (154). «Отец ошибся — в том худого нет...» (154). «Кто службой шаху добывает хлеб...» (154). «Доколе жадная корысть истреблена не будет...» (155). «Благое ли, дурное молвлю слово...» (155). «Я шахской справедливости чертог...» (155). «Моя луна закрылась темной тучей...» (155). «Стихам я отдал радость вешних лет...» (155). «Твои стихи, о Навои, как перлы все блестят...» (156). Стена Искандера (Отрывки из поэмы) (156). Смятение праведных (Отрывок из поэмы) (166). Язык

Хусайни 232

«Ах, как рыдает сердце, томясь в обломках тела...» (232). «Я повсюду бродил, заплутавшее сердце искал...» (233). «Когда умру я, как Меджнун, печалью по тебе убит...» (234). «В мой мрак от молнии разлук метнулся, будто в стог, огонь...» (234). «Чем строже запретят любить, тем больше страсть пылает жаром...» (235). «Исчез мой розовый бутон, боль от шипов в груди осталась...» (236). «Уста-рубины чуть видны, под кладью кос спина сокрыта...» (236). «О меч мучений, взрежь мне грудь, на части рассеки!» (237). «Сверкает алый рот-рубин, пушок — как изумруд на нем...» (238). «Брось в огонь ненужный кипарис, если девы с чудным станом нет...» (238). «От злосчастной участи измен упаси, предвечный рок, меня...» (239).

Бабур 241

«О, сколько долгих-долгих лет я отдал горю и досадам...» (242). «Снискал я тягостный позор моей любовью сумасброда...» (242). «Смертельным сном забылся я и стал от мира отрешен...» (243). «Мечом той пери не страши меня, соперник-лиходея...» (243). «Тьма кос и лика лунный свет отняли все сполна...» (244). «Кому среди людей дано блюсти обет добра?» (244).

Машраб 245

«О гнет любовных пут — что сделал он со мной...» (246). «Стеная день и ночь, молю о справедливой доле...» (246). «О, как ты любима мною — или верь, или не верь...» (247). «Неси, ветер, вихрем заветное слово...» (248). «О, яви же красу свою жадно глядящим...» (249). «Я красавицу встретил, и с улыбкой лукавой...» (250). «Другу верно скажи, что за мука сердце гложет...» (250). «Когда с той пери озорной мы цедим хмель густой...» (251). «Если в лад звенящим струнам ладен твой напев — прекрасно...» (251). «Ты наряд надела красный, краше быть стократ желая...» (252). «О, глаза ее жестоки, томна, чернобрава — гляньте...» (253). «Нет, никому не ведомы те беды, что терплю я...» (253). «На меня взглянула мило искрометным взглядом дева...» (254). «Как мне жить на чужбине без любимой моей?» (254). «Вид явился мне странный: будто вспыхнул закат...» (255). «Ссорой, шумной и кричащей, бедствие сюда приходит...» (256). «Один, не на пиру твоём, страдалец твой скорбит, рыдая...» (256). «Гнет моей нелегкой доли сердце мучит мне недаром...» (257). «Чаровница мне предстала, на меня взглянула смело...» (257). «Чаровница, от разлуки горько плакать очи станут...» (258). «Все беды породнил со мной мой беспощадный рок, увь...» (258). «Приди ко мне, открой чело, вся моя жизнь — твоя отныне...» (259). «К кому в слезах припасть, сказав о ней — мне приносящей муки...» (259). «Приди, красавица, тебе всю боль разлуки я открою...» (260). «Что мне с живой моей душой и с бранным телом делать?» (261). «В степи любви я ночью брел, увь, не ведая дорог...» (261). «Мне ныне только и к лицу стенать, томясь разлучным роком...» (262). «Когда я в этот мир пришел и в бездне мук его погряз...» (263). «Я изумлен безмерно: вдруг

твоя краса открылась мне...» (263). «Лишь раз пришел я в этот мир и пленником утрат ушел...» (264). «Соловей садов вселенной, песнь пою в мирском саду я...» (264). «Красавица, узрев тебя, я жертвою неволи стал...» (265). «Пришел в этот мир я, и много я мук и тревог претерпел...» (266). «Что мне делать, чаровница, жар любви к тебе — мой дом...» (266). «Терпенья мне недостает, и нет покоя от невзгод...» (267). «В долине сердца ланям мук я дал раздолье и приют...» (267). «В пустыню, страстью отрешен, я брел, влекомый к бедам, право...» (268). «О роза, все тебе отдам, рабом я рьяным стану...» (269). «Веки сердцу воли нет, отравленному страстью...» (269). «Кипарис ты мой цветущий, о моя отрада, где ты?» (270). «Ужели ты убить меня, ужели меня сжечь захочешь...» (270). «Здесь, в чуждом граде, что ни миг — я весь горю, пылая...» (271). «Я — степей любви скиталец, нет приюта мне и крова...» (272). «Ни минуты нет покоя, лишь с бедой знаком Машраб...» (273). «От любви к тебе сгореть я, одержим тоской, мечтаю...» (273). «О твоей тоске тоскуя, грустный, день и ночь я плачу...» (274). «О, я к моей возлюбленной питаю страсть особую...» (274). «С Меджнуном мы за годом год в пустынях, изнывая, шли...» (275). «Я о любви лишь молвлю слово — весь мир в единый миг сгорит...» (276). «Принарядилась, хороша, краса моя прекрасная...» (276). «Отшельник, не стыди меня, что лик мой, как ожег, горит...» (277). «Лейли подобен облик твой — так ты красива, говорят...» (277). «Что мне сетар, когда со мной беседу поведет танбур?» (278). «Надела неземной наряд красotka розотелая...» (278). «О моем безумстве слава всем понятней всякой были...» (279). «В саду красоты средь кушей ты блещешь красою стана...» (279). «Не подует ветер сладко — розы цвет румян не будет...» (280). «Огня моих невзгод и мук ни друг, ни брат не стерпят...» (281). «Нет, солнца твоего чела никто лучей не стерпит...» (281). «Как много в сердце тайн и боли — все написать о том нельзя...» (282). «Ты ангел, или человек, иль гурия — понять нельзя...» (282). «Кто пошел стезей любви, тому смиренным быть, покорным — нестерпимо...» (283). «О своей любви скажу — вовек слушающий муки той не стерпит...» (284). «Как быть? Моей любимой я стал чужим, увы...» (285). «Молитву, ветер, и привет моей всевластной передай...» (285). «Оставлю Наманган и дом — кому есть дело до меня?» (287). «При жизни ли влюбленный любимую узрит...» (287). «Твою жертвою я стану, лишь приоткрой свой дивный лик...» (288). «Скиталец, я огнем разлук лечусь — он жарче ада, право...» (289). «Отдать красавиц всей вселенной за твой единый взгляд не жаль...» (290). «Если я, горько плача ныне, изнемог — я того и стою...» (291). «На дивный лик твой пал мой взгляд — рабом я поневоле стал...» (292). «Друг мой, ты скажи ей: пусть она, чтобы взор мой был согрет, придет...» (293). «О, доколе я, бедняк, буду гибнуть от невзгод?» (297). «Райским ликом расцветала ты, — как весна, ты воссияла...» (297). «Обещала — ждал ее без сна, радость сна былая не пришла...» (299). «Злобный рок! Лишь муки и тревоги слал мне небосклон из-за тебя...» (301). «У лишенных родни и крова о напастях судьбы спросите...» (303). «Стенаю я, грущу, как соловей...» (305). «Томлюсь я, с любимой моей разлучен...» (305). «Томно приоткрыв свой лик, взором повела не ты ли?» (307). «Ты в садах красоты нетленной — вешней радости цветок...» (308).

«Был несравненный Низами жрецом пути святого мне...» (312). «В благие времена давно любимо было слово...» (313). «Кто власть имеет и почет — тех венценосцами зовут...» (313). «О шейх, не делай ты из нас жертв жадности своей — довольно...» (314). «О, как унижен добрый люд в теперешние времена...» (315). «В степи безумья я бреду, от всех далек и одинок...» (316). «О небо, что ж так много ты приносишь горя и утрат?» (316). «Я стал безумен, и с тех пор мой кров и дом — пустыня...» (317). «Едва лишь ты вымолвишь ладное слово...» (318). «От мук любви — печаль одна, покоя нет как нет мне...» (318). «Хоть прелесть красоты подруг и не была чужда мне...» (319). «Мучиться с тобой в разлуке — эта доля тяжела мне...» (320). «То лунолика так мило в полночный мрак сиянье льет...» (320). «То не среди ли бурных вод моя любимая в челне...» (321). «Не ветром ли склонен тюльпан, промчавшимся стрелой...» (322). «Прислужником в тиши садов твоему стану стал самшит...» (322). «О, брось хотя бы только раз мне милостивый взгляд...» (323). «Кто гнет твоих мучений снес, чужды и тишь и лад ему...» (324). «Я много тайн души открыл перед любимую мою...» (325). «Как попугаю молвить слово перед моею сладкогласной...» (325). «Она — свет солнца, косы тенью влекутся за спиной — вослед...» (326). «Пройдьясь истомно, ум и разум ты сразу отняла совсем...» (327). «Высокой дружбы есть закон, и любят пыл бесед друзья...» (328). «Она завесой покрывал сокрыла лик свой жгучий-жгучий...» (329). «Цветущей радостью весны прекрасна юная пора...» (330). «От страсти кровью я истек — помилуй, мечь твоя кровава...» (330). «Красен сад лишь тобою — ты, как роза, красива...» (331). «Любимая палит меня в огне любви, в пылу невзгод...» (331). «На небосводе красоты ты среди лун — само светило...» (332). «Устам твоим, дивно румяным, родник благодатный — не ровня...» (333). «Печальный взор мой омрачило моих несчастий темнотой...» (334). «Та озорница на коне мечом грозила мне злорадно...» (335). «Она свой лик скрывала, прикинувшись стыдливой...» (336). «Приди, краса моя, луной предстань, чтобы светлее стало...» (336). «Краса сиянья в твоём лике — всю высь ты светом залила...» (337). «Вина свиданий вожделенных налей мне — милость возвестить...» (338). «Блеск красоты твой сиял, и взор твой меня светом влек...» (339). «Ее глаза и брови вмиг казнить меня, увы, грозят...» (339). «Любимой люб мой жалкий дом — в него, как жизнь, она пришла...» (340). «Когда кудрей своих волну, на лик спустив, ты разметала...» (341). «От яда мук моих лечась, я опиум любви растер...» (342). «Сам попугай умолкнет, нем, едва твоё услышит слово...» (342). «Я горько плачу врозь с тобой — потоком слез течет вода...» (343). «Терпи любовь, как ни тяжка, без слез — без горевой воды...» (344). «Счастливым свет красы твоей лучами озарил всю высь...» (345). «С тобой в разлуке, без вестей, в моей душе огонь и чад...» (345). «Я — шах, войсками бед-невзгод надежно окружен я...» (346). «Посеяли в душе моей немало смут твои глаза...» (347). «Как славить красоту твою, что на весь рай одна...» (347). «Уж если хочешь ты меня, безумного, скорей связать...» (348). «Сердца влюбленных завлекли в свои извивы твои косы...» (349). «С тех пор, как от любви я занемог...» (350). «Бушует в моем сердце чад — вся высь небес туманом стала...» (351). «Твой стан все станы превзойдет, он — бедствие и благо...» (352). «Страшишь злословья: злые речи — яд...» (353). «Кто вволю счастьем наслаждаться может...» (353). «Не

выставляй чужих грехов на суд...» (353). «Когда закрыл себе ты чести дверь...» (354). «Хоть и жемчужна речь твоя, пойми...» (354) Обучение грамоте (354).

Камиль Хорезми 360

«Не новый месяц, о друзья, на небесах встает...» (360). «Если небо злых не любит и к порочным не пристрастно...» (361). «Трон наглости заняв, вершат свой суд невежды...» (362). «Нелегкая пора пришла достойным...» (363). «О сердце, тщетно не питай на честь людей надежды...» (364). «Рубины дивных уст твоих — родник, поящий красотой...» (364). «Полюбив тебя, попался жалкой птахою в сил-лок я...» (365). «Когда служу — так я служу надежно...» (366).

Фуркат 367

«Если розы весной нежит воля цветущего луга...» (368). «То ль испарина хмеля на лике румяном...» (368). «Увидав твой дивный лик в солнечных лучах рассвета...» (369). «Багряный тюльпан в степи — то тень твоего чела...» (370). «Друзья, забрел я в погребок — дай, мол, печаль размыкаю...» (371). «Бог любимую послал мне — молода, моложе всех...» (371). «Захмелев, косясь лукаво, меч вострят твои глаза...» (372). «Луноликая, ты губишь равнодушием суровым...» (373). «Стан твой — будто ветка розы, с лепестками схоже платье...» (373). «Как соловья колючки роз, меня шипы твои кололи...» (374). «Дух и тело мне любят терзать твои косы...» (375). «Мы — народ непритворливый, в дом без зова не идем...» (375). «О, доколе мне в разлуке будешь душу жечь пожаром?...» (376). «Где краса моя? Побывать бы с ней наедине вдвоем...» (377). «В цветнике красы твой образ рдеет, пышной розой став...» (377). «Что ни ночь, то очи кровью о твоей измене плачут...» (378). «Выйдет в сад та дева-роза, приоткроет лик свой строгий...» (378). «Ты бубенчиком розу на шею надел, соловей...» (379). «Мы — не люди, если редко посещаем Андижан...» (380). «Впору лоб разбить о камень — так со мною ты хитра...» (380). «О, выйди, пусть твой дом хоть раз забытым и унылым будет...» (381). «От истомных глаз нарциссов я влачил в муках тела...» (382). «Знать, излом бровей дал хитрость чародейству твоему...» (382). «Пришли, настали дни весны, я страстью обуян...» (383). «Где еще такая пери, как цветок румяна, есть?» (384). «Раб глазам твоим оленьим разве только я один?» (384). «Сколько мне досталось, братья, от моей любви тревог!» (385). «О друзья, услад и счастья, нег весной желает сердце...» (387). «О, побудь только миг! Не останешься — что ж, не обижусь...» (388). «Не поймут моих бедствий люди, я тепла людского лишен...» (389). «Я от куш родимого сада, как от роз соловей, отторгнут...» (390). «Не снесенных мной страданий в мире не найдет никто...» (392). Мухаммас на газель Навои (394). Мухаммас на газель Навои (395). Мухаммас на газель Навои (397). Мухаммас на газель Машраба (398). «О, вызволи дань, зверолов, ей люблю на воле, как мне...» (400). «Трое нас — гуляк бездомных, кабачок нам — целый свет...» (401). «В зимний холод тепла никогда отыскать я не мог...» (404)

Увайси

407

«Доброй речью порадуи, попугай сладкогласный...» (407). «Дай, кравчий, алого вина пригубить из фиала мне...» (408). «Не тайну новых ли скорбей ко мне мой друг несет — не знаю...» (409). «Любовь! Я моей плоти нить огню святому жертвую...» (410). «Ты был мне другом, но, увы, теперь твоя вражда — мне кара...» (410). «Я твоих родинок зерно и сеть кудрей-бичей восславлю...» (411). «Кто встретится с любовью, тот весь век свой в муке проведет...» (412). «Ни к чему напрасный твой вопрос о твоей доле, соловей...» (412). «Пришла разлука и меня с ума свела, — таков мой рок...» (413). «Каждым утром край восхода озаряет снова солнце...» (414). «Если я перед тобой грешна, скрой мою вину, не попрекай...» (414). «Той крови, что мне тело жжет, твой лик, как роза ал, под стать...» (415). «Обо мне бы ты, друг мой, мечтал в помысленье своем ежечасно...» (416). «Ждать, чтоб любовь явила ум, как вы ни ждете, невозможно...» (416). «Твоим ресницам мучить всех казную кровавою привычно...» (417). «От скверны сердце я отмыла, о друг мой, — посети меня...» (418). «Все люди, страсть в душе храня, хотят всегда отрады...» (418). «Где б ни была я, рдеет грудь кровавым цветником, увы...» (419). «О, заступи стопой мне очи, мой милый друг, — мой взор тоскует...» (420). «На твоём лице тьмой чреват двух локонов извив...» (420). «В любви к тебе все мое тело — мечте моей приют, поверь...» (421). «О Меджнуне одержимом стих я свой слагаю ныне...» (421). «Как быть мне? Пологом закрыт весь свет моих ланит...» (422). «Страшнсь: безумья горемык каменья нелегки...» (423). «Я — как Фархад, но мне Ширин вестей не принесла еще...» (423). «Красив ланит твоих пушок — он дорог для торгов еще...» (424). «Всем, кто любовью одержим, — гореть в огне горячем...» (425). «Когда ты безумцам свой лик являешь всего лишь на миг...» (425). «Не всем любовью одержимым закон любви познать дано...» (426). «Мне от твоих кудрей вдали, поверь, красы цветов не надо...» (426). «Моей любви, о милый друг, в том имени дано таиться...» (427). «Ты на пиру, мучитель мой, так весел и красив...» (428). «Гонец мне ныне весть принес — так, видно, было надо, право...» (428). «Когда с тобой бывала я, я счастлива была тогда...» (429). «В мирском саду красой — о, нет — с тобой никто не схож другой...» (430). «Моей, жестокою друг, ты гибели кровавой хочешь...» (430). «Пологом твоих кудрей мир затмило, словно чадом...» (431). «Любимый, краше древа рая твой несравненно стройный стан...» (431). «Не сомкнуты ль твои уста медвяно-пряной сладостью...» (432). «Я тебя ждала — от плача истекали мои очи...» (433). «Я того, кто ладен станом, строен и высок, люблю...» (433). «Я муки страсти в тот же миг, как родилась на свет, узнала...» (434). «Скажи мне, разве это стыд — тебе дар этих строк снести...» (435). «О боже мой, какой лукавый, какой неверный мной любим...» (435). «Где же мой любимый, друзья? Я о нем, как о сыне, грущу...» (436). «Мне подобных в целом мире нет, кто, как я, любовью мучим был...» (437). «Укрась чело — и сам цветник вовек цвести не будет...» (437). «Мой возлюбленный строен, он — и ладный и статный...» (438). «На том пути, где ходишь ты, во прах не пасть я не смогу...» (438). «Увидев лик твой, вешний сад цвести не станет больше...» (439). «Не о тебе промолвлю слово — ему толковым не бывать...» (440). «Любовью жги меня в огне — и пламень в сердце жгучий будет...» (440). «Весь век свой в доле бед и мук, страдая, тужит

Увайси...» (441). «Ко мне, печальной, милый друг стал нынче не суровым, право...» (442). «С вешним садом соловей — гость унылый разлучен...» (442). «Все, что я скрываю в глубине, о тебе непотайном мечтает...» (443). «Из Коканда-города пришли вы. Где мои кавуши — не у вас ли?» (444). «Сердце с ним повстречалось — с тем строптивым нежданно...» (445). «Когда истомно выйдет в сад мой нежный друг хмельным-хмельной...» (446). «Любовь и страсть в себе тая, порочить их тшетой не смей...» (446). «Повстречалась со злым я, камнесердым на диво...» (447). «Унижена тобой, мой друг, грустна я от любви моей...» (448). «Сад сердца — весь в шипах, без роз. Где розоликий? Он — не здесь...» (449). «Я вся — любовь к тебе и страсть, душа чужда иного...» (449). «Мечом презрения рази — я жертвой бессловесной буду...» (450). «Почему так чужд мой милый? Жар пылает в моем теле...» (451). «Кто в этот бренный мир придет, влачить свой век ему легко ли?» (451). «Стонет соловей с тоской шемящей, видно, научившись у меня...» (452). «Любимый, сядь — вокруг тебя, как небосвод, я обернусь...» (453). «Ты, бедных горемык презрев, к их нуждам будешь глух доколе?» (453). Мухаммас на газель Навои (454). Мухаммас на газель Навои (455). Мухаммас на газель Физули (457). Мухаммас на газель Физули (457). Загадки-прибаутки (459)

Надира

460

«О стройный станом кипарис, расцветший небывало...» (461) «Дивен лик твой, а краса — лучше всех отрад...» (461). «О солнце красоты твоей! Тем солнцем озарен весь свет...» (462). «Ты украшаешь мир, ты — солнце и луна...» (463). «Я лик твой вспомню — вспыхнет свет, и станет ночь светла...» (463). «Притворство, алчность, корысть — вот суть песнопений шейха...» (464). «Вином врачуют боль измен — так сказано давно...» (465). «Только вышел мой прекрасный — проблистал лишь раз в саду...» (466). «О кравчий, мрачен мой рассвет, дай мне испить вина...» (466). «Я грущу по устам прекрасным, куст, цветущий багряно, видя...» (467). «Я не расstaюсь с фиалом — образом хмельного солнца...» (468). «Сеть выющихся кудрей меня поймала...» (468). «В сад свой путь лишь направит кипарис мой прекрасный...» (469). «Лей, кравчий, сок хмельной, чтоб душу веселило...» (470). «В разлуке я без крова, и всё вокруг — в развале...» (470). «Как Кыбла для молящихся — твой лик...» (471). «Окажи мне услугу — добрым другом мне будь...» (471). «Кто верность ведает, для тех и тихий кров — во благо...» (472). «Чуть созданный любви чертог разлука разнесла, увы...» (473). «От разлуки хмельна я, дай мне, кравчий, вина...» (473). «Стройный стан вспоминая, среди пальм ты пройдишь...» (474). «О тайнах сердца, ветерок, ты другу моему скажи...» (475). «Приди, любимый, верен будь, неверностью меня не мучай...» (475). «Если ты, о сердце, любишь, путь держи в хмельной приют...» (476). «О владыка всех владык, я прошу: мой зов услышь...» (477). «Уж я давно дружна с другим, и весь тот долгий срок...» (477). «Жизнь изведать сумей и — уйди...» (478). «Когда исполнен человек живых примет любви...» (479). «Хмельна я, кравчий, лей мне хмель густой...» (479). «Выйди в вешний сад, красуясь красотой розоцветной...» (480). «Мне любимый душу мучит безотрадным разговором...» (481). «Никто не спросит мотыльков — зачем, мол, вы сгорели...» (481). «Мир ненадежен: добро и тшета — все бесполезно...» (482). «В любви мне и лихой юдоли хватит...» (482). «Мрачно мне, когда ты кудри черной тучей размет-

нешь...» (483). «Пламя страсти в разлуке — такая беда...» (484). «Вот и сад божьей волей возрос — посмотри...» (484). «Мне, когда твои уста, не со мною, горько...» (485). «От моих горячих стонов вьется к небу жгучий дым...» (485). «Когда былую верность он безжалостно пресек...» (486). «Благодарение вовек: мой не отвергнут труд...» (486). «Десница смерти тем горька стократ...» (487). «Я захлебнулась кровью, скорбь — в дыхании оледенелом...» (487). «Прошла счастливая пора, и нет, увы, вестей о нем...» (488). «Друг мой — светоч моей ночи: каждой искрой огневой...» (489). «Не будь тщеславным, сердце, — нет верности на свете...» (489). «Счастья встреч без мучения нет...» (490). «О стройный кипарис, о чем твоя мечта?» (491). «О судьба, ты меня в жертву мук превратила...» (491). «О властелин! Всё, что имею, всё, чем богата, — дар тебе...» (492). «В те дни, когда я без друзей, без их бесед одна...» (493). «Ушел участливый мой друг, давно исчез он где-то...» (493). «Едва твой лик в ночи разлук я вспомню на мгновение...» (494). «Твой стан-кипарис я вспомню — и горе меня крушит...» (495). «Где же друг мой желанный — увидеть бы во сне...» (495). «Увы, круговорот времен разлуку шлет с моим джигитом...» (496). «Вина ты выпьешь — цвет лица подобен розам рдяным...» (497). «Едва расстанется со мной кумир мой сребротелый...» (497). «Мой солнцеликий заблестит — душа горит огнем...» (498). «Сердцем я написала, как разлука горька...» (499). «Собою тот не дорожит, кто любит с жарким пылом...» (500). «Покуда сердце в путях кос притихло онемело...» (500). «Душу в теле, как Мессия, оживит он сладким словом...» (501). «Что случилось? Где прекрасный мой? Доселе он нейдет!» (502). «О гнет разлук! Весь мир зальет горячих слез моих разлива...» (502). «Жизнь мою возьми во благо, мой кумир, — ну что ж — умру...» (503). Мухаммас на газель Навои (504). «Посети меня, стон мой, в подмогу печали моей...» (505). «О, горе! Гнет любви меня страдать обрек...» (506). «В хвалу тебе пишу я этот стих...» (508). «Блажен был день, когда дружна с тобой...» (508). «К тебе, о погубитель, мой порыв...» (509). «Куда ушел, о ты, прекрасный мой...» (509). «О, если бы про боль моих тревог...» (510). Песнь о разлуке (510).

Дильшод

513

«„Фиал любви возьми в сей миг!“ — стал вятен зов вселенной мне...» (513). «Пока весна не расцветет, не зеленеет сад...» (514). «Человек сказал когда-то, глянув на светило ввысь...» (514). «Мне осмотр не нужен твой, не возись со мною, лекарь...» (515). «Твое имя благовопно, ты — Анбар, тюльпан, рубин...» (516). «Час страданий нескончаем — дольше долгих-долгих лет...» (516). «Как волн морских прибой — созвучия газели...» (517). «На заре, восток, ты меня пробуди...» (517). «Когда пишу я, плачет, увы, навзрыд письмо...» (518). «Если бы любовно, верно вил по шелку слог писец...» (519). «Давай стихи слагать, мой друг, с тобой вдвоем, — хвала удаче...» (519). «Узбеки и арабы дружат, и дружбы их основа — хадж...» (520). «„Ты сеть любовных уз порви!“ — соперницы твердят мне строго...» (521). «Если бьет тебя градом невзгод, от мирской суеты отрешись...» (521). «Болью страсти в теле стонет мой в любви болящий дух...» (522). «Очи я отдам мои, лишь бы книга стала ясной...» (523). «У Низами и Физули произведений много...» (523). «О сердце, душу пожалей: она от ран сгорела — глянь...» (524). «Счастливой вести я ждала, а весть была кроваво-горькой...» (525). «Подруги, сестры, вы — друзья всех моих дум-бесед...» (525). «Не думай, что лицом, о подлый, ты

красив...» (526). «Здесь в Коканде лох и слива всех земных усад приятней...» (527). «Возьми калям, пиши газели,— нас так наставники учили...» (527). «Забыл наставник нас, гуляк,— читать не станет проповедь...» (528). «Стихов величественный шах, искусностью слывет Хафиз...» (529). «Вот мне уже за пятьдесят, а всё горят желания...» (530). «Вкусить нам хмель вина, собравшись в круг, привычно...» (530). «Силою бесовско-дикой шахам застит взор война...» (531). «В мой сад воинственно жестоко, словно набег, пришла зима...» (532). «Во тьме моих разлук в ночи горит свеча...» (532). «Хочет слыть благочестивым — до чего ж хитер ханжа...» (533). «О ты, невежда притворенный, мне на твой лоск блестящий — тьфу...» (534). «Разлад в душе — беда, а тишь и лад — иное...» (535). «Безумное сердце, ты — в горе глубоком...» (535). «Как быть мне, если ты меня не вспомнишь никогда, увы...» (536). «Так уж, видно, суждено — друга ждать, томясь в неволе...» (536). «Мне говорят: „Ведь ты — Дильшод. — зачем зовешься ты Барно?“» (537). «Двойко предстает очам привычный нам наличный люд...» (538). «Не клони, о ветер, не клони кипариса трепетный росток...» (538). «Пришла моя осень, весна отошла...» (539). «Бровей такой же черноты, такого цвета — не было...» (540). «Я, бедная, в родном краю на муки обреченной стала...» (540). «Хоть ты письмо и грамоту познала, писать искусно не смогла, Барно...» (541). «Мой лучший друг, от мук и бед мой исцелитель — книга...» (541). «Да светит свет судьбе моей — одной мечтой согрета жизнь...» (543). «Друзья, к нам бедствием, чумой вдруг налетела саранча...» (545). «Мне припомнился нынче вдруг детства мирный далекий год...» (546). «Ферганская земля — что сад по прелести природной...» (547). Мухаммас на газель Навон (548).

Анбар-Атын 550

«Сей мир — как будто сеть тенёт тебе, Анбар-атын...» (550). «О, услышь, милосердный, ты мой стон безысходный...» (550). «Нет, не ладьтесь к моим недугам, пойте, женщины Ферганы...» (551). «С недостойными глупцами не водись, о друг, — смотри...» (551). «Не тронь его — пускай поспит, куда не взойдет заря...» (552). «О, пощади меня, мой век, мой предзакатный миг узрев...» (552). «Бедный дух мой, о смертный рок, ты по смерти моей возрадууй...» (553). «О, если бы повсюду в мире дул ветер, приносящий мир...» (554). «Хуже смерти — злой и склочный: он всегда лукав, жесток...» (554). «Обновит бедный край мой счастливых потомков череда...» (555). «Мне безразличны спесь твоя и глупый твой упрек, ханжа...» (556). «Когда же горсть души моей в мой сад цветущий явится?...» (556). «Зима уйдет, растает лед, всё цвезть весной станет...» (557). О Хаджи Алимджане (557). «Я у вас прошу защиты: вам, Фуркат, поможет русский...» (558). «Думаю о светлой я поре, что другим годинам не чета...» (559). «Избавь меня от мук, о доктор мой, внемли...» (560). «Почему, скажи, даже весной этот сад, увы, совсем поблек...» (561). «Гуманль и Бешкавак — чудо что за кишлаки...» (561). «Что мне, время, на тебя глядеть — лучше ты на облик мой взгляни!» (562). «Если я умру, о братья, замуж дочь мою отдайте...» (563). «Слагайте песни, Мукими, в часы мужских бесед...» (563). «Увижу гибнущих птенцов — и сердца сжатый ком я вспомню...» (564). «Кто, забрав все божьи блага, их себе припас, да сгинет!..» (564). «Зовешься человеком — дело делай...» (565). «О творящая слов созвучья, детям, родичам дай совет...» (565).

«Жив я только тобою, и с тобою я слит...» (570). «Что ашыки без Друга — куда им идти?» (571). «Если ты не бездушен, слушай слов моих суть...» (571). «Смысл познаний благих от скупца да-лек...» (572). «В твердыню града бытия вступить мне каждый миг желанно...» (573). «Хоть ладам соловья и неведом счет...» (574). «Свет твоей красоты озарил весь сад...» (575). «Я пред Другом, лишь муки мне дарящим, предстал...» (575). «Взгляни: возникло море из капли не приметной...» (576). «Себя на стенанья и муки обрек я...» (576). «Если веришь любви ты, будь ей верен всегда...» (577). «Уйду я прочь, любовью сокрушенный...» (578). «Мои сердце и очи любовью полны...» (578). «Стал ашыком я в доле скитаний...» (579). «Отошла зима, ушла — подошла-пришла весна...» (579). «Всё таимое прежде я открыл — не сберёг...» (581). «В душу пыл любви запал полыханием пламен...» (581). «Весь сам не свой я стал, любя, — тебя мне нужно, лишь тебя...» (582). «Взор, тебя увидавший, уж ничто не приманит...» (583). «Нет и счета недугам, что любовью прозвали...» (584). «У того лишь совет спроси, кто сумеет подать совет...» (584). «Пыл любви в мою грудь проник — боже, что он со мной творит!» (585). «Сердце, милый друг, глянь, что случилось вдруг...» (585). «Душа в плоти нашего тела — любовь...» (586). «Я — ашык, полоненный красотой твоей...» (587). «Минула жизнь моя, прошла...» (588). «Захочешь получить урок...» (589). «Послушай, где еще найдешь...» (590). «Твой лик я вновь узрел, о Друг...» (591). «Если в горькой доле разлук...» (591). «Будь верным спутником моим...» (592). «Все моря влились в мой фиал...» (593). «Пока розы в саду моей жизни цветут...» (594). «Что делать я стану...» (595). «Слушай, что за слова я теперь сложу...» (595). «О терпенье теперь я тебе спою...» (596). «Хочешь — дам я тебе мой совет-урок...» (598). «Боже, если б меня обо мне ты спросил...» (598). Колесо (600)

Имадеддин Насими 601

«Как сокровенный амулет, я в этот бранный свет пришел...» (602). «Вступивший в океан любви свой перл блестящий обретет...» (602). «Я в разлуке с тобой горю, боль мою успокой, приди...» (603). «Кто не ведал горя разлук, тот и встреч с любимой не ценит...» (604). «Живая влага в яхонт губ, словно родник, сокрыта...» (605). «Добрый день, души отрада, будь со мною, добрый день!» (606). «О краса моя, радость, надежда, опора, отрада...» (606). «Я горю от пыла страсти, слезы из очей текут...» (607). «Коралл твоих уст — как мед, как мед — твоих уст коралл...» (608). «Ты — мой идол, кумир, ты мне — вера и крепость моя...» (608). «Фиалки-кудри к розе льнут, их томный запах прян...» (609). «О, пусть твоя душа чужда утратам будет...» (609). «О, где те дни, когда я был с моей возлюбленной лукавой...» (610). «Мрак кос твоих — как ночь судьбы, а лик — сиянье лунной новы...» (611). «Запала пятнышком в цветок, расцветший в поле, родинка...» (611). «Прежде верная подруга не сдержала уговора...» (612). «Ты — душа моя, ты — друг, нет других таких подруг...» (613). «Налей же, налей, налей мне чашу влаги живящей...» (613). «Пролилась пора

Навруза благостною тучей снова...» (614). «О краса моя — роза, о лилия дремлющих вод...» (615). «Лишь в морях любви тонувший о моей доле знает...» (615). «Сень хумаюнова крыла и милость бога — твои косы...» (616). «Кто верен розе, тот шипов и язв их жала не страшится...» (617). «Кто уподобил образ твой цветущей розе иль жасмину...» (618). «В предвечном мире бытия провидел я любимый лик...» (619). «Пришла весна, весна идет в красе зеленого покрова...» (620). «Светилом счастья озарен над нами небосвод...» (621). «Из пустырей небытия был дух святой на свет явлен...» (622). «Мрак кос твоих — для горемык, он — горький рок несчастным...» (623). «Сравню с луною я твой лик — и тут же гибну от стыда...» (624). «Кто от любви к тебе хмелен, тот пьян и без вина бывает...» (625). «О, кто бы от любимой нам благуя весть скорей принес?» (626). «Зерцалом вечного сиянья быть лику твоему дано...» (627). «За миг с тобой я жизнь отдам — готов, а не дано...» (628). «Сердцу, если страсть гнетет, мука боли подobaет...» (628). «Когда моя луна взойдет на небосклоне красоты...» (629). «Провидцы истины твой лик красой томящей называют...» (630). «Какая тайна бытия в открытой яви сущей стала...» (631). «Посрамлено тобой светило — сияньем твоего чела...» (632). «Что там за диво красоты? Как кипарис, вознесся стан...» (633). «Лучась челом, правдиво говорит...» (634). «Где те друзья, что верно держат слово?» (635). «Пусть нам из пут твоих кудрей спасенья никогда не будет...» (636). «Свет сердца и светоч взгляда, тобою я очарован...» (637). «Скрыть стремишься свой лик от меня ты, — не надо...» (638).

Махтумкули 639

«В отчих землях я ханом был...» (640). «Кто другому хоть раз порадёл-помог...» (640). «С трусом тайн не дели — нету чести в нем...» (641). «Кто б любимой моей мою страсть открыл?» (642). «Ночью, каюсь в грехах, пал я ниц во прах...» (643). «Всесильный, сжался: жизнь прожив...» (644). «Не чтит доброту дурной...» (645). «Ужель о неба твой круговорот...» (645). «В чашу вечности хмель мне наставник влил...» (646). «Нет хуже доли — жить без милой...» (647). «Затинуло сердце мне туманом мук...» (648). «Увы, друзья, нам знать нельзя...» (648). «Как жаждет сердце в тишине...» (649). «Ты дремлешь, человек, под гнетом зла...» (650). «Человек! Себя не познать...» (651). «О сады, где поют соловьи навзрыд...» (651). «Поиссохли ручьи, пали кряжи гор...» (652). «Три ствола вознеслись над крутым холмом...» (653). «Не кичись, что добром и скотом богат...» (654). «Чтуший правду джигит — как хмельной, горяч...» (655). «Я в огне любви пылаю, стал я мотыльком теперь...» (656). «Ты в отце, как семя жизни, зародил сначала нас...» (657). «В сердце страсть любви вскипела, жжет огнем невзгод меня...» (658).

Хатам-Шахир 659

«Года в три я уже вкус ученья знал...» (659). «В наш край, Абульгази, твоя дорога...» (660). «Передайте от нас кадию салам...» (661). «Баям — тем, что в плену, от друзей привет!» (663). «Мне меч разлуки ранит тело...» (664). «Вдаль летящие журавли...» (664). «Что ни год — вдаль спешит жизни караван...» (665).

Чары Афзал 667

«Тебе, всесильный, я мечту открою...» (667). «Где кочевье моей милой, где его пути» (667). «Если бога ты чтишь и закон блюдешь...» (669). «Всё кверху дном, мир сбился с ног совсем...» (669). «Услышь, создатель, помоги, приблизь свиданья срок...» (670). «Сколько дум отошло, сколько зим и лет!» (671). «Довелось на этом свете...» (672)

Талыби 673

«Молодецкая мощь пошла из плеч...» (673).

Габдулла Тукай 675

Шурале (*Поэма-сказка*) (675). Сердце (680). Гению (681). Отрывок (681). Слава (682). Слова Толстого (682). Осенние ветры (683). Дача (684). Сожаление (685).

Примечания 686

Словарь 689

Литературно-художественное
издание

СВИТОК СТОЛЕТИЙ

Редактор *И. А. Богданова*

Художественный редактор *В. В. Пожидаев*

Обложка художника *Л. И. Блиновой*

Технический редактор *Е. Г. Учаева*

Корректоры *О. В. Пукелова, С. С. Алмаметова*

ИБ № 3611

Сдано в набор 31.07.90. Подписано в печать
04.02.91. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага тип: № 2.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 37,38. Усл. кр.-отг. 37,51.
Уч.-изд. л. 26,56. Тираж 50 000 экз. Заказ
2677. Цена 5 руб.

Издательство ЛГУ, 199034, Ленинград, Уни-
верситетская наб., 7/9.

Республиканская ордена «Знак Почета» ти-
пография им. П. Ф. Анохина Государственного
комитета Карельской АССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
185630, Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

